

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Научный рецензируемый журнал

«Издательский дом «Юр-ВАК»

ISSN 2658-4654 (print)

ISSN 2713-2579 (online)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Том / Vol. 4. № 2. 2022

HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES

Publishing house «Yur-VAK»,
Москва / Moscow

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Научный рецензируемый журнал
Том 4, № 2, 2022 г.

ISSN 2658-4654 (print) ISSN 2713-2579 (online)

В журнале публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям:

5.6.0 Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки),
- 5.6.6. История науки и техники (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Концепция журнала

Журнал адресован историкам, политологам и всем, интересующимся прошлым, настоящим и будущим России и зарубежных государств. Цель журнала – публикация оригинальных научных результатов по проблемам формирования теорий истории, интерпретации исторических фактов, новым подходам к историческому источнику, анализу прошлого и настоящего, прогнозам будущего. Прошлое одно, а истории – истины, объясняющие прошлое, – разные. История многоконцептуальна. Только в диалоге представителей разных дисциплин и специализаций возможно выработать толерантный взгляд на сложные неоднозначные страницы истории и ее политической составляющей.

Журнал позиционирует себя как мультидисциплинарную площадку для обмена мнениями, публикаций статей, рецензий, интервью, размышлений по вышедшим материалам. Приветствуются исследования, которые содержат четко выраженный проблемно-постановочный фокус, аргументированы, с четкой авторской позицией и формулированием новых научных выводов. Принимаются работы не только на русском, но и на иностранных языках.

Научное цитирование журнала: Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef, DOAJ (Directory of Open Access Journals)

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных в Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Рецензирование: Все статьи, публикуемые в журнале, проходят двойное рецензирование, а также проверяются программой Антиплагиат по базам РИНЦ, РГБ. Подробные правила рецензирования представлены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» www.urvak.ru.

Главный редактор – Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Заслуженный работник Высшей школы РФ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе, Военно-исторической Академии России, Академии инженерных наук, член Союза журналистов России; ORCID: 0000-0002-3326-4796

Заместитель главного редактора – Ястребова Елена Владимировна, канд. физ.-мат. наук, член-корр. РАН, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Компьютерная верстка номера – Юрасова О. А.

Перевод текста – Кожалиева А. Е.

Дизайн обложки – Кальнова К.

Журнал выпускается при участии: Института истории и археологии УрО РАН, Уральского университета – Уральского института экономики, управления и права, Мордовского Государственного университета им. Н.П. Огарева.

Наименование органа, зарегистрировавшего издание

Журнал издается с 2019 г.
Свидетельство о регистрации Средства массовой информации:
ПИ ФС77-74780 от 11 января 2019 года.

ISSN

2658-4654 (print) 2713-2579 (online)

Периодичность

4 раза в год

Учредитель и издатель

«Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация
ТИРАЖИ.RU г. Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 5, тел. (495) 585-08-95

Типография

<http://www.urvak.ru>

Сайт

Адрес учредителя и издателя

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 23А/21

E-mail

urvak@urvak.ru

Телефон редакции

8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Подписка и распространение

Журнал распространяется **только по подписке.**
Индекс по каталогу агентства «Почта России»: **ПО572**
«История и современное мировоззрение». Свободная цена.
Агентство «Урал-Пресс», <http://www.ural-press.ru>

Тираж

500 экз. (1 завод 140 экз.) Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1. Печ. л. 19,5

Подписано к печати

28.06.2022

HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES

Scientific peer-reviewed journal
Vol. 4, № 2, 2022

ISSN 2658-4654 (print) ISSN 2713-2579 (online)

The journal publishes peer-reviewed scientific articles on the following sciences:

5.6.0 Historical Sciences

- 5.6.1. National History
- 5.6.2. General History
- 5.6.3. Archeology
- 5.6.4. Ethnography, Ethnology and Anthropology
- 5.6.5. Historiography, Source Studies, and Methods of Historical Research
- 5.6.6. History of Science and Technology
- 5.6.7. History of Foreign Affairs and External Policy
- 5.6.8. Documentaries, Documentation, Archival Studies

Journal concept

The journal is addressed to historians, political scientists and everyone interested in the past, present and future of Russia and foreign countries. The purpose of the journal is to publish original scientific results on the formation of theories of history, interpretation of historical facts, new approaches to the historical source, analysis of the past and the present, and forecasts of the future. The past is one and only, but the stories, the truths that explain the past - are different. History is multiconceptual. Only in a dialogue between representatives of different disciplines and specializations is it possible to develop a tolerant view of the complex ambiguous pages of history and its political component.

The journal positions itself as a multidisciplinary platform for exchanging opinions, publishing articles, reviews, interviews, and reflections on published materials. Studies that contain a clearly defined problem-setting focus, are reasoned, with a clear author's position and the formulation of new scientific conclusions are welcome. Works are accepted not only in Russian, but also in foreign languages.

Scientific citation of the journal: Russian Science Citation Index (RSCI), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

The editorial policy of the "Yur-VAK" Publishing House is based on the principles formulated by the Association of Science Editors and Publishers (ASEP) Declaration "Ethical Principles of Scientific Publications".

Peer review

All articles published in the journal undergo double peer review, and are also checked by the Anti-Plagiarism program at the RSCI and RSL bases. Detailed review rules are presented on the website of the "Yur-VAK" Publishing House www.urvak.ru.

Editor-in-chief – Vladimir V. Zaparyi – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of Russian History, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Sciences of Nature and Society, Military History Academy of Russia, Academy of Engineering Sciences, Member of the Union of Journalists of Russia; ORCID: 0000-0002-3326-4796.

Deputy Editor-in-Chief – Elena V. Yastrebova, Cand. Sci. (Phys.–Math.), corresponding member RANS, "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Computer layout of the number – Yurasova O.A.

Translator – Kozhalieva A.E.

Cover Design – Kalnova K.

The journal is published with the participation of: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ogarev Mordovia State University, Ural State University – Ural Institute of Economics.

Name of the authority that registered the publication

The publication is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).

Media Registration Certificate: PI No. FS 77-74780 dated 11.01.19.

ISSN

2658-4654 (print) 2713-2579 (online)

Publication Frequency

4 times a year

Founder

"Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Printing House

ТИРАЖИ.RU Moscow, Pravda str., 24, bld. 5, phone: (495) 585-08-95

Web-site

<http://www.urvak.ru>

Postal address

23A/21, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

E-Mail

urvak@urvak.ru

Tel.

8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Subscription

The journal is distributed by subscription only.

Index according to the catalog of the "Pochta Rossii" agency: **П0572**

"HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES". Free price.

"Ural-Press" agency, <http://www.ural-press.ru>

Circulation

500 copies (1 plant 140 copies.) Format 60x84 1/8. Offset printing.
Offset paper No. 1. Pr. sh. 19,5

Signed for printing

28.06.2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор журнала

Запарий Владимир Васильевич (специальность 07.00.10, 07.00.02) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Заслуженный работник Высшей школы РФ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе, Военно-исторической Академии России, Академии инженерных наук, член Союза журналистов России; ORCID: 0000-0002-3326-4796

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА:

Агапов Михаил Геннадьевич – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН, ORCID 0000-0002-3433-1516

Андреев Валерий Витальевич – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, ректор Чебоксарского кооперативного института

Арсентьев Николай Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, профессор кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского Государственного Университета им Н.П. Огарева, директор Историко-социологического института, ORCID 0000-0003-4565-1360

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Заслуженный деятель науки и образования, член-корр. РАН, ORCID 0000-0002-6715-9185, Web of Science Researcher ID Y-6186-2018, Scopus 56357981400

Герасимов Григорий Иванович – доктор исторических наук, доцент; научный консультант Тульского государственного музея оружия ORCID 0000-00034479-2620, Researcher ID R-7767-2016

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, декан Исторического факультета, Алтайский государственный университет, ORCID 0000-0002-6218-447X

Запарий Владимир Васильевич (специальность 07.00.10, 07.00.02) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Заслуженный работник Высшей школы РФ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе, Военно-исторической Академии России, Академии инженерных наук, Почетный работник высшего профессионального образования, член Союза журналистов России; профессор кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета. ORCID: 0000-0002-3326-4796

Илизаров Симон Семенович – доктор исторических наук, профессор; заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии Наук (ИИЕТ РАН), ORCID 0000-0002-1502-2179

Камынин Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор; Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. ORCID 0000-0001-5564-4602

Кузьмин Вадим Александрович – доктор исторических наук, профессор; Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) департамента международных отношений Уральского гуманитарного института, ORCID 0000-0002-8935-3085

Литовский Владимир Васильевич – доктор географических наук, кандидат физико-математических наук; заведующий сектором размещения производительных сил и территориального планирования Института экономики УрО РАН

Миронов Виктор Владимирович (специальность 07.00.03, 07.00.09, 07.00.15) – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», кафедра истории и теории международных отношений, ORCID: 0000-0001-9341-8753

Мокшина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Researcher ID – AAG-6548-2020, ORCID 0000-0002-7069-6563

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Vladimir V. Zaparyi – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of Russian History, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Sciences of Nature and Society, Military History Academy of Russia, Academy of Engineering Sciences, Member of the Union of Journalists of Russia; ORCID: 0000-0002-3326-4796

EDITORIAL BOARD:

Mikhail G. Agapov – Dr. Sci. (Hist.); a leading researcher of Tyumen Research Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences, ORCID 0000-0002-3433-1516

Valerii V. Andreev – Dr. Sci. (Hist.), professor, Honoured Cultural Worker of the Chuvash Republic, rector of Cheboksary Cooperative Institute

Nikolai M. Arsentiev – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Economic History and Information Technologies of Ogarev Mordovia State University, Director of the Historical and Sociological Institute ORCID 0000-0003-4565-1360

Nadegda O. Bleykh – Dr. Sci. (Hist.), Professor of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Honored Worker of Science and Education, Corresponding member of the RAE, ORCID 0000-0002-6715-9185, Web of Science Researcher ID Y-6186-2018, Scopus 56357981400

Grigorij I. Gerasimov – Doctor of Historical Sciences, an assistant professor; research advisor of Tula State Museum of Weapon, ORCID 0000-00034479-2620, Researcher ID R-7767-2016

Eugenia V. Demchik – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of Domestic History, Altay State University, ORCID 0000-0002-6218-447X

Vladimir V. Zaparyi – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of Russian History, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Sciences of Nature and Society, Military History Academy of Russia, Academy of Engineering Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education, Member of the Union of Journalists of Russia; professor at the Department of History and Social Technologies of the Ural Federal University. ORCID: 0000-0002-3326-4796

Simon S. Ilizarov – Dr. Sci. (Hist.), professor; head of the Department of Historiography and Source Studies of History of Science and Technology of Institute of History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov (Institute of History of Natural Science and Technology of Russian Academy of Science), ORCID 0000-0002-1502-2179

Vladimir D. Kamynin – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Honored worker of higher school of Russia Humanities, Professor of the Department of Theory and History of International Relations Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University, ORCID 0000-0001-5564-4602

Vadim A. Kuzmin – Dr. Sci. (Hist.), Honored Worker of Higher School of the Russian Federation; Department of Oriental Studies of Ural Federal University (Yekaterinburg) Department of international relations of the Ural Institute of Humanities, ORCID 0000-0002-8935-3085

Vladimir V. Litovskiy – Dr. Sci. (Geogr.), Cand. Sci. (Phys.–Math.), Head of Sector of Productive Forces Distribution and Territorial Planning of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences Institute of Economics

Victor V. Mironov – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of the History and Theory of International Relations, Omsk State University, Department of History and Theory of International Relations, ORCID: 0000-0001-9341-8753

Elena N. Mokshina – Dr. Sci. (Hist.), professor of the Department of History of Russia, State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training «National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev», Researcher ID – AAG-6548-2020 ORCID 0000-0002-7069-6563

Мокшин Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, археологии и этнографии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Researcher ID – AAG-5289-2020, ORCID 0000-0001-5400-3854

Мосин Вадим Сергеевич – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник, директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, Scopus ID – 36473799800, Researcher ID – AAY-5157-2020, ORCID ID – 0000-0002-5936-3266

Нефедов Сергей Александрович – доктор исторических наук, канд. физ.-мат. наук, доцент; ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ORCID 0000-0003-0136-5020, Researcher ID: Q-1642-2015, Scopus ID: 40861593700

Побережников Игорь Васильевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и археологии УрО РАН

Румянцев Владимир Петрович (специальность 07.00.03) – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения, Томский государственный университет, ORCID 0000-0003-0048-0545

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук; заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», ORCID 0000-0002-1872-7297

Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, действительный член Академии военно-исторических наук, член Союза журналистов России, Web of Science B-3998-2019, Scopus 57195632623

Сушкова Юлия Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международного и европейского права, декан юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, ORCID ID: 0000-0003-4388-0611

Шишкин Игорь Геннадьевич – доктор исторических наук, почётный работник высшей школы РФ, Ученый секретарь ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», Тюмень, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-8339-6167

Шорин Александр Федорович – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ORCID 0000-0002-2353-6364

Юркин Игорь Николаевич – доктор исторических наук; главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

СОЦИОЛОГИЯ:

23.00.05 – Политическая регионалистика.

Этнополитика (социологические науки)

Бирюков Сергей Владимирович (специальность 23.00.02, 23.00.05) – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и технологий, Сибирский институт управления РАНХиГС (Новосибирск), ORCID 0000-0003-4071-0464

Володенков Сергей Владимирович (специальность 23.00.02, 23.00.05) – доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, профессор кафедры государственной политики, ORCID 0000-0003-2928-6068

Завершинский Константин Федорович (специальность 23.00.01, 23.00.05) – доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, профессор кафедры теории и философии политики, ORCID 0000-0003-2609-858X

Лагутина Мария Львовна (специальность 23.00.05) – доктор политических наук, профессор кафедры Мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, ORCID 0000-0001-6240-7488

Матвеева Елена Викторовна (спец. 23.00.02, 23.00.05) – докт. полит. наук, доцент, Кемеровский государственный университет, профессор кафедры философии и общественных наук, ORCID 0000-0002-7001-6935

Селезнева Антонина Владимировна (специальность 23.00.02, 23.00.05) – доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, ORCID 0000-0003-2500-6356

Nikolai F. Mokshin – Dr. Sci. (Hist.), professor, head of the Subdepartment of Pre-revolutionary National History, Archeology and Ethnography of Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Researcher ID – AAG-5289-2020 ORCID 0000-0001-5400-3854

Vadim S. Mosin – Dr. Sci. (Hist.); director of the South Ural branch of the Institute of History and Archeology of the Ural Department of Russian Academy of Science, Scopus ID – 36473799800, Researcher ID – AAY-5157-2020, ORCID ID – 0000-0002-5936-3266

Sergey A. Nefedov – Dr. Sci. (Hist.), Cand. Sci. (Phys.–Math.), associate professor; leading researcher of the Institute of History and Archeology of the Ural Department of Russian Academy of Sciences, ORCID 0000-0003-0136-5020, Researcher ID: Q-1642-2015, Scopus ID: 40861593700

Igor V. Poberezhnikov – Dr. Sci. (Hist.), Director of Institute of History and Archeology (Ural Branch of Russian Academy of Sciences)

Vladimir P. Rumyantsev – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of Oriental Studies of Tomsk State University, ORCID 0000-0003-0048-0545

Aleksey V. Sagimbaev – Dr. Sci. (Hist.); Head of the Subdepartment of the Global History and International Relations, «Bryansk State University named after academician I.G. Petrovskii», ORCID 0000-0002-1872-7297

Andrey V. Speransky – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of Political and Sociocultural History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Academy of Military Historical Sciences, Member of the Union of Russian Journalists, Web of Science B-3998-2019, Scopus 57195632623

Yuliya N. Sushkova – Dr. Sci. (Hist.), professor, Head of the subdepartment of International and European Law, a dean of the Law Department of Mordovian State University named after N.P. Ogarev, ORCID ID: 0000-0003-4388-0611

Igor G. Shishkin – Dr. Sci. (Hist), Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Scientific Secretary of the Tyumen Museum and Educational Association, Tyumen, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8339-6167

Aleksandr F. Shorin – Dr. Sci. (Hist.), professor; a leading researcher of the Institute of History and Archeology of the Ural Department of Russian Academy of Sciences, ORCID 0000-0002-2353-6364

Igor N. Yurkin – Dr. Sci. (Hist.); a leading researcher of the Institute of History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Science

SOCIOLOGY:

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Sergey V. Biryukov – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Professor of the Department of Political Sciences and Technology, Siberian Institute of Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk), ORCID 0000-0003-4071-0464

Sergey V. Volodenkov – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science, professor at the Department of Public Policy, ORCID 0000-0003-2928-6068

Konstantin F. Zavershinskiy – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Saint Petersburg State University, faculty of political science, professor of the department of theory and philosophy of politics, ORCID 0000-0003-2609-858X

Maria L. Lagutina – Dr. Sci. (Polit), professor of the Department of World Politics, St. Petersburg State University, ORCID 0000-0001-6240-7488

Elena V. Matveeva – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Kemerovo State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, ORCID 0000-0002-7001-6935

Antonina V. Selezneva – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Sciences, Department of Political Sociology and Psychology, ORCID 0000-0003-2500-6356

Чаиркина Наталия Михайловна – доктор исторических наук; заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии УрО РАН, ORCID 0000-0003-2909-623X

Шашкова Ярослава Юрьевна (специальность 23.00.02, 23.00.03, 23.00.05) – докт. полит. наук, доцент, Алтайский государственный университет, зав. кафедрой политологии ORCID 0000-0002-6126-7097

Щербинин Алексей Игнатьевич (специальность 23.00.02, 23.00.05) – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, (г. Томск) ORCID 0000-0001-7290-8622

Шэнь Ин (Китай) – доктор политических наук, декан факультета международных отношений, доцент Сычуаньского ун-та (г. Чэнду, Китай)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Пьетро Нелье (Италия) – DoS, профессор современной истории и европейской истории Университет Триеста (Università degli Studi di Trieste or UniTS)

Пиэцонка Х. (Германия) – профессор, DoS, Альбрехтс Университет г. Киль Институт доисторической и раннеисторической археологии, ORCID 0000-0002-5854-1323

Торвальдсен Гуннар (Норвегия) – доктор исторических наук, заслуженный профессор Арктического университета Норвегии – Университета г. Тромсё, ORCID 0000-0002-9462-7589

Кожевников Алексей Борисович (Канада) – кандидат физико-математических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Университета Британской Колумбии, Ванкувер, Канада

Минасян Эдик Гарегинович (Армения) – доктор исторических наук, декан исторического факультета Ереванского Государственного Университета, профессор кафедры истории Армении

Абытов Байболот Капарович (Кыргызская Республика) – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Проректор по науке и международным связям Ошского государственного юридического института Кыргызской Республики

Севиндж Алиева (Азербайджан) – докт. ист. наук, доцент, зав. кафедрой Всеобщей истории и преподавания истории, Азербайджанский Государственный педагогический университет (г. Баку, Азербайджан)

Мехмет Али Бейхан (Турция) – докт. ист. наук, проф. истории, руководитель Научно-исследовательского центра им. Ататюрка (г. Анкара, Турция)

Йешилбурса Бехчет Кемаль (Турция) – докт. ист. наук, профессор истории, Улудагский университет, исторический факультет (г. Бурса, Турция)

Квициани Джони Джокиевич (Грузия) – доктор исторических наук, профессор Института кавказоведения факультета гуманитарных наук, Тбилисский государственный университет (Грузия, Тбилиси)

Полетаева Наталья Ивановна (Республика Беларусь) – докт. ист. наук, доцент, зав. кафедрой экономической истории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Аяган Буркитбай Гелманович (Казахстан) – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Нур-Султан, Казахстан)

Сюй Цзиньцю (Китай) – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и культуры при Институте Северо-Восточной Азии Цзиньского университета Китая

Шэнь Ин (Китай) – доктор политич. наук, декан факультета международных отношений, доцент Сычуаньского ун-та (г. Чэнду, Китай), ORCID 0000-0003-1962-0181

Стоян Попов (Болгария) – доктор исторических наук, доцент, Пловдивский университет «Паисий Хилендарски», Философско-исторически факультет, кафедра «История и археология» (г. Пловдив, Болгария, ORCID 0000-0002-1872-7297

Nataliya M. Chairkina – Dr. Sci. (Hist.); deputy director on scientific matters of Institute of Archeology and History of Ural Department of Russian Academy of Science, ORCID 0000-0003-2909-623X

Yaroslava Yu. Shashkova – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Politology Department, Altai State University, Barnaul, Russia ORCID 0000-0002-6126-7097

Alexey I. Shcherbinin – Dr. Sci. (Polit.), Professor, head of the Department of Political science, National Research Tomsk State University, ORCID 0000-0001-7290-8622

Shen Ying (China) – Dr. Sci. (Polit.), Dean of Faculty of International Policy, Institute of International Relations, Sichuan University of China, Chendu, China

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Pietro Neglie (Italy) – Prof., Dr. Sci., The University of Trieste (Università degli Studi di Trieste or UniTS), researcher of history Italian fascism and communism, comparative analysis of ideologies, modern and European history

Piezonka Henny (Germany) – Professor, Dr. Sci., Christian Albrechts University Kiel Institute of Prehistoric and Protohistoric Archaeology, ORCID 0000-0002-5854-1323

Thorvaldsen Gunnar (Norway) – Dr. Sci. (Hist.), professor emeritus Arctic University of Norway–Tromsø University, ORCID 0000-0002-9462-7589

Alexei B. Kojevnikov (Canada) – Cand. Sci. (Phys.-Math.), Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor (Russian History and History of Science), Department of History, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Edik G. Minasyan (Armenia) – Dr. Sci. (Hist.), Dean of the Faculty of History of Yerevan State University, Professor of the Department of History of Armenia

Baibolot K. Abytov (Kyrgyz Republic) – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice-Rector for Science and International Relations of the Osh State Legal Institute of the Kyrgyz Republic

Sevinj Aliyeva (Azerbaijan) – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Department of General History and History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University

Mehmet Ali Beihan (Turkey) – Dr. Sci. (Hist.), Professor of History, Head of Atatürk Research Center (Ankara, Turkey)

Yeşilbursa Behçet Kemal (Turkey) – Dr. Sci. (Hist.), Professor of History, University of Uludag, Faculty of History (Bursa, Turkey)

Kwitiani Joni Djokievich (Georgia) – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Institute of Caucasus Studies, Faculty of Humanities, Tbilisi State University (Georgia, Tbilisi)

Natalia I. Poletayeva (Belarus) – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Department of Economic History of the Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus)

Burkitbay Gelmanovich Ayagan (Kazakhstan) – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of State History of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Xu Jinqiu (China) – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of History and Culture at the Institute of Northeast Asia of Jilin University of China

Shen Ying (China) – Doct. Sci (Polit.), Dean of Faculty of International Policy, Institute of International Relations, Sichuan University of China, Chendu, China, ORCID 0000-0003-1962-0181

Stoyan Popov (Bulgaria) – Dr. Sci. (Hist.), assoc. prof., Plovdiv University «Paisii Hilendarski», faculty of Philosophy and History, department of History and Archaeology (Plovdiv, Bulgaria), ORCID 0000-0002-1872-7297

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 11

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

К ПРОБЛЕМЕ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
И ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ НА УРАЛЕ.
ЧАСТЬ 1. ПЕРВИЧНЫЕ ПРАКТИКИ..... 12
Литовский В. В., докт. геогр. наук

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ
КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА
НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 20
Филатов В. В., докт. истор. наук, доцент

ШАХМАТНЫЙ СПОРТ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ:
ОТ ЛЮБИТЕЛЬСКИХ УВЛЕЧЕНИЙ К ОРГАНИЗОВАННОМУ
ДВИЖЕНИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ. 32
Демчик Е. В., докт. истор. наук, профессор, Горовой А. С.

СОСТОЯНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА НА ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941-1945ГГ.) 39
Потемкина М. Н., докт. истор. наук, профессор, Жаркынбаева Р. С., докт. истор. наук, профессор

СВЕРДЛОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В 1941–1945 ГГ.:
ПЕРЕХОД НА ВОЕННЫЕ РЕЛЬСЫ 47
Сперанский А. В., докт. истор. наук, профессор

СОЗДАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ВОКРУГ ПРОМЫШЛЕННЫХ
ЦЕНТРОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 54
Мотревич В. П., докт. истор. наук, профессор

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ПРЕССА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВИЗУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 59
Клинова М. А., докт. истор. наук, доцент, Трофимов А. В., докт. истор. наук, профессор

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕФОРМ В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ВЫСШЕЙ
КВАЛИФИКАЦИИ В КОНЦЕ XX– НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: НАУЧНЫЕ КАДРЫ 65
*Зайцева Е. В., канд. социол. наук, доцент,
Запарий В. В., докт. истор. наук, профессор, Асрян Г. Г., канд. воен. наук, доцент*

К ВОПРОСУ О ЕМКОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
ДРЕВЕСНОУГОЛЬНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ УРАЛА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.) 76
Шумкин Г. Н., канд. истор. наук

ИГРЫ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ: ВЗГЛЯДЫ ПРАВОВЕДА П. С. РОМАШКИНА85
Сушкова Ю. Н., докт. истор. наук, доцент

ИСТОРИЯ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ»:
ВКЛАД ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ ПРОФЕССОРА К. Т. БЕРДА 95
Владимирский А. В., докт. мед. наук

ИСТОРИОГРАФИЯ

МОТРЕВИЧ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ. К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ..... 104
Камынин В. Д., докт. истор. наук, профессор

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРАВОВОЙ ОСНОВЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИТАНСКИХ КОМПАНИЙ В РОССИИ В 1892–1914 ГГ..... 111
Боброва И. В.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОТНОШЕНИЕ КОНГРЕССА США
К ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ КАЗАХСТАНА (1991–2001 ГГ.) 119
Александров С. Н.

ВЛИЯНИЕ ОСТАЛЬГИИ И СУЩЕСТВОВАНИЯ ГДР
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ ПОВЕСТКУ ФРГ..... 132
Бардин Г. Е.

ТЮРКИЗМ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КИТАЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ..... 141
Тао Цзинхун

РЕЦЕНЗИИ

ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛИТЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА.
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: БЕНЕЦИАНОВ М. М. СЛУЖИЛЫЕ ЭЛИТЫ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА. ФОРМИРОВАНИЕ, СТАТУС, ИНТЕГРАЦИЯ.
XV–XVI ВВ. — М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2021. — 254 С.
— (НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ) 148
Шишкин И. Г., докт. истор. наук, доцент, Шишкина С. Ю., канд. истор. наук

РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИЧМАН (1946–2020).
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК. // СОСТАВИТЕЛИ В.В. ЗАПАРИЙ, В.Д. КАМЫНИН,
Л.Н. МАРТЮШОВ, В.П. МОТРЕВИЧ, С.А. НЕФЕДОВ, А.В. СПЕРАНСКИЙ, Г.Н. ШАПОШНИКОВ.
— ЕКАТЕРИНБУРГ. 2022. — 56 С..... 153
Зайцева Е. В., канд. социол. наук, доцент

CONTENTS

DEBATING ISSUES OF HISTORY

- TO THE PROBLEM OF NEW INDUSTRIALIZATION
AND EVOLUTION OF TECHNOLOGICAL MODES IN THE URALS.
PART 1. PRIMARY PRACTICES 13
V. V. Litovskiy, Dr. Sci. (Geograph.)

HISTORY OF RUSSIA

- TRANSFORMATION OF INDIVIDUAL PEASANT FARMS
IN THE URAL REGION ON THE EVE AND
IN THE INITIAL PERIOD OF COLLECTIVIZATION 20
V. V. Filatov, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.

- CHESS SPORT IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER:
FROM AMATEUR HOBBIES TO THE ORGANIZED
MOVEMENT OF INTELLECTUALS 32
E. V. Demchik, Dr. Sci. (Hist.), Prof., A. S. Gorovoy

- THE STATE OF LABOR PROTECTION AT DEFENSE ENTERPRISES
IN WARTIME CONDITIONS (1941-1945) 40
M. N. Potemkina, Dr. Sci. (Hist.), Prof., R. S. Zharkynbayeva, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

- THE SVERDLOVSK RAILWAY IN 1941–1945:
TRANSITION TO MILITARY RAILS 47
A. V. Speransky, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

- CREATING A FOOD BASE AROUND THE INDUSTRIAL CENTERS
OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 54
V. P. Motrevich, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

SOCIOCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE PAST AND PRESENT

- THE PRESS AS A SOURCE OF STUDYING
THE VISUAL HERITAGE OF SOVIET EVERYDAY LIFE 60
M. A. Klinova, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., A. V. Trofimov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- THE RESULTS OF REFORMS IN THE FIELD OF TRAINING HIGHLY QUALIFIED
PERSONNEL IN THE LATE XX– EARLY XXI CENTURY: SCIENTIFIC PERSONNEL 66
*E. V. Zaitseva, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.,
V. V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Prof., G. G. Asryan, Cand. Sci. (Military), Assoc. Prof.*

- ON THE ISSUE OF THE CAPACITY OF INDUSTRIAL LANDSCAPES
(BASED ON THE MATERIAL OF THE CHARCOAL METALLURGY
OF THE URALS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES) 76
G. N. Shumkin, Cand. Sci. (Hist.)

GAMES OF THE WORLD BEHIND THE SCENES: VIEWS OF THE JURIST P. S. ROMASHKIN	85
<i>I. N. Sushkova, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. prof.</i>	

HISTORY OF THE SCIENTIFIC RATIONALE OF THE «TELEMEDICINE» CONCEPT: PROFESSOR K.T. BIRD'S RESEARCH GROUP CONTRIBUTION	95
<i>A. V. Vladzhymsky, Dr. Sci. (Med.)</i>	

HISTORIOGRAPHY

MOTREVICH VLADIMIR PAVLOVICH: A HISTORIOGRAPHICAL PORTRAIT. TO THE 70TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH	104
<i>V. D. Kamynin, Dr. Sci. (Hist.), Prof.</i>	

ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY ON THE LEGAL BASIS OF THE ACTIVITIES OF BRITISH COMPANIES IN RUSSIA IN 1892-1914.....	111
<i>I. V. Bobrova</i>	

DEBATING ISSUES OF GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

ATTITUDE OF THE US CONGRESS TO THE NUCLEAR DISARMAMENT OF KAZAKHSTAN (1991-2001).....	119
<i>S. N. Alexandrov</i>	

THE INFLUENCE OF OSTALGIA AND THE EXISTENCE OF THE GDR ON THE POLITICAL AND SOCIAL AGENDA OF GERMANY	132
<i>G. E. Bardin</i>	

TURKISM IN THE BUILDING OF THE TURKISH NATION AND ITS INFLUENCE ON SINO-TURKISH RELATIONS.....	141
<i>Tao Jinghong</i>	

REVIEWS

GENESIS AND TRANSFORMATION OF THE ELITE OF THE MOSCOW STATE. REVIEW OF THE MONOGRAPH: BENETSIA NOV M. M. THE SERVICE ELITES OF THE MOSCOW STATE. FORMATION, STATUS, INTEGRATION. XV–XVI CENTURIES — MOSCOW: TSENTRPOLIGRAF, 2021. — 254 P. — (THE LATEST RESEARCH ON THE HISTORY OF RUSSIA).....	148
<i>I. G. Shishkin, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., S. Y. Shishkina, Cand. Sci. (Hist.)</i>	

REVIEW OF THE PUBLICATION BORIS VASILYEVICH LICHMAN (1946–2020). BIOBIBLIOGRAPHIC REFERENCE BOOK. // COMPILED BY V.V. ZAPARIY, V.D. KAMYNIN, L.N. MARTYUSHOV, V.P. MOTREVICH, S.A. NEFEDOV, A.V. SPERANSKY, G.N. SHAPOSHNIKOV. —YEKATERINBURG. 2022. —56 P.....	153
<i>E. V. Zaitseva, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.</i>	

Уважаемые коллеги!

Два месяца назад мне было предложено стать главным редактором журнала. В связи с этим мне хотелось бы сделать заявление.

Я очень благодарен за то, что в журнале отлажена работа и в этом большая заслуга моих предшественников, профессора Б.В. Личмана и профессора Е.В. Хахалкиной, а также всего коллектива Издательского дома «Юр-ВАК», всех членов редколлегии и авторов статей, но и конечно читателей, которые проявили интерес к нашему изданию.

Задачи журнала были сформулированы при начале работы над выпуском первого номера журнала Борисом Васильевичем Личманом, который хотел создать теоретический и методологический научный журнал с историческим направлением, и в этом плане редколлегия после его безвременного ухода ничего не изменила. За эти годы журнал заявил о себе как интересное, во многом инновационное издание. В ходе поиска своей «ниши» среди научных журналов, большое внимание уделялось и другим направлениям таким как политология, международные отношения, некоторые аспекты социологических исследований.

Сейчас журнал вернулся полностью в историческую направленность и далее будет заниматься только по направлению исторических наук. Особое внимание будет

направлено на развитие такой рубрики как экономическая история. Это обусловлено и вхождением в редакционную коллегию членов Проблемного совета РАН по российской и зарубежной экономической истории. В частности, члена-корреспондента РАН, профессора Н.М. Арсентьева

В условиях современного политического положения историческая наука не может оставаться в стороне от насущных потребностей общества в анализе исторического значения как отдельных исторических событий, так и всего хода исторического процесса. Уход от принципиальной оценки исторических событий, нежелание вести полемику и отстаивать свою национальную т.е. государственную точку зрения, уже привел к существенным политическим и экономическим потерям со стороны нашего государства. Необходимо усилить воспитательный аспект в научных исследованиях. Включиться в процесс создания образовательных исторических курсов по Российской истории для системы образования.

Надеюсь, что нашими совместными усилиями журнал будет и дальше развиваться и займет приоритетные позиции в сообществе исторических журналов нашей страны.

*Главный редактор
В.В. Запарий*

К проблеме новой индустриализации и эволюции технологических укладов на Урале. Часть 1. Первичные практики

©Владимир Васильевич Литовский

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе представлений об энергопроизводственных циклах и исторического анализа технологических сдвигов в базовых отраслях уральской промышленности, а также пространственных подходов к ее размещению, исследованы практики региональной индустриализации, признаки перехода к очередному технологическому укладу и ключевые параметры его активации. Верифицированы возможности актуализации исторических практик в современных условиях. Принципиально выделены две платформы форсирования перехода к более высоким технологическим укладам: а) опирающиеся на внутренний потенциал и б) и на внешние экстерриториальные технологические заимствования и импортирование. Для уяснения особенностей исторической эволюции административно-территориальных единиц (АТЕ) и территориально-промышленных комплексов (ТПК) Урала, роли и эффективности пространственных вариаций в становления отраслей регионального хозяйства и индустриализации была изучена их связь с преобладающими технологическими укладами, территориальной рентой и отраслевой дифференциацией. Показано, что не только размеры АТЕ, но и ТПК связаны с эволюцией производственно-энергетических циклов. Это предопределяет их статус, а также историческую перспективу территории, ее готовность к новой индустриализации.

Ключевые слова: индустриальная история, производительные силы, новая индустриализация, Урал, трансформация хозяйственной парадигмы, новое мировоззрение.

Благодарности: Исследование выполнено по плану НИРА Института экономики УрО РАН на 2022-2023 гг.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Литовский В. В. К проблеме новой индустриализации и эволюции технологических укладов на Урале. Часть 1. Первичные практики // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 12-19. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-12-19

To the problem of new industrialization and evolution of technological modes in the Urals. Part 1. Primary Practices

©Vladimir V. Litovskiy

Institute of Economics of the Ural Branch Russian of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru

Abstract. The article studies the practices of regional industrialization, signs of transition to the next technological order and key parameters of its activation based on ideas about energy production cycles and historical analysis of technological shifts in the basic branches of the Ural industry. The factor of spatial approaches to its placement is also investigated. The possibilities of actualization of historical practices in modern conditions are verified. Two platforms for accelerating the transition to higher technological modes are highlighted: (a) the first platform relies on internal capacity; b) The second platform is focused on external extraterritorial technological borrowing and importation. The relationship between the evolution of the administrative formations of the region and industrial complexes with the prevailing technological modes was studied in order to understand the features of the historical territory of the Urals. The influence of changes in the size of the territory has been studied in the formation of branches of the regional economy and industrialization, its relationship with territorial rent and sectoral differentiation has also been studied. It is shown that the size of administrative entities and industrial complexes of the territory is associated with the evolution of production energy cycles. This predetermines the status, as well as the historical perspective of the territory, its readiness for new industrialization.

Key words: industrial history, productive forces, new industrialization, the Urals, the transformation of the economic paradigm, a new worldview

Acknowledgments: The study was carried out according to the Research work Institute of Economics Russian Academy of Sciences (Ural Branch) for 2022-2023.

FOR CITATION: Litovskiy V. V. To the problem of new industrialization and evolution of technological modes in the Urals. Part 1. Primary Practices // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 12-19. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-12-19

ВВЕДЕНИЕ

Согласно [Новая..., 2017], современные разворачивающиеся глобальные процессы с все большей очевидностью указывают на то, что в мировой экономической системе ныне обозначились признаки перехода к очередному технологическому укладу, что неизбежно порождает в мировом сообществе серьезные противоречия и кризисные явления, заставляет страны и регионы энергично искать новые стратегии и более адекватные модели экономического поведения для построения не столько постиндустриального общества, сконцентрированного на сфере услуг, сколько качественно более развитого неоиндустриального общества [Гэлбрейт, 2008]. Россия и ее опорные регионы, к которым относится и Урал, в этом отношении оказались в особом фокусе внимания [Румянцев, 2019; Сушкова, 2019; Нечаев, 2020; Татаркин, 2014; Румянцева, 2018; Новикова, 2018], так как большие территории и природные ресурсы предполагают и соответствующую отдачу или ренту (от фр. *rente* — отдача), а при несоответствии этому — более эффективных форм хозяйства, технологий и хозяйств. Все это при сохранении исходной социокультурной системы (СКС), прежде всего, предпола-

гает обращение к ее историческому опыту [Камынин, 2019, Зарарий, 2018] и способам выхода из кризисных ситуаций. В этом контексте, ниже, на примере Урала и его сопряженных территорий, исследованы такие подходы и их потенциал для актуализации имеющегося наследия и неоиндустриализации. Принципиально использован подход анализа развития в исторической ретроспективе энергопроизводственных циклов, на базе чего выделены две платформы форсированного перехода к более высоким технологическим укладам:

- а) опирающаяся на внутренний потенциал; и
- б) на внешние экстерриториальные технологические заимствования.

В качестве дополнительного маркера фазы эволюции энергопроизводственных циклов в тот или иной момент истории исследовались пульсации экономического пространства в регионе, в частности его сжатия и расширения.

МЕТОДЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использовался историко-геоэкономический подход, в котором для более четкой систематики и выде-

ления «периодов жизни» того или иного технологического уклада и сдвига в региональном уральском хозяйстве использовалась историческая база по становлению ключевых отраслевых комплексов, например, металлургии [Запарий, 2001, 2010; Металлургические..., 2001], в совокупности с географо-экономическими представлениями о энергопроизводственных циклах и их сменах [Колосовский, 1969]. Обусловлено это было тем, что в технико-технологическом аспекте промышленные сдвиги наиболее просто и удобно характеризовать, используя представления об энергопроизводственных циклах, определяющих на тот или иной исторический интервал времени преобладающие в территориально-производственных комплексах технологические уклады, то есть такие эволюционные совокупности производств, объединенные связями по сырью и энергии, от которых на данной территории достигаются более высокие экономические эффекты в сравнении с предшествующими.

В таком подходе в работе предложены:

во-первых, более лапидарная дифференциация технологических сдвигов по доминантному признаку: предмету труда (материалу), источнику энергии, топливу и технических средств производства (уровню устройств, используемых в доминирующих уральских производствах);

во-вторых, показано, что не только отраслевая, но и комплексная эволюция ТПК в уральском регионе является производной освоения все более сложных видов и источников энергии. А стало быть, в техническом аспекте именно эволюционный статус энергетики предопределяет готовность регионов к новой индустриализации.

Так по ключевому элементу анализируемой триады — энергии, например, в горнодобывающей отрасли для добычи минералов, то есть руды (лат. *minerale* — руда) на Урале исходно использовалась только мускульная энергия и средства простейшей механизации (от кирки, кувалды и лопаты до тачек и воротных подъемников), характеризующая нулевой (базовый) уклад, затем механическая энергия воды, характеризующая первый технологический уклад, тепловая энергия пара, характеризующая второй технологический уклад, энергия сжигания химических веществ, характеризующая третий технологический уклад, электромагнитная энергия для работы динамо-машин (четвертый технологический уклад), электрохимическая (пятый технологический уклад), ядерная (шестой) и т.д.

По второму элементу триады — топливу, например, в металлургической отрасли для выплавки из руды нужных металлов — технологические уклады выстраивались в следующей иерархии:

- на дровяном топливе (нулевой),
- на древесном и каменном угле (первый),
- на коксе (второй),
- на жидком топливе (третий),
- на газообразном (четвертый),
- на электрохимическом или плазменном (пятый),
- на ядерном (шестой).

По третьему элементу триады — энергетическим средствам труда (техническому и энергоэффективному уровню используемых устройств), например, в машиностроении технологические уклады можно разделить на:

- уклад с подручными механическими средствами (нулевой);
- с водно-механическими устройствами: водяными колесами и турбинами (первый);
- с паровыми: тепловыми двигателями внешнего сгорания (второй),
- с тепловыми двигателями внутреннего сгорания: поршневыми, газотурбинными, реактивными, турбореактив-

ными, турбовинтовыми (третий);

- электродвигателями и хемо электрическими генераторами (четвертый);
- магнитогидродинамическими (МГД-) генераторами (пятый);
- ядерными двигателями (шестой) и т.д.

Соответственно, уровень отрасли или регионального хозяйства можно определять по их уровню в матрице укладов по наименьшему уровню из трех-четырех избранных параметров, а степень готовности к переходу на очередной технологический уклад двумя-тремя одноуровневыми из них с доминантным статусом. При совпадении доминантных уровней всех избранных параметров переход к новому укладу можно считать состоявшимся.

Значимость использования в качестве критерия оценки того или иного вводимого в хозяйственный оборот «инновационного» материала, являющегося предметом труда особенно важна с учетом не только специфики уральской горной промышленности, но и в целом задающего статуса предметов труда в эволюции человечества. Так использование биоматериалов и дерева в качестве предмета труда характеризовало исходный (нулевой) технологический уклад, камня — первый (эпоху камня); бронзы — второй (эпоха бронзы); железо (чугун) — третий (эпоха железа), стали и ее сплавов — четвертый, легких и тугоплавких металлов и сплавов (алюминия, титана, РЗМ) — пятый, радиоактивных элементов — шестой и т.д. В более общем фундаментальном подходе в таком аспекте наиболее целесообразным оказался, развитый ранее автором, кларковский подход [Литовский, 2016:16–51; 2020], базирующийся на распространенности того или иного элемента в природе и его ценности при вовлечении в энергопроизводственный цикл.

Ниже, на примере Урала, в таком контексте проанализированы как выше приведенные маркеры готовности региона к новому укладу, так и практики его индустриализации в основном в советское время, их актуальность для нынешних условий.

РАННИЕ ПРАКТИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА УРАЛА

На пространственное развитие Урала и Сибири, их административно-территориальное деление существенное влияние всегда оказывала преобладающая парадигма хозяйствования, величина ренты от природопользования с основополагающей исходной и вспомогательной перспективной отраслью хозяйства.

Так, исходно освоение Сибири и Урала по буферной линии Среднего и Северного Урала (с центрами в Мангазее и Чердыни) было обусловлено выгодами от сборов пушного промысла. Это повлекло расширение территории промысла, отголоском чего даже с началом петровских горнозаводских новаций стало образование гигантской Сибирской губернии (1708 г.) — самой большой из 8 губерний России со «столицей» в Тобольске и таможней в Верхотурье. Так ее площадь (10978 тыс. км²) почти в 100 раз превышала площадь Московской губернии (128,6 тыс. км²). Затем при переходе к парадигме использования горнорудных богатств в Приуралье и на Урале (1719–1727 гг.) началась более узкая и дифференцированная локализация размещения производительных сил и связанное с ним дальнейшее административно-территориальное дробление (образование к 1728 г. в 14 губерниях 47

промежуточных между губернией и уездом административных образований — провинций, а в них еще более мелких дистриктов). Так, Среднее Предуралье оказалось тогда в пределах так называемой Соль-Камской провинции (Соликамск, неметаллорудные ресурсы), а Восточный склон Среднего Урала — в Тобольской провинции, куда в качестве уральской составляющей с зачатками в меднорудной и железорудной промышленности вошел и Верхотурский уезд.

К еще большей хозяйственно-территориальной избирательности при формировании горной промышленности Урала привело учреждение в 1719 г. Берг-коллегии, которая через свои местные горные начальства (бергамты) фактически установила отраслевой контроль над горнозаводскими регионами и в пределах провинциальных административно-территориальных единиц выделила свои зоны хозяйственного управления в добывающей и металлургической промышленности — казенные и частные (с 1780-х гг. — владельческие и посессионные) горнозаводские округа, хозяйственно-территориальные образования, включавшие заводы, рудники, прииски, леса и вспомогательные производства. Именно локации таких местных отраслевых (горных) начальств и стали на Урале с 1720-х гг. центрами формирования нового технологического уклада (1720 г. — Кунгур, 1722 г. — Уктус, 1723 г. — Екатеринбург: Сибирский обер-бергамт, которому, в частности, подчинялись Пермский и Казанский бергамты). Низшим звеном структуры стали заводские конторы.

Реформа 1727 г. продолжила процесс разукрупнения губерний. В ее ходе число губерний возросло до 14, а уездов, заменивших дистрикты — 250. В 1744 г. было создано еще две губернии, так, что губерний возросло до 16. Одна из них на Урале — Оренбургская.

В этот период в Соль-Камской провинции, состоящей из трех уездов (Соликамского, Чердынского и Кунгурского), вероятно из-за приоритетов освоения юга Урала возросла роль последнего и в 1737 г. Кунгур становится провинциальным центром. В 1760-е гг. де-факто этот статус переходит к более выверенному центру меднорудной промышленности — Перми (Егошихинскому заводу) [Арсеньев, 1848: 96], в 1780–1790 гг., получившей также статус центрального места (наместничества и далее губернии). В этих последних образованиях, наряду с Верхотурским оказался и Екатеринбургский уезд, что стало следствием политики Екатерины II по унификации системы управления и соподчинению горной отрасли местным администрациям. Перед началом Екатерининской реформы 1870–1880-х гг. в стране было 23 губернии, 65 провинций и 276 уездов. В ходе реформы размеры губерний были уменьшены, новые образования называли «наместничествами», а провинции были ликвидированы. В итоге привязки наместничеств к численности населения порядка 300–400 тыс человек, а в уезде — 20–30 тыс, де-факто число новых губерний и уездов возросло вдвое. Так, к 1786 г. было образовано 40 наместничеств и губерний, 2 области на правах губерний, в которых в совокупности насчитывалось свыше 480 уездов, к 1796 г. число наместничеств выросло и вовсе до 51.

Павел I, видя издержки Екатерининской реформы, в конце 1796 г. начал укрупнять наместничества, сократив их число до 42 и укрупнив уезды. Но в 1801 году Александр I, заняв престол, прервал реформы Павла I и почти восстановил екатеринские губернии, доведя их число до 49.

Лишь с явными признаками деградации горной отрасли (в преддверии наполеоновского вторжения) ликвидированная Екатериной II Берг-коллегия возрождается: в 1806–1807 г. создаются Горный департамент и горные округа уже не как отраслевые территориальные образования, а как админи-

стративно-территориальные единицы, в системе которых города-заводы на Урале попадают в Округ заводов хребта Уральского с Горным правлением в Перми. Екатеринбург тогда получает статус «горного города» и переходит в прямое управление начальника Екатеринбургских заводов, министра финансов и лично императора, что вскоре резко меняет его хозяйственную парадигму развития и он де-факто трансформируется в национальный центр добычи «песочного» золота. В дальнейшем горные округа стали дробиться на еще более мелкие. Так, накануне отмены крепостного права на Урале существовало 6 казенных и 37 частных горных округов, а в 1886 г. с учреждением в Екатеринбурге Уральского горного управления Округ заводов хребта Уральского дробится на 7 горных округов: Пермский, Западный Екатеринбургский, Восточный Екатеринбургский, Верхотурский, Оренбургский, Уфимский и Вятский.

Сложный статус Екатеринбургского горного округа (рис. 1) был обусловлен тем, что он включал Уткинскую горную дачу (де-факто главную пристань казенных уральских заводов), непосредственно пространственно не связанную с Екатеринбургом (Западный Екатеринбургский округ), и, собственно, включающий город, Восточный Екатеринбургский округ: Березовскую казенную горнозаводскую дачу, Монетную казенную дачу (дачу Екатеринбургского монетного двора), Нижнеисетскую казенную дачу (с Нижнеисетским железодельным заводом), Каменскую казенную дачу (Каменский чугуноплавильный завод). К началу 1860-х гг. в нем главенствующую долю по стоимости продукции занимала добыча золота (до 74%), производство медной монеты — около 8%, железодельное производство — 10%, машиностроительная и металлообрабатывающая отрасль — 8%. Железные рудники и пристани (Уткинская и Трекинская) в основном были сконцентрированы в Уткинской даче.

В целом, основные преобразования административно-территориального деления высшего уровня завершились в 1860–1880-е гг. в основном за счет образования новых губерний и областей в азиатской части России. В итоге, в 1905 г. число губерний и областей достигло 81.

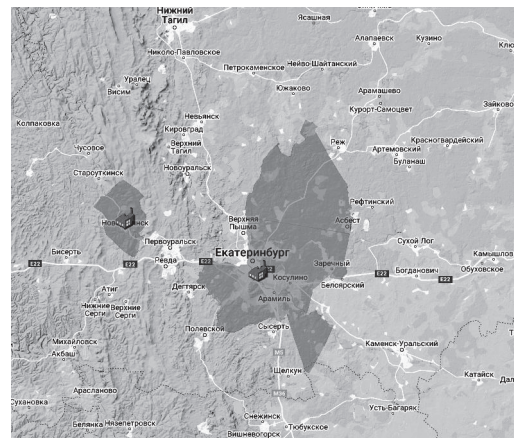

Рис. 1. Екатеринбургский казенный горный округ на современной карте.

Fig. 1. Yekaterinburg State Mountain District on a modern map.

Источник: Екатеринбургский горный округ.

URL: <https://uralmines.ru/ukazatel/ekaterinburgskij-gornyj-okrug/>.

Это наглядно подтверждает тот тезис, что при качественных изменениях в региональных хозяйствах и появлении в них более доходных промыслов и видов деятельности это приводит, с одной стороны, к перемещению центров хозяйственной деятельности и к удельному сокращению экономического пространства, а с другой стороны, успешные

инновации приводят к росту числа административно-территориальных единиц (АТЕ) с заданной нормой валового регионального продукта (ВРП). Все это в итоге обусловило в последующем при успешном внедрении инноваций на Урале сокращение площадей АТЕ и, наоборот, в кризисные периоды — их слияние. Так, в кризисные послереволюционные годы в 1923 г. создается гигантская Уральская область (более 1650 тыс. км²), которая после перехода на новый технологический уклад (социалистической индустриализации) в середине 1930-х гг. была разукрупнена с образованием ряда областей, в том числе и Свердловской, а в постперестроечные годы отчасти воспроизведена в виде АТЕ «нового типа» или перспективной АТЕ — Уральского федерального округа (УрФО), где старо промышленные области Среднего Урала объединили с нефтегазовыми Западной Сибири.

В итоге такой трансформации в УрФО по валовому региональному продукту доминантной стала не горнодобывающая, металлургическая или машиностроительная промышленность, а нефтегазовый сектор с соответствующим смещением центра пространственного развития округа в Западную Сибирь. Ныне это ставит на повестку не только проблему очередной трансформации макрорегиональных административно-территориальных образований и территориально-производственных комплексов, но и фундаментальную проблему качественного обновления доминантных технокладов.

Историческое рассмотрение вовлечения региональных ресурсов в межрегиональные и международные торговые связи выявило также еще одну очень важную и ныне актуальную для Урала проблему — соподчиненность транспортной инфраструктуры не региональным в целом, а доминантным отраслевым интересам, что негативно отразилось на комплексном региональном развитии.

Так, фактически сразу для вывоза металлургической продукции на Урале стали развиваться не связывающие воедино регион меридиональные коммуникации, а широтные, ориентированные на экспортные поставки. Для этого сначала использовался естественный и наименее затратный коммуникационный потенциал рек и перемычек между ними (каналов и сухопутных мостов), а затем и сухопутных коммуникаций (гужевых, железнодорожных и автомобильных), исторически, впрочем, тоже тяготевших к речным долинам. Основной водной артерией по вывозу металлургической продукции с восточного склона Урала на запад стала река Чусовая, а от главного губернского города (Перми) — Кама.

Доминантный западный вектор в сбыте продукции уральских городов-заводов был обусловлен как реальными экономическими факторами (более высокими ценами на внешнем европейском рынке на черновой металл), так и геополитикой (стремлением Англии и Франции ослабить экономическое влияние в Европе шведов и косвенно русских). В итоге, это удалось: уральские заводы утратили заинтересованность в выпуске готовой металлопродукции и продаже ее на внутреннем рынке, поставив в целом национальную промышленность в зависимость от внешнего регулятора («рынка»)!. Так, что лишь после наполеоновского вторжения, уральские заводы, в том числе екатеринбургские, стали сосредотачиваться на обеспечении готовой металлопродукцией внутрен-

него рынка и на диверсификации своего производства, ориентируясь уже не только на европейскую, но и на азиатскую часть России, чему поспособствовала «золотая лихорадка» в Сибири, давшая очередной импульс сибирскому вектору пространственного развития экономики России.

Позитивным следствием использования в качестве транспортной артерии для Урала Камы стало зарождение на ней более технически прогрессивных, чем коломенки, пароходов и, соответственно, пароходостроения, предопределившего в XIX веке на Урале развитие парового машиностроения, а в XX веке — машиностроительной отрасли в целом.

Тем не менее, и в последующий дореволюционный период к региональным интересам уральская горнозаводская и металлургическая промышленность обращались в последнюю очередь, что привело к диспропорциям в секториальном развитии Урала, его монопрофилизации. В транспортно-коммуникационном отношении это привело к гипертрофированному развитию западного вектора развития транспортной сети в ущерб региональной сети меридионального простирания, ориентированной на комплексное развитие всей уральской хозяйственной экосистемы. С середины XIX в. в восточном направлении с развитием в Сибири золотодобычи пароходостроение стало развиваться также на Туре и Тавде, обеспечивая транспортные выходы на более крупные реки: Тобол, Иртыш и Обь, вместе с территорией к востоку от Камы предопределив макрорегиональные контуры Большого Урала как экономического района. В частности, в Обском бассейне начало пароходостроению положила Тюмень, где создание судовой верфи Колчина, Курбатова и Игнатова на Туре, а также верфи Вардроперов на Тавде в Жиряково, предопределило географию размещения центров регионального речного судостроения, а также Обь-Иртышского и даже арктического судоходства. Таким образом, фактически до начала XX в., транспортно-логистическая парадигма Урала оставалась водной, а преобладающие грузопотоки — экстерриториальными по назначению. Ключевыми широтными звеньями этой водно-речной сети были: р. Чусовая (с львиной долей общего грузопотока), реки Исеть, Тура и Тавда, а долготными или субмеридиональными — р. Кама, а также связка рек Тобол — Иртыш. Гужевые транспортные потоки в большей мере носили локальный характер, что на первом этапе было присуще и для железнодорожной сети Урала. Тем не менее, по назначению она оказалась также экстерриториальной, то есть развивалась не вдоль Урала, а через него, выполняя роль железнодорожного «моста» между Камским и Обским бассейном в сети экстерриториальных основных водных коммуникаций. Соответственно, из-за сильной вовлеченности в широтные межрегиональные и международные связи меридиональных железных и автодорог вдоль Уральского хребта, связывающих его в единое целое от арктических широт до севера Свердловской области нет до сих пор.

Ниже представлена таблица, характеризующая в соответствии с выше представленной методикой состояние и степень готовности производительных сил в регионе к смене технологических укладов и очередным инновациям в период с XVII–XIX вв. (Таблица 1).

Таблица 1
Table 1

Критерии оценки энергопроизводственных циклов и степени готовности к переходу
на новые уклады производительных сил (Урал, XVII–XIX век)
Criteria for assessing energy production cycles and the degree of readiness for the transition
to new ways of productive forces (Urals, XVII–XIX century)

Период	Предмет труда (основной и «инновационный» материал)	Энергия	Топливо	Средства труда («машины» или устройства)	АТЕ Административно-Территориальные единицы
XVII 1630 гг.	0,1,2 пушнина, земля, дерево 1 камень. 2 соль 0,2,3 3 — медь, железо (пробная стадия)	0,1 <i>мускульная средства первичной механизации</i> 1 тепловая энергия сгорания дров 0,1	0 Дровяное 0 дровяное	0 подручные механиче- ские средства 0,1 подручные 1 Воздушно- и водно- механические: плавильные горны, кузницы	Пост АТЕ Вотчины Строгановых (добыча соли) Уезды: Соликамск, Чердынь, Кунгур Тобольский разряд (пушнина, зерно) Уезды: Верхотурье, Пелым, Туринск
XVIII 1740-е С 1785 г. С 1796 г.	0,1,2,3 Основной: руды медь, железо (чугун). Рудное золото Сталь 3,4	1 механическая энер- гия воды, тепловая энергия сгорания дров 1,2 2 — тепловая энергия сгорания каменного угля	1 древесный уголь Каменный уголь — 1,2 с 1797 г. пробно: Кизел. 3-д [Баканов, 2012: 46]	1 водно-механические: водяные колеса, доменные печи, старокричные горны и технологии, домини- ровавшие до 1850 гг.	Предельный рост 1708 г. — Сибирская губерния (первая петровская реформа) - создание первых заводов — экс- пансивная отрасль мобилизация горных ресурсов начало сокращения площади АТЕ 1719–1727 гг. (вторая петров- ская реформа) <i>создание горной отрасли — Соль-Камская провинция.</i> рост числа губерний 1775 г. <i>реформа Екатерины II</i> (Провинции ликвидирует. АТЕ: губерния–уезд. <i>Реформа Павла I: 1796–1800.</i> Укрупнение площадей наместни- честв (сокращение числа с 51 до 42)
XIX С 1810-х С 1820-х 1860-е С 1880-х	3,4 4 — Стали и их сплавы; зо- лото россыпное 4 — Платина первичное освоение (чеканка монет): 3,4 Доминирует золотодобыча (75% ВРП) 3,4	1,2 тепловая энергия пара 1,2 Вытеснение водно-колесной энергетики паровой 1,2	1,2 Каменный уголь, кокс Луньевские копи: первые опыты по коксованию угля в кучах 1855 г.: удачное использование для выделки же- леза Александр. 3-д; 1860-е: Кизел. 3-д) Добыча до 1880 гг. небольшая. 1,2 Уголь начинают потреблять же- лезные дороги. 1890-е гг. 60 % уральских заводов имеют затруднения с древесным углем.	1,2 водно-механические: 1-водяные колеса и турбины (1840-е) 1830-е — внедрение прокатных станков 2 — тепловые: паровые двигатели внешнего сгорания (с 1800 гг. -пробно) 1840-1850 гг. — рост пароходостроения, в 1870–1890-е гг. паровой ж/д техники и сетей. 1,2 1878 г. — запуск Ураль- ской горнозаводской железной дороги. 1879 г. — Луньевской угольной ветки. Металлургия: 1840-1870 гг. рост пудлинговой, контузаской техники получения железа: с 1880–1890 гг. бессе- меровские и мартеновские печи [Алексеев, 2008]	1801 — Александр I: <i>разукрупне- ние</i> наместничеств с 42 до 50. 1806 г. Создание горных округов (сокращение площадей АТЕ) К 1860 гг.: доминирование новой горной специализации (более 70% ВРП): Россыпное золото, упадок металлургии (доля — 8% ВРП) Рост отрасли угледобычи и ее специализаций Истощение лесных ресурсов горных округов для получения древесного угля (стагнация отрасли)

Примечание: Жирным текстом выделены доминирующие виды маркеров энергопроизводственных циклов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования ранних или первичных практик индустриализации и развития производительных сил Урала на базе маркеров энергопроизводственных циклов показано, что для анализа технологических сдвигов в базовых отраслях уральской промышленности, а также в сопряженных с нею административно-территориальных образованиях, достаточно четырех маркеров, связанных с предметом и средствами труда. В качестве последних удобно использовать основные и инновационные материалы, доминирующие и новые вовлекаемые в производственную деятельность виды энергии, топлива и устройства, совместно на том или иной историческом этапе развития отраслевого или регионального образования позволяющие судить об эволюции технологических укладов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1848. 96 с.
2. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.
3. Баканов, С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 328 с.
4. Белл Дж. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. 1200 с.
6. Запарий В.В. Чёрная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 304 с.
7. Запарий В.В., Набойченко С.С. История цветной металлургии Урала во второй половине XX века. УМЦ — УПИ. Екатеринбург, 2010. 186 с.
8. Камынин В.Д., Запарий В.В. О «новой индустриальной истории» (к постановке вопроса) // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 96–97.
9. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
10. Литовский В.В. Невозобновляемые природные ресурсы Урала и пространственно-временные закономерности их вовлечения в хозяйственный оборот // Теоретико-географические основы формирования доминантного урало-арктического пространства и его инфраструктуры (для задач формирования многофункционального базисного опорного внутреннего и континентального моста России по оси «Север-Юг»). М.: ГЕОС, 2016. С.16–51.
11. Литовский В.В. Гравиогеография Урала и сопряженных территорий М.: ГЕОС, 2020. 474 с.
12. Литовский В.В. Концепция размещения в Арктике производительных сил на базе инфраструктуры второго уровня А. Э. Юницкого и пространственная модель транспортной сети «Полярное кружево» для «мобильных поселений» // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2016. Т. 19. № 2. С. 431–442.
13. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия / глав. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Издательство «Академкнига», 2001. 536 с.
14. Нечаев А. В. Неоиндустриализация России: стратегия технико-экономического развития: дис. кандидат наук: 08.00.01 — Экономическая теория. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2020. 421 с.
15. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад /Под науч. ред. В.Н.Княгинина. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 136 с.
16. Новикова Н. В. Новая индустриализация: региональная парадигма. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. 261 с.
17. Румянцев М. А. Неоиндустриализация российской экономики и новая промышленная революция /Социально-экономическое развитие России и Китая глазами российских и китайских экономистов. Колл. монография. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 32–52.
18. Румянцева С. Ю. Неоиндустриализация России в контексте циклической экономической динамики // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 102–129.

Для уяснения особенностей и индикаторной роли пространственных вариаций в становления отраслей регионального хозяйства и индустриализации была изучена их связь с преобладающими технологическими укладами, территориальной рентой и отраслевой дифференциацией. На примере процессов административно-территориальных преобразований Урала в период XVII–XIX вв. показано, что дробление территорий здесь было связано с развитием здесь новых отраслевых комплексов или прогрессирующих территориальных образований, повышающих ренту. Соответственно, при адекватном объективном административном дроблении оно также может являться критерием готовности к новой индустриализации, индикатором его эволюции, текущего и перспективного статуса территории.

REFERENCES:

1. Arsen'ev K. I. Statisticheskie ocherki Rossii. SPb.: Tip. Uk. Acad. Nauk, 1848. p. 96.
2. Alekseev V.V., Gavrilov D.V. Metallurgy of the Urals from ancient times to the present day. M.: Nauka, 2008.886 p.
3. Bakanov, S. A. Coal industry of the Urals: the life cycle of the industry from inception to decline: monograph. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2012. 328 p.
4. Bell J. The coming post-industrial society. Experience in social forecasting. M.: Academia, 2004. 944 p.
5. Galbraith J. K. New Industrial Society. Favorite. M.: Eksmo, 2008. 1200 p.
6. Zapariy V.V. Chernaya metallurgiya Urala XVIII–XX vv. Ekaterinburg: UrO RAN, 2001. 304 p.
7. Zapariy V.V., Naboichenko S.S. History of non-ferrous metallurgy of the Urals in the second half of the twentieth century. UMC — UPI. Ekaterinburg, 2010. 186 p.
8. Kamynin V.D., Zapariy V.V. «New industrial history» (to the formulation of the question) // History and modern worldview. 2019. № 1. P. 96–97.
9. Kolosovsky N.N. Theory of economic zoning. M.: Mysl', 1969. 336 p.
10. Litovsky V.V. Non-renewable natural resources of the Urals and spatio-temporal regularities of their involvement in the economic turnover // Theoretical geographic bases of formation of the dominant Ural and Arctic geoeconomic space and its infrastructure (for the tasks of forming a multifunctional base supporting domestic and continental bridge of Russia on the North-South axis). M.: GEOS, 2016. P.16–51.
11. Litovsky V.V. Graviogeography of the Urals and conjugated territories M.: GEOS, 2020. 474 p.
12. Litovsky V.V. Concept of placement in the Arctic of productive forces on the basis of infrastructure of the second level of A. Yunitsky and spatial model of the transport network «Polar lace» for «mobile settlements» // Herald of the Murmansk State Technical University. 2016. T. 19. № 2. P. 431–442.
13. Metallurgical plants of the Urals XVII–XX vv.: Encyclopedia /ed. V. V. Alekseev. Ekaterinburg: «Akademkniga», 2001. 536 p.
14. Nechaev A. V. Neo-industrialization of Russia: strategy of technical and economic development: dis. Candidate of Sciences: 08.00.01 — Economic theory. St. Petersburg: SPbGU, 2020. 421 p.
15. The New Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia. Expert-analytical report /ed. V.N. Knyaginina. M.: Center for Strategic Works, 2017. 136 p.
16. Novikova N. V. New industrialization: regional paradigm. Ekaterinburg: Ural State University of Economics Press, 2018. 261 p.
17. Rumyantsev M. A. Neoindustrialization of the Russian economy and the new industrial revolution. Social and economic development of Russia and China through the eyes of Russian and Chinese economists. Collective monograph. SPb.: Skifiya-print, 2019. P. 32–52.
18. Rumyantseva S. Y. Neoindustrialization of Russia in the context of cyclical economic dynamics // New industrialization of Russia: strategic priorities of the country and the possibilities of the Urals. Ekaterinburg: Ural State University of Economics Press, 2018. P. 102–129.

19. Сушкова И.А. Неоиндустриализация и механизм ее осуществления (теоретический аспект) // Инновационная деятельность. 2019. № 1. С. 61–68.
20. Тархов С.А. Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России / Регионализация и развитие России: географические процессы и проблемы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 191–213.
21. Татаркин А.И., Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Новая индустриализация экономики России // Вестник УрФУ. Экономика и управление. 2014. №3. С.13–21.
22. Zapariy V., Zapariy V. Strategies for industrial development in the context of Russia's modernization policy (1917-1941) / 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on social sciences and arts SGEM 2018. Conference proceedings. 2018. P. 365–372.
19. Sushkova I.A. Neo industrialization and the mechanism of its implementation (theoretical aspect) // Innovation activity. 2019. № 1. P. 61–68.
20. Tarkhov S.A. Historical evolution of the administrative territorial and political division of Russia / Regionalization and development of Russia: geographical processes and problems. M.: Editorial URSS, 2001. P. 191-213.
21. Tatarkin A.I., Romanova O.A., Bukhvalov N.Y. New industrialization of Russian economy // Herald of the Ural Federal University. Economics and Management. 2014. №3. P.13–21.
22. Zapariy V., Zapariy V. Strategies for industrial development in the context of Russia's modernization policy (1917-1941) / 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on social sciences and arts SGEM 2018. Conference proceedings. 2018. P. 365–372.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 98,4%.

Рецензент: Берсенева В. Л., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022, принята к публикации 06.06.2022

The article was received on 16.05.2022, accepted for publication 06.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Литовский Владимир Васильевич, доктор географических наук, заведующий сектором размещения производительных сил и территориального планирования Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-4241-7846>, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Litovskiy, Dr. Sci. (Geograph.), Head of the Productive Force and Territorial Planning Sector at the Institute of Economics of the Ural Branch Russian of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-4241-7846>, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru

5.6.1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
NATIONAL HISTORY

07.00.02

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
NATIONAL HISTORY

Трансформация индивидуальных крестьянских хозяйств Уральского региона накануне и в начальный период коллективизации

©Владимир Викторович Филатов

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова»,
г. Магнитогорск, Российская Федерация
e-mail: v.philatov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена важной для исторической науки проблеме положению индивидуальных крестьянских хозяйств в доколхозной деревне и в начале массовой коллективизации. Анализ российской и зарубежной историографии показывает, что в основном ученые изучают вопросы коллективизации и раскулачивания. Меньше внимания обращается на состояние индивидуальных хозяйств во время социалистического переустройства села. На основе материалов одного из крупнейших регионов СССР предпринята попытка восполнить данный пробел в исторической науке. Цель статьи — раскрыть результаты государственной политики по ликвидации частного сектора сельской экономики, прежде всего, зажиточного крестьянства, вынужденного превращения этих сельских жителей в особую категорию лишних людей в строительстве социализма. Объектом исследования стали индивидуальные крестьянские хозяйства, а предметом их изучения раскрестьянивание: лишение политических прав, внеэкономическое воздействие, раскулачивание, репрессии к селянам. В статье использованы как общенаучные методы, так и историко-генетический, компаративный, статистический и другие методы исторического исследования. Анализ источников выявил сокращение индивидуальных крестьянских хозяйств в Уральском регионе, резкое падение их роли в производстве сельскохозяйственной продукции, добровольно-принудительное вхождение крестьян в колхозы, раскулачивание, вынужденный переход селян в другие социальные группы.

Ключевые слова: индивидуальные хозяйства, крестьяне, Уральский регион, кулаки, раскрестьянивание, лишенцы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Филатов В. В. Трансформация индивидуальных крестьянских хозяйств Уральского региона накануне и в начальный период коллективизации // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 20-31.

Transformation of Individual Peasant Farms in the Ural Region on the Eve and in the Initial Period of Collectivization

©Vladimir V. Filatov

Nosov Magnitogorsk state technical University, Magnitogorsk, Russian Federation
e-mail: v.philatov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to an important problem for historical science, the situation of individual peasant farms in the pre-kolkhoz village and at the beginning of mass collectivization. The analysis of Russian and foreign historiography shows that scientists mainly study the issues of collectivization and dispossession. Less attention is paid to the state of individual farms during the socialist reconstruction of the village. Based on the materials of one of the largest regions of the USSR, an attempt has been made to fill this gap in historical science. The purpose of the article is to reveal the results of the state policy on the elimination of the private sector of the rural economy, first of all, the prosperous peasantry, the forced transformation of these rural residents into a special category of superfluous people in the construction of socialism. The object of the study was individual peasant farms, and the subject of their study was the dispossession: deprivation of political rights, non-economic impact, dispossession, repression of villagers. The article uses both general scientific methods and historical-genetic, comparative, statistical and other methods of historical research. Analysis of sources revealed a reduction in individual peasant farms in the Ural region, a sharp drop in their role in agricultural production, voluntary and forced entry of peasants into collective farms, dispossession, forced transfer of villagers to other social groups.

Key words: individual farms, peasants, Ural region, kulaks, raskrestyanivanie, lishentsy.

FOR CITATION: Filatov V. V. Transformation of Individual Peasant Farms in the Ural Region on the Eve and in the Initial Period of Collectivization // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 20-31. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В связи с тем, что до настоящего времени явно недостаточно исследований по состоянию индивидуальных крестьянских хозяйств в переломный момент перехода от традиционных устоев сельской жизни к условиям переустройства деревни на социалистических началах, весьма актуально восполнить этот пробел в российской исторической науке. Региональный аспект данной проблемы позволит на примере Уральского региона комплексно раскрыть положение значительной части крестьянства в непростой период российской истории.

На смену старшему поколению, пережившему все тяготы строительства социалистического государства, приходит новое поколение, далекое от проблем советского прошлого. В воспоминаниях о советском периоде порой на первый план выносятся достижения 1930-х гг. в подъеме экономики, но замалчивается цена великих побед. Научная новизна данного исследования состоит в том, что на основе разнообразных архивных документов и других источников, как правило, впервые вводимых в научный оборот, анализируются особенности жизнедеятельности индивидуальных крестьянских хозяйств в одном из крупнейших регионов страны.

Хронологические рамки исследования 1927–1933 гг. позволяют всесторонне проследить основные этапы раскрестьянивания от завершения нэповского периода и до первых лет коллективизации. Репрезентативность исследования обеспечивается значительными территориальными рамками, включавшими территорию будущего Уральского экономического района. В 1927–1933 гг. он состоял из Уральской области, Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, Вотской автономной области (с января 1932 г. — Удмуртской автономной области). В Уральский регион входила Оренбургская губерния. С 1928 г. она ее вошла в Средневожскую область, включавшую Оренбургский округ (16 районов), Бугурусланский округ (12 районов), а с 1930 по 1934 гг. после ликвидации округов — в Средневожский край.

При всем многообразии исследований по истории сельского хозяйства нельзя сказать, что данная тема раскрыта всесторонне. Она требует дополнительного изучения, критической оценки новых источников, систематизации материала, и исследования индивидуальных хозяйств на основе классовых предпочтений советской власти.

По вполне понятным причинам историческая литература 1930-х – 1980-х гг. как по своей концептуальной основе,

так и по содержанию не раскрывала положение единоличных крестьянских хозяйств. Причем акцент в публикациях в основном был сделан на процессе раскулачивания. Ликвидация кулачества преподносилась в едином ключе: для социалистических преобразований в деревне просто необходимой и закономерной являлась борьба с кулаками и частнособственнической психологией остального сельского населения, необходимости перехода к коллективным формам хозяйствования.

Наибольший вклад в разработку проблемы развития земледелия в доколхозной деревне внес В.П. Данилов. Среди его многочисленных трудов большого внимания заслуживает две монографии: «Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство» и «Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения» [12; 13], в которых на большом фактическом материале раскрыто состояние крестьянских хозяйств накануне массовой коллективизации. Среди уральских ученых лучше других социально-экономические отношения в уральском селе раскрыл Н.В. Ефременков. Опираясь на материалы статистических сборников и архивные источники, он проанализировал состояние крестьянских хозяйств по многим позициям, позволяющим определить материальное положение каждой социальной группы в зависимости от посева, наличия рабочего скота, инвентаря и применения найма-сдачи [6; 18].

Советские историки преимущественно придерживались схемы, изложенной в Кратком курсе ВКП(б), а затем — в истории КПСС. Документальный материал, доступный только из открытых фондов архивов, иллюстрировал достижения партии и советского народа по строительству социализма в деревне. Отечественная историография доперестроечного периода положительно оценивала борьбу с кулачеством, считая ее основным элементом социалистического строительства.

В годы перестройки резко изменился вектор исследований. Многие ученые, занимавшиеся проблемами коллективизации и раскулачивания, стали выносить иные суждения об этом явлении советской действительности. Они получили доступ к ранее закрытым фондам архивов и возможность свободно излагать свои мысли. Первые научные изыскания о коллективизации и раскулачивании второй половины 1980-х гг. чаще носили публицистический характер. Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. появились серьезные научные публикации видных российских ученых [11; 20]. Особую значимость в изучении аграрных проблем имели теоретические семинары журнала «Отечественная история»,

проводившиеся под руководством В.П. Данилова в 1990-е гг. Дискуссии по поводу исследований зарубежных историков-аграрников способствовали знакомству с зарубежной историографией истории советского сельского хозяйства¹.

Исследовательская работа уральских ученых 1990-х гг. насыщена интересными публикациями. К таковым относится монография М.Н. Денисевича [14]. Сосредоточив внимание на изучении индивидуальных хозяйств на протяжении длительного периода, автор раскрывает их состояние в конце 1920-х – 1930-е гг. Он показывает, как эволюционировало личное подворье единоличников, какие решения принимались и реализовывались по его ограничению. М.Н. Денисевич исследовал налоговую политику, эффективность индивидуальных хозяйств. Изучение этих хозяйств позволило получить богатый материал по истории сельского хозяйства Урала. Особенности развития индивидуальных хозяйств в национальных республиках Уральского региона раскрыты в монографиях Г.А. Никитиной и Р.А. Давлетшина [10; 29].

Диссертация Л.В. Алексеевой, посвященная сельскохозяйственному производству в годы первой пятилетки в Уральской области, определила основные тенденции расширения посевных площадей, развития скотоводства в период массовой коллективизации. Как отмечает автор, стремясь облегчить тяжесть налогообложения, крестьяне в конце 1920-х гг. шли на сокращение поголовья, а катастрофичное уменьшение стада произошло в начале коллективизации и раскулачивания [1].

В 2000-е годы появились диссертации и публикации, поднявшие на более высокий научно-теоретический уровень исследования по истории сельского хозяйства. Уральский ученый Г.Е. Корнилов трансформацию в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначил термином «агропереход». По его мнению, агропереход имеет три фазы:

первая фаза включает период с начала до середины XX в.,
вторая — с 1950-х до 1990-х гг.,
третья — с начала 1990-х гг.

Он выделяет в первой фазе два этапа: до 1930-х гг. и 1930–1950-е гг. Как считает Г.Е. Корнилов, на Урале на первом этапе преобладало экстенсивное развитие сельского хозяйства. По его мнению, результатом трансформации аграрной сферы в первой фазе агроперехода было раскрестьянивание, которое имело две стороны — внутреннюю и внешнюю. Внешнее раскрестьянивание проявилось в физическом сокращении численности крестьянства. Внутреннее раскрестьянивание охватило быт, культурные традиции, мировоззрение селян [22].

В докторской диссертации В.А. Лабузова, посвященной деревне Южного Урала в 1917–1930-х гг., удало проанализировать изменения системы крестьянского землепользования и землеустройства в доколхозный период и в начале массовой коллективизации. Взяв за основу исследования концепцию модернизации, автор сумел показать этапы трансформации крестьянского землевладения от общинного и частного к государственному; кардинальное изменение видов землепользования — от общинного и участкового к коллективному [27].

Для компаративного анализа большой интерес представляет статья сибирского ученого В.А. Ильных. Он исследовал единоличные хозяйства Западной Сибири в 1930-е гг. Автор отмечает роль коллективизации в сокращении индивидуальных хозяйств, снижении денежных доходов единоличников. Впервые в российской историографии он попытался провести стратификацию единоличных хозяйств, разделив их на пауперов, по источнику существования за счет сельскохозяйственного производства, и бывших крестьян [21].

Неоднозначные оценки историков получили работы М.А. Безнина и Т.М. Димони [3; 4]. Авторы пытаются по-новому осмыслить аграрные преобразования 1930–1980-х гг. в нашей стране. Переход аграрного общества в индустриальное, по их мнению, сопряжен с изменениями в социальной структуре — процессом раскрестьянивания, пролетаризации и формирования протобуржуазии. По их мнению, базу российской модернизации составляет «капитализация». До конца 1920-х гг. в советском государстве был «кулацко-кооперативный» путь развития села. С началом коллективизации началось «колхозно-совхозное развитие» [24]. Определенный научный интерес вызывают статьи из сборника «Сталинизм и крестьянство», в котором рассматриваются взаимоотношения власти и крестьянства в 1920-е гг. и в начале коллективизации [31].

В последнее время заметно уменьшение диссертационных исследований, публикаций по проблемам сельскохозяйственного развития страны накануне и в годы массовой коллективизации, особенно единоличных хозяйств. Одна из последних диссертаций И.В. Гончаровой, посвящена коллективизации Центрально-Черноземной области. На большом региональном материале она исследует положение крестьян в 1920-е гг., но уделяет больше внимания изучению колхозов и жизни колхозников, чем единоличных хозяйств. В ее диссертации можно найти интересный материал об использовании колхозами найма единоличников для осуществления сельскохозяйственных работ [8, с. 72-88, 449-451].

Изучением истории сельского хозяйства СССР занимаются и зарубежные историки [9; 30; 35]. Широкую картину сельской жизни обрисовала в своей монографии Ш. Фицпатрик. В ее исследовании показаны особенности адаптации крестьян к колхозной жизни, притеснение единоличников, кустарей, отходников. Она проанализировала причины голода, организацию землеустройства единоличников.

При изучении индивидуальных крестьянских хозяйств того периода ученые чаще обращаются к исследованию деятельности относительно состоятельных крестьян, так называемых кулаков и процессу раскрестьянивания. Так, по В.И. Далю, «кулак» — это перекупщик, переторговец. Он живет обманно, обчетом, обмером². По мнению А.Н. Энгельгардта, «каждый мужик при случае кулак, эксплуататор, но пока он земельный мужик, пока он трудится, работает, занимается сам землей, это еще не настоящий кулак, он не думает все захватить себе, не думает, как бы хорошо было, чтобы все были бедны, нуждались, не действует в этом направлении. Конечно, он воспользуется нуждой другого, заставит его поработать на себя, но не жиждет свое благосостояние на нужде других, а жиждет его на своем труде... Он расширяет свое хозяйство не с целью наживы только, работает до усталости, недосыпает, недоедает». В то же время А.Н. Энгельгардт приводит пример кулака, деятельность которого основывается «не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты» [36, с. 387]. Такой дифференциации не обнаружишь в доктрине советского раскулачивания при делении кулаков на три группы. Здесь нет места «не настоящему» кулаку. Достаточно было крестьянину иметь больше имущества, чем у других, использовать труд наемных работников, и он записывался в разряд кулаков.

Как полагал Н.Д. Кондратьев, «понятие "кулак" и "средний хозяин" в высшей степени относительны ... Наше сельское хо-

¹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992–1998.

² Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. — М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 2. И-О. С. 194 с.

зяйство ... еще настолько примитивно и бедно, настолько исчерпывается сплошной однородной ... массой распыленных и малосильных хозяйств, что на основе этой ошибки легко находить кулаков там, где имеет место здоровый энергичный слой крестьянского хозяйства с наиболее высокой производительностью труда и наиболее быстрым накоплением» [7, с. 95].

Современные подходы расширяют понятие «кулак». С точки зрения А.С. Ахизера, в годы сталинизма велась борьба с мировым злом, с богачами, с кулаками, «со всеми, чье благосостояние, уровень творчества были выше некоторого уровня, принятого за норму. Причем превышение этой нормы рассматривалось как результат эксплуатации нетрудовых доходов и т.д.» [2, с. 500]. В.Н. Земсков считает, что «в смысловом аспекте термин "кулаки" — синоним термина "сельская буржуазия", что предполагает ведение хозяйства за счет эксплуатации какого-то постоянного контингента наемных рабочих (батраков). В действительности же таковых среди раскулаченных крестьян было немного, и именно они употребляли в самоназвании термин "кулак". Основная же масса, называемая кулаками, вела хозяйство своими руками, не используя или почти не используя наемной рабочей силы». Они считали себя трудовыми крестьянами» [19, с. 201].

Г.Ф. Доброноженко проанализировала понятие «кулак» в советской историографии и в исследованиях современных историков. Она выявила различные подходы в определении этого понятия и указала на путаницу при замене термина «кулак» на зажиточное хозяйство, поскольку кулацкие хозяйства облагались сельхозналогом в индивидуальном порядке, а зажиточные хозяйства — сельхозналогом с процентной надбавкой. По ее мнению, «кулак» в большевистской теории — это идеология, внедряемая в общественное сознание для обозначения классового врага в крестьянской среде. Она приходит к выводу, что «"кулаки" в послереволюционный период — это не только социально-экономическая группа сельской буржуазии, а социальная группа крестьян, подвергшаяся дискриминации и репрессиям по политическим мотивам» [15].

Действительно, после заготовительной кампании 1927/28 г. и репрессий в отношении крестьянства понятие «кулак» осталось чисто символически для пропагандистских целей. Перед массовой коллективизацией сельская буржуазия, возникшая еще в лексиконе Гражданской войны, фактически прекратила свое существование. Оставались лишь относительно состоятельные хозяйства, попавшие в разряд кулаков, не имея на то никаких оснований как по мощности своего хозяйства, так и по влиянию на сельский социум.

По-новому тема кулака зазвучала с выходом монографии С.А. Красильникова. Автор решил заменить понятие «раскулачивание» на «раскрестьянивание», поскольку в числе репрессированных оказались и не зажиточные крестьяне. По Красильникову, в ходе «великого перелома» крестьянство в целом утратило экономическую самостоятельность и независимость от государства, а подвергшиеся депортации — личные права и свободы. С.А. Красильников ссылается на слова В.А. Ильиных, полагающего, что основное содержание радикальных изменений в деревне с конца 1920-х гг. «сводится к относительно скоротечному и имеющему характер общественного катаклизма превращению крестьянства в принципиально новую социальную общность, которое можно определить термином "социалистическое раскрестьянивание"». По Ильину, «раскрестьянивание — длительный и многомерный процесс, включающий в себя кардинальную трансформацию различных экономических, социальных, демографических и психологических характеристик крестьянства, определяющих его как класс. В основе превращения крестьянства в новую страту

общества лежит ликвидация единоличного (семейного) хозяйства, представляющего базовую единицу его социальной самоорганизации» [23, с. 9, 17].

На наш взгляд, понятие «раскрестьянивание» шире понятия «раскулачивание». Раскулачивание коснулось лишь небольшой части преимущественно состоятельных крестьян. В советское время сельские жители потеряли исконно крестьянские характеристики, вошли в другие страты общества и получили новый статус колхозника, рабочих и служащих совхозов, МТС. Особняком выглядело положение единоличников, сохранявших в некоторой степени черты прежнего крестьянина, но исчезавшего как социальная группа при значительных ограничениях со стороны властей. Индивидуальные (личные) участки колхозников, рабочих и служащих вряд ли можно назвать индивидуальными крестьянскими хозяйствами в прежнем смысле слова.

С одной стороны, хорошо, что в последнее время появились более взвешенные оценки дефиниции «кулачества», анализируется феномен раскрестьянивания но, с другой стороны, за пределами современных историко-экономических исследований остаются иные единоличные подворья. Положение этих хозяйств представляет также большой научный интерес.

За 1990-е – 2000-е гг. значительно расширилась источниковая основа исследований. В эти годы выходят многочисленные сборники документов, в том числе и на региональном уровне³. Новые источники раскрывают во всей полноте жизнь селян, формы и методы воздействия властных структур на единоличное крестьянство. В статье наряду с опубликованными документами впервые представлены источники из федеральных и региональных архивов, еще не включенные в научный оборот.

При анализе экономической деятельности индивидуальных хозяйств применялись авторские многосоставные таблицы с использованием временных и динамических рядов. При составлении таблиц пришлось столкнуться различными методиками подсчета, а порой и с искажениями данных. Сопоставление разнобразных источников помогло в определенной степени отразить реальные результаты деятельности этих хозяйств.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

Статистические показатели 1920-х гг. свидетельствовали, что в 1927 г. большую часть населения Уральской области, занимавшегося земледельческими занятиями, составляли середняки — 39,8%, Башкирии — 50,9%, СССР — 48%. Эти данные показывают, что на Урале доля середняцких хозяйств было меньше, чем в соседней Башкирии и в стране. На второй позиции находились бедняки Уральской области (13,4%), Башкирии (14,6%), страны (14,6%). Здесь доля уральских бедняков уступала башкирским и союзным сведениям. На третьем месте были уральские сельские рабочие (6,2%), башкирские (6,6%), СССР (4,6%). В этом случае башкирские и уральские данные были близки, нежели в среднем по Советскому Союзу. На четвертом месте находились мифические враги советской

³ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.; Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.; Т. 3. Кн. 2. 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Док. и материалы: В 5 т. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. 877 с.; Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 925 с.; Т. 3: Конец 1930–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 1006 с.; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: Сб. документов и материалов. Оренбург: Оренбургское литературное агентство «ОРЛИТ-А», 2005. Т. 1. 285 с.; Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье. (Материалы по истории Курганской области). Курган: Изд-во. «Реформа», 1995. 135 с. и др.

власти, так называемые кулаки — на Урале (3,2%), Башкирии (2,1%), в стране (2,7%). Статистика показывала превышение удельного веса зажиточных крестьян на Урале. В общей сложности социальный состав сельского населения, занимавшегося земледельческим трудом, в Уральской области составлял 62,6%, Башкирии — 74,2%, а в стране — 69,9%.

Удельный вес селян, занимавшихся неземледельческими занятиями, был ниже — 30,5%, 16,8%, и 22% соответственно. Причем не земледельцев в деревнях Уральской области имелось существенно больше. Доля уральских середняков преобладала среди тех крестьян, которые занимались неземледельческими занятиями (16,3%), затем шли бедняки (9,2%), рабочие (3,9%) и кулаки (1,1%), в Башкирии — 9,2%, 5%, 2,2%, а в СССР — 12,8%, 5,7% и 2,6% соответственно. Остальная часть сельского населения не занималась сельскохозяйственными занятиями.

Таким образом, в 1927 г. в Уральской области более половины селян относились к середнякам — 57%, в Башкирии — 62,8%, в среднем по Советскому Союзу и того больше — 63,4%. На втором месте были бедняки: в Уральской области — 25,7%, Башкирии — 23,7%, и в СССР — 22,9%. На третьей позиции по численности находились сельские рабочие: в Уральской области — 12,9%, Башкирии — 10,9%, СССР — 9,8%. Удельный вес кулаков среди селян в Уралобласти определялся 4,4%, Башкирии — 2,6%, а по стране — 3,9%⁴. Эти данные свидетельствуют, что на Урале удельный вес крестьянских дворов среднего достатка отставал от союзных сведений, тогда как по остальным категориям был выше. Обращает на себя внимание доля кулаков в составе селян в Уральской области. Не потому ли борьба с кулачеством на Урале носила самые жестокие формы.

После принятия политическим руководством страны решения о социалистическом переустройстве сельского хозяйства началось реформирование деревни по всем направлениям. В течение 1928–1929 гг., а особенно с началом массовой коллективизации, принимались меры по сокращению индивидуальных крестьянских хозяйств. Вместо прежних сформированных на добровольной основе коллективных хозяйств (ТОЗов, коммун, старых колхозов и др.), а также кооперативных структур повсеместно добровольно-принудительным способом стали создаваться контролируемые государственными органами уставные сельскохозяйственные артели.

Вытеснение единоличников из жизни села шло по главным направлениям: политическим, идеологическим, экономическим, правовым. Крестьяне, несогласные с вступлением в новые колхозы, особенно зажиточные, лишались гражданских прав, прежде всего, избирательных. Вся пропагандистская машина направлялась не только на агитацию за социалистические преобразования в деревне, но и на создание образа потенциального врага советской власти из числа тех селян, которые воздерживались от вступления в колхозы. В экономической сфере использовался большой арсенал средств по лишению индивидуальных хозяйств возможности заниматься производительным трудом и получать государственную финансовую поддержку. Деятельность правоохранительных органов направлялась на активное применение уголовного законодательства в отношении единоличников в случае невыполнения ими нерешенных планов заготовок, налогов и др. Трагической страницей того времени стало широкомасштабное раскулачивание с применением неправых методов ликвидации кулацких хозяйств.

Еще накануне масштабных социалистических преобразований деревни при завершении новой экономической по-

литики началось сокращение индивидуальных крестьянских хозяйств, и особенно после хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Наивысшие темпы ликвидации индивидуальных дворов в регионе отмечены в Уральской области. Здесь их количество уменьшилось с 1240,9 тыс. в 1927 г. до 891 тыс. в 1930 г. (в 1,4 раза). В 1933 г. осталось всего 331,5 тыс., и сокращение продолжалось до конца 1930-х гг. Подобные процессы наблюдались и в других территориях Уральского региона. В Башкирии в 1927 г. насчитывалось 507,4 тыс. индивидуальных дворов, с началом массовой коллективизации их осталось 452 тыс., а в 1933 г. — 204,9 тыс. В Удмуртии было 120,7 тыс., а стало 110,4 тыс. и 44,2 тыс. соответственно⁵.

ЛИШЕНЦЫ

Значимое влияние на процесс раскрестьянивания оказала политико-экономическая акция по лишению значительного количества крестьян избирательных прав. Хотя это явление касалось не только сельских жителей и появилось еще в 1918 г., но накануне коллективизации приняло большие масштабы. Так называемый лишенец не имел права избирать и быть избранным в руководящие партийные и государственные структуры, общественные организации. Он не мог учиться в вузах и средних специальных учебных заведениях. У него заработная плата была ниже, чем у других работников.

Лишение зажиточных крестьян принимать участие в органах управления и самоуправления, в выборах в советы ограничивало возможности таких селян оказывать влияние на принятие важных для деревни решений. Подобное нововведение подготовило почву для массового раскулачивания. Такие действия властей привели к расколу, противопоставлению одних групп сельского социума другим. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. положил начало массовой кампании по лишению гражданских прав наряду с уголовным преследованием.

В соответствии с избирательной инструкцией (1926 г.) лишенцами становились люди, применявшие или применяющие наемный труд с целью извлечения прибыли, жившие или живущие на нетрудовые доходы, а также занимающиеся торговлей. Избирательные права не получали земледельцы, применявшие наемный труд в таком объеме, который расширял их хозяйство за пределы трудового. Наемный труд в трудовом хозяйстве должен был носить подсобный характер, и все трудоспособные члены семьи обязывались принимать участие в работе.

Лишенцем становился земледелец, обладавший не только земельным хозяйством, но имевший собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения или предприятия, где использовался наемный труд. Избирательные права лишались земледельцы, занимавшиеся дополнительно с земельным хозяйством закупкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов в виде промысла. Крестьяне, предоставлявшие в пользование имевшиеся у них сельскохозяйственные машины, рабочий скот, а также постоянно дающие кредит другим селянам на неприемлемых условиях, также лишались прав⁶.

Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР (октябрь 1929 г.) были изменены и дополнены Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. По ст. 20 «поражение прав заключается в лишении:

а) активного и пассивного избирательного права;

⁴ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 73. Д. 113. Л. 1.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 73. Д. 102. Л. 41, 55, 55 об.; Оп. 82. Д. 272. Л. 61; Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее — ЦГА УР). Ф. 234. Оп. 1. Д. 1605. Л. 2 об.

⁶ Собрание законов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее — СУ РСФСР). 1926. №75. Ст. 577.

б) права занимать выборные должности в общественных организациях;

в) права занимать те или иные государственные должности;

г) права носить почетные звания;

д) родительских прав».

Срок лишения прав определялся не более пяти лет, а для заключенных — после указанного судом⁷. Постановление ЦИК и СНК СССР (ноябрь 1930 г.) еще более ограничило крестьян, лишенных прав. Их запрещалось принимать в колхозы и другие сельскохозяйственные кооперативы. Им выдавались твердые задания по сдаче зерна, покупке облигаций займов на определенную сумму⁸.

По мнению С.А. Красильникова, лишение избирательных прав выполняло следующие функции:

- превентивную (предотвратить возможное усиление позиций и влияния в обществе тех или иных групп, потенциальных или реальных противников большевизма);
- проведение искусственного структурирования общества (как часть политики деления общества на своих сторонников и противников);
- установление поэтапного тотального контроля над основной частью общества;
- привлечения к проведению мер ограничительно-дискриминационного характера (соучастие) социальных низов;
- поддержания в обществе атмосферы раскола и конфронтации — поддержания психологии агрессии в отношении бывших привилегированных сословий и корпораций⁹.

В Уральском регионе, как и по всей стране, проводились гонения на зажиточных крестьян в период выборов в местные советы. Накануне коллективизации, по материалам личных дел, 36% крестьян-лишенцев имели 8-16 десятин земли, 24% — 4-6 дес., 20% — 2-4 дес., 40% — одну корову, 36% — до трех коров, 32% — одну лошадь и столько же — 2 лошади [28, с. 112].

По подсчетам С.А. Красильникова, за 1926-1929 гг. численность лишенцев в СССР существенно возросла. Если в 1926 г. их насчитывалось 1,04 млн (1,6% от всех избирателей), то в следующем году в 2,9 раза больше — 3,04 млн (4,3%), а в 1929 г. уже возросло до 3,72 млн человек (4,9% от всех избирателей). При этом происходили трансформации в структуре лишенцев: доля торговцев и посредников сократилась за это время с 43,3% до 21,7%; лиц, живших на нетрудовые доходы — с 13,8% (1926 г.) до 6,9% (1929 г.). С 1927 г. увеличился удельный вес членов семей лишенцев, лишенных прав. Если в 1926 г. они составляли 6,5%, в 1927 г. 38,5%, то в 1929 г. достигли 43,9%. Среди лишенцев возросла доля лиц, использовавших наемный труд (с 3,8% до 8,7%)¹⁰.

Свои особенности имела Уральская область. За 1926/27 — 1928/29 гг. численность избирателей в уральской деревне увеличилась с 2,79 млн до 2,94 млн, а лишенных избирательных прав — с 67,6 тыс. (2,4% от всех избирателей) до 88,2 тыс. (3%), что не совпадало с данными по стране. Доля лишенцев, применявших наемный труд, уменьшилась с 13,6% до 10,2%, а в СССР, напротив, увеличилась. Среди крестьян, лишенных прав, частных торговцев и посредников стало меньше, но их удельный вес не совпадал с союз-

ными показателями: сокращение с 18,9% до 14,6%. Лишь доля иждивенцев, лишенных избирательных прав, была близка к данным СССР — увеличение с 34,9% до 44,1%. Произошел небольшой рост лиц, живших на нетрудовые доходы, а в стране наметилось их снижение¹¹. При всех отличиях тренды Уральской области в основном соответствовали тенденциям в целом по стране.

В погоне за количественными показателями отдельные властные структуры теряли чувство меры, и особо не разбирались с соблюдением установленных правовых норм. Это становилось основанием для пересмотра дел лишенцев и восстановления их в правах. В 1928 г. Уральская областная прокуратура обнаружила необоснованное лишение граждан избирательных прав. Лишенцами становились немые, старики, а также обвиненные в связях с границей, члены семей осужденных без поражения в правах¹².

Лишенец мог восстановиться в правах, однако при условии занятия производительным и общественно полезным трудом и поддержки мероприятий советской власти. Жалобы лишенцев о восстановлении в правах подавались в течение недели. Затем этим вопросом занималась избирательная комиссия. В 1927 г. в избирательную комиссию Уральской области поступило 2038 ходатайств лишенцев о восстановлении. Из них удовлетворили 58,8%. В следующем году масштабы репрессий увеличились, и в избирательную комиссию было подано уже 254,8 тыс. заявлений, из них в 1929 г. избирательная областная комиссия рассмотрела только 4,6 тыс. жалоб, из которых удовлетворила лишь треть¹³.

В 1930 г. в этой области лишили избирательных прав 124,2 тыс. человек, но после проверки их численность сократилась на 18,9 тыс. человек (на 15,2%). Проверки по жалобам крестьян-лишенцев свидетельствовали, что некоторых из них лишали прав без всяких на то оснований: нередко за то, что они были против вступления в колхозы. Среди лишенцев оказывались и бедняки, и середняки. Только в Егоршинском районе восстановили в правах почти каждого третьего лишенца¹⁴. Таким образом, крестьяне, лишенные прав, пополняли ряды раскулаченных и единоличников, поскольку даже при желании им был закрыт путь в колхозы.

КУЛАЧЕСТВО

Пропагандистская машина советского государства направлялась на демонстрацию вредительской деятельности кулачества как классового врага. Формировалось общественное мнение крестьянства и всего населения, направленное против кулаков. Большая часть бедняков поддержала призыв борьбы с ненавистным внутренним врагом. С несогласными крестьянами власть быстро расправлялась. Началась кампания борьбы с кулачеством как внеэкономическими методами, так и уголовными репрессиями. Это был пролог будущего раскулачивания начала 1930-х гг.

Постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» (21 мая 1929 г.), подготовило основу для раскулачивания. К таким признакам относились следующие. Хозяйства, систематически применявшие наемный труд для сельхозработ или в кустарных промыслах и предприятиях, за исключением

⁷ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее — СЗ СССР). 1929. №67. Ст. 627.

⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 266. Л. 125.

⁹ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов). Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 1998. С. 14.

¹⁰ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов). С. 16-17.

¹¹ Рассчитано по: ЦДООСО, Ф. 4, Оп. 7, Д. 313, Л. 214 об.

¹² Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 2259. Оп. 1. Д. 51. Л. 37.

¹³ Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Сб. документов. Екатеринбург, 1996. С. 8.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 529. Л. 71-71 об., 74.

случаев применения наемного труда в тех пределах, в которых оно не влечет за собой лишения избирательных прав. К кулацким относились хозяйства, в которых имелись мельница, маслобойня, крупорушка, просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушка или другое промышленное предприятие, при условии применения в этих предприятиях механического двигателя, а также, если в хозяйстве имелась водяная или ветряная мельница с двумя или более поставами. В категорию кулацких попадало хозяйство, систематически сдававшее в наем сложные сельхозмашины с механическими двигателями. Кулацким становилось хозяйство, сдававшее в наем постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жилье или предприятие. Если члены хозяйства занимались торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имели другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа) они также причислялись к кулакам. Местные органы власти получили право изменять данные признаки¹⁵.

По выборочной переписи 1927 г., в Уральской области на 10% самых маломощных хозяйств приходилось по 30,1 руб. основных средств производства, а одно хозяйство из состава 10% самой мощной верхушки (кулаков) имело их по 1215 руб. на хозяйство, при этом средняя обеспеченность посевом составляла 0,76 дес. и 8,77 дес. на хозяйство соответственно¹⁶. В Уральской области в 1926/27 г. к кулацкой группе относились 3,2% обследованных хозяйств, но она обладала 16,1% средств производства [13, с. 44]. Кулакам принадлежало 20,4% всех рабочих лошадей, 17,6% коров. В этой области в арендном обороте находилось свыше 400 тыс. дес. пашни, из них три четверти арендовали кулаки [6, с. 64]. В 1926/27 г. в Уральской области на батраков приходилось 2,4% пашни и столько же посева, на бедняков — 12,8% и 9,7%, на середняков — 75,8% и 78,7%, на кулаков — 9% и 10,2% соответственно [25, с. 40]. По данным выборочного обследования крестьянских хозяйств Уральской области в 1928 г., группа хозяйств, имевшая посев свыше 17,6 га, при их численности 0,9% обладала полевым посевом размером, доля которого составляла 3% от всех категорий крестьянских хозяйств¹⁷.

В Башкирии в 1926 г. число хозяйств, имевших свыше 10 дес. посева, составляло 4,4%, а более 4 голов рабочего скота — 2,1%. В Оренбургской губернии в 1927 г. четыре и более головы рабочего скота имело 7,7% крестьянских хозяйств, а в Башкирии — 2%. По 1713 делам раскулаченных в Оренбуржье и Башкирии, хозяйства, имевшие пять и более голов рабочего скота, составляли большинство среди раскулаченных (36,9% всех дворов и 38,6% населения). Они обладали в среднем 21,3 дес. посева земли и 60,4% всей посевной площади [26, с. 60, 61, 611, 612].

Насколько зажиточными являлись кулацкие хозяйства можно судить по следующим фактам. В Прикамье кулаки имели семью, состоявшую из четырех-шести человек, 3–4 дес. посевов, 1–2 коровы, 1 лошадь, 1–5 овец, 5–10 кур. Доход на семью достигал 300 руб. в год [17, с. 37]. В акте приемы имущества высланного кулака А. Федорова значились: дом с сенями (200 руб.), два стола (1 руб.), конюшня (30 руб.), ворота и заплот (5 руб.), две телеги (10 руб.), кровать (10 руб.), стул (2 руб. 50 коп.), три стола кухонного (1 руб. 50 коп.), фонарь «Летучая мышь» (2 руб.), лопата (25 коп.), ящик (25 коп.), баня (2 руб.), корыто железное

(1 руб.) и т.д. — всего на сумму 317 руб. 90 коп.¹⁸ На Урале типичное кулацкое хозяйство включало одну корову, одну лошадь, три овцы, дом, конюшню, баню, амбар, 2–3 дес. посева, тогда как в СССР на одно кулацкое хозяйство в среднем приходилось 1,7 коровы и 1,6 головы рабочего скота¹⁹.

Одно из раскулаченных хозяйств Бирского кантона Башкирии состояло из семи человек, в том числе двух трудоспособных. В хозяйстве было 6,5 дес. собственной пашни, 0,35 дес. арендованной земли, две лошади, две коровы, девять голов мелкого рогатого скота. Кроме того, в хозяйстве имелись две молотилки, сепаратор. Здесь также применялся наемный труд. Домашнее имущество этого хозяйства оценивалось в 354 руб., строения — в 1465 руб. Доход от хозяйства в 1929 г. составлял 626 руб. Крестьянин должен был заплатить 88 руб. налога. За несдачу хлеба кулак был оштрафован на 129 руб. [14, с. 34].

Налоговая политика советского государства, прежде всего, направлялась против состоятельных селян. В 1926/27 г. удельный вес в налогообложении отдельных групп выглядел следующим образом:

- середняки — 69,7%;
- предприниматели (кулаки) — 18,7%;
- бедняцкие хозяйства — 7,6%;
- пролетариат — 4%, то есть основную нагрузку по налогу несли середняцкие хозяйства.

Поскольку середняцких дворов было больше, то они и платили в сумме больше. Важнее выявить распределение налоговых тягот в расчете на одного человека. Налоговые платежи на одного самостоятельного крестьянина и на душу сельского населения распределялись так: пролетариат — 19,2 и 10,5 руб., бедняки — 18,5 и 4,4 руб., середняки — 60 и 10,6 руб., предприниматели — 256 и 39,2 руб. соответственно. В этом случае кулаки в связи с большими доходами платили в несколько раз больше, чем бедняки. В среднем с сельского жителя страны изымалось на налоги 9,6% дохода, в том числе с пролетария — 9,7%, с бедняка — 5,6%, с середняка — 9,3%, с предпринимателя — 16,3%. С учетом самообложения селянин в среднем платил налог в размере 10,4% от всего дохода, не считая других платежей²⁰.

Предельный размер дохода, облагаемого единым сельхозналогом, ниже которого хозяйство не считалось кулацким, составлял 300 руб. на едока, но не более 1,5 тыс. руб. на хозяйство. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу, в Уральской области за 1927/28 г. число хозяйств, имевших доход свыше тысячи рублей, составляло 1135. В среднем на каждое хозяйство приходилось 8,8 едока. Поэтому средний доход исчислялся в 114 руб.²¹

В постановлении бюро Уральского обкома партии в апреле 1928 г. «О реформе сельскохозяйственного налога» указывалось: «1. Признать целесообразным повышение размера сельхозналога, определив к изъятию на 1928/29 г. по области ориентировочно до 24 млн. руб. 2. Увеличение налога должно быть произведено за счет более высокого обложения доходов у зажиточной верхушки деревни (повышение прогрессии подоходности), улучшения качества налогового учета и более полного привлечения к обложению доходов от сельского хозяйства и не-

¹⁸ Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 451. Оп. 2. Д. 11а. Л. 178.

¹⁹ Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг. Сб. документов. Екатеринбург, 1994. Вып. 1. С. 14.

²⁰ Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годы). Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза ССР. М., 1929. С. 43–44, 46, 54–55.

²¹ Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). С. 5.

¹⁵ СЗ СССР. 1929. №34. Ст. 301.

¹⁶ Хозяйство Урала. 1929. № 1. С. 23.

¹⁷ Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. Краткий стат. справочник. Год 4-й. Свердловск: Уралоблстатотдел, 1929. С. 444–445, 450.

земледельческих заработков»²². Постановление бюро Уралобкома, посвященное проведению сельхозналога в 1928/29 г., прямо требовало ужесточить требования к кулацким хозяйствам. Для этих хозяйств устанавливались укороченные сроки платежей сельхозналога. Индивидуальному обложению подлежали 2,3% хозяйств. Кроме того, предлагалось «установить предельную норму включения облагаемого дохода для вышеуказанных хозяйств в размере не свыше двойного размера облагаемого дохода, исчисляемого от сельского хозяйства с того же двора в общем порядке»²³. Если для обычных крестьян сроки уплаты налога устанавливались таким образом, чтобы первый взнос был внесен в размере 25% до 1 октября, второй (50%) — через полмесяца, а остальная часть — до 1 февраля, то с кулацких хозяйств требовали немедленного расчета в октябре²⁴.

ВЦИК и СНК РСФСР в июне 1929 г. приняли постановление «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов». Это постановление предусматривало для недомышников пятикратный штраф с применением в случае необходимости продажи имущества с торгов²⁵. Комиссии по содействию распределяли заготовительные задания, в основном, на кулацкие и середняцкие хозяйства, причем около 2/3 плана предназначалось кулакам. Невыполнение плана грозило штрафом в размере пятикратной стоимости определенного для них задания или описью и распродажей имущества. Они же определяли кандидатов на осуждение по ст. 107 УК РСФСР (скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления). Таким образом, кулак должен был досрочно выполнить индивидуальное задание, с него, опять же досрочно, взыскивали ссуды в банке, его лишали госстрахования, технической и агрономической помощи, права пользоваться лесами, принуждали практически даром отдавать собственную сельскохозяйственную технику.

В 1928/29 г. по хозяйствам Уральской области, обложенным в индивидуальном порядке, было начислено 2,2 млн руб. налога (20,9% к облагаемому доходу этих хозяйств). Больше всего налога было начислено в Челябинском округе — 379,8 тыс. руб., в то же время наименьшая часть из всего исчисления падала на Коми-Пермяцкий округ — 6,3 тыс. руб.²⁶ Это объяснялось тем, что на юге Уральской области находилось больше зажиточных селян. В 1929/30 г. в среднем по стране на хозяйство колхозника приходилось 10,7 руб. налога, тогда как на трудовое единоличное хозяйство — 18,1 руб., на кулацкое хозяйство — 172,5 руб. [16, с. 202].

Нажим на кулаков не прошел даром. В Уральской области удельный вес зажиточных крестьян сократился в производстве товарного хлеба с 30% в 1927/28 г. до 14% в следующем году. За 1927–1929 гг. в Уральской области доля крестьянских хозяйств, имевших 8,9 и более га посева, сократилась с 14,7% в 1927 г. до 7,1% — в 1929 г. Удельный вес крестьянских хозяйств, имевших трех и более лошадей, уменьшился с 10,2% в 1927 г. до 9% в 1929 г., а трех и более коров — с 11,9% до 8,4% соответственно [25, с. 178–179, 213, 403, 405]²⁷.

Выборочные обследования 1929 г. показывали, что в Уральской области с 1927 г. по 1929 г. удельный вес так называемых мелкокапиталистических хозяйств уменьшился среди селян, занимавшихся земледельческим трудом, с 3,2% до 1%, а среди сельских жителей с неземледельческими занятиями — с 1,1% до 0,5%. В 1929 г. 78,3% мелкокапиталистических хозяйств остались без изменений, но в то же время 4,5% из них вступили в колхоз, 12,7% — разделились, 1,5% — было выселено и ликвидировано. Посевные площади у кулаков в 1929 г. сократились в стране более чем на 70% по сравнению с 1927 г. Валовая продукция уменьшилась почти на 75%. Удельный вес кулацкого производства в производстве всей продукции сельского хозяйства снизился за это время с 9,5% до 5,5%, а товарной продукции — с 13,4% до 7,5%²⁸.

ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Вытеснение единоличного сектора из экономической сферы села можно проследить по следующим данным. При возрастании капитальных вложений в сельское хозяйство за 1928–1930 гг. по стране в 1,3 раза (с 2375,8 млн руб. до 3025,1 млн руб.) резко увеличились ассигнования в обобществленный сектор — в 6,7 раза (с 355,2 млн руб. до 2394,2 млн руб.), тогда как в частный сектор вкладывалось средств в 2 раза меньше (с 2053 млн руб. до 1041,8 млн руб.)²⁹. Распределение финансируемых капитальных вложений за 1928–1930 гг. показывает, что вложения в государственный сектор аграрной экономики возросли с 23,8% до 53,2%, а в колхозный сектор — с 12,2% до 30,5%. Все это происходило при одновременном снижении субсидирования единоличных хозяйств с 40,9% до 4,6%³⁰. Вложения в сельское хозяйство Уральской области достигли в 1928 г. 23,8 млн руб., в следующем году — 41,7 млн руб. и в 1930 г. — 140,1 млн руб.³¹ Капиталовложения в сельское хозяйство Башкирии составили в 1929/30 г. 18 млн руб., тогда как в предыдущем году — 9,6 млн. руб. В основном ассигнования предназначались колхозно-совхозному сектору³². Если в 1927/28 г. основная часть (42,5%) вложений в аграрную сферу Оренбуржья приходилась на государственный сектор, 39% — на индивидуальный и 18,5% — на колхозно-кооперативный секторы, то в 1928/29 г. госсектору увеличили долю до 77,6%, сократив индивидуальный сектор до 12,4% и колхозно-кооперативный — до 7,8%, а в 1929/30 г. государственному сектору выделили 57,8%, колхозно-кооперативному 26,2% и индивидуальному — 16%³³.

Показатели кредитования сельских жителей также свидетельствовали об определенных предпочтениях. В 1926/27 г. в Уральской области из 968,5 тыс. руб. сельхозкредита батраки получили 0,4%, бедняки — 56,1%, середняки — 39,6%, зажиточные — 3,9%, а в 1927/28 г. из 1080,4 тыс. руб. — 1,4%; 53,6%, 42,3% и 2,7% соответственно³⁴.

²⁸ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Стат. сведения по сельскому хозяйству за 1927–1930 гг. М.; Л., Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С. 13, 15, 66–68.

²⁹ Народное хозяйство СССР. Стат. справочник 1932 г. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. С. XXX.

³⁰ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. Стат. справочник 1932 г. С. 606.; Сдвиги в сельском хозяйстве СССР. С. 194–195.

³¹ Отчет о деятельности Уралоблисполкома VII созыва (1929–февраль 1931 г.) к VIII съезду Советов. Свердловск: Уралоблисполком, 1931. С. 61.

³² Башкирская АССР за 15 лет. Уфа, 1934. С. 45.

³³ Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 140. Л. 21.

³⁴ Уральская новая деревня. 1929. №15. С. 31.

²² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 29. Л. 123.

²³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 36. Л. 1.

²⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 32. Л. 73.

²⁵ СУ РСФСР. 1929. № 60. Ст. 589.

²⁶ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 5. Свердловск, 1930. С. 179, 181.

²⁷ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 4. Сельское хозяйство Урала. Свердловск: Статсектор Уралплана, 1930. Свердловск, 1930. С. 244.

Особенно сложно приходилось индивидуальным хозяйствам в период заготовок. Теперь частная торговля объявлялась спекуляцией и преследовалась по закону. В период хлебозаготовительного кризиса в Уральской области за полугодие 1927/28 г. (октябрь–март) из 909,8 тыс. хозяйств, плативших налоги, провели описи в 118,6 тыс. и организовали 7,8 тыс. торгов, предали суду 12,3 тыс. человек и осудили 6,1 тыс. крестьян³⁵. По итогам хлебозаготовок за апрель–июнь 1928 г. в Уральской области попали под суд 755 человек, из них 38,9% лишили свободы. У 106 осужденных был конфискован 108,3 тыс. пудов хлеба, описано имущества на 19,9 тыс. руб. и взят штраф 31,3 тыс. руб.³⁶ Как говорилось на майском пленуме Башкирского обкома партии, в 1927/28 г. по 107 статье привлекли к ответственности 417 человек и конфисковали 142 тыс. п. хлеба, в среднем на каждого 341 п. Всего было возбуждено 217 уголовных дел. За нарушение конвенционных норм привлекли к ответственности 111 человек, из которых половину отстранили от должности³⁷.

К хлебосдатчикам, не выполнившим задания, применялась ст. 61 УК РСФСР (отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение), но с учетом мощности хозяйства. Невыполнение самообязательств также предусматривало наказание по этой статье. Штрафные суммы исчислялись из расчета заготовительной стоимости несданного продукта, кроме кулацких хозяйств. Наложённые штрафы должны были реализоваться немедленно. Описанное имущество передавалось колхозам по определенной оценке³⁸.

В период хлебозаготовок 1929/30 г. в Уральской области было осуждено 1795 человек, а за 1930/31 г. — 2368 [14, с. 52]. По результатам хлебозаготовок в 1932 г. во время года в Уральской области были проведены массовые репрессии. К суду и административной ответственности привлекли 6,6 тыс. кулацких хозяйств, оштрафовали 5 тыс. хозяйств на 897 тыс. руб., осудили 2,7 тыс. человек, в том числе выслали 0,6 тыс. В отношении контрактантов применили беспспорное взыскание в 14,6 тыс. хозяйств (4,5% от всех), привлекли к уголовной ответственности — 1,3 тыс. хозяйств (0,4 % от всех)³⁹.

Начавшаяся массовая коллективизация наложила свой отпечаток на индивидуальное земледелие и землеустройство. Постановление коллегии НКЗ РСФСР «О землеустроительных работах на 1929–1930 год» и вышедший затем циркуляр НКЗ РСФСР предусматривали прекращение индивидуального землеустройства⁴⁰.

Единоличные хозяйства землю получали вдали от населенных пунктов и худшие по качественным характеристикам. Теперь не всегда крестьяне могли получить луга и выгоны, без которых содержание скота становилось проблематичным. Согласно инструкции по проведению землеуказаний, бедняцкие и середняцкие хозяйства, не входившие в колхозы, наделялись землей рядом с колхозными полями. Такой метод наделения земель подталкивал сомневающийся к вступлению в колхоз и экономил средства при проведении землеустроительных работ для колхозов. Однако, как и раньше, при отводе земельных участков единоличникам доставались земли, совершенно непригодные для проведения сельскохо-

зяйственных работ⁴¹. Только после указаний сверху Уралоблисполком обратился к окрзу, окрколхозсоюзам и райисполкомом с требованиями приостановить произвол при отводе земель колхозникам и единоличникам⁴².

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В НАЧАЛЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

После первых двух волн массовой коллективизации 1930–1931 гг. коренным образом изменилось положение индивидуальных крестьянских хозяйств. По данным Наркомата финансов СССР 1931 г. можно судить о социальном составе единоличных дворов. В Уральской области (неполные сведения по 145 районам из 161) 81,8 тыс. бедняцких хозяйств, освобожденных от обложения, составляли 17,1% от 478,4 тыс. хозяйств, тогда как в Башкирии — 54,7 тыс. хозяйств (19,1% от 286,9 тыс.). Основная часть индивидуальных хозяйств приходилась на середняцкие дворы, облагаемые в общем порядке, в Уральской области их насчитывалось 335,7 тыс. (70,2%), а в Башкирии — 200,9 тыс. (70%). Хозяйства, облагаемые от доходов от продажи сельхозпродукции на рынке, были не столь многочисленны и составляли в Уральской области 53,7 тыс. (11,2%), а в Башкирии и того меньше — 22 тыс. (7,6%). В Уральской области кулацких хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, осталось всего 7,2 тыс. (1,5%), тогда как в Башкирии — 9,3 тыс. (3,3%). Приведенные статистические данные свидетельствовали, что удельный вес бедняцких и середняцких уральских и башкирских индивидуальных хозяйств был примерно равным. Существенные различия наблюдались в хозяйствах, облагаемых от доходов от продажи на рынке. Башкирские крестьяне меньше занимались продажами. Примечательно, что раскулачивание ошутимее прошло в Уральской области, нежели в Башкирии.

На бедняцкие единоличные хозяйства приходилось в Уральской области 6% всего посева индивидуальных дворов, а в Башкирии — 8,5%, облагаемого крупного рогатого скота (КРС) — 12,4% и 13,4%, всего облагаемого дохода от сельского хозяйства — 5,6% и 7,9%, всего неземледельческого заработка — 11,4% и 14,5%, облагаемого дохода от всех источников — 6,6% и 7,9%, исчисленной суммы сельхозналога — 2,2% и 1,2% соответственно. Необходимо иметь в виду, что значительная часть бедняков в начале коллективизации вступила в колхозы. Незначительные различия в доли бедняцких хозяйств в этих территориальных единицах привели к небольшим отклонениям по основным показателям. Лишь по исчисленной сумме налога заметны отличия башкирских дворов, свидетельствовавшие о меньшей доли в уплате налога бедняками.

Хозяйства, облагаемые в общем порядке располагали в Уральской области 77,2% всего учтенного посева, а в Башкирии — 77,1%, облагаемого КРС — 74% и 74,4%, всего облагаемого дохода от сельского хозяйства — 63,6% и 72,4%, всего неземледельческого заработка — 75,6% и 71,4%, облагаемого дохода от всех источников — 72,8% и 71,3%, исчисленной суммы сельхозналога — 53,9% и 43,1% соответственно. В середняцких хозяйствах этих территорий следует обратить внимание на существенную разницу удельного веса по облагаемому доходу от сельского хозяйства и исчисленной суммы сельхозналога.

Доля индивидуальных хозяйств, облагаемых от доходов от продажи сельхозпродукции на рынке, составляла в Ураль-

³⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 67. Л. 23.

³⁶ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1442. Л. 105.

³⁷ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 7. Д. 1. Л. 92.

³⁸ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 539–543.

³⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 268. Л. 76–77.

⁴⁰ Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уральского облисполкома. 1930. №3. С. 47, 48; №8. С. 137.

⁴¹ ЦДООСО, Ф. 4. Оп. 8. Д. 405. Л. 19 об.

⁴² Официальный сборник. 1930. №21–22. С. 325.

ской области по посеву 16,5%, а в Башкирии — 10,4%, по облагаемому крупному рогатому скоту — 11,9% и 9,3%, всего облагаемого дохода от сельского хозяйства — 19,3% и 15,2%, всего неземледельческого заработка — 11,1% и 8,8%, облагаемого дохода от всех источников — 19,2% и 14,1%, исчисленной суммой сельхозналога — 23,5% и 15,9% соответственно. Имелись значительные различия в доли посевов тех хозяйств, что занимались торговлей. Причем сумма налога вновь оказалась выше в Уральской области.

Оставшиеся кулацкие хозяйства несли наибольшие налоговые тяготы. В Уральской области их удельный вес в посевах равнялся 0,3%, а в Башкирии — 4%. облагаемого КРС — 1,7% и 2,9%, всего облагаемого дохода от сельского хозяйства — 11,4% и 4,5%, всего неземледельческого заработка — 1,9% и 5,3%, облагаемого дохода от всех источников — 1,4% и 6,7%, исчисленной суммы сельхозналога — 20,4% и 39,8% соответственно⁴³. Удельный вес башкирских кулацких дворов преобладал по большинству позиций, кроме облагаемого дохода от сельского хозяйства. Безусловно, большее количество кулацких хозяйств среди единоличных дворов в Башкирии сказалось на значительной доле в объеме выплаченного налога.

Единоличникам приходилось часто довольствоваться случайными заработками. В начале 1930-х гг. только 2/3 уральских колхозов почти полностью использовали рабочую силу (на 75–100%), в Башкирии таких колхозов было несколько больше, что превышало показатели соседних регионов⁴⁴. При неполном использовании своей рабочей силы в колхозах шли на наем единоличников, причем расплачивались часто за это хлебом, уменьшая тем самым потребление собственных колхозников. Такое положение на Урале наблюдалось в течение всех 1930-х гг.⁴⁵

Если в 1927 г., по нашим подсчетам, посевные площади крестьянских хозяйств превышали в Уральском регионе 99%, то с началом массовой коллективизации в 1930 г. посевы уменьшились в Уральской области до 64%, Башкирии — до 74,3%, Удмуртии — до 86,3%, а в 1933 г. — 6,5%, 15,5%, 22,6% соответственно. Статистика свидетельствовала о наиболее ощутимых потерях индивидуальных хозяйств, прежде всего, в Уральской области, особенно при сравнении с Удмуртией. Обеспеченность посевными площадями в расчете на одно единоличное хозяйство составляла в 1927 г. в Уральской области 4,59 га, Башкирии — 5,17 га, Удмуртии — 4,93 га. В 1933 г. индивидуальное хозяйство Уральской области имело в среднем 1,3 га посевов, Башкирии в 1934 г. — 3,24 га. Спад усиливался в последующие годы, практически ликвидировавший посеы единоличников.

Одновременно с ростом доли социалистического сектора в валовом сборе зерновых резко сокращался удельный вес индивидуальных хозяйств. В течение 1928–1932 гг. их доля снизилась с 98,2% до 15,1%. За это время производство зернобобовых культур в данных хозяйствах в Уральском регионе уменьшилось в 8,6 раза. В Уральской области снижение произошло с 48323,1 тыс. ц до 3578, тыс. ц (в 13,5 раза), а в Башкирии — с 20884,3 тыс. ц до 4469,6 тыс. ц (в 4,7 раза) [34, с. 123, 126, 129, 221, 222, 247, 249].

В 1928 г. на бедняцко-средняцкое хозяйство в стране в среднем приходилось 4,2 га посевов [5, с. 55-56]. По данным выборочного обследования крестьянских хозяйств

Уральской области в 1928 г. большая часть полевого посева (23,6%) принадлежала группе с посевом 4,5-6,7 га.⁴⁶

Отрицательная динамика прослеживалась и в другой важнейшей отрасли сельской экономики — животноводстве. Все виды скота в индивидуальных хозяйствах в 1927 г. превышали 99% от всего стада. Однако доля индивидуальных дворов, обладателей лошадей, пошла на убыль. В 1930 г. в Уральской области она составляла 75%, Башкирии — 80,9%, Удмуртии — 85,9%. 1933 г. дал еще более низкие показатели: 18,4%, 22,4%, 12,3% соответственно. Особенно пострадали удмуртские крестьяне. Подобная тенденция наблюдалась и по наличию крупного рогатого скота у единоличников в 1930 г.: Уральская область — 84,7%, Башкирия — 95%, Удмуртия — 85,9%, а в 1933 г. — 51,1%, 76,9% и 3,7% соответственно. По свиному поголовью складывалась следующая ситуация. В 1930 г. удельный вес уральских индивидуальных хозяйств сократился до 83,5%, башкирских — до 96%, удмуртских хозяйств — до 85,8%, тогда как в 1933 г. снижение достигло больших размеров: 34,5%, 47,1%, 9,2% соответственно. Если по овцам и козам в 1930 г. были относительно высокие показатели: Уральская область — 89,2%, Башкирия — 95,6%, Удмуртия — 86%, то в 1933 г. кризис стал ощутимее: 49,5%, 73,5% и 47,3% соответственно [33, с. 134, 137, 140, 171, 174, 177, 211, 214, 218, 232, 235, 238, 261].

В Уральской области без скота находилось от 5,6% (1929 г.) до 18,7% (1932 г.) единоличных хозяйств. В 1927 г. в Башкирии и Удмуртии скот не держали одинаковое количество хозяйств — 2,7%. Без рабочего скота в Уральской области в 1927–1929 гг. было каждое пятое хозяйство единоличника. То же происходило в 1927 г. в Башкирии, но в 1929 г. таких хозяйств стало меньше. Одну голову рабочего скота держали в 1925–1929 гг. почти половина хозяйств единоличников Уральской области и каждое третье хозяйство в 1926 г. в Оренбуржье. В течение 1927–1928 гг. 2/3 удмуртских хозяйств обладали одной головой рабочего скота. В Уральской области в 1926–1929 гг. каждое десятое единоличное хозяйство являлось бескоровным, а в 1932 г. таковых стало 28,9%. В Башкирии коров не имело от 15,1% (1927 г.) до 25% (1932 г.) хозяйств [32, с. 295].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, после завершения новой экономической политики, кризиса хлебозаготовок 1927/28 г. начался усиленный нажим на индивидуальные крестьянские хозяйства. Заготовки сельскохозяйственной продукции проводились репрессивными методами. Усилия партийно-государственных структур направлялись в первую очередь против состоятельного крестьянства. Лишение этой категории крестьянства гражданских прав предопределило участь наиболее трудолюбивой части доколхозной деревни.

При проведении коллективизации экономическими, а чаще внеэкономическими методами крестьян побуждали ликвидировать свои хозяйства и вступать в колхозы. Для других крестьян предусматривались рабочие места в совхозах, МТС или перемещение в город, где новостройки остро нуждались в рабочих руках. Состоятельные единоличники пострадали больше. Им была уготована ссылка при раскулачивании. Крестьянам пришлось адаптироваться к новым реалиям, чтобы спасти себя и свои семьи от репрессий.

Принудительная, ускоренная коллективизация расколола сельский социум. Беднейшие и отдельные средние хозяйства в основном поддерживали мероприятия советской власти. От-

⁴³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 9. Д. 132. Л. 15, 15 об., 28, 28 об.

⁴⁴ Колхозы в 1930 г. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б). М.; Л.: Соцэкиз, 1931. С. 128.

⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 43. Л. 71 об.

⁴⁶ Уральское хозяйство в цифрах 1929. С. 444-445, 450.

носителем зажиточные и зажиточные (кулацкие) хозяйства активно и латентно сопротивлялись нововведениям. Массовое раскулачивание обеспечило север страны и стройки пятилетки рабочей силой. Так радикальным способом решалась проблема раскрестьянивания и агроперенаселения страны.

Коренным образом изменились институционально на новой социалистической основе не только сельскохозяйственное производство, но и быт, культура, менталитет крестьянства. В деревне началась широкомасштабная акция по замене прежних сельских институтов. Политика массовой коллективизации не предусматривала существования крестьянских дворов вне колхозов и совхозов. Потому все силы партийно-советских структур были брошены на переход к контролируемым государством сельским организациям — коллективным хозяйствам и государственным советским хозяйствам. Общинные структуры, земельные общины ликвидировались и превращались, по сути, в государственные формирования — колхозы. Сельские сходы заменялись колхозными собраниями. Создавалась видимость колхозной демократии, когда собрания колхозников превращались в обязательное одобрение государственных планов. Единоличные хозяйства уже не могли влиять на принятие решений.

Нельзя отрицать положительные моменты добровольного коллективного труда при хорошей, эффективной организации: материально-техническое оснащение, машиноснабжение, механизацию и автоматизацию, научную организацию труда, применение научных достижений в селекции, повышении продуктивности скота, использование удобрений и т.п. Однако командование селянами, лишение возможности распоряжаться произведенным продуктом перечеркивало традиционные российские крестьянские ценности. Труд из-под палки, отсутствие зачастую стимулирования, низкая оценка труда не вызывало большого энтузиазма у большинства сельских производителей, особенно на начальном этапе колхозно-совхозного строительства. Но иной выбор для единоличников отсутствовал. Искусственно проведенные

социалистические преобразования на селе частично достигли своей цели: сломали исконные устои деревенской жизни. Насильственный ускоренный переход к колхозно-совхозному производству превратил сельских жителей в государственных работников. Оставшиеся единоличные хозяйства владели жалкое существование.

Имелись ли перспективы развития индивидуальных хозяйств как в годы НЭПа, хотя и тогда их товарность была невысокой? Возможно, да. Требовалось создавать крупные товарные крестьянские хозяйства, разветвленную сеть кооперации, обеспечить нормальные условия найма рабочей силы, машиноснабжение. Главное же, необходима была всесторонняя финансово-кредитная поддержка государства.

Но руководство страны поставило амбициозную задачу в кратчайшие сроки выйти в разряд высокоразвитых индустриальных держав. В этом случае примитивное сельское хозяйство с мелкобуржуазными взглядами зажиточно-средняцкой части крестьянства не вписывалось в стратегию аграрной политики, сдерживало реализацию этих модернизационных устремлений. Поэтому часть настоящих и мифических противников советской власти изолировали в ходе коллективизации, а другие индивидуальные хозяйства вынуждали прекратить деятельность вне новых сельских институтов.

По мнению руководства, реальная внешняя угроза предполагала бороться с внутренними классовыми врагами, в числе которых оказались единоличные хозяйства, не желавшие следовать политическому курсу превращения сельского хозяйства в неотъемлемую часть социалистической экономики. Село должно было безоговорочно и без помех выполнять установленные народнохозяйственные планы. Необходимо было уничтожить частный интерес единоличных крестьян в кратчайшие сроки, а это было несовместимо с взглядами тех селян, которые больше думали о личном благосостоянии, нежели о перспективах первоочередного развития индустрии. Уральский регион стал одной из территорий, где наиболее жестко и бескомпромиссно проводилась борьба с единоличными хозяйствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998. 18 с.
2. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 806 с.
3. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. №7. С. 23–44.
4. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: ЛЕНАНД, 2014. 608 с.
5. Венжер В.Г. Вопросы использования закона стоимости в колхозном производстве. М.: Госпланиздат, 1960. 319 с.
6. Власова Л.П., Ефременков Н.В. Социально-экономические изменения в уральской деревне в результате коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 3. Свердловск, 1972. С. 63–79.
7. Галас М.Л. Разгром аграрно-экономической оппозиции в начале 1930-х гг.: дело ЦК Трудовой крестьянской партии (по материалам следствия) // Отечественная история. 2002. №5. С. 89–112.
8. Гончарова И.В. Крестьянство Центрально-Черноземной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928–1932 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 522 с.
9. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 95 с.
10. Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа: Китап, 1993. 156 с.
11. Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М.: Высш. шк., 1988. С. 315–346.
12. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.
13. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.

REFERENCES:

1. Alekseeva L.V. Agricultural production of the Ural region during the first five-year plan (1928–1932): abstract. diss. ... candidate of Historical Sciences. Kurgan, 1998. 18 p.
2. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience (Socio-cultural dynamics of Russia). From the past to the future. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1997. 806 p.
3. Beznin M.A., Dimoni T.M. The agrarian system of Russia in the 1930s – 1980s (a new approach) // Questions of History. 2005. No.7. pp. 23–44.
4. Beznin M.A., Dimoni T.M. The agrarian system of Russia of the 1930s–1980s. Moscow: LENAND, 2014. 608 p.
5. Venzher V.G. Questions of the use of the law of value in collective farm production. Moscow: Gosplanizdat, 1960. 319 p.
6. Vlasova L.P., Efremenkov N.V. Socio-economic changes in the Ural village as a result of the collectivization of agriculture in the Urals. 3. Sverdlovsk, 1972. pp. 63–79.
7. Galas M.L. The defeat of the agrarian and economic opposition in the early 1930s: the case of the Central Committee of the Labor Peasant Party (based on the investigation materials) // National History. 2002. No. 5. pp. 89–112.
8. Goncharova I.V. The peasantry of the Central Chernozem region in the conditions of preparation and collectivization in 1928–1932: diss. ... doctor of Historical Sciences. M., 2015. 522 p.
9. Graziosi A. The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933. Moscow: ROSSPEN, 2001. 95 p.
10. Davletshin R.A. «The Great Turning point» and the tragedy of the Bashkortostan peasantry. Ufa: Kitap, 1993. 156 p.
11. Danilov V.P. Collectivization: how it was // Pages of the history of the CPSU: Evidence. Problems. Lessons. M.: Higher School, 1988. pp. 315–346.
12. Danilov V.P. Soviet pre-kolkhoz village: population, land use, economy. M.: Nauka, 1977. 318 p.
13. Danilov V.P. Soviet pre-kolkhoz village: social structure, social relations. Moscow: Nauka, 1979. 359 p.

14. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии Урал. отд-ния АН СССР, 1991. 195 с.
15. Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5. С. 86–94.
16. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука, 1978. 493 с.
17. Еременко В.Г. Ликвидация кулачества как класса в Прикамье: геноцид против собственного крестьянства // Век уходящий: история Прикамья по архивным документам. Тезисы научно-практической конференции. Пермь, 2000. С. 36–39.
18. Ефременков Н.В. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 123–158.
19. Земсков В.Н. О некоторых проблемах «большого террора» 1937–1938 годов // Отечественная история. 2000. №1. С. 200–205.
20. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.
21. Ильиных В.А. Единоличники Западной Сибири в 1930-е гг.: социальные изменения, стратификация // Отечественная история. 2006. №6. С. 95–105.
22. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия / Под ред. Х. Окуда. Токио, 2005. С. 286–313.
23. Красильников С.А. Серп и Молоч. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 285 с.
24. Кузнецов И.А. Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции) Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: ЛЕНАНД, 2014. 608 с. // Крестьяноведение. 2016. №1. С. 171–179.
25. Куликов В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925–1932. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. 277 с.
26. Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия советской власти (1917–1932 гг.). Оренбург: Оренбургское литературное агентство «ОРЛИТ-А», 2004. 676 с.
27. Лабузов В.А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ (1917–1930 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2005. 60 с.
28. Мазур Л.Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): сборник статей участников научной конференции. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. С. 105–119.
29. Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х гг.). Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. Урал. отд-ния РАН, 1998. 221 с.
30. Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М.: РОССПЭН, 2011. С. 495–527.
31. Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.
32. Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 537 с.
33. Филатов В.В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 264 с.
34. Филатов В.В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 260 с.
35. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
36. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 710 с.
14. Denisevich M.N. Individual farms in the Urals (1930–1985). Yekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 1991. 195 p.
15. Dobronozhenko G.F. Methodology of analysis of the social group «kulaks» in Russian historiography // Russian history. 2009. No. 5. pp. 86–94.
16. Dyachenko V.P. History of finance of the USSR (1917–1950). Moscow: Nauka, 1978. 493 p.
17. Eremenko V.G. Liquidation of the Kulaks as a class in the Kama region: genocide against their own peasantry // The passing century: the history of the Kama region according to archival documents. Abstracts of the scientific and practical conference. Perm, 2000. pp. 36–39.
18. Efremenkov N.V. Socio-economic relations in the Ural village on the eve of collectivization // Questions of the history of the Urals. Sverdlovsk, 1963. Issue 4. pp. 123–158.
19. Zemskov V.N. On some problems of the «Great Terror» of 1937–1938 // National History. 2000. No. 1. pp. 200–205.
20. Ivnickiy N.A. Collectivization and dekulakization (early 30s). Moscow: Interprax, 1994. 267 p.
21. Ilyinykh V.A. Sole Proprietors of Western Siberia in the 1930s: social changes, stratification // Domestic history. 2006. No.6. pp. 95–105.
22. Kornilov G.E. Transformation of the agrarian sphere of the Urals in the first half of the XX century // XX century and rural Russia / Edited by X. Okuda. Tokyo, 2005. pp. 286–313.
23. Krasilnikov S.A. Sickle and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930s. Moscow: ROSSPEN, 2003. 285 p.
24. Kuznetsov I.A. Adventures of state capitalism in agriculture of the USSR (about one historical concept) Beznin M.A., Dimoni T.M. The agrarian system of Russia of the 1930s–1980s. Moscow: LENAND, 2014. 608 p. // Krestyanovedenie. 2016. No. 1. pp. 171–179.
25. Kulikov V.M. Preparation and conduct of an extensive offensive against capitalist elements in the Urals. 1925–1932. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University, 1987. 277 p.
26. Labuzov V.A. Agrarian relations in the Southern Urals in the first decades of Soviet power (1917–1932). Orenburg: Orenburg Literary Agency «ORLIT-A», 2004. 676 p.
27. Labuzov V.A. Village of the Southern Urals in the period of social upheavals and economic reforms (1917–1930): abstract. diss. ... doctor of historical sciences. Yekaterinburg, 2005. 60 p.
28. Mazur L.N. Disenfranchisement of peasants in the 20s – the first half of the 30s (based on personal files) // History of reforms in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s): collection of articles by participants of the scientific conference. Nizhny Tagil: NTGPI, 1997. pp. 105–119.
29. Nikitina G.A. Udmurt community in the Soviet period (1917 – early 30s). Izhevsk: Udm. institute of History, yaz. and lit. Ural. Department of the Russian Academy of Sciences, 1998. 221 p.
30. Okuda X. «From the plough to the portfolio»: village Communists and Komsomol members in the process of decoupling (1920s – early 1930s) // History of Stalinism: results and problems of study. Moscow: ROSSPEN, 2011. pp. 495–527.
31. Stalinism and the peasantry: a collection of scientific articles and materials of round tables and meetings of the theoretical seminar «The Peasant question in national and world history» / edited by P.P. Marchenya, S.Y. Razin. M.: Ippolitov Publishing House, 2014. 765 p.
32. Filatov V.V. Agricultural production in the Urals in the late 1920s – early 1940s: diss. ... doctor of historical sciences. Yekaterinburg, 2007. 537 p.
33. Filatov V.V. Uralskoye selo, 1927–1941: dynamics and rates of animal husbandry development: Monograph. Magnitogorsk: GOU VPO «MSTU», 2006. 264 p.
34. Filatov V.V. Uralskoye selo, 1927–1941: dynamics and rates of development of agriculture: Monograph. Magnitogorsk: GOU VPO «MSTU», 2006. 260 p.
35. Fitzpatrick Sh. Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: village. M.: ROSSPEN, 2001. 422 p.
36. Engelhardt A.N. From the village. 12 letters. 1872–1887. St. Petersburg: Nauka, 1999. 710 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 93,44%.

Рецензент: Мотревич В.П., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева

Статья поступила в редакцию 05.04.2022, принята к публикации 25.04.2022

The article was received on 05.04.2022, accepted for publication 25.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», г. Магнитогорск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3076-2324>, e-mail: v.philatov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Filatov, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk state technical University, Magnitogorsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3076-2324>, e-mail: v.philatov@mail.ru

5.6.1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
NATIONAL HISTORY

07.00.02

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
NATIONAL HISTORY

Шахматный спорт в первые годы советской власти: от любительских увлечений к организованному движению интеллектуалов

©Евгения Валентиновна Демчик^а, ©Анатолий Сергеевич Горовой^б

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

^аe-mail: demtchikev@mail.ru

^бe-mail: anatolijgorovoj36@gmail.com

Аннотация. Шахматы как особый вид интеллектуальной деятельности и особый вид спорта, получивший в условиях советской действительности дополнительный импульс для развития, стали одним из способов формирования общества нового типа. С первых лет советской власти поддержка государством массового развития шахматного спорта была направлена на формирование творческих и аналитических способностей граждан, обладавших вместе с тем определенными социальными качествами, демонстрировавшими интеллектуальное превосходство советского человека. В данной статье шахматный спорт рассматривается как историко-культурный феномен советской действительности. Раскрываются особенности организации шахматной структуры, её внутренних механизмов, функционирования и развития шахматных учреждений в новых исторических условиях. Охарактеризована роль шахмат в формировании советской интеллектуальной общественной среды. На основе выявления причинно-следственных связей процесса складывания шахматного спорта как одного из институтов духовной жизни общества дана оценка его развития в первые годы советской власти.

Ключевые слова: история шахмат, интеллектуальные виды спорта, российская шахматная школа, спорт и политика.

Для цитирования: Демчик Е. В., Горовой А. С. Шахматный спорт в первые годы советской власти: от любительских увлечений к организованному движению интеллектуалов // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 32-38.

Chess Sport in the First Years of Soviet Power: From Amateur Hobbies to the Organized Movement of Intellectuals

©Evgeniya V. Demchik^a, ©Anatoly S. Gorovoy^b

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^ae-mail: demtchikev@mail.ru

^be-mail: anatolijgorovoj36@gmail.com

Abstract. Chess as a special kind of intellectual activity and sport, which received an additional impetus for development in the conditions of Soviet reality, became one of the ways of forming a new type of society. Since the first years of Soviet power, the state's support for the mass development of chess sports was aimed at the formation of creative and analytical abilities of citizens who at the same time possessed certain social qualities that demonstrated the intellectual superiority of the Soviet person. The article considers chess sport is considered as a historical and cultural phenomenon of Soviet reality. The peculiarities of the chess structure organization, its internal mechanisms, functioning and development of chess institutions in new historical conditions are revealed. There is the characteristic of the chess's role in the formation of the Soviet intellectual social environment. Based on the cause-and-effect relationships' identification

of the process of the formation of chess sport as one of the institutions of the spiritual life of society, an assessment of its development in the first years of Soviet power is given.

Key words: chess history, intellectual sports, Russian chess school, sports and politics.

FOR CITATION: Demchik E. V., Gorovoy A. S. Chess Sport in the First Years of Soviet Power: From Amateur Hobbies to the Organized Movement of Intellectuals // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 32-38. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время шахматы остаются весьма популярным видом спорта и распространенным способом интеллектуальной деятельности. По данным Международной Федерации Шахмат (FIDE) за 2020 г., в мировой шахматной системе было зарегистрировано около 1 миллиона игроков, а 195 национальных шахматных федераций являлись членами МФШ [FIDE, 2020: 1]. Если учитывать не только официально зарегистрированных пользователей, то со слов бывшего президента FIDE Илюмжинова К. Н., «количество играющих в шахматы людей в мире постоянно увеличивается и ... приближается примерно к 650 миллионам человек» [Богатов, 2017].

За прошедшие столетия шахматный спорт претерпевал множество изменений. С середины XIX в. взаимосвязь шахматной и общественной реальностей начинает проявляться более отчетливо и становится своеобразным индикатором геополитических отношений. XX в. стал определенным триггером, запустившим глобальные изменения на мировой арене. Вслед за этим шло дальнейшее усложнение мирового шахматного пространства. Изменение основ шахматной действительности, являющееся отражением развития исторической реальности, представляет безусловный интерес для исследователей.

Первыми фундаментальными работами по истории развития шахмат в России стали труды советского шахматного историка и литератора М. С. Когана «История шахматной игры в России» [16] и «Очерки по истории шахмат в СССР» [17]. Отдельного внимания заслуживает работа Н. И. Грекова «История шахматных состязаний» [7], в которой наряду с описанием конкретной турнирной и игровой деятельности имеются качественные и подробные описания внутриорганизационных моментов. В публикациях Я. Г. Рохлина «Шахматы» [25] и «Книга о шахматах» [24] главное внимание уделяется характеристике основ шахматных знаний и теоретических принципов игры. В монографии Я. Н. Длуголенского «Люди и шахматы. Страницы шахматной истории Петербурга — Петрограда — Ленинграда» [8] приводятся систематизированные данные по истории городских шахматных кружков, а также затрагиваются вопросы взаимодействия с другими шахматными центрами страны, в большей степени, с Москвой.

В целом, абсолютное большинство работ по истории шахмат носят узконаправленный характер. Преимущественно это специализированная литература, делающая акценты на принципах шахматной стратегии, основе дебютной подготовки, методиках и программах преподавания, биографических и библиографических материалах, мемуарах, воспоминаниях и философских работах. Сугубо исторических работ и исследований профессиональных шахматных историков насчитываются единицы.

Изучение истории шахматного спорта в условиях советской действительности продолжает оставаться актуальной задачей для исследователей. В данной статье предпринимается попытка анализа развития шахматного спорта как особого историко-культурного феномена. Для этого планируется

оценить уровень функциональности шахматных организаций после революционных событий 1917 г., проследить дальнейшие пути и способы их развития, охарактеризовать специфику организации шахматных объединений в крупнейших центрах страны (Москва, Петроград-Ленинград), проанализировать реализацию основных направлений новой государственной политики в отношении шахматного спорта и выявить основные черты взаимодействия шахматных организаций с государственным аппаратом в условиях советской действительности, определить основные изменения шахматного спорта в данный период и показать процесс его интеграции в советскую среду.

Одной из основных групп источников, использованных в исследовании, являются материалы специализированной периодической печати 1920-х гг.: журналы «Шахматный Листок» (разные его редакции), «64 — Шахматы и шашки в рабочем клубе» и другие. Данные материалы практически не используются в современных работах, однако они позволяют наиболее точно охарактеризовать положение советских шахмат в первое десятилетие советской власти. Шахматные журналы 1920-х гг. обладают огромной информативной ценностью и определенной объективностью, поскольку, как известно, в условиях нэпа в публикациях допускались разносторонние подходы к анализу тех или иных исторических процессов и явлений. Большую ценность имеют также автобиографические заметки А. Ф. Ильина-Женевского «Записки советского мастера» [12]. Ильин-Женевский как большой ценитель шахматной игры и не последней человек в государственной системе, отразил события тех лет, в которых непосредственно принимал участие. Определенную историческую ценность имеют воспоминания мастера Н. М. Зубарева. В послереволюционный период он активно принимал участие в формировании массовых шахматных учреждений и участвовал в организации многих турниров и чемпионатов. В его «Воспоминаниях о первых днях советской шахматной организации» [11], опубликованных в 1937 г., подробно описываются некоторые «закулисные» моменты шахматной жизни. Воспоминания одного из руководителей Всесоюзной шахматной секции начала 1920-х гг. В. Е. Еремеева «Первые шаги» [9] довольно скупы на детали, но, тем не менее, дают представление об особенностях деятельности шахматных организаций. В качестве источников используются также материалы интернет-выставки «Петроградское шахматное собрание в 1921-1924 гг.» [21]. Выставка представляет собой оцифрованные материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, которые способствуют отражению целостной картины истории шахматного движения в городе начала 1920-х годов.

ЗАРОЖДЕНИЕ НОВЫХ ФОРМ ШАХМАТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Первая мировая война и последующая за ней Октябрьская революция остановили развитие шахматной жизни страны. Практически все шахматные общества вынуждены были рас-

пуститься, многие их бывшие члены эмигрировали в другие страны. Дальнейшие военные потрясения Гражданской войны ухудшили и без того сложное положение шахмат во многих городах страны, в которых ранее располагались крупные шахматные объединения (Москва, Санкт-Петербург, Харьков, Казань, Ревель и т.д.). Однако шахматные состязания все равно проходили. Многие энтузиасты также собирались на квартирах, проводили микро- и темпо- турниры и устраивали матчи по переписке с мастерами из других городов. Маэстро Н. М. Зубарев впоследствии вспоминал: «Часто не хватало света — продолжали играть со свечками, а иногда даже, освещая спичками доски. Зимой в квартире становилось холодно, температура спускалась ниже нуля...» [Зубарев, 1937: 346]. Изменения в шахматной жизни начинаются лишь с переходом к мирной жизни в условиях новой экономической политики. В начале 1920 г. в Москву приезжает энергичный практик шахматной игры А. Ф. Ильин-Женевский. Проработав некоторое время в Главном управлении Всевобуча, он вскоре был назначен комиссаром управления [Ильин-Женевский, 1929: 38]. Ильин-Женевский, наряду с не менее энергичным Н.Д. Григорьевым, являлся ревностным пропагандистом шахмат, совмещал партийную работу и турнирную деятельность. Н.Д. Григорьев, помимо турнирных успехов, с 1922 г. вёл основанный им большой шахматный отдел в «Известиях ВЦИК», являясь также членом и одним из активнейших работников Исполнительного бюро совета шахматных секций союзных республик [Коган, 1929: 126].

На Всевобуч, начиная с 1918 г., помимо организации военного обучения, было возложено руководство культурно-спортивным движением в стране. Всевобуч пропагандировал развитие физической культуры и спорта среди населения. В 1920 г. при Главном управлении Всевобуча был создан Высший совет физической культуры (ВСФК) [Бакешин, 2019: 34–35]. На заседаниях Всеобуча разрабатывались новые методики по допризывной подготовке населения. С подачи нового комиссара, в эту программу было включено и изучение шахмат [Ильин-Женевский, 1929: 38]. После утверждения программ, начальники территориальных округов получили приказ о культивировании шахматного спорта и оказании всяческой поддержке в организации шахматных кружков. При Всевобуче же в это время открывается первый при советской власти шахматный отдел [Там же: 39].

Поскольку Советская Россия не являлась членом международных спортивных федераций, она не получила приглашения на Олимпийские игры 1920 г. Вместо Антверпена Всеобуч решил в те же сроки провести Всероссийскую Олимпиаду в Москве [HistorySport, 2011]. Ильин-Женевский поставил вопрос о включении в программу выступлений и шахматные состязания [Ильин-Женевский, 1929: 40–41]. Всероссийская шахматная Олимпиада состоялась в октябре 1920 г. Данный турнир, по существу, являлся первым крупным шахматно-массовым событием в условиях советской власти. Серьезные проблемы возникли с организацией и проведением шахматной олимпиады. Перед оргкомитетом лежала задача собрать в Москве сильнейших шахматистов РСФСР. В разные части страны были разосланы циркуляры Всеобуча, предписывающие окружным начальникам взять на учет лучших шахматистов и командировать их в Москву [Греков, 1937: 141]. На олимпиаду смогло явиться лишь 43 шахматиста: 16 человек приняли участие в главном турнире, который одновременно явился первым чемпионатом РСФСР, а остальные 27 — в турнире любителей [Длуголенский, 1988: 123]. Состав, на самом деле, немногочислен, однако стоит учитывать, что обстановка отнюдь не была благополучной. До конца 1920-х гг. крупного жилищного строительства в стране не велось. Многие граждане жили

в бараках и коммунальных квартирах, да ещё и в стесненных условиях [Орлов, 2014: 82]. Неудивительно, что и обеспечение турнира было весьма скромным. Всех участников разместили в казарменных помещениях и поставили на красноармейское довольствие, которое включало двести граммов хлеба и тарелку супа из селедочных голов. После нескольких дней такого обеспечения мастера выдвинули ультиматум, где главным условием была выдача в качестве аванса 15000 руб. на человека [Ильин-Женевский, 1929: 44]. Разрешение данного конфликта легло полностью на плечи Ильина-Женевского и Григорьева. Турнир завершился благополучно. Он значительно поднял интерес к шахматам в стране, ознаменовав начало новой советской шахматной эры.

ОЖИВЛЕНИЕ ШАХМАТНОЙ ЖИЗНИ В ПЕТРОГРАДЕ

В дореволюционный период Санкт-Петербург являлся фактически центром шахматной жизни. Абсолютное большинство шахматных собраний базировалось на петербургских квартирах, а все крупные турниры проводились в столице Российской империи. Соотношение шахматных компетенций Санкт-Петербурга и Москвы было в пользу первых, а столичная шахматная элита доминировала во всех городах страны.

Для Петрограда 1920-й год стал началом реабилитации шахматного спорта. Ещё задолго до Олимпиады в Петрограде состоялись два крупных турнира; здесь имелись энергичные организаторы, уже знакомые с подобной деятельностью (С. О. Вайнштейн, И. П. Голубев и др.). Образованная в городе Петроградская губернская коммуна обладала своей печатной базой, что в дальнейшем способствовало развитию шахматной периодики, и библиотекой, в которой сохранились многочисленные труды шахматных маэстро прошлых столетий [Длуголенский, 1988: 141–142, 144]. Наиболее сильные шахматисты были объединены в шахматном кружке при клубе Петрогубкоммуны, наиболее активно действующим в то время. С апреля 1921 г. начала выходить газета «Листок шахматного кружка». До конца года было выпущено 34 номера, налажена связь с зарубежными шахматистами и установлены контакты с многими городами республики [Там же: 146]. Затрудняло восстановление шахматного дела отсутствие взаимопонимания между шахматистами Петрограда и Москвы. «Шахматный Листок» сетовал: «... попытки объединить вокруг себя все шахматные кружки России дали минимальные результаты. И в этом повинна, главным образом, Москва, которая, не смотря на наши многочисленные письма и просьбы передать в распоряжение Редакционной Коллегии материалы и адреса шахматистов... не затруднила себя хотя бы кратким ответом» [Петроградское шахматное собрание в 1921–1924 гг.: 7]. Конкуренция по привлечению в свой состав мастеров между спортивными отделениями Москвы и Петрограда, отсутствие диалога между крупнейшими центрами шахматной организации негативно сказывались на возрождении этого вида спорта.

В связи с оживлением шахматной жизни появилась необходимость создания руководящего центра, который объединил бы всех петроградских шахматистов. В сентябре 1921 г., со стороны шахматистов, в отдел управления Петросовета было отправлено прошение, с просьбой организовать «Петроградское шахматное собрание», которое уже через месяц начало свою деятельность. Позже был обнародован «Устав Петроградского шахматного собрания в первой редакции». В отличие от «Устава Санкт-Петербургского общества любителей шахматной игры» 1879 г., данный свод имел несколько нововведений:

1. Главной задачей общества являлось распространение игры среди широких масс населения.

2. Членом общества мог стать каждый гражданин, уплативший членский взнос.

3. Лица, не состоявшие в собрании, могли посещать его в качестве гостей, предоставляя входную плату [Там же: 8, 10].

Тем самым данное собрание, в отличие от дореволюционного, стало более открытым для общества.

Впоследствии Петрокоммуна завершила свою деятельность. Типографии чуть ли не ежедневно стали повышать стоимость услуг, поддерживать журнал оказалось невозможно. Через несколько месяцев после закрытия журнала прекратило свою деятельность и Шахматное собрание. Но уже в апреле 1922 г. оно было вновь восстановлено [Длуголенский, 1988: 146]. Начали проводиться квалификационные турниры, а с 1 августа 1922 г. вновь начал выходить «Шахматный листок» [Коган, 1938: 227].

В конце августа 1921 г. произошло событие, схожее по значимости с Олимпиадой 1920-го г. — налажена связь между Москвой и Петроградом, с последующей организацией командного матча «Петроград–Москва», а осенью 1922 г. произошла сама встреча [Там же: 227]. Данный факт подразумевал под собой то, что связь между бывшей и настоящей столицей налажена. Это означало начало концентрации шахматных сил сразу по нескольким направлениям одновременно из двух центров.

Встреча петроградцев и москвичей дала возможность обсудить организационный вопрос о восстановлении Всероссийского шахматного союза (ВШС), созданного в 1914 г. и в связи с начавшейся I Мировой войной практически не успевшего начать свою деятельность [Карпов, 1990: 70]. Всеобщим являлся чисто военной организацией, и в долгосрочной перспективе не мог дать шахматам соответствующей огласки. Во время матча «Петроград–Москва» впервые был оглашен проект устава Союза, а в конце 1922 г. осуществлено его официальное открытие. В обращении Временного бюро по организации ВШС говорилось: «Брошенная идея о необходимости единения всех русских шахматистов воплотилась ... первые же шаги молодого союза доказали и его жизнеспособность ... будем надеяться, что энергично проведенная ударная работа по сбору средств и увеличения мощи союза не заставит отложить на долгий срок созыв первого съезда и устройство Всероссийского турнира» [Петроградское шахматное собрание в 1921–1924 гг.: 24]. Союз мыслился как независимая, чисто шахматная организация, основанная на принципах добровольного входа и выхода, не связанная с общей политической жизнью страны. По сути, вновь созданный Союз копировал устав дореволюционного Всероссийского шахматного общества. Однако советская власть внесла большие перемены в шахматную жизнь, выразившиеся в необходимости отказа от старых организационных форм.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ШАХМАТНОГО СПОРТА

В отличие от Петрограда, где шахматная жизнь стремительно развивалась во многом благодаря возрождению ВШС, Москва в этом отношении несколько отставала. В городе не было крупных шахматных деятелей, которые имели бы опыт в управлении подобными организациями. Инициатива шла снизу, от обычных игроков. В течение зимнего сезона 1922/23 г. множество шахматных кружков в Москве возникало стихийно, под эгидой профсоюзных клубов. Отдельные районы города по собственной инициативе созывали независимые конференции шахматистов, на которых обсуждались возможные формы организации шахматно-шашечной работы. Московский же шахматный

был включен в состав Всероссийского Союза и стал именоваться Московским шахматным обществом [Зубарев, 1937: 346]. Шахматисты Москвы, таким образом, были вовлечены в работу Союза, но некоторая их дистанцированность от петроградских коллег продолжала сохраняться.

Важным этапом организационного конструирования шахматного дела в начале 1920-х гг. стал созыв Первого съезда Всероссийского шахматного союза. Оргкомитет пригласил к участию в работе съезда все крупные шахматные собрания. Согласно «Шахматному Листку», на съезде 7 июля 1923 г. присутствовали представительства от 27 городов (из крупных: Москва, Петроград, Одесса, Иваново-Вознесенск, Серпухов, Керчь, Харьков), а общее число членов Союза насчитывало 1159 человек [Первый съезд Всероссийского Шахматного Союза // Шахматный Листок. № 25–26. 1923. С. 97, 99]. Как выразился потом один из организаторов съезда Н. И. Греков: «... цифра анекдотическая» [Греков, 1937: 142]. Тем не менее, данный съезд является ключевой точкой истории развития шахматного движения. Представитель Иваново-Вознесенска констатировал: «...отрадное явление внедрения шахмат в толщу народную...» [Там же: 97]. Союз стал ориентироваться на расширение кругозора у рабочих и крестьян, игнорируя прежние дореволюционные приоритеты. Была подчеркнута важность роли шахматной провинции в организации ВШС и дальнейшей поддержки местных шахматных учреждений. Обсуждался и вопрос о степени независимости шахматных организаций. Участники съезда высказали мнение о том, что Союз должен перейти под патронаж государства, так как без серьезной правительственной поддержки будет вынужден самораспуститься. Многие полагали, что Союз — это лишь временная форма организации, которая в долгосрочной перспективе не может дать соответствующего результата. На Первом съезде ВШС также был представлен обновленный проект устава, среди положений которого главным считалось продолжение «...внедрения шахмат в толщу рабочих и крестьян» [Там же: 98].

К осени 1923 г. Союз имел уже 30 отделений по всей стране, объединявших 1500 действительных членов [Еремеев, 1968: 6]. Определелись и несколько путей развития шахматно-шашечного движения: в Москве — по линии полной перестройки всех прошлых организационных форм, для соответствия духу нового времени, в Петрограде — осуществлялась политика поддержки Всероссийского Союза [Зубарев, 1937: 346]. Цели ВШС со временем корректировались. Союз старался перестраиваться, чтобы соответствовать новому политическому облику страны, но во многом все же сохранял, как выражались современники, «буржуазные черты». Дореволюционные шахматные организации старались придерживаться определенного аполитизма, но с приходом к власти большевиков шахматы не могли оставаться вне политики. Новое правительство видело в шахматах мощное средство массового влияния, один из способов создания привлекательного образа советского человека. Шахматная игра была универсальна и доступна, в своем постижении не нуждалась в определенных физических и возрастных критериях или особой спортивной и психологической подготовке. Большевики грамотно оперировали этим, встраивая шахматы в пирамиду политических отношений. ВШС не ограничивали, но и существенного веса он не имел. Вся его практическая деятельность выразилась в организации небольших турниров, в том числе по переписке, и в приглашении на гастроли в феврале 1924 г. Эм. Ласкера. ВШС так и не смог стать настоящим руководящим центром советского шахматного движения.

После 1-го Всероссийского съезда неорганизованная жизнь «центра» и «периферии» начала перестраиваться. По инициативе культурно-просветительской секции Московского городского совета профессиональных союзов (МГ-

СПС) 30 августа 1923 г. была созвана Первая общесоюзная шахматная конференция. На конференции было избрано Шахматное бюро (Шахбюро), в задачи которого входили регистрация существующих кружков и внесение организованности в их жизнь, устройство состязаний и т.п. Активность же Московского шахматного общества проявлялась все слабее, и на общем собрании его участников, прошедшем 6 сентября 1923 г., было принято решение закрыть его, а весь инвентарь передать в распоряжение Шахбюро [Греков, 1937: 143]. Это подтолкнуло шахматные секции на местах и при губотделах профессиональных союзов начать агитацию о выходе из ВШС. Вновь образовалась конфронтация между Москвой и Петроградом. Новообразованное Шахбюро не поддерживало полностью те планы, которые развивали Петроградское отделение ВШС. Существование двух этих организаций, преследующих общие цели разными методами, вызывало недоумение со стороны многих провинциальных шахматных кружков. В 1924 г. на Первом всеукраинском шахматном съезде была выдвинута резолюция, которая резко подчеркивала тот факт, что «...взаимоотношения между Москвой и Ленинградом носят ненормальный характер и тормозят развитие шахмат в СССР» [Коган, 1927: 214–215]. Кроме того, большинство общественных и политических ведомств оказалось без какого-либо руководства, так как они вышли за сферу профсоюзных компетенций (Красная армия, учреждения Наркомпроса и т.д.). Но и профсоюзы не могли решить всех проблем и взять на себя руководство всей шахматно-шашечной жизнью страны. С начала 1924 г. возникла серьезная потребность в переосмыслении работы по организации шахматного спорта с целью придания ему большей массовости. В марте 1924 г. было продекларировано создание новой организации шахматно-шашечной секции при ВСФК, а также принято решение о созыве очередного Всероссийского съезда, на котором будет установлена окончательная организационная структура шахматных кружков [Зубарев, 1937: 346].

III ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД: РАЗВИТИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ШАХМАТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Ещё в конце 1923 г. возник вопрос о возможном руководителе новой более устойчивой шахматной организации. В первой половине 1924 г. был создан оргкомитет по подготовке и проведению III Всесоюзного шахматного съезда, призванного окончательно разрешить вопрос о новых формах объединения шахматистов Советского Союза. После не продолжительного обсуждения по инициативе московских шахматистов и Шахматного бюро главой оргкомитета стал заместитель Наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко.

Осуждая любые проявления аполитичности, Н.В. Крыленко заявлял: «Исполбюро будет с еще большей резкостью подчеркивать политические моменты в своем руководстве ... с этого момента сторонники лозунга «Шахматы вне политики» — наши враги» [Крыленко, 1929: 375]. То развитие, которое приобрели шахматы к концу 1920-х гг., связано, по большей степени, именно с деятельностью Н.В. Крыленко. Работавший с ним Еремеев писал: «Во время подготовки и проведения всесоюзных международных соревнований, вникал во все детали шахматной работы ... разрешение особо важных шахматных вопросов брал на себя» [Еремеев, 1968: 10]. Умело привлекая внимание к шахматному спорту, Н.В. Крыленко подчеркивал огромное идеологическое, культурное и общественное значение шахмат.

Развитие шахматного спорта в первое десятилетие советской власти проходило в целом изолировано от международных шахмат. Советские шахматные организации отказывались сотрудничать с капиталистическим миром, видя в основе зарубежных шахмат «буржуазно настроенные» черты. Вместе с тем, в одном из своих выступлений Н.В. Крыленко заявил: «Признавая недопустимым какую бы то не было организационную связь с буржуазными шахматными организациями, мы в то же время, отмечаем «левые» фразы о недопустимости использования того огромного багажа знаний, опыта и техники, который накопился у буржуазных шахматистов. Пролетарская культура использует все достижения буржуазной науки и искусства» [Крыленко, 1924: 3]. Единственной организацией, с которой сотрудничал Союз, был Рабочий Шахинтерн — международное объединение шахматистов из рабочей среды, придерживающееся идеи классовой борьбы и становления международного рабочего движения и ставящее своей задачей приобщение широких масс трудящихся к шахматной культуре. Помимо СССР, в него входили: Германия, Австрия, Швейцария, Чехословакия, Дания, Латвия и др. [Коган, 1929: 126].

Готовясь к созыву III Всесоюзного шахматного съезда, оргкомитет во главе с Н.В. Крыленко обратился ко всем шахматным организациям с декларацией, в которой излагались принципы дальнейшего развития шахматного искусства, а также содержалась критика в адрес ВШС за его ограниченность и некомпетентность. В частности, критиковалась неспособность ВШС организовать работу на местах, жесткая зависимость от членских взносов, отсутствие поддержки со стороны квалифицированных шахматистов. В конечном итоге было объявлено, что ВШС больше не может исполнять возложенные на него функции. Остро обозначилась необходимость создания централизованной шахматной системы. В декларации оргкомитета говорилось: «...наши многочисленные кружки представляют большей частью лишь места, где играют в шахматы, но никак не организации, способные по первому зову исполнять директивы центра» [Ко всем шахматным организациям СССР // Шахматный Листок. № 13. 1924. С. 109]. В ответ на это, ВШС не нашел выхода, кроме как войти в состав ВСФК, тем самым образуя однолинейную организационную структуру. Принятые на Поволжском, Всеукраинском съездах, Иваново-Вознесенской губернской шахматной конференции резолюции поддержали выдвинутые оргкомитетом тезисы.

На места были разосланы циркуляры с предложением организовать шахматно-шашечные секции при соответствующих советах физкультуры, а Н.В. Крыленко обратился ко всем шахматным организациям с письмом, в котором излагались принципы дальнейшего развития советского шахматного движения: «...шахматная секция, так и сформированный ею организационный комитет не могут мыслить своей деятельности иначе, как в теснейшей связи с пролетарским движением своей страны и пролетарскими ее организациями» [Там же: 109]. Тем самым, оргкомитет в своих обращениях все больше акцентирует внимание на взаимосвязи шахматной игры и рабочего человека. Получили широко распространение лозунги «Шахматы — могучее орудие интеллектуальной культуры», «Шахматы — орудие политики» и «Дорогу шахматам в рабочую среду». Такое активное продвижение шахматной игры дало свои результаты. С середины 1920-х гг. в городах стали проводиться открытые лекции мастеров, даваться бесплатные сеансы одновременной игры, а при предприятиях организовывались шахматные секции, что способствовало увеличению потока желающих вникнуть в основы шахматной игры.

20 августа 1924 г. было объявлено об открытии III Всесоюзного шахматно-шашечного съезда, которое пройдет в Москве. По отчету комиссии, на собрании присутствовали 161 де-

легат, члены РКП и РКСМ, шахматисты и шашкисты, в том числе рабочие, крестьяне, красноармейцы, служащие профсоюзов, представители от ВЦСПС и МГСПС, Красной Армии, Ленинградской Шахматной Секции, московского пролетарского студенчества и делегаты из провинции [III Всесоюзный шахматный съезд (отчет о заседаниях) // Шахматный Листок. № 17. 1924: 157]. Основные прения велись вокруг проблемы о дальнейшей судьбе ВШС и о создании новых форм шахматного объединения. Начались широкие прения среди делегатов, носящие в некоторых случаях «...излишне горячий характер...» [Там же: 157]. По итогу споров, Центральная Шахматная Секция (ЦШС) ВСФК была признана той организацией, которая должна была объединить все шахматно-шашечные кружки республики. Председателем был избран Н.В. Крыленко. Помимо этого, на съезде был согласован ряд важных вопросов по организационным формам шахматного объединения, вопросам шахматно-шашечной пропаганды, квалификации и т.д. Согласно резолюции, Всесоюзная шахматная секция при ВСФК (при ближайшем участии шахсекций ВЦСПС) становится той единой организацией, которая ведает работой по линии профсоюзов и занимается решением вопросов шахматно-шашечного движения [Там же: 157–158].

В резолюции съезда по организационному вопросу говорилось: «В основу шахматно-шашечного объединения кладутся шахматные и шашечные кружки при рабочих клубах ... при военных клубах, при студенческих клубах, а также при предприятиях, учреждениях, школах, рабочих общежитиях, избах-читальнях и т.д.» [Резолюция по организационному вопросу // Шахматный Листок. № 17. 1924: 159]. Шахматы, таким образом, получили настоящее признание и широко распространение среди разных слоев населения, в том числе школьников. Ранее несовершеннолетние не допускались до шахматных кружков. Развитие шахматной игры именно среди данной социальной группы позволило СССР в последующие годы воспитать целую плеяду талантливых шахматистов.

Шахматные кружки стали одними из основных учреждений при каждом рабочем клубе. Причем в кружках могли состоять не только лица, играющие в шахматы и шашки, но и просто желающие обучиться игре. Отдельные подразделения организуются при политуправлении военных округов, координирующие шахматную деятельность в Красной Армии. В 1924 г. состоялся первый чемпионат РККА. В программу войсковых спартакиад впервые были включены шахматные состязания, а в Центральном Доме Красной Армии (ЦДКА) даже выделили шахматную комнату [Железный, 2002].

Особое внимание уделялось вопросам шахматной пропаганды. Согласно резолюции съезда о том, что «шахматная организация должна обращаться к своей массовой аудитории не только посредством печатного слова, но и через живых людей» [Резолюция по вопросу о шахматной пропаганде // Шахматный Листок. № 17. 1924: 160], был создан первичный, хоть и скромный, кадровый состав шахматных агитаторов. Они посещали рабочие места, казармы, ездили по деревням. Выдвигались предложения по привлечению к шахматной пропаганде кинематографа. Рабочие требовали изменить названия фигур, чтобы все соответствовало новым идеям и соответствующей символике Советского государства.

Особое внимание уделялось пропаганде шахмат среди женщин. Девушек начали привлекать в различные шахматные клубы и кружки, устраивая для них слушания и закрытые соревнования. Однако, первоначально, они были скромны по численности, в отличие от мужских состязаний. На первом женском чемпионате Ленинграда 1925 г. присутствовало всего

6 участниц [Быкова, 1957: 5]. У многих шахматистов данные действия вызвали определенный скепсис, а некоторые уверяли, что женщину нельзя втянуть в «трудоемкий» шахматный процесс. Как бы то ни было, турнир 1925 г. стал первым в череде женских шахматных соревнований. Однако настоящую массовость женские шахматы приобретут лишь к 1950-м гг.

Важную роль в пропаганде шахмат призвана была играть специальная шахматная пресса. Выдвигались идеи о необходимости создания при центре особого органа, который бы являлся куратором и цензором выпускаемых шахматных журналов, однако это предложение не было реализовано. Съезд высказал пожелание, чтобы «Шахматный Листок» продолжал выходить как официальный орган ЦШС ВСФК (наряду с популярным шахматно-шашечным журналом «64») [Резолюция по вопросу о шахматной пропаганде // Шахматный Листок. № 17. 1924: 160].

Избранные на съезде методы работы способствовали количественному и профессиональному росту советских спортсменов. Про игроков мирового уровня говорить пока не приходилось, однако первые таланты начали проявляться уже в этот период. Первоначально имелись некоторые трудности со спортивной квалификацией и титулатурой. В 1925 г. ВСФК учредил звание «мастер СССР», считавшееся высшей категорией тех лет. Звание «гроссмейстер» (присваивался наиболее выдающимся шахматистам) в СССР было учреждено в 1927 г. Первым его обладателем стал Б. Верлинский (1929) [Карпов, 1990: 91–92, 233]. Кроме него, стоит отметить нескольких шахматных мастеров — М. М. Ботвинника, Г. А. Левенфиша и А. А. Котова. Гроссмейстерами, правда, они стали только в 1930-е гг., но по уровню своей игры уже в 1920-е гг. могли состязаться с сильнейшими практиками страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С первых лет советской власти особое внимание уделялось организации массового культурно-спортивного движения в стране. Шахматный спорт, благодаря умелому руководству и широкой поддержке государственного аппарата, начинает динамично развиваться, становясь объектом профессионального интереса для многих граждан. Процесс институализации шахмат в обществе позволил им стать более «открытыми» и ликвидировать в себе остаточные принципы элитаризма.

Шахматы все больше начали входить в сферы интересов советских граждан, формируя определенные личностно-ориентированные черты. Шахматы содействовали зарождению новых морально-эстетических качеств, которые позиционировали советского человека как волевою личность со стремлением к анализу и прогнозированию. Сопутствующий рост когнитивных способностей способствовал развитию воображения. Рефлексивный характер шахматной игры помогал расширить возможности своего мышления.

Правительство воспринимало шахматы как одно из средств воспитания масс. Хотя группы старых шахматистов и группы обывательски настроенных граждан остались в шахматном сообществе, после широкого включения масс рабочих и крестьян в шахматный спорт, шахматы утратили свою аполитичность. Интеллектуальная игра дала мощный импульс социализации советских граждан, создала предпосылки для формирования новой социальной группы спортивных интеллектуалов, способствовала интеграции граждан разных национальностей, объединенных общим интересом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. III Всесоюзный шахматный съезд (отчет о заседаниях) // Шахматный Листок. №17. 1924. С. 157–158.
2. VII Олимпийские игры // HistorySport. 15 мая 2011. URL: http://www.historysport-ru.ru/load/olimpijskie_igry/antverpen_1920/vii_olimpijskie_igry/9-1-0-12/ (дата обращения 31.01.2022)
3. FIDE TITLES. Relevant data on 20_10_2020 // International Chess Federation. 2020. 11 с. URL: https://mcusercontent.com/6d944e993248d15fc2b046696/files/dbb3fe0c-e01d-45b1-ba82-df91a588ff0/FIDE_Titles.pdf/ (дата обращения 19.01.2022)
4. Бакешин К. П. Роль Всеобуча в становлении физкультурно-спортивного движения в постреволюционную эпоху (1918–1923 гг.) // Ученые записки Университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. № (15) 171. С. 33–37.
5. Богатов О. Количество шахматистов в мире растет и приближается к 650 миллиону, заявил Илюмжинов // Спорт. РИА Новости. 20 июля 2017. URL: <https://rsport.ria.ru/20170720/1123131747.html/> (дата обращения 21.01.2022)
6. Быкова Е. И. Советские шахматистки. М., 1957. 328 с.
7. Греков Н. И. История шахматных состязаний. М., 1937. 190 с.
8. Длуголенский Я. Н. Люди и шахматы. Страницы шахматной истории Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1988. 253 с.
9. Еремеев В. Е. Первые шаги (на заре советских шахмат). М., 1968. 42 с.
10. Железный С. Победу над разумом одержим // Красная Звезда. 5 января 2002. URL: http://old.redstar.ru/2002/01/05_01/1_02.html/ (дата обращения 10.02.2022)
11. Зубарев Н. М. Шахматы в массы (Воспоминания о первых днях Советской шахматной организации) // Шахматы в СССР. 1937. № 11–12. С. 345–348.
12. Ильин-Женевский А. Ф. Записки советского мастера // Шахматный листок. Л., 1929. № 6. 61 с.
13. К III Всесоюзному шахматному съезду. Ко всем шахматным организациям СССР // Шахматный Листок. № 13. 1924. С. 109.
14. Карпов А. Е. (гл. ред.) Шахматы: Энциклопедический словарь. М., 1990. С. 70.
15. Коган М. С. История шахматной игры в России. Л., 1927. 259 с.
16. Коган М. С. Очерки по истории шахмат в СССР. М.; Л., 1938. 390 с.
17. Крыленко Н. В. Вопросы международного шахматного движения // 64. Шахматы и шашки в рабочем клубе. 1924. № 24. С. 1–3.
18. Крыленко Н. В. Ещё о политике и шахматах // Шахматный Листок. 1929. № 24. С. 373–375.
19. Орлов И. Б. Советское жилищное хозяйство в 1920–1930-е гг.: между классовой линией и самоокупаемостью // История повседневности. 2014. Т. 8. № 2. С. 78–85.
20. Первый съезд Всероссийского Шахматного Союза // Шахматный Листок. № 25–26. 1923. С. 97–99.
21. Петроградское шахматное собрание 1921–1924 гг. по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга [Электронный документ]. URL: <https://spbarchives.ru/documents/10157/3787179f-f737-44bc-af0c3767d47ef716>
22. Резолюция по вопросу о шахматной пропаганде // Шахматный Листок. № 17. 1924. С. 160.
23. Резолюция по организационному вопросу // Шахматный Листок. № 17. 1924. С. 159–160.
24. Рохлин Я. Г. Книга о шахматах. М., 1975. 208 с.
25. Рохлин Я. Г. Шахматы. М., 1959. 320 с.
26. Словарь шахматиста / составители: М. С. Коган [и др.]; под общей редакцией проф. А. А. Смирнова. Л., 1929. 518 с.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 74,76%.

Рецензент: Шапошников Г.Н., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, экономики, правоведения ФГБОУ ВО УГМУ.

Статья поступила в редакцию 08.04.2022, принята к публикации 28.04.2022

The article was received on 08.04.2022, accepted for publication 28.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Российская Федерация, <https://orcid.org/000-0002-6218-447X>; SPIN-Code: 4179-6267; Author ID: 117810, e-mail: demtchikev@mail.ru

Горовой Анатолий Сергеевич, Институт Истории и Международных Отношений, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: anatoijgorovoj36@gmail.com

REFERENCES:

1. III All-Union Chess Congress (meeting report) // Chess Leaflet. №. 17. 1924. P. 157–158.
2. VII Olympic Games // HistorySport. May 15, 2011. URL: http://www.historysport-ru.ru/load/olimpijskie_igry/antverpen_1920/vii_olimpijskie_igry/9-1-0-12/ (accessed 31.01.2022)
3. FIDE TITLES. Relevant data on 20_10_2020 // International Chess Federation. 2020. 11 p. URL: https://mcusercontent.com/6d944e993248d15fc2b046696/files/dbb3fe0c-e01d-45b1-ba82-df91a588ff0/FIDE_Titles.pdf/ (accessed 19.01.2022)
4. Bakeshin K. P. The role of Vsevobucha in the formation of the physical culture and sports movement in the post-revolutionary era (1918–1923) // Scientific notes of the P. F. Lesgaft University. 2019. №. (15) 171. P. 33–37.
5. Bogatov O. The number of chess players in the world is growing and approaching 650 million, said Ilyumzhinov // Sport. RIA News. July 20, 2017. URL: <https://rsport.ria.ru/20170720/1123131747.html/> (accessed 21.01.2022)
6. Bykova E. I. Soviet chess players. M., 1957. 328 p.
7. Grekov N. I. History of chess competitions. M., 1937. 190 p.
8. Dlugolensky Ya. N. People and chess. Pages of the chess history of St. Petersburg — Petrograd — Leningrad. L., 1988. 253 p.
9. Eremeev V. E. The first steps (at the dawn of Soviet chess). M., 1968. 42 p.
10. Zhelezny S. Victory over reason is possessed // Krasnaya Zvezda. January 5, 2002. URL: http://old.redstar.ru/2002/01/05_01/1_02.html/ (accessed 10.02.2022)
11. Zubarev N. M. Chess to the masses (Memories of the first days of the Soviet chess organization) // Chess in the USSR. 1937. №. 11–12. P. 345–348.
12. Ilyin-Genevskiy A. F. Notes of the Soviet master // Chess Leaflet. L., 1929. №. 6. 61 p.
13. To the III All-Union Chess Congress. To all chess organizations of the USSR // Chess Leaflet. №. 13. 1924. P. 109.
14. Karpov A. E. (editor-in-chief) Chess: An Encyclopedic dictionary. M., 1990. P. 70.
15. Kogan M. S. History of the chess game in Russia. L., 1927. 259 p.
16. Kogan M. S. Essays on the history of chess in the USSR. M.; L., 1938. 390 p.
17. Krylenko N. V. Issues of international chess movement // 64. Chess and checkers in the workers' club. 1924. №. 24. P. 1–3.
18. Krylenko N. V. More about politics and chess // Chess Leaflet. 1929. №. 24. P. 373–375.
19. Orlov I. B. Soviet housing in the 1920s-1930s: between the class line and self-sufficiency // The History of everyday life. 2014. Vol. 8. №. 2. P. 78–85.
20. The First Congress of the All-Russian Chess Union // Chess Leaflet. №. 25–26. 1923. P. 97–99.
21. Petrograd Chess Meeting of 1921–1924 according to the documents of the Central State Archive of St. Petersburg [Electronic document]. URL: <https://spbarchives.ru/documents/10157/3787179f-f737-44bc-af0c3767d47ef716>
22. Resolution on the issue of chess propaganda // Chess Leaflet. №. 17. 1924. P. 160.
23. Resolution on the organizational issue // Chess Leaflet. №. 17. 1924. P. 159–160.
24. Rokhlin Ya. G. Book of chess. M., 1975. 208 p.
25. Rokhlin Ya. G. Chess. M., 1959. 320 p.
26. Dictionary of a chess player / compiled by M. S. Kogan [et al.]; under the general editorship of Prof. A. A. Smirnov. L., 1929. 518 p.

ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya V. Demchik, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of department of national history, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, <https://orcid.org/000-0002-6218-447X>; SPIN-Code: 4179-6267; Author ID: 117810, e-mail: demtchikev@mail.ru

Anatoly S. Gorovoy, Institute of History and International Relations, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, email: anatoijgorovoj36@gmail.com

5.6.1.	ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) NATIONAL HISTORY
07.00.02	ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ NATIONAL HISTORY
5.6.2.	ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) GENERAL HISTORY
07.00.03	ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ПЕРИОДА) GENERAL HISTORY

Состояние охраны труда на оборонных предприятиях в условиях военного времени (1941-1945гг.)

©Марина Николаевна Потемкина^{1,2,a}, ©Роза Сейдалиевна Жаркынбаева^{3,b}

¹Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

³Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

^ae-mail: mpotemkina@mail.ru

^be-mail: Roza.zharkynbayeva@gmail.com

Аннотация. Производительность труда напрямую зависит от того, в каких условиях трудится работник. В этом смысле актуальным является изучение исторического опыта влияния внешних и внутренних факторов на уровень безопасности труда. В данной статье предпринята попытка проанализировать состояние охраны труда, специфику производственного травматизма и случаи профессиональных заболеваний в годы Великой Отечественной войны на примере ряда крупных предприятий оборонной промышленности СССР. Методологической основой исследования служат теоретические концепции «рабочей истории», также применяются элементы институционального подхода. Исследовательская задача решается посредством введения в научный оборот и анализа нового комплекса исторических источников, извлеченных из архивов Российской Федерации и Республики Казахстан. Отмечено усиление несоответствия реального состояния условий труда работников законодательно закрепленным нормам охраны труда. Сделан вывод о росте травматизма и аварийности в экстремальных условиях войны. Выявлены причины такой отрицательной динамики: прибытие эвакуированных предприятий на неподготовленные площадки, снижение финансирования мероприятий по охране труда в условиях общего дефицита ресурсов, изменение качественного состава рабочей силы, интенсификация труда, ослабление контроля за обеспечением безопасности труда, снижение ценности человеческой жизни в общественном мнении военного социума. Показано, что инспекционные проверки и наказания за нарушения правил безопасности в ходе трудового процесса не вносили качественных изменений в условия труда работников в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, условия труда, охрана труда, рабочие промышленных предприятий.

Благодарности: Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан № AP 09260449.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Потемкина М. Н., Жаркынбаева Р. С. Состояние охраны труда на оборонных предприятиях в условиях военного времени (1941-1945гг.) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 39-46.

The State of Labor Protection at Defense Enterprises in Wartime Conditions (1941-1945)

©Marina N. Potemkina^{1,2,a}, ©Roza S. Zharkynbayeva^{3,b}

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

³Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^ae-mail: mpotemkina@mail.ru

^be-mail: Roza.zharkynbayeva@gmail.com

Abstract. Labor productivity directly depends on the conditions in which the employee works. In this sense, it is relevant to study the historical experience of the influence of external and internal factors on the level of labor safety. This article attempts to analyze the state of labor protection, the specifics of industrial injuries and cases of occupational diseases during the Great Patriotic War on the example of a number of large defense industry enterprises of the USSR. The methodological basis of the study is the theoretical concept of «working history», elements of the institutional approach are also applied. The research problem is solved by introducing into scientific circulation and analyzing a new set of historical sources extracted from the archives of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. An increase in the discrepancy between the real state of the working conditions of workers and the legislatively fixed norms of labor protection was noted. The conclusion is made about the growth of injuries and accidents in extreme conditions of war. The reasons for such a negative trend were identified: the arrival of evacuated enterprises to unprepared sites, a decrease in the financing of labor protection measures in the context of a general shortage of resources, a change in the qualitative composition of the workforce, intensification of labor, weakening control over ensuring labor safety, a decrease in the value of human life in the public opinion of military society. It is shown that inspection checks and punishments for violations of safety rules during the labor process did not introduce qualitative changes in the working conditions of workers during the war years.

Key words: Great Patriotic War, working conditions, labor protection, workers of industrial enterprises.

Acknowledgments: The article was written as part of the implementation of a research project under the grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. AP 09260449.

FOR CITATION: Potemkina M. N., Zharkynbayeva R. S. The State of Labor Protection at Defense Enterprises in Wartime Conditions (1941-1945)//*HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 39-46. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

История из науки о политических и экономических системах всё больше трансформируется в науку о человеке. Труд как общезначимая человеческая ценность всегда будет привлекать внимание исследователей. В современном мире большое значение уделяется проблеме охраны труда, в международных документах даже используется термин «зеленые рабочие места». Как же и под влиянием каких объективных и субъективных обстоятельств менялось отношение государства и общества к проблеме охраны труда? Изучение исторического опыта, особенно опыта периода экстремальных условий военного времени, позволит глубже понять как процесс формирования необходимости обеспечения здоровых и безопасных условий труда, так и цену победы в Великой Отечественной войне.

Исследование выполнено на основе методологических подходов «рабочей истории». «Рабочая история» как исследовательское направление претерпела в XX в. глобальную трансформацию. Характерной чертой советской историографии были мифологизация и героизация «советского рабочего класса». «Перестроечные процессы» и поворот к идеологическому плюрализму пробудили интерес к истории российского бизнеса и предпринимательства, сделав изучение тематики рабочей повседневности чем-то неактуальным. Что касается зарубежной историографии, следует отметить активную разработку новых методологических подходов в русле «рабочей истории» такими учеными как Э. Хобсбоум, А. Людтке, Ч. Тилли, Ван дер Линден, Л. Сигельбаум [7, с. 21]. «Рабочая история» сегодня интегрирована в более широкое поле социальной истории и использует её методологические подходы:

историко-культурный, этноконфессиональный, гендерный, ментальный и др.

Несмотря на то, что тема производственной повседневности начала осваиваться российскими и казахскими учеными, проблематика обеспечения здоровых условий труда не является приоритетной в историографической традиции. Так в фундаментальной 12-томной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», изданной в 2010-х гг., эта тема даже не упоминается.

Среди исследований, специально посвященных вышеобозначенной тематике, следует отметить публикацию И.С. Тряхова [8]. Рассматривая условия труда на предприятиях Владимирской области в годы войны, автор отмечает рост травматизма, акцентируя внимание на том, что значительная доля травм приходилась на молодых рабочих. И.С. Тряхов отмечает низкую ответственность виновных инженеров и руководителей предприятий за случаи травматизма рабочих. Исследователи Н.П. Палецких, Н.Л. Усольцева, Е.К. Иванов проанализировали проблему состояния промышленной санитарии на материалах Челябинской области. Констатируя снижение уровня санитарно-бытовых условий труда на производстве в 1941 г. [9, с. 133], они приходят к выводу о начале улучшения обстановки в сфере охраны труда начиная с 1943 г. Авторы позитивно оценивают участие профсоюзов предприятий в решении проблем промышленной и коммунально-бытовой санитарии, считая, что в годы войны профсоюзы стали «полноценным социальным институтом» [2, с. 25, 27].

В казахстанской историографии преобладают исследования, посвященные трудовому вкладу населения в годы войны, тяжелому материально-бытовому положению в годы войны эва-

куированных, трудармейцев, заключенных, спецпереселенцев. В настоящее время в научный оборот активно вводится определенный фактический материал о количестве и специализации эвакуированных предприятий, заложивших основу оборонной промышленности республики, и трудностях социально-бытового устройства эвакуированных рабочих [4, 5]. Следует выделить статьи Е. Грибановой посвященной проблемам эвакуированных предприятий по материалам Комиссии партийного контроля [1], Е.В. Чиликовой о деятельности эвакуированных предприятий оборонной промышленности и адаптации рабочих и ИТР [10]. При этом, проблемы, связанные с состоянием охраны труда, производственным травматизмом и профотравлениями на предприятиях оборонной промышленности не становились объектом специального исследования.

В целом, следует констатировать слабую разработанность такого аспекта производственной повседневности рабочих, как охрана труда применительно к экстремальному периоду 1941–1945 гг.

Информация об условиях труда отложилась в центральных и региональных архивах Российской Федерации: Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) и республики Казахстан (Архив президента республики Казахстан (АП РК), Государственного архива общественно-политической истории Туркестанской области (ГАОПИТО), Государственно-архива Туркестанской области (ГАТО). В фондах промышленных предприятий и партийных органов содержатся отчеты проверок, протоколы производственного актива завода, спецсообщения, журналы регистрации несчастных случаев, протоколы закрытых партийных собраний цехов завода, материалы прокуратуры о состоянии техники безопасности на промышленных предприятиях, статистические данные о количестве заболеваний и травм на производстве.

Цель исследования: охарактеризовать состояние охраны труда на оборонных предприятиях тыловых регионов в период 1941–1945 гг.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ОХРАНЫ ТРУДА В СССР

Условия труда на предприятии определяются несколькими факторами: общим уровнем механизации труда, законодательной и институциональной базой, регулирующей трудовую сферу, восприятием ценности человеческой жизни, принятой в обществе, объемом финансовых вложений в социальную инфраструктуру предприятия.

К 1941 г. В СССР была сформирована законодательная база в сфере охраны труда работников промышленных предприятий. Основу её составляли трудовые кодексы СССР и союзных республик.

Советское государство с самого начала своего существования провозглашало человека свободным трудом высшей ценностью будущего коммунистического общества. Трудовая политика советского государства, наряду с идеей всеобщей занятости, была направлена на обеспечение достойных условий труда. К началу Великой Отечественной войны в СССР действовал Кодекс законов о труде 1922 г. Охране труда был посвящён раздел XIV. Согласно ст. 150 охрана труда понималась как система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающий в себя мероприятия по профессиональной гигиене, фабричной санитарии, технике безопасности, правовые и иные мероприятия¹.

¹ Кодекс законов о труде. Изд. 1922 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901857831>.

Понятие охраны труда как правовой институт трудового права дополнилось нормами о санитарной и технической безопасности предприятия (ст. 138); об уменьшении воздействия на здоровье работников вредных производственных факторов, предупреждении несчастных случаев на производстве (ст. 139); выдаче средств индивидуальной защиты, гигиены и специальной одежды (ст. 141, 142); профессиональной гигиене, фабричной санитарии и технике безопасности (ст. 150); контроль за исполнением норм по охране труда возлагался на инспекцию труда, техническую и санитарную инспекции (ст. 146). Отдельно в разделе 13 кодекса оговаривались более щадящие условия труда для женщин и подростков².

Для контроля за соблюдением охраны труда работников на производстве в 1930-е гг. в СССР была создана система контрольно-надзорных органов. Основные функции надзора в социально-трудовой сфере с 1933 г. после ликвидации наркомата труда были возложены на Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС). В этот же период времени была создана Всесоюзная государственная санитарная инспекция. В обязанности государственных санитарных инспекторов входил, помимо прочего, надзор за содержанием и эксплуатацией предприятий. С целью продемонстрировать заботу партии и правительства о здоровье трудящихся и усилить контроль рабочей общественности за проведением в жизнь законов о труде, в соответствии с Постановлением СНК СССР от 30 июня 1931 г. на всех предприятиях, стройках, совхозах был организован институт общественных инспекторов труда. Ими становились работники предприятий. Свою деятельность они осуществляли добровольно, во внерабочее время, бесплатно³.

СОСТОЯНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА НА ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ПОВОЛЖЬЯ, УРАЛА И КАЗАХСТАНА

Условия труда работника на промышленном предприятии складываются из двух составляющих: здоровых условий и опасных условий. Здоровые условия труда определяются совокупностью санитарно-гигиенических факторов, которые нормируются, соблюдаются и контролируются. Безопасные условия регулируются правилами техники безопасности.

На состояние здоровья работника в ходе производственного процесса оказывают влияние такие факторы как: температура и уровень влажности в рабочем помещении, уровень освещенности и шума, наличие в воздухе вредных химических веществ и пыли, уровень тяжести и напряженности труда, безопасная организация рабочего места.

Планирование и строительство заводов в годы первых пятилеток осуществлялось за рекордно короткие сроки, что неизбежно вело к недочетам в проектировании и функционировании предприятий, непродуманности вопросов, связанных с охраной труда. В целом, руководители, инженеры, рабочие традиционно отводили вопросам охраны труда второстепенную роль, сосредотачивая главное внимание на производственных показателях.

Состояние охраны труда на промышленных предприятиях было сложным и в предвоенное время. Так, например, в 1937 г. в результате проверки Чимкентского свинцового завода Госсанинспекция рекомендовала администрации завода устранить существовавшие проблемы в сфере охраны труда. До разработки проекта обеспыливания цехов, снабдить рабочих респираторами, поставить вопрос о вентилировании, разработать проект ограждения рабочих от ожогов расплавленным металлом, очистить цеха от лишнего хлама,

² Сборник Указов РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

³ Сборник законов СССР, № 42, 1931, ст. 289.

а заболевших сатурнизмом переводить на работу не связанную с свинцовыми отравлениями и др.⁴

Но к началу Великой Отечественной войны мероприятия не были проведены. Деревянная часть сооружений завода обветшала и стала представлять серьезную угрозу безопасности работников. Экономическим отделением НКВД 10 октября 1941 г. докладывалось Южно-Казахстанскому обкому партии о опасном состоянии галереи транспортера №20 на свинцовом заводе. Обрушение галереи вызвало бы не только немедленную остановку завода на продолжительное время, но и создало угрозу жизни людей⁵.

Анализ перечня планируемых на 1941 г. работ по охране труда и обеспечению техники безопасности на Магнитогорском металлургическом комбинате дает представление об уровне состояния техники безопасности и промсанитарии на предприятии. В плане работ значились: строительство переходного моста для обеспечения безопасного перехода для борьбы с высокой температурой при ремонте регенераторов маргеновских печей, мероприятия по аэрации стана 500, ремонт вентиляционных установок для борьбы с пылью и газами, расширение бытовых помещений, строительство прачечной для химической стирки спецодежды⁶.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война приняла затяжной характер, а значит, первостепенное значение приобрел уровень экономического потенциала страны. Приоритетность задачи наращивания объемов выпускаемой военной продукции в условиях дефицита материальных и людских ресурсов отодвигала решение социальных задач на второй план.

В добавление к этому, в экстремальных условиях военного времени произошло ужесточение трудового законодательства на предприятиях: рабочие были приравнены к мобилизованным, отменены отпуска, сверхурочные работы стали обязательными. Интенсификация труда и ухудшение материально-бытового положения, недостаточное питание приводили к хронической усталости, снижению концентрации внимания, истощению организма — всё это становилось дополнительной угрозой здоровью и безопасности работников на производстве. Идеологическая пропаганда также нацеливала рабочих на выполнение плана «любой ценой» [6, с. 136].

Прибытие промышленного оборудования в эвакуацию в тыловые регионы страны ухудшило состояние охраны труда на промышленных предприятиях. Оно размещалось как на существующих уже промышленных объектах, так и на вновь строящихся промышленных площадках. В целях ускорения сроков и нехватки материалов и техники происходили отступления от технических проектов.

Показательной является авария, произошедшая 23 октября 1941 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате. В 23 ч. 50 мин. гидравлическим ударом большой силы разорвало рабочие золотниковые цилиндры паровой машины мощностью 3000 лошадиных сил броневое стана листопркатного цеха. Броневой стан прибыл в эвакуацию из Мариуполя, и его установка и монтаж проходили в условиях жесткого графика. В результате обследования и проверки обстоятельств было выяснено, что паровые магистрали были смонтированы с грубейшим отступлением от проекта в противоречии с техническими нормами эксплуатации паропроводных магистралей⁷.

⁴ Государственный архив Туркестанской области (ГАТО). Ф. 207. Оп. 1. Д. 101. Л. 87–88.

⁵ Государственный архив социально-политической истории туркестанской области (ГАОПИТО). Ф. 40. Оп. 4. Д. 211. Л. 91–92.

⁶ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 234. Оп. 14. Д. 54. Л. 22–24.

⁷ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 18. Л. 132–134.

Доказательством того, что экстремальные условия войны оказали влияние на аварийность на производстве оборонного характера, служит крупная авария на Кировском заводе, произошедшая 15 декабря 1941 г. В 18 ч. 10 мин. в термическом отделении на складе запчастей произошел взрыв селитровой ванны. Ванна была нужна для закалки дюралюминиевых деталей, но прибывший в эвакуацию завод №75 свою ванну не привез. Было решено использовать имеющуюся на Челябинском тракторном заводе ванну другого назначения (для нагрева и отпуска распредвала трактора). Рабочее напряжение у неё 220 вольт, надо было перевести на 380 вольт. Для закалки ванны должны были применить натриевую и калиевую соли, но из-за ненадлежащей маркировки, нарушений условий хранения и халатности работников, завезли со склада и загрузили другое вещество. В результате взрыва пострадало 46 человек (из них 6 погибло). Материальный ущерб составил 594000 руб.⁸ После взрыва образовалась воронка диаметром 3–3,5 метра, повреждены бетонные стены. Погнуто железо, взрывной волной сорвало воздуховоды на расстоянии 50 метров⁹.

Согласно статистическим данным, только в доменном цехе Магнитогорского металлургического комбината за 1944 г. произошло 8 аварий, и еще 10 случаев схода с рельс паровозов и шлаковозов. Большинство аварий было связано с выбросом кокса и, как следствие, остановкой доменной печи. Потери производства составили 24370 тонн чугуна и 590 тонн ферромарганца, простой определены в 25 суток 22 часа 50 минут¹⁰. Следует отметить, что в представившихся в горком партии сведениях об авариях не фигурируют цифры о человеческих жертвах, количестве и характере травм, полученных людьми.

Одной из причин аварий и травматизма была захламленность производственных площадок, отсутствие оборудованных безопасных проходов, заграждений и сигнализации на опасных участках.

Так, на Чимкентском свинцовом заводе полученный трюфельный лом разгружали прямо во дворе завода, загружая пути минами, снарядами и капсулями. К разгрузке и расчистке путей были привлечены дети с ремесленных школ и женщины, не знавшие правил обращения с ними. В этой связи по информации прокуратуры, на заводе участились несчастные случаи со смертельным исходом. Только после нескольких несчастных случаев и вмешательства прокуратуры руководство завода ходатайствовало перед Военным Советом Среднеазиатского военного округа о присылке инструктора, знающего военное дело и обеззараживание мин, снарядов для руководства разгрузочными работами¹¹.

Объективно следует отметить, что финансовые средства на мероприятия по охране труда в годы Великой Отечественной войны продолжали выделяться, хотя и в урезанном виде. Но, как показывают статистические данные, освобождались они далеко не в полном объеме. Так, Чимкентскому свинцовому заводу на 1941 г. на мероприятия по оздоровлению условий труда было выделено 271000 руб., но за 9 мес. было освоено всего 31500 руб.¹²

Ассигнования на мероприятия по охране труда Челябинскому Кировскому заводу составили в 1942 г.: капитальные затраты — 1020000 руб. (на 1 сентября освоено 17%). По цеховым расходам — 1379000 руб. (на 1 сентября освоено 3,6%). Средства были истрачены на: замену кожухов зонтов у печей, проведена вентиляция в ряде цехов (гальваническое отделение цеха, каби-

⁸ ОГАЧО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 22. Л. 109–112.

⁹ Там же. Л. 134.

¹⁰ ОГАЧО. 234. Оп. 4. Д. 51. Л. 57.

¹¹ ГАОПИТО. Ф. 40. Оп. 6. Д. 251. Л. 68.

¹² ГАОПИТО. Ф. 40. Оп. 4. Д. 211. Л. 93–94.

ны испытания моторов, электродная мастерская)¹³. Причины низкого освоения финансовых средств были те же, что и в довоенное время: недостаток оборудования (вентиляторов, и др.) и рабочей силы (квалифицированные кадры были задействованы на выпуске военной продукции).

Санитарно-бытовые условия на промышленных предприятиях зачастую были неудовлетворительными. Во исполнение приказа Наркомздрава №393 от 29 июня 1940 г. на предприятиях должна была создана сеть ведомственных медицинских учреждений, включая здравпункты в цехах, комнаты гигиены для женщин. Но на практике эти мероприятия были проведены далеко не везде. Отсутствие здравпунктов в цехах предприятий, либо их необеспеченность лекарственными препаратами и перевязочным материалом приводили к задержкам в оказании медицинской помощи при несчастных случаях на производстве. Также страдала профилактическая работа, например, не обрабатывались микроотравы (из-за отсутствия раствора бриллиантовой зелени), что впоследствии приводило к серьезным гнойным заболеваниям среди рабочих.

Что касается соблюдения санитарных условий на рабочих местах, то освещение в цехах часто была недостаточным, вентиляция производственных помещений плохая, почти отсутствовали приспособления для защиты рабочих от лучистой энергии. Душевых установок было недостаточно, причем часть из существующих была неисправна, не хватало мыла, не организована стирка спецодежды¹⁴.

На многих предприятиях существовала проблема с подачей воды и её качеством. На Чимкентском свинцовом заводе часто в цехах не соблюдался питьевой режим: снабжение водой было недостаточным, вода не хлорировалась в виду данных последних анализов, по которым она признана доброкачественной, рабочие вынуждены были пить сырую воду, охлаждаемую льдом. Для душей использовалась вода из-под грануляции шлака, содержащая некоторое количество свинца и т.д.¹⁵ На Челябинском Кировском заводе рабочая санитарная инспекция Челябинска разрешила использовать для душевых воду пополам из питьевого водопровода и из промышленного водопровода. На практике часто использовалась 100% вода из промышленного водопровода, причем без обеззараживания¹⁶. Плохие санитарно-бытовые условия на производственных площадках завода стали одной из причин роста заболеваемости рабочих.

Заболеваемость работников Челябинского Кировского завода в 1942 г. превысила показатель 1941 г. в 2 раза, а цифры за первые 5 месяцев 1943 г. были выше показателей заболеваемости 1942 г.¹⁷ Выражая серьезную обеспокоенность этими фактами Челябинское партийное областное руководство потребовали в июле 1943 г. от дирекции завода: обеспечить бесперебойную работу существующих 9 дезокамер, 100% отоваривание талонов с мылом, расширить производство хвойного напитка до 5000–6000 литров в день, расширить ассортимент витаминных напитков из листьев березы, клевера, земляники. В 5-дневный срок доставить из г. Свердловска 1,5 тонны противодизентерийных препаратов¹⁸.

Общая картина заболеваемости по заводам г. Челябинска за 1 квартал 1942 г. (на 100 работающих) выглядит следующим образом:

№	Завод	Число случаев нетрудоспособности	Число дней нетрудоспособности
1	«Калибр»	48,1	255,0
2	Им. Колющенко	38,4	289,0
3	Абразивный	37,5	206
4	Электроцинковый	29,8	252
5	ЧЭГРЭС	29,8	229
6	№ 78	29,1	278
7	Электродный	28,7	235
8	Ферросплавов	27,5	224
9	Кировский	23,8	231
Среднее по 9 заводам		30,0	224

Эти цифры сопоставимы с данными крупных предприятий оборонного значения в других регионах советского тыла: например крупнейшее предприятие танкопрома завод Уралмаш (г. Свердловск): 51,6 — число случаев нетрудоспособности (на 100 работающих) за 1 полугодие 1942 г., в то время по Кировскому заводу этот показатель — 48,7.

По сравнению с 1941 г. по всем предприятиям наблюдался рост заболеваемости, в частности на Кировском заводе количество заболевших на 100 работающих в 1 полугодии 1942 г. больше чем в 1 полугодии 1941 г. (то есть в довоенное время) на 91,7%¹⁹.

Пик заболеваемости и травматизма пришелся на 1943 г. Неблагоприятные показатели сохранялись до окончания войны. Можно проследить динамику выбывшего персонала из коллектива Кировского завода по причине болезни или инвалидности: 1940 г. — 208 чел., 1941 г. — 373, 1942 г. — 1202, 1943 г. — 1702, 1944 г. — 1529, 1945 г. — 1315. В целом, это составило 11,2% от всех выбывших [3, с. 269].

Анализ медицинских диагнозов позволяет выделить наиболее характерные заболевания: желудочно-кишечные, простудные, глазные болезни, фурункулез, производственные и бытовые травмы. В экстремальных условиях военного времени появились специфические болезни, одной из них стал геморрагический дерматит (воспаление голеностопного сустава), причины крылись в авитаминозе и общем ослаблении человеческого организма.

Выше мы отмечали, что количество свинцовых отравлений в 1942 г. снизилось по сравнению с 1941 г., что касается случаев травматизма, то они, напротив, увеличились. Причем случаи травматизма на ЧСЗ в 1942 г. увеличились значительно по сравнению с 1941 г. Так, если в 1941 г. было 164 случая с 2377 днями болезни, в 1942 г. — 275 случаев с 4439 днями болезни. Это явилось следствием грубого нарушения элементарных правил техники безопасности и низкой производственной дисциплины. Особенно неблагоприятно обстояло дело в механическом цехе, где имелось много случаев мелкого травматизма, причем нарушители техники безопасности не подвергались наказанию²⁰.

Изучая журнал регистрации несчастных случаев ЧСЗ за 1942 г.²¹ можно выделить следующие наиболее распространенные типы увечий: ушибы, в том числе головы и позвоночника, растяжение связок, резанные и колотые раны, переломы, рваные раны головы и других частей тела, ожоги расплавленным свинцом, щелочью, электро ожоги и ожоги сваркой, начиная от 1 до 3 степени, в том числе одного или обеих глаз, роговицы, век, лица и прочих частей тела, инородное тело глаза, роговицы, были случаи когда были сдавлены или отрезаны пальцы, кисти.

Часть этих травм можно было избежать при наличии у рабочих спецодежды и защитных средств, но на большинстве

¹³ ОГАЧО. Ф. 792-р. Оп. 14. Д. 55. Л. 12–38.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 23. Л. 335–341.

¹⁵ Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 767. Л. 48–49.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. 792-р. Оп. 14. Д. 55. Л. 12–38.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 23. Л. 335.

¹⁸ Там же. Л. 335–341.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. 792-р. Оп. 14. Д. 55. Л. 12–38.

²⁰ АП РК Ф. 708. О. 6/1. Д. 816. Л. 14.

²¹ ГАТО. Ф. 207. Оп. 10. Д. 100. Л. 1–110.

оборонных заводов, наблюдалась нехватка или отсутствие спецодежды, защитных очков даже в горячих цехах²². В условиях всеобщего дефицита товаров первой необходимости, зачастую работники вынуждены были находиться на рабочих местах в обветшавшей одежде, не имея смены белья, в разваливающейся обуви или даже просто босыми²³. На такие факты обращало внимание Челябинское областное партийное руководство в отношении выпускников ФЗО и ремесленных училищ, пришедших на Кировский завод²⁴.

В шахте №2 треста «Ленгеруоль» (Южно-Казахстанская область) также не соблюдалась техника безопасности и наблюдались частые случаи травматизма. В 1945 г. всего произошло 173 несчастных случая, из них 4 со смертельным исходом и 15 — тяжелые. В сообщении горно-технического инспектора Вострикова трест не выполнил 9 его предложений по технике безопасности²⁵.

В качестве причин нарушений техники безопасности следует учесть и субъективный фактор. Начальники цехов и помощники главного инженера по технике безопасности зачастую не проводили инструктажа по безопасности, как среди работающих, так и вновь принятых рабочих. Рабочие, прежде всего женщины и подростки, пришедшие на предприятия на замену мобилизованным на фронт работникам, не были знакомы с техникой безопасности и получали разного рода травмы и заболевания, случались и несчастные случаи со смертельным исходом.

Так, на заводе «Баррикады» №221 (г. Сталинград) за период с 29 июня 1943 г. по 1 января 1944 г. было зафиксировано 56 несчастных случаев, потеря трудодней составила 1022. Среди основных причин выделены такие, как плохая организация рабочего места, неправильные приемы работы, неисправность оборудования, отсутствие или неисправность защитных приспособлений²⁶.

Следует особо отметить и уязвимое положение рабочих нерусских национальностей, учитывая то, что большинство из них не имели опыта работы на производстве и плохо владели или не владели русским языком (например, мобилизованные из среднеазиатских республик для работы на заводах Урала, Казахстана). Большая доля травм приходилась на неопытных пришедших на производство несовершеннолетних рабочих [8, с. 34].

Длительное нахождение в неблагоприятных для здоровья работника условиях приводило к профзаболеваниям, следствием которых нередко становились инвалидность или уход из жизни. Довольно сложно отследить количество профзаболеваний с утратой трудоспособности поскольку эти данные зачастую не фиксировались в статистических отчетах либо попадали в категорию заболеваний «с временной потерей работоспособности». Этот фактор был отмечен комиссией Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны труда, инспектировавшей Челябинский Кировский завод по заданию ВЦСПС в октябре 1942 г., например, среди рабочих, занятых на сварке корпусов, было много легочных заболеваний поскольку в обмазке электродов использовался марганец, фтор, хром. У работников бензино-мойки неоднократно происходило отравление бензином, но при оказании помощи в медпункте случаи отравления не регистрировались. Гнойничковые заболевания у рабочих при контакте со щелочами также должны были считаться профзаболеваниями.

На Чимкентском свинцовом заводе из-за высокой загазованности распространенным видом отравлений были свинцовые отравления-сатурнизм. Свинец попадал в организм рабочих при вдыхании свинец содержащей пыли, копоти и п. п. К примеру, только за август 1941 г. по свинцовой интоксикации пострадали 45 чел., угорели окисью углерода 9. Получивших бюллетени из-за травм — 33 чел.²⁷ Анализ цифровых данных о профотравлениях и промышленном травматизме позволяет увидеть значительный рост в июле и августе месяце 1941 г., что по всей видимости, связано было с интенсификацией труда и нарушениями правил техники безопасности в целях выполнения норм военного времени.

В 1942 г. количество свинцовых отравлений уменьшилось по сравнению с 1941 г., если за 8 мес. 1941 г. было 289 случаев с количеством 4801 днем болезни, то в 1942 г. за это же время произошло 69 случаев с количеством 615 дней болезни²⁸. Возможно, не все случаи регистрировались, поскольку производственные условия в 1943 г. практически не изменились. Состояние транспортных лент оставалось аварийным, что приводило к частым нарушениям технологического цикла и влекло за собой потери свинца. Пылеуловительные установки, а также газоходы, работающие для отходящих газов, находились в исключительно неудовлетворительном состоянии и требовали срочной замены²⁹.

Уровень травматизма, профзаболеваний, аварийности, зависел от отраслевой и региональной специфики предприятий. Предположительно, выше уровень травматизма был на предприятиях с вредными и опасными производствами (химическая, металлургическая отрасли). В регионах с суровым холодным климатом (Урал, Сибирь) возрастала опасность простудных заболеваний (особенно если цеха плохо отапливались, уборные находились на улице, работники недостаточно обеспечивались зимней спецодеждой и др.). Свою специфику имели и предприятия, располагавшиеся в зоне ближнего тыла, то есть близко к линии фронта. Например, на территории Сталинградских промышленных предприятий после завершения уличных боёв осталось множество мин и снарядов, что создавало угрозу жизни и здоровью рабочих. Руководству заводов пришлось в срочном порядке для всех работников заводов организовывать краткосрочные курсы для по ознакомлению с принципами действия мин и их обезвреживанию³⁰.

РАБОТА ОРГАНОВ ПО ОХРАНЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Вопросы условий труда периодически попадали в поле зрения партийных и государственных органов, принимались правильные решения, но практически ничего не менялось. При этом партийные органы уделяли внимание вопросу условиям труда рабочих. В Постановлении бюро Обкома КПБК, датированном сентябрем 1942 г., руководству Чимкентского свинцового завода указывалось на их бесконтрольное и безответственное отношение к состоянию техники безопасности на заводе³¹.

За плохую работу по технике безопасности использовалась практика штрафов начальников цехов. Даже заводились уголовные дела и передано в прокуратуру для расследования привлечения виновных к ответственности³².

²² АП РК ф. 708. Оп. 9. Д. 1511. Л. 14–17.

²³ ГАТО. ф. 207. Оп. 10. Д. 100. Л. 1–110. Л. 15, 37.

²⁴ ОГАЧО. ф. 288. Оп. 42. Д. 22. Л. 170.

²⁵ ГАТО. ф. 1009. Оп. 1. Д. 53. Л. 54–58.

²⁶ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). ф. 127. Оп. 3. Д. 7. Л. 31.

²⁷ ГАОПИТО. ф. 40. Оп. 4. Д. 211. Л. 132–134.

²⁸ АП РК ф. 708. О. 6/1. Д. 816. Л. 14.

²⁹ ГАОПИТО. ф. 40. Оп. 6. Д. 319. Л. 22–28.

³⁰ ГАВО. ф. 6032. Оп. 2. Д. 243. Л. 25.

³¹ АП РК ф. 708. О. 6/1. Д. 816. Л. 14.

³² ГАОПИТО. ф. 234. Оп. 1. Д. 214. Л. 122.

Не всегда грамотно и тщательно велась документация потерь рабочего времени, учета травматизма. Информация о несчастных случаях на производстве со смертельным исходом иногда не предоставлялась в прокуратуру или предоставлялась с нарушением сроков³³. К примеру, только в июле 1942 г. на Чимкентском свинцовом заводе в течение всего 4 дней произошло 2 несчастных случая и 2 случая самоубийства. Примечательно, что в постановлении по данным 4 случаям из 11 пунктов только в 2 были затронуты вопросы техники безопасности, но не прописаны меры наказания виновных лиц, остальные 9 были посвящены регламентации порядка «перемещения или увольнения ИТР»³⁴.

В случае аварий, как правило, проводились расследования с целью выявления причин и наказания виновных. С 1930-х гг. аварии на производстве объяснялись действиями вредителей и врагов народа, хотя большинство проблем было связано с неправильным планированием производственного процесса, а не со злым умыслом. Но практически во всех выступлениях используется термин «вредительство», и там, где имеется нехватка материалов и ресурсов, и там, где проблемы были обусловлены не продуманной организацией работы. «Энергетика пострадала от руки вредителя... Основное вредительство — это вентиляция»³⁵.

В годы войны тема «вредительства» или «диверсионного акта» как причины производственных аварий также неоднократно звучала в ходе проведения расследований. Так в ходе экспертизы по выявлению причин взрыва селитровой ванны на Челябинском Кировском заводе была высказана версия: «диверсионный акт»³⁶. Материалы по случаям со смертельным исходом и по травмам с тяжелыми последствиями должны были передаваться в прокуратуру для выяснения обстоятельств, определения вины и наказания виновных. На практике часто эта процедура затягивалась. Так, за первое полугодие 1942 г. в Челябинскую прокуратуру было передано 25 дел, рассмотрено из них было только одно дело³⁷.

Как правило, ответственность за халатное отношение к соблюдению правил техники безопасности была несоизмерима с тяжестью последствий их нарушения (гибель и увечья людей в результате производственных аварий, профессиональные заболевания).

Рассмотрим, какая вина была определена в результате расследования причин аварии на броневом стане Магнитогорского металлургического комбината в октябре 1941 г., и кто понес наказание. В результате расследования было определено, что авария произошла в результате нарушения технических правил и самовольных отступлений от проекта монтажа. Виновными были признаны начальник Уралсантехстроя и прораб, непосредственно руководивший монтажными работами и пуском в эксплуатацию машины с грубым нарушением технических правил. Главному энергетика и главному инженеру Магнитогорского металлургического комбината вменялись «беспечность, политическая близорукость, самоустранение от контроля за монтажом». Поскольку сигналы на аварийное состояние машины уже во время её эксплуатации поступали неоднократно, виновными в «халатности и бездеятельности» признаны главный энергетик ММК и начальник цеха.

Какие же наказания были наложены на виновников аварии: начальник конторы Уралсантехстрой Попов был исключен из рядов ВКП(б). Остальным, вышеперечисленным работни-

кам, были вынесены выговоры (кому-то с занесением в личное дело, кому-то с предупреждением, кому-то просто «указано»). Показательно, что в проекте постановления бюро предлагалось «просить наркома Тевосяна снять с работы главного энергетика ММК», в итоге этот текст зачеркнут³⁸. Очевидно, что ценные высококвалифицированные кадры старались беречь, выводя их из-под уголовной и административной ответственности ради скорейшего выполнения заказов оборонного значения.

Так, люди, получившие заболевания в результате опасных для здоровья производственных условий, были в то же время социально незащищены. Имели место случаи неполной выплаты по больничному листу или увольнений работников, долгое время находившихся на больничном. Так в июле 1942 г. была уволена работница Чимкентского свинцового завода Н. Рахметова, находящаяся с апреля 1942 г. на больничном с диагнозом «саркома плечевого пояса»³⁹. Учитывая вредные условия труда, данное заболевание вполне могло быть следствием вредных условий производства (шесть лет работы в цеху) и производственных травм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые в отечественной истории законы по охране труда стали приниматься в 18 веке. В СССР была разработана нормативно правовая база и создана система контролирующих органов по охране труда. Она постепенно внедрялась, из государственного бюджета выделялись финансовые средства и в 1930-х гг. были достигнуты значительные успехи в этом направлении. Война стала провалом и откатом назад, возникло противоречие между созданной «на бумаге» системой охраны труда и реальным положением на предприятиях. Следует подчеркнуть, что тяжелая ситуация в сфере охраны труда на промышленных предприятиях сохранялась на протяжении всего военного периода.

В результате проведенного исследования можно прийти к выводу, что среди причин такой ситуации относится ряд факторов. Самое очевидное и, по мнению большинства исследователей, оправдывающее всё — это экстремальные условия военного времени, необходимость победить в войне, носящей тотальный характер. Именно это привело к ослаблению внимания к этой проблеме со стороны центральной власти, пренебрежение требованиями к охране труда и со стороны директоров предприятий, и в массовом сознании населения. Сказалась и эвакуация, в результате которой заводы размещались на неподготовленных производственных площадках или без достаточной инфраструктуры (которая могла обеспечить необходимый уровень охраны труда рабочих); или прибывало оборудование уже на существующий завод и размещалось методом уплотнения (конечно, нельзя полностью исключить и промышленное строительство, которое велось).

Существенную роль сыграло недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению охраны труда со стороны государства (и в довоенный период тоже), низкий процент освоения выделенных средств со стороны руководства промышленных предприятий. Обострение кадровой проблемы (компетентных работников в этой области), что привело к сокращению численности инспекторов, вследствие чего не обеспечивался грамотный и своевременный инструктаж работников о правилах соблюдения техники безопасности.

Задачи обеспечения фронта всем необходимым привело к ослаблению наказаний за нарушения требований охраны труда. В случае крупных аварий уголовные дела заводили, в осталь-

³³ АП РК Ф. 708. О. 6/1. Д. 816. Л. 14.

³⁴ ГАОПИТО. Ф. 234. Оп. 1 Д. 236. Л. 1-4.

³⁵ ГАТО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 101. Л. 235-237.

³⁶ ОГАЧО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 22. Л. 109-112.

³⁷ ОГАЧО. Ф. 792-р. Оп. 14. Д. 55. Л. 37.

³⁸ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 18. Л. 132-134.

³⁹ ГАОПИТО. Ф. 234. Оп. 1 Д. 228. Л. 121.

ных случаях обходились устными выговорами. Такая политика объяснялась стремлением сохранить высококвалифицированные (в первую очередь руководящие и инженерные кадры) для выполнения военных заказов. Представляется важным, что в экстремальных условиях военного времени увеличилась интенсификация труда и ухудшилось питание и материальное положение работников промышленной сферы. Изменился состав рабочей силы: на производство пришли женщины-домохозяйки, подростки, мобилизованные из национальных регионов (не знающие русского языка). Это усугубило ситуации, т.к. и до этого отмечалась общая низкая производственная культура рабочих.

Неверным будет говорить о полном бездействии центрального и местного руководства по контролю за охраной труда. Архивы донесли до нас документы инспекционных проверок, материалы расследования причин аварий и слу-

чаев травматизма и смертности среди работников предприятий. Но наказания за нарушения охраны труда почти не применялись, либо носили «мягкий» характер. Практиковался дифференцированный подход к степени виновности за нарушения охраны труда в отношении ИТР и директорского корпуса промышленных предприятий в зависимости от их производственной полезности.

Анализ проблем охраны труда, травматизма, заболеваемости работников вследствие тяжелых условий труда ещё раз демонстрирует неизбежную опасность снижения ценности человеческих жизней в экстремальных условиях войны. Для сохранения исторической памяти важным также является осознание масштабов жертвенности работников оборонных предприятий тыла ради достижения победы в Великой Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грбанова Е. Эвакуация глазами партийного контроля // Эвакуация: воскрешая прошлое / Материалы международ. науч. конф. Алматы, 2009. С. 221–242.
2. Иванов Е.К., Палецких Н.П., Усольцева Н.Л. Деятельность профсоюзных организаций промышленных предприятий Южного Урала по охране здоровья населения в годы Великой отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018, т. 18, № 1. С.24–27.
3. Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2017. 416 с.
4. Мусалиева А.С. Новые источники о вкладе Казахстана в Победу в Великой Отечественной войне (на материале Акмолинской области) // Russkii Arkhiv, 2015, Vol. (8), Is. 2, pp. 132–147.
5. Нурсултанова Л.Н. Оборонная промышленность в годы Великой Отечественной войны // Вестник архивной службы Алматы. 2011. №1. С. 76–83.
6. Потемкина М.Н., Токарев Е.В. Мотивация труда в южноуральской промышленности: механизмы и практика военного периода (на примере Магнитогорского металлургического комбината 1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 1 (33). С. 132–143.
7. Соколов А.К. Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник. М., 2004. С.7–52.
8. Тряхов И.С. Условия труда на предприятиях в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирского края) // Технологос. — 2021. № 2. С. 30–43.
9. Усольцева Н. Л. Обеспечение санитарно-эпидемического благополучия Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 128–136.
10. Чиликова Е.В. К вопросу деятельности заводов и предприятий оборонной промышленности и адаптации рабочих и ИТР, эвакуированных в Казахстан // История. Память. Люди. / Материалы X Международной научно-практической конференции. 23 сентября 2020 г. Алматы, 2020. 680 с. С. 81–97.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 85,9%.

Рецензент: Мотревич В. П., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

Статья поступила в редакцию 01.04.2022, принята к публикации 21.04.2022

The article was received on 01.04.2022, accepted for publication 21.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Потемкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник Центра изучения военной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, РИНЦ Author ID: 414191, <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>, Scopus Author ID: 57194238189, Researcher ID: U-9595-2017, e-mail: mpotemkina@mail.ru

Жаркынбаева Роза Сейдалиевна, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры Всемирной истории, историографии и источниковедения, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан, РИНЦ AuthorID: 1127131y, <https://orcid.org/0000-0001-8560-1654>, Scopus Author ID 57217090542, Researcher ID N-9018-2017, e-mail: Roza.zharkynbayeva@gmail.com

REFERENCES:

1. Gribanova E. Evacuation through the eyes of party control // Evacuation: resurrecting the past / Materials of the international. scientific conf. Алматы, 2009. S. 221–242.
2. Ivanov E.K., Paletsikh N.P., Usoltseva N.L. Activities of Trade Union Organizations of Industrial Enterprises of the Southern Urals for the Protection of Public Health during the Great Patriotic War // Bulletin of the South Ural State University. Series «Social Sciences and the Humanities». 2018, vol. 18, no. 1. pp. 24–27.
3. Melnikov N.N. Modernization of the tank industry of the USSR in the conditions of the Great Patriotic War. Yekaterinburg, 2017. 416 p.
4. Musagalieva A.S. New sources on the contribution of Kazakhstan to the Victory in the Great Patriotic War (on the material of the Akmola region) // Russkii Arkhiv, 2015, Vol. (8), Is. 2, pp. 132–147.
5. Nursultanova L.N. Defense industry during the Great Patriotic War // Bulletin of the archive service of Алматы. 2011. №1. pp. 76–83.
6. Potemkina M.N., Tokarev E.V. Labor motivation in the South Ural industry: mechanisms and practice of the war period (on the example of the Magnitogorsk Iron and Steel Works in 1941–1945) // Vestnik of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal. 2020. No. 1 (33). pp. 132–143.
7. Sokolov A.K. The drama of the working class and the prospects of working history in modern Russia // Social History. Yearbook. M., 2004. S.7–52.
8. Tryakhov I.S. Working conditions at enterprises during the Great Patriotic War (on the materials of the Vladimir region) // Tekhnologos. — 2021. No. 2. P.30–43.
9. Usoltseva N. L. Ensuring the sanitary and epidemic well-being of the Southern Urals during the Great Patriotic War // Magistra Vitae: an electronic journal on historical sciences and archeology. 2016. No. 1. P. 128–136.
10. Chilikova E.V. On the issue of the activities of factories and enterprises of the defense industry and the adaptation of workers and engineers evacuated to Kazakhstan // History. Memory. People. / Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. September 23, 2020 Алматы, 2020. 680 p. pp. 81–97.

ABOUT THE AUTHORS

Marina N. Potemkina, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Head of World History Department, Novos Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation; Leading Researcher, Center for the Study of Military Economics, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, Author ID: 414191, <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>, Scopus Author ID: 57194238189, Researcher ID: U-9595-2017, e-mail: mpotemkina@mail.ru

Roza S. Zharkynbayeva, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Professor Department of World History, Historiography and Source Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, AuthorID: 1127131y, <https://orcid.org/0000-0001-8560-1654>, Scopus Author ID 57217090542, Researcher ID N-9018-2017, e-mail: Roza.zharkynbayeva@gmail.com

5.6.1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
NATIONAL HISTORY

07.00.02

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
NATIONAL HISTORY

Свердловская железная дорога в 1941–1945 гг.: переход на военные рельсы

©Андрей Владимирович Сперанский

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: avspersky@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована значимость железнодорожного транспорта СССР, сумевшего несмотря на трудности Великой Отечественной войны, сохранить свою магистральную сеть и обеспечить невиданный в мире объем воинских, оборонно-промышленных и эвакуационных перевозок. Основной акцент сделан на военной перестройке Свердловской железной дороги, разделенной в годы войны на две магистрали — им. Л.М. Кагановича (с 1943 г. — Свердловскую) и Пермскую. Они обеспечивали движение поездов в европейскую часть России, охватывая территории Среднего Урала, Прикамья и Западной Сибири. В статье показаны идейная солидарность и товарищеская сплоченность уральских железнодорожников, проявившиеся на митингах, при мобилизационных мероприятиях и в боевых действиях на фронте. Внимание обращено на замену ушедших в действующую армию мужчин и введение в производство кадрового резерва в лице женщин и подростков. Отмечено, что женщины успешно овладевали мужскими профессиями, при этом значительная часть работниц непосредственно обеспечивала движение поездов, доставляя на фронт все необходимое. Охарактеризовано привлечение к трудовой деятельности выпускников техникумов, воспитанников профессиональных училищ и школьников. Продемонстрированы формы и методы их производственного обучения, вклад в развитие железнодорожного транспорта. Сделан вывод, что несмотря на невзгоды военного лихолетья, механизм функционирования уральских железных дорог продолжал бесперебойно действовать, благодаря мобилизации всех организационных ресурсов и самоотверженности личного состава.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Урал, железная дорога, мобилизация, патриотический порыв, фронт, героизм, освоение мужской профессии, производственное обучение, ученичество.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сперанский А. В. Свердловская железная дорога в 1941–1945 гг.: переход на военные рельсы // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 47-53.

The Sverdlovsk Railway in 1941–1945: Transition to Military Rails

©Andrey V. Speransky

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: avspersky@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the importance of the USSR railway transport, which managed to maintain its main network despite the difficulties of the Great Patriotic War and provide unprecedented volume of military, industrial and evacuation transportation in the world. The main emphasis in the paper is on the military reorganisation of the Sverdlovsk railway, divided during the war into two routes — one named after L.M. Kaganovich (since 1943 — Sverdlovsk Railway again) and Perm Railway. They provided train traffic to the European part of Russia, covering the territories of the Middle Urals, Kama Region and Western Siberia. The paper shows ideological solidarity and comradesly cohesion of the Ural railway workers, manifested at rallies, during mobilization events and in combat operations at the front. The author draws attention to the replacement of men who left for the active army and the introduction of a personnel reserve in the face of women and teenagers into industrial production. The paper notes that women successfully mastered male professions and a significant part of female workers directly ensured the movement of trains, delivering everything necessary to the front. The paper describes involvement of graduates of technical schools, pupils of vocational schools and schoolchildren in the labour activity. The paper

also demonstrates the forms and methods of their industrial training and contribution to the development of railway transport. The paper concludes that despite all hardships of the war, the Ural railways continued to operate smoothly, thanks to the mobilization of all organizational resources and dedication of personnel.

Key words: Great Patriotic War, the Urals, railway, mobilization, patriotic impulse, front, heroism, mastering the male profession, industrial training, apprenticeship.

FOR CITATION: Speransky A. V. The Sverdlovsk Railway in 1941–1945: Transition to Military Rails // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 47–53. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны железные дороги СССР с честью выполнили свой долг перед Родиной, сумев осуществить невиданные в мировой практике объемы воинских перевозок. За 1941 по 1945 гг. до места назначения было доставлено около 20 млн. вагонов, в том числе 9,8 млн. с войсками и 9,9 млн. с воинскими грузами [2, с. 268, 269]. В короткие сроки была проделана колоссальная работа по перемещению промышленности и населения на заранее подготовленные эвакуобазы и эвакуопункты в восточных районах страны¹. С июля по ноябрь 1941 г. было перебазировано по разным данным от 1523 до 2593 промышленных предприятий, в том числе более 830 — на Урал [14, с. 267], 226 — в Поволжье, 224 — в Казахстан и Среднюю Азию. Всего за военный период железнодорожный транспорт СССР, всемерно способствуя приближению Великой Победы, перевез 1,4 млрд. тонн грузов [8, с. 70], до 25 млн. чел. эвакуированного населения [15, с. 48].

При этом, несмотря на все объективные и субъективные трудности военного времени железнодорожная сеть Советского Союза не претерпела серьезных количественных изменений. На 1 января 1945 г. в СССР насчитывалось 53 магистрали, охватывавшие практически всю его территорию².

Одним из крупнейших центров железнодорожного транспорта в военные годы был Урал. К началу войны этот регион, считающийся «родиной первого в России паровоза», имел хорошо развитое железнодорожное сообщение, интенсивно развивавшееся с момента изобретения уральскими крепостными Е.А. и М.Е. Черепановы «пароходного делижанца» (1834 г.). Железнодорожная линия в крае была пущена в 1878 г. Получив название Уральской горнозаводской, она стала первой в России магистралью, построенной на местности с горным рельефом. В 1885 г. после объединения с только что построенной веткой Екатеринбург — Тюмень, она стала называться Уральской железной дорогой. В дальнейшем, соединившись с Транссибирской магистралью, «уральская железка» была переименована в Пермь-Тюменскую, а с 1900 г. — стала называться просто Пермской.

После прихода к власти большевиков в 1919 г. НКПС переводит Управление железной дороги из Перми в Екатеринбург, переименованный вскоре в Свердловск. В 1934 г. дорога разделяется на Пермскую, управление которой осталось в Свердловске, и Южно-Уральскую, руководящие органы которой обосновались в Челябинске. В 1936 г. она переименовывается в железную дорогу имени Л.М. Кагановича, а в 1939 г. вновь делится на две самостоятельные части. Первая, сохранила имя сталинского наркома и центральный орган управления

в Свердловске, вторая, вновь став Пермской, получила руководящий центр в Перми (в 1940–1957, Молотов).

В годы войны Свердловская³ и Пермская железные дороги продолжали действовать самостоятельно [9]. В 1953 г. они были вновь объединены в Свердловскую железнодорожную магистраль с Управлением в Свердловске (ныне Екатеринбург), действующую по настоящее время. Учитывая современное положение и историческое единство независимо работавших в период войны магистралей, в данной статье анализируются факты и события, происходившие на всей территории их деятельности, включая всю протяженность железнодорожных линий в 874 км⁴, обеспечивавших движение поездов в европейскую часть России и охватывавших Урал и Западную Сибирь.

В РЕЖИМЕ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Начавшаяся война, незвано вошла во все дома жителей советской страны, поставив население великой державы на грань полного порабощения и уничтожения. Поэтому каждый понимал, что только полная мобилизация всех сил и средств государства, базирующаяся на личной ответственности и мужестве его граждан, позволит преодолеть тяжелейшие испытания и выстоять перед лицом смертельной опасности. Нависшая угроза не испугала, она лишь заставила плотнее сомкнуть ряды людей, готовых к самопожертвованию ради спасения Отечества.

Искренние чувства любви к Родине и ненависти к врагу, непреодолимая убежденность в его окончательном разгроме, стали определять мотивацию поведения самых широких слоев советского общества. Ярко проявились они и среди работников железнодорожного транспорта, всегда отличавшихся в силу своей профессии организованностью и дисциплиной. С первых дней войны пример идейной солидарности, товарищеской сплоченности и профессионального отношения к делу показали уральские железнодорожники. Практически на всех предприятиях Свердловской (до 1943 г. им. Л.М. Кагановича) и Пермской железных дорог прошли массовые митинги и собрания, в которых приняло участие несколько десятков тысяч человек. В управлениях дорог, на железнодорожных узлах Свердловск-Пассажирский, Свердловск-Сортировочный, на станциях Алапаевск, Верещагино, Губаха, Егоршино, Кизел, Кунара, Кунгур, Нижний Тагил, Пермь II, Шарташ и других объектах железнодорожники обличали фашизм и агрессивные планы А. Гитлера, заявляли о готовности к са-

¹ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 195. Л. 46; ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 3. Д. 4. Л. 28.

² На момент начала войны в Советском Союзе действовало 54 железных дороги общей протяженностью в 106,1 тыс. км, что обеспечивало стране по этому показателю второе место в мире, вслед за Соединенными Штатами Америки [12, с. 309–311].

³ В 1943 г. железная дорога им. Л.М. Кагановича переименовывается в Свердловскую.

⁴ С учетом построенных в годы войны новых линий. Всего протяженность железных дорог урало-сибирского направления, проходивших по Свердловской, Молотовской (ныне Пермский край), Челябинской, Курганской, Тюменской, Чкаловской (ныне Оренбургской), Омской областей, Башкирской и Удмуртской АССР, Казахской СССР составляла 6344 км (ГАСО. Ф. 65. Оп. Д. 1507. Л. 8; Д. 471. Л. 1 об.).

моотверженному труду, клялись отдать все силы без остатка для полного разгрома захватчиков.

Резолюции, принятые в результате этих общественно-политических мероприятий, отличались пониманием текущего момента и связанных с ним производственных задач. «Приложим все силы, чтобы четко и быстро продвигать на фронт оборонные грузы, снабжать Красную Армию и Военно-Морской Флот всем необходимым для победы над врагом» — отмечалось в совместном решении, принятом тружениками Управления железной дороги имени Л.М. Кагановича, станций Свердловск-Пассажирский и Шарташ. «Клянёмся с честью стоять на своих постах и оперативно продвигать поезда, работать по-военному, столько, сколько потребует от нас Родина», — писали в резолюции митинга, рабочие и служащие депо Свердловск-Сортировочный [7, с. 108]. Участники многочисленного собрания работников Пермского железнодорожного узла, проведенного на стадионе спортивного общества «Локомотив», поклялись «... работать еще лучше, вложить все свои силы и знания в дело достижения победы над германским фашизмом»⁵.

Патриотический порыв, проявившийся в ходе проведенных в первые дни войны митингов, поддерживался и другими формами агитационно-пропагандистской работы. В радиопередачах, стенгазетах, «боевых листках», областных газетах и многотиражках, в устных выступлениях агитбригад, в различного рода оборонных выставках разъяснялась необходимость самоотверженного, производительного труда, способствующего обеспечению Красной армии всем необходимым и являющегося основой единения фронта и тыла.

Очень точно эта идея была высказана в газете управления и политотдела дороги им. Л.М. Кагановича «Путевка». «Железнодорожник — родной брат Красной армии, — отмечалось в этом печатном органе, — ... Страна находится в состоянии войны и все должно быть подчинено интересам обороны ... Сейчас от каждого железнодорожника требуется более высокая производительность труда, дисциплина, высокая бдительность, мобилизация всех резервов и внутренних ресурсов»⁶.

Правильно организованная идеологическая работа, понимание железнодорожниками Урала опасности возникшей ситуации и своего места в строю воюющей страны, позволили уже 24 июня 1941 г. перевести железную дорогу им. Л.М. Кагановича и Пермскую железную дорогу на «военные рельсы». Соблюдая жесткую дисциплину и режим секретности, здесь начали массовые перевозки, связанные с мобилизацией и сосредоточением войск, перебазированием промышленности и эвакуацией населения. Перестройка магистралей на военный лад прошла в очень короткие сроки. Буквально за считанные дни на всех станциях ввели новые графики следования поездов, предусматривающие первоочередное движение воинских эшелонов, подготовили подвижной состав под погрузку военных грузов, начали прием раненых и эвакуированных⁷.

При этом преодолевались объективные трудности военного времени, связанные с уходом на фронт мужчин трудоспособного возраста, являвшихся, как правило, высококвалифицированными специалистами. За годы войны в спецформирования НКПС и Красную армию были мобилизованы или добровольно вступили около 11 тыс. тружеников железной дороги им. Л.М. Кагановича. Откликнувшись на призыв работников депо станции Верещагино «Все, как один, мы готовы вступить на защиту нашей Родины!», взяли в руки оружие и пошли воевать с немецко-фашистскими за-

хватчиками рабочие и служащие Пермской железной дороги. Только за первые 8 месяцев войны под ружье встали более 3 тыс. работников этой магистрали [7, с. 108].

Путь по дорогам войны ушедших на фронт уральских железнодорожников был труден и суров, но они сумели одолеть грозного противника, показав свои лучшие профессиональные качества: навык работы в команде, выработавшийся у человека чувство локтя, личную ответственность за результат общего дела, дисциплинированность, умение быстро и точно реагировать на меняющуюся обстановку. Значительную часть железнодорожников с Урала использовали на фронте, учитывая их гражданскую специальность. Они водили бронепоезда, восстанавливали разрушенные мосты, ремонтировали прифронтовые рельсовые пути. Остальные воевали в самых разных родах войск, но чаще всего в артиллерии, авиации, танковых войсках, то есть там, где мог быть рационально применен опыт их гражданской работы, связанный с высокой технической грамотностью.

Были случаи, когда из железнодорожников организовывались целые воинские подразделения. Так, в Нытвенском районе Молотовской области (ныне — Пермский край) в 1942 г. была сформирована 45-я отдельная железнодорожная бригада, базировавшаяся в г. Нытва. Отправленная на фронт в 1943 г. под командованием полковника А.И. Наталевича, бригада выполняла задание по восстановлению железнодорожных путей в ходе операции «Багратион». В июле 1944 г. военные железнодорожники решали задачи по восстановлению железнодорожных участков при освобождении Белоруссии, а в 1945 г. взяли на себя основную тяжесть восстановления и освоения железнодорожных участков на территории Польши и Германии [4]. За проявленные в период наступления 1-го Украинского фронта профессиональное мастерство, отвагу и мужество бригада была награждена орденом Богдана Хмельницкого⁸.

Лучшие из лучших среди посланцев железных магистралей Урала, проявившие на войне выдающиеся черты своего характера, за проявленные мужество и героизм были удостоены высших наград Родины. Так, труженик Синарского железнодорожного узла Григорий Павлович Кунавин при освобождении Польши повторил подвиг Александра Матросова. В бою на подступах к деревне Герасимовиче он закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, обеспечив ценной собственной жизни успех наступающей роты. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а на станции Каменск-Уральский отважному воину был установлен памятник [1, с. 58–60; 5, с. 93–95; 6, с. 157–159; 13, с. 318–319].

Героями Советского Союза также стали: кузнец Пермского паровозоремонтного завода Валентин Георгиевич Стариков, слесарь паровозного депо станции Кунгур Василий Иванович Бачурин, тракторист станции Чайковская Иван Иванович Мозжаров, машинист паровозного депо Верещагино Михаил Данилович Саначев, участковый милиционер ст. Пермь-2 Михаил Петрович Пономарев, работник ст. Туринск Максим Андреевич Чистяков, железнодорожники Григорий Иванович Глазунов (ст. Вья), Аркадий Николаевич Коняев (паровозное депо ст. Серов), Михаил Евлампиевич Жбанов (ст. Н. Тагил). Кавалером ордена Славы трех степеней стал рабочий литейного цеха паровозного депо ст. Егоршино Кирилл Григорьевич Корепанов. Всего за годы Великой Отечественной войны орденами и медалями награждались 570 свердловских железнодорожников, мужественно защищавших Отечество [3; 10].

⁵ Звезда. 1941. 11 июля.

⁶ Путевка. 1941. 13 июля.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 122. Л. 7.

⁸ ГАПК. Ф. Р-2091. Оп. 1. Д. 29; Уральская магистраль. 2020. 14 апреля.

ЗАМЕНИМ УШЕДШИХ НА ФРОНТ

Только в мае 1942 г. Государственный комитет обороны СССР принял решение прекратить призыв железнодорожников в Красную армию и вернуть с фронта на транспорт наиболее квалифицированных специалистов. До этого момента ослабленные в кадровом отношении Свердловская и Пермская железные дороги вынуждены были решать сложные задачи военного времени за счет введения в производство кадрового резерва в лице женщин, пенсионеров и подростков, а также за счет повышения производительности труда, базирующейся как на патриотическом настрое участников трудового процесса, так и на лучшей организации труда, применении придуманных ими же и внедренных в производственный процесс технических инноваций.

В процессе замены квалифицированных специалистов ушедших на фронт рассчитывать на технически подготовленное пополнение не приходилось. Поэтому стали смелее и активнее вовлекать в производство женщин, широко внедрять многостаночное обслуживание и совмещение профессий. Для пришедших на производство женщин открывали специальные ускоренные курсы, посещая которые они осваивали необходимые на данный момент специальности.

Чтобы привлечь представительниц прекрасного пола к работе на железной дороге регулярно проводились женские собрания, коллективные и индивидуальные беседы. На них женщинам-домохозяйкам и девушкам, окончившим школы, разъясняли значимость женского труда на транспорте в военный период, предлагали конкретные формы привлечения их для работы в железнодорожных службах. Также организовывались митинги, где звучали призывы к женщинам заменить ушедших на фронт мужей, отцов и братьев, сделать все возможное и невозможное, чтобы помочь им победоносно сражаться с напавшими на страну фашистами.

Следует отметить, что после опубликования 18 июля 1941 г. обращения ко всем женщинам СССР, призывавшем домохозяйек идти на фабрики и заводы, овладевать мужскими профессиями, начался массовый процесс замещения воюющих фронтовиков. Женщины активно откликнулись на воззвания и приходили на железнодорожное производство с горячим желанием, овладев необходимыми трудовыми навыками и техническими знаниями, отдать все свои силы для достижения полной победы над врагом. Так, после завершения митинга членов семей железнодорожников станции Нижний Тагил, проведенного в июле 1941 г., более 50 домохозяйек приняли решение начать трудовую деятельность в ее производственных структурах⁹.

Подобное поведение носило повсеместный характер, что позволило увеличить количество женщин-работниц на уральских магистралях, значительно ослабив кадровую проблему. К примеру, в Егоршинском отделении железной дороги им. Л.М. Кагановича уже в июле 1941 г. более 200 домохозяйек заменили ушедших на фронт мужчин. А на станции Синарская при общей численности работающих в 271 человек, трудилось 123 женщины, что составляло 45,3%¹⁰. В целом по этой железной дороге в 1944 г. различные производственные функции исполняли более 24 тыс. работниц (52,2% от всех занятых), в то время как в довоенном 1940 г. их насчитывалось не более 11 тыс. (24,8%) [7, с. 113]. На Пермской магистрали только за первые восемь месяцев войны на рабо-

ту было принято 1450 домохозяйек, а к 1943 г. удельный вес женщин также возрос до 50%¹¹.

Таким образом, на хрупкие женские плечи легло тяжелейшее бремя выполнения задач железнодорожного транспорта в экстремальных условиях войны. К чести представительниц прекрасного пола отметим, что подавляющее большинство из них справилось с трудностями военного времени, внося достойный вклад в достигнутую победу. На железных дорогах Урала не было такой профессии, которую они бы не освоили. Женщины работали не только в административно-управленческом аппарате или занимались подсобным, малоквалифицированным трудом. Напротив, большая часть работниц эффективно участвовала в трудовом процессе непосредственно связанным с движением поездов, обеспечивая бесперебойную доставку на фронт воинских подразделений, военной техники и боеприпасов, способствуя перевозке грузов и людей, необходимых для создания мощного оборонно-промышленного комплекса в тыловых районах страны.

Женщины-машинисты появились в Советском Союзе еще в довоенное время. Это был немногочисленный отряд девушек, увлеченных романтикой первых пятилеток и стремившихся не в чем не уступать мужчинам в деле построения социализма. Все они следовали примеру Зинаиды Петровны Троицкой, первой женщине, которая реализовала свою мечту, сдав государственный экзамен на права машиниста¹². Но если в мирный период женщина-машинист рассматривалась как исключительный феномен, выходящий за рамки обыденных представлений, то в годы Великой Отечественной войны это явление стало объективной реальностью, вызванной крайней необходимостью замены ушедших на фронт мужчин. При этом романтика неординарной по тем временам профессии отходила на второй план, заслоняясь тяжелыми буднями военного лихолетья [11, с. 138].

Одной из первых женщиной-машинистом на Свердловской железной дороге стала Матрена Сипаченко, окончившая еще в 1938 г. курсы помощников машинистов паровозов по так называемому «Сталинскому призыву». В начале войны, эвакуировавшись вместе с семьей на Урал, она работает на станции Синарская, где в 1943 г. назначается машинистом паровозного депо. В 1944 г. ей присваивается персональное звание «Техник-лейтенант тяги III ранга». Сипаченко много раз водила железнодорожные составы на линию фронта, оказываясь под вражескими бомбежками и артобстрелом. Уже после войны Матрена Михайловна избиралась депутатом Свердловского областного Совета народных депутатов.

Наряду с М.М. Сипаченко в строю машинистов уральских магистралей работали и многие другие женщины. Первой девушкой, работавшей машинистом на Егоршинской станции, была Нина Николаевна Коротаяева (Иванова). Вместе с ней трудилась Анна Павловна Косовских, водившая паровоз от станции Богданович до Алапаевска. Машинист Косовских всегда находилась в рядах передовиков. Среднесуточный пробег ее паровоза на 138 км превышал плановое задание, а экономия топлива составляла 2710 килограммов. На этой же станции помощниками машиниста работали М.Я. Попова, А.М. Каратаева, А.К. Панова, М.Н. Зиновская (Черемных), Ю.М. Хромцова, А.Н. Черепанова (Яфясова). В депо Свердловск-Сортировочный машинистами электропоезда трудились А.И. Спирина, М.А. Бармина, В.В. Чудинова и другие железнодорожницы. В Надеждинском отделении сначала помощником машиниста, а затем машинистом паровоза работала М.П. Чуткова.

⁹ Правда. 1941. 18 июля.

¹⁰ Путевка. 1945. 14 апреля.

¹¹ Звезда. 1942. 2 августа.

¹² Гудок. 2010. 2 декабря.

Женщины заменяли ушедших на фронт машинистов-мужчин и на Пермской железной дороге. Прекрасно освоила профессию паровозного машиниста Галина Яковлева, постоянно водившая поезда с перевыполнением технической скорости и добивавшаяся большой экономии топлива. В Перми (в годы войны — Молотов) успешно работали машинистами М.И. Толстикова, В.П. Пешина, К.Д. Емельянова. В Чусовском локомотивном депо электровозами управляли женщины-машинисты А.А. Вяткина, В.А. Ощепкова, Т.А. Морозова, Е.А. Челпанова, В.А. Бояршинова, водившие тяжелогруженные составы с кизеловским углем, с березниковской продукцией и чусовским металлом. Особо отличилась машинист этого депо комсомолка Е.Т. Волохатых, ставшая участницей первой колонны имени Государственного Комитета Обороны, куда были включены лучшие паровозные бригады¹³. Профессию машиниста женщины осваивали и на Тюменском железнодорожном узле. Первой освоила эту специальность А.И. Кондакова, бесстрашно возившая грузы необходимые фронту. Вскоре здесь же появилась семейная паровозная бригада, включавшая супругов П.А. и К.А. Рябовых.

Важная роль в движении поезда отводится профессии кочегара, требующей значительной физической силы и выносливости. С обязанностями кочегара, включающими в себя очистку топки паровоза, протирку его паклей и смазывание машинным маслом, перемещение каменного угля или дров из тендера в совок, мог справиться не каждый мужчина. Однако и на этом трудном участке железнодорожного производства с успехом работали женщины. В суровые военные годы им приходилось трудиться по двое, а то и по четверо суток без перерыва. После таких смен женщины-кочегары, голодные и обессиленные, ложились прямо у топки и засыпали тревожным сном, пробуждение от которого приносило лишь новые тяжелые испытания. В период войны на уральских железных дорогах кочегарами работали Александра Дмитренко, Татьяна Колеух, Юлия Мосиенко (Кутавина), Антонина Ежова, Анна Веретенева, Анна Панова и многие другие девушки, не испугавшиеся военных невзгод. Среди них были совсем юные, только-только окончившие среднюю школу, а то и добровольно ушедшие из нее на тяжкую работу по зову патриотического долга. Так, Анфисе Семушкиной, ставшей в 1941 г. кочегаром мощного паровоза «ФД» было всего неполных 16 лет [7, с. 114].

Не легче было и девчатам, выбравшим профессии электросварщика, токаря или слесаря. Чаще всего они занимались ремонтом подвижного состава, каждая деталь которого имела очень солидный вес. Особенно трудно было ремонтировать и передвигать паровозные дышла, предназначенные для соединения колёсных пар паровозов. Весившее не одну сотню килограммов дышло, приходилось перетаскивать на себе, в лучшем случае — на ручной тележке. Тем не менее, женщины справлялись и с этой нелегкой работой, понимая, что помогают стране в опасной войне с грозным неприятелем.

В паровозном депо станции Чусовская Пермской железной дороги успешно работала целая комплексная бригада по ремонту паровозов, состоящая из 15 девушек-слесарей. Включившись в соревнование с бойцами Северо-Западного фронта, бригада, возглавляемая Галиной Ушаковой объявила себя фронтовой и неизменно достигала высокой производительности. В Кунгурском депо примером трудовой доблести стала токарь Анастасия Безматерных, выполнявшая за смену 2-3 нормы и уверенно державшаяся в рядах «трехсотников» на протяжении всей войны¹⁴.

Ударно трудились на Свердловской железной дороге электросварщицы станции Егоршино Вера Колеватова и сёстры Лидия и Евгения Танциревы, ежедневно выполнявшие план на 250-300%. В 9-10 раз перевыполняла трудовые нормы токарь вагонного участка этой же станции Е.М. Лоушкина, чей производственный опыт получил распространение по всей магистрали. Отличными токарями в годы войны стали А.К. Буркова (ст. Егоршино), А.Н. Логинова, Е.Ф. Ляковская, Е.Н. Ильина (ст. Свердловск-Пассажи́рская). Овладели слесарным делом и постоянно перевыполняли плановые задания А.А. Лаврова и А.К. Буркова (ст. Егоршино).

Профессионально, со знанием дела трудились на Свердловской и Пермской железных дорогах и женщины, работавшие на других специальностях. Так, электрообмотчица вагонного депо участка ст. Свердловск-Пассажи́рский Р.И. Кыштымова, усовершенствовав трудовые операции, стала производить пайку коллектора за 20 минут вместо плановых 2 часов 50 минут. Это позволило ей выполнять производственное задание на 1300% и войти в немногочисленный отряд передовиков, именовавшихся в годы войны «тысячниками»¹⁵.

В годы Великой Отечественной войны женщины также работали на уральских магистралях телефонистками, вызывальщицами, техническими конторщицами, дежурными по станции, главными и старшими кондукторами, вагонными мастерами, составителями поездов, путевыми обходчиками, грузчиками и т.д. И какую должность они бы не занимали, каждой, за редким исключением, были присущи качества поразительной работоспособности, удивительного долготерпения и неистребимой веры в окончательную победу над агрессором.

Кроме профессиональной деятельности, женщины проводили и огромную общественную работу. На Свердловской и Пермской железных дорогах действовали женсоветы, женактивы и советы общественниц. Под руководством этих массовых организаций патриотки оказывали большую практическую помощь транспорту в подготовке к зиме, ремонтировали квартиры, чинили спецодежду, наводили чистоту в цехах и служебных помещениях, очищали пути от снега, обеспечивали поездные бригады горячим питанием. Самое активное участие женщины-активисты принимали в организации политических мероприятий: митингов, собраний, воскресников и т.п. В ходе их проведения велась активная работа по разоблачению агрессивных планов фашизма, по привлечению женщин на производство, по всемерной поддержке фронта, по оказанию помощи семьям фронтовиков и т.п. К примеру, 8 марта 1942 г. в международный женский день в Кизеловском железнодорожном отделении был проведен массовый воскресник. Среди 2119 его участников было 1207 работниц и домохозяек. В результате дружной работы женщины-патриотки заработали 10 400 руб., которые были переведены на восстановление детских учреждений в районах, освобожденных от немецких оккупантов¹⁶.

ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ — ФРОНТУ

В годы Великой Отечественной войны, наряду с женщинами, важнейшим источником пополнения кадрового состава Свердловской и Пермской железных дорог являлась подростковая молодежь в возрасте от 15 до 18 лет. Большинство подростков осознанно ушли из общеобразовательных школ, став к станкам, заменить ушедших на фронт, и своим самоотверженным трудом приблизить победу над

¹³ Звезда. 1942. 12 марта; 1942. 2 августа.

¹⁴ Звезда. 1942. 28 февраля; 1942. 12 марта.

¹⁵ Уральский рабочий. 1941. 13 июля; Путевка. 1941. 27 июля; 1945. 14 апреля.

¹⁶ Звезда. 1942. 12 марта.

врагом. В 1943 г. на Свердловской железной дороге работало 3665 железнодорожников моложе 18 лет [7, с. 114]. На Пермской — в это же время трудились 2 860 юношей и девушек, среди которых 608 были несовершеннолетними, то есть не достигшими 16 лет. К концу войны молодежный контингент составлял примерно одну треть от всех участников производственного процесса на уральских магистралях¹⁷.

Для того, чтобы полноценно участвовать в трудовом процессе и достигать положительных результатов, молодые люди должны были пройти необходимое обучение. Наиболее эффективной формой получения юношами и девушками рабочей специальности были учебные заведения государственных трудовых резервов. Железнодорожные школы ФЗО и училища, образованные накануне войны в 1940 г., в военный период значительно изменили условия своей работы. Были сокращены сроки обучения, уменьшилась теоретическая подготовка. Большая часть учебных занятий отводилась производственной практике, максимально приближенной к нуждам производства. Воспитанники учебных заведений трудовых резервов призывались в обязательном порядке, но это, как правило, не вызывало какого-либо неприятия. Призывники понимали степень ответственности и в большинстве своем были готовы отдать все свои силы, чтобы помочь Родине. За годы войны железнодорожные училища и школы ФЗО подготовили для Пермской и Свердловской магистралей 5900 квалифицированных рабочих различных специальностей, органично влившись в трудовой процесс и внесших значительный вклад в их бесперебойное функционирование [7, с. 116].

По мере сил и возможностей участвовали в работе магистралей учащиеся общеобразовательных железнодорожных школ. В свободное от занятий время школьники помогали труженикам различных цехов, осматривали состояние железнодорожных путей, собирали металлолом и т.п. Но, пожалуй, самой простой и эффективной формой привлечения молодых людей к труду и выработки необходимых профессиональных навыков было непосредственное обучение на производстве. Очень активно использовалось индивидуально-бригадное ученичество, когда подросток или группа из 5–10 чел. обучались прямо на рабочем месте под руководством опытного кадрового железнодорожника. Так, молодых машинистов готовили прямо у реверса паровоза. Опытные профессионалы сопровождали молодежь в поездках, учили тонкостям вождения составов в зимних условиях и т.п.

Большое распространение получили кружки по изучению техминимума, краткосрочные курсы целевого назначения, курсы повышения производственной квалификации железнодорожников с отрывом и без отрыва от производства. Только в 1945 г. на Пермской и Свердловской дорогах подобными формами повышения рабочей квалификации было охвачено 25473 молодых железнодорожников. В годы войны поднятию уровня профессионального мастерства юношей и девушек также способствовали активно проводимые съезды и слеты рабочих-стахановцев, совещания многостаночников и многосотников, рабочих-универсалов, встречи с заслуженными мастерами.

Огромное значение придавалось организации производственно-технических вечеров, технических и теплотехнические конференций, собраний рационализаторов и изобретателей, демонстрациям технических фильмов, проведению лекций. Значительный вклад в дело технической пропаганды внесли сотрудники Дома техники Свердловской железной дороги, располагавшего 30 техническими кабинетами

и специально оборудованными вагонами. Только в 1945 г. они провели более 9 тыс. различных мероприятий по техпропаганде с охватом 195,7 тыс. чел. Целенаправленно и эффективно подобного рода мероприятия проходили и в Клубе железнодорожников г. Свердловска [7, с. 117, 132].

Очень популярны среди уральских железнодорожников были малые формы производственного обучения и технической пропаганды — консультации и беседы. Интересно отметить, что в паровозных депо Свердловской железной дороги, таких как Свердловск-Пассажирский, Свердловск-Сортировочный, Кушва, Нижний Тагил и других, беседы и консультации проводились круглосуточно. Особенно важны они были для молодых производственников, в первую очередь машинистов, так как вскрывали причины брака в работе, давали дельные советы по его устранению, конкретные рекомендации по предупреждению аварий. На Пермской дороге только за восемь месяцев 1943 г. провели 12843 таких бесед и консультаций, охватив при этом 52 тыс. 230 железнодорожников [7, с. 118].

Уральские железнодорожники оказались и замечательными воспитателями детей, чьи родители погибли от рук немецко-фашистских захватчиков. При мастерских Пермской дистанции пути из снятых с поездов подростков-беспризорников была организована детская трудовая коммуна им. Антона Макаренко. Под руководством начальника мастерских Георгия Ивановича Жаворонкова ребята, живя в общежитии-коммуне, самостоятельно управляли своим коллективом, учились и работали, приобретали рабочие специальности. Многие стали отличными слесарями, токарями, кузнецами, электросварщиками. Уже после войны некоторые поступили в железнодорожные техникумы, а Петр Кабанов в Днепрпетровский железнодорожный институт¹⁸.

Отметим, что в годы войны среди молодого пополнения уральских магистралей тоже были инженерно-технические работники, подготовленные в Пермском и Свердловском железнодорожных техникумах, а также в Свердловском электромеханическом техникуме. Пополнялись железные дороги и за счет выпускников средних школ, обучавшихся в старших классах в соответствии с приказом НКПС от 21 февраля 1942 г. «О подготовке техников железнодорожного транспорта из числа учащихся восьмых, девярых и десятых классов железнодорожных средних школ», по учебным планам и программам железнодорожных техникумов. По разрядам НКПС уральские магистрали пополнялись также кадрами высшей и средней квалификации, эвакуированными с железных дорог, попавших в немецкую оккупацию. Так, к концу 1942 г. только на Свердловской железной дороге работали 105 инженеров и 74 техника, прибывших из западных районов страны [7, с. 118]. Укрепление кадрового состава специалистами, имеющими высокую профессионально-техническую подготовку, способствовало успешному освоению технологического процесса и неуклонному росту производственно-экономического эффекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на невзгоды военного лихолетья, механизм функционирования Пермской и Свердловской (до 1943 г. — им. Л.М. Кагановича) железных дорог продолжал бесперебойно действовать, благодаря мобилизации всех организационных ресурсов и самоотверженности личного состава. Огромный вклад в этот процесс внесли женщины и подростки. Ставшие в период смертельной схватки с фашизмом важнейшей составной частью тружеников тыла, они делали все возможное

¹⁷ Звезда. 1942. 2 августа; ГАСО. Ф. 2036. Оп. 1. Д. 374. Л. 1, 6.

¹⁸ Уральская магистраль. 2020. 14 апреля.

и невозможное, чтобы всемерно способствовать устойчивой работе железнодорожного транспорта и обеспечить полную победу над беспощадным врагом. Во многом благодаря им Пермская и Свердловская железные дороги стали связующим звеном

фронта и тыла, обеспечивавшим доставку стратегических резервов в западные районы, эвакуацию материальных ценностей и населения в тыловые области, военную перестройку и дальнейшее развитие экономики всей страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бессмертные подвиги. М.: Воениздат, 1980. 351 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
3. Герои Советского Союза: 60 лет Победы / Свердловская железная дорога. Екатеринбург, 2005. 18 с.
4. Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. М.: Альпари, 1995. 340 с.
5. Живые строки войны... Кн. 2. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 352 с.
6. Золотые Звезды свердловчан. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. 453 с.
7. Исторический путь Свердловской железной дороги. Екатеринбург: УрГУПС, 2011. 512 с.
8. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. 682 с.
9. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. СПб., 1997. 416 с.
10. Кавалеры ордена Славы трёх степеней: Краткий биографический словарь. М.: Воениздат, 2000. 703 с.
11. Московской окружной железной дороге 100 лет. М.: ЛКИ, 2008. 140 с.
12. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М.: Наука, 1970. 502 с.
13. Сперанский А.В. На войне как на войне. Екатеринбург: Сократ, 2015. 408 с.
14. Урал в панораме XX века / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 495 с.
15. Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966. 263 с.

REFERENCES:

1. The immortal feats. M.: Voenizdat, 1980. 351 p.
2. The Great Patriotic War 1941–1945. Encyclopedia / Ch. ed. M.M. Kozlov. M.: Soviet Encyclopedia, 1985. 832 p.
3. Heroes of the Soviet Union: 60 years of Victory / Sverdlovsk Railway. Yekaterinburg, 2005. 18 p.
4. Railway troops in the Great Patriotic War. 1941–1945. M.: Alpari, 1995. 340 p.
5. Living lines of the war ... Book. 2. Sverdlovsk: Middle-Ural publishing house, 1984. 352 p.
6. Golden Stars of the people of Sverdlovsk. Sverdlovsk: Middle-Ural publishing house, 1970. 453 p.
7. The historical path of the Sverdlovsk railway. Yekaterinburg: UrGUPS, 2011. 512 p.
8. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945: in 6 vols. Vol. 2. M.: Voenizdat, 1961. 682 p.
9. History of railway transport in Russia and the Soviet Union. Vol. 2: 1917–1945 SPb., 1997. 416 p.
10. Cavaliers of the Order of Glory of three degrees: A Brief Biographical Dictionary. M.: Voenizdat, 2000. 703 p.
11. Centenary of the Moscow District Railway. M.: LKI, 2008. 140 p.
12. Soviet economy during the Great Patriotic War of 1941–1945. M.: Nauka, 1970. 502 p.
13. Speransky A.V. In war as in war. Yekaterinburg: Socrates, 2015. 408 p.
14. Ural in the panorama of the twentieth century / Ch. ed. V.V. Alekseev. Yekaterinburg: SV-96, 2000. 495 p.
15. Echelons go to the East. From the history of relocation of productive forces of the USSR in 1941–1942. Collection of articles and memoirs. M.: Nauka, 1966. 263 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 87,9%.

Рецензент: Запарий В. В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ)

Статья поступила в редакцию 08.04.2022, принята к публикации 28.04.2022

The article was received on 08.04.2022, accepted for publication 28.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор; заслуженный деятель науки Российской Федерации; заведующий Центром политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: avspersky@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Speransky, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Honored Worker of Science of the Russian Federation; Head of Center for Political and Socio-Cultural History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: avspersky@mail.ru

5.6.1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
NATIONAL HISTORY

07.00.02

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
NATIONAL HISTORY

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-54-58

Создание продовольственной базы вокруг промышленных центров СССР в годы Великой Отечественной войны

©Владимир Павлович Мотревич

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов рассекреченных постановлений СНК СССР исследован процесс создания на ключевом этапе Великой Отечественной войны пригородной сельскохозяйственной зоны вокруг промышленных центров Советского Союза. Показано, что целью данного направления аграрной политики СССР было обеспечение населения промышленных центров картофелем, овощами и молочной продукцией. Это потребовало изменение отнесенных к пригородной зоне хозяйств специализации сельхозпредприятий, что в тех условиях без помощи государства сделать не представлялось возможным. Поэтому в 1944–1945 гг. постановлениями Советского правительства в ряде индустриально развитых республик и областях страны запрещалась мобилизация рабочей силы из колхозов в промышленность, строительство и на транспорт, с сельхозпредприятий списывалась задолженность прошлых лет по обязательным поставкам, из налогообложения исключалась часть непригодных для хозяйственного использования земель и т. д. Начиная с 1945 г. в целях стимулирования производства картофеля, овощей и корнеплодов для колхозов пригородной зоны разрешалось снижать нормы обязательных поставок зерна. В результате в ряде промышленно развитых республик и областей страны, таких как Башкирская АССР, Свердловская, Челябинская и Чкаловская области заметно увеличилось производство молока, выросли урожаи картофеля и овощных культур, что улучшило питание городского населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СНК СССР, крупные промышленные центры, городское население, продовольственная база.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мотревич В. П. Создание продовольственной базы вокруг промышленных центров СССР в годы Великой Отечественной войны // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 54-58. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-54-58

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-54-58

Creating a Food Base around the Industrial Centers of the USSR during the Great Patriotic War

©Vladimir P. Motrevich

Ural State Law University, V.F. Yakovleva, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Abstract. The article examines the process of creating a suburban agricultural zone around the industrial centers of the Soviet Union at the final stage of the Great Patriotic War, based on the materials of declassified resolutions of the Council of People's Commissars of the USSR. It is shown that the purpose of this direction of the agrarian policy of the USSR was to provide the population of industrial centers with potatoes, vegetables and dairy products. This required a change in the specialization of agricultural enterprises assigned to the suburban zone, which in those conditions it was not possible to do without the help of the state. Therefore, in 1944–1945 by the resolutions of the Soviet government, in a number of industrially developed republics and regions of the country, the mobilization of labor from collective farms to industry, construction and transport was prohibited, the debt of previous years on mandatory supplies was written off from agricultural enterprises, part of the land unsuitable for economic use was excluded from taxation, etc. Since 1945 in order to stimulate the production of potatoes, vegetables and root crops for the collective farms of the suburban zone, it was allowed to reduce the norms of mandatory grain supplies. As a result, milk production has significantly increased in a number of industrialized republics and regions of the country, such as the Bashkir ASSR, Sverdlovsk, Chelyabinsk and Chkalov regions, potato and vegetable crops have grown, which has improved the nutrition of the urban population.

Key words: The Great Patriotic War, the SNK of the USSR, large industrial centers, urban population, food base.

FOR CITATION: Motrevich V. P. Creating a Food Base around the Industrial Centers of the USSR during the Great Patriotic War // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 54–58. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-54-58

ВВЕДЕНИЕ

С началом Великой Отечественной войны одной из важнейших проблем работы советского тыла стало обеспечение продовольствием населения крупных промышленных центров. Одним из путей ее решения стало создание вокруг промышленных центров СССР продовольственной базы. Данная проблема исследовалась в историографии, в первую очередь уральской [Корнилов, 1990: 87–89; Мотревич, 2021: 351–353; Хисамудинова, 2002: 129]. Однако решение ее в масштабах страны в целом оказалось вне поля зрения исследователей

Продовольственная база вокруг промышленных центров страны фактически стала формироваться еще в годы первой пятилетки путем создания вокруг них специализированных совхозов и МТС сельскохозяйственных районов. Так в Уральской области вокруг промышленных центров 33 районов было создано 11 молочно-овощных совхозов и 29 огородных МТС, которые должны были снабжать овощами, цельным молоком и кисломолочными продуктами [Филатов, 2006: 61, 62]. Решение же о создании вокруг промышленных центров и крупных городов продовольственной базы было принято в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б). Съезд утвердил задания третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР и определил необходимость создания вокруг Москвы, Ленинграда, Баку, Харькова, Киева, промышленных центров Донбасса, Кузбасса, Горького, городов Дальнего Востока и всех других крупных городов картофельно-овощных и животноводческих баз, обеспечивающих полностью снабжение этих центров овощами, картофелем и в значительной степени молоком и мясом¹.

Однако с реализацией данного решения партийного съезда произошла задержка и оно было озвучено только в постановлении СНК СССР от 19 июня 1941 г. № 1633, т.е. за три дня до начала Отечественной войны². Речь в нем шла о дальнейшем расширении пригородной зоны вокруг городов Свердловска и Нижнего Тагила куда предполагалось

включить 7 районов Свердловской области. Часть средств на эти цели планировалось ассигновать из резервного фонда Правительства, а остальные суммы предполагалось заложить в бюджет 1942–1943 гг. Для снабжения областного центра часть сельскохозяйственной продукции предполагалось направлять из прилегающих к г. Свердловску районов соседней Челябинской области.

СОЗДАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ НА УРАЛЕ

Начавшаяся война помешала реализации этого плана. Однако проблему продовольственного снабжения городов надо было решать, поскольку в 1943–1944 гг. положение с обеспечением уральских городов продовольствием стало критическим. Голод, массовая дистрофия и как следствие высокая смертность стали повсеместным явлением в городах Свердловской области. На почве голода доходило до самоубийств, каннибализма и трупоедства [Мотревич, 2003: 85–87]. В декабре 1942 – феврале 1943 гг. трудное положение с обеспечением хлебом сложилось в Челябинской области. Вопрос о снабжении хлебом несколько раз рассматривался на заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б), однако проводимые на основании его решений мероприятия не дали желаемого результата, положение с хлебом стало еще более сложным [Трифонов, 1993: 50].

В этой ситуации в конце 1943 г. проанализировав состояние сельского хозяйства края уральские областные комитеты партии обратились в ЦК ВКП(б) с предложением создать вокруг индустриальных центров Урала собственные продовольственные базы. Это предложение уральских партийных органов было одобрено в Москве. 25 марта 1944 г. ГКО принял постановление, направленное на усиление продовольственной базы таких промышленных центров Свердловской области как Свердловск и Нижний Тагил³. В пригородную зону Свердловской области включались Буткинский, Верхне-Тавдинский, Верхотурский, Ирбитский, Ново-Лялинский, Пышминский, Серовский, Талицкий, Тугулымский, Туринский районы. Также были намечены меры по увеличению производства картофеля и овощей, дальнейшем укреплении животноводства, пти-

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). — 9-е изд., доп. и испр. Т. 7: 1938–1945. Москва: Политиздат, 1985. — 64 с.

² Постановление СНК СССР от 19 июня 1941 г. № 1633 «О дальнейшем расширении овощной и животноводческой базы вокруг гг. Свердловска и Нижнего Тагила» // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 39.

³ Постановление ГКО от 25 марта 1944 г. № 5462 «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области» // Сборник указов, постановлений и распоряжений. 1941–1945. Челябинск: Изд. обл. упр. изд-в и полиграфии, 1945. С. 17–25.

цеводства и рыбоводства, развитию садоводства, улучшению работы машинно-тракторных станций и увеличению производства сельскохозяйственного инвентаря.

В целях реализации данного постановления ГКО в июле 1944 г. было принято постановление СНК СССР «О мерах по оказанию помощи Свердловской области»⁴. В соответствии с ним с колхозов области частично списывалась задолженность по хлебозаготовкам, а также по картофелю, овощам и селу, из обложения по поставкам продуктам было исключено 367 тыс. га, уменьшены нормы поставок свиных шкур и план сдачи мяса в фонд Красной армии, прекращена закупка крупного рогатого скота и уменьшен план закупки свиней для освобожденных районов. На 1944–1945 гг. отменялось привлечение хозяйств, занятых на постоянной работе на промышленных предприятиях и транспорте рабочих, к сдаче обязательных поставок государству картофеля, мяса и молока. В целях быстрого освоения имеющихся важное промышленное значение малонаселенных северных районов было решено не привлекать, начиная с 1944 г. сроком на 5 лет, к поставкам государству сельскохозяйственных продуктов и уплате сельхозналога городское и сельское население Ивдельского и Карпинского районов Свердловской области. На корм скота из г. Соликамска на протяжении 1944 г. планировалось завести в область 8 тыс. т соли, а также 2 тыс. т суперфосфата — наиболее распространенного простого фосфорного удобрения. Крупный центр цветной металлургии город Каменск-Уральский не обеспечивался пригородной зоной за счет районов области, поэтому этим же постановлением СНК СССР был частично изменен пункт 1 постановления СНК СССР от 29 мая 1944 г. № 621. В результате к г. Каменск-Уральскому для поставок сельскохозяйственной продукции по планам заготовок были прикреплены Далматовский и Катавский районы Курганской области⁵.

В апреле 1945 г. на основании постановления СНК СССР № 635 произошло расширение пригородной зоны Свердловской области⁶. В нее дополнительно были включены отдаленные от промышленных центров области Артинский, Гаринский, Еланский, Краснополянский, Манчажский, Махневский, Сажинский, Слободо-Турицкий, Таборинский и Шалинский районы. В этом достаточно обширном постановлении в целях стимулирования производства картофеля, овощей и кормовых корнеплодов Наркомзагу СССР и Свердловскому облисполкому разрешалось, колхозам пригородной зоны, имеющим посевы овощей, картофеля и кормовых корнеплодов в размере свыше 10% от общих посевных площадей, начиная с 1945 г. на 10% снизить обязательные поставки зерна. Если эти культуры занимали свыше 15% посевов, то обязательные поставки зерна разрешалось снизить на 20%. Начиная с 1945 г. Наркомзагу разрешалось принимать от колхозов пригородной зоны Свердловской области овощи и картофель взамен хлеба в пределах до 30% от размера обязательных поставок зерна государству по существующим эквивалентам, при условии выполнения колхозами плана поставок картофеля и овощей.

СНК СССР обязывал Наркомзем РСФСР дополнительно выделить и завести в Свердловскую область семена овощных культур, в том числе капусты, свеклы столовой, моркови, лука

и турнепса. Наркомзему РСФСР также предлагалось до 1 мая текущего года в Камышловском, Ирбитском и Серовском районах организовать сортоиспытательные участки по картофелю и овощам. За счет фондов Наркомзема СССР СНК СССР также обязывал Наркохимпром отгрузить Свердловской области для внесения под картофель и овощи азотистые, калийные и фосфорные удобрения. Для колхозов и подсобных хозяйств области с Сухоложского завода поручалось отгрузить 100 тыс. кв. метров стекла, на предприятиях размещенной на территории области союзной и местной промышленности планировалось изготовление овощных конных культиваторов, овощных сеялок, конных орудий. Для производства ремонта моторов тракторов и комбайнов Главное автомобильное управление Красной армии должно было передать Свердловскому облисполкому авторемзавод № 5 со всем наличным оборудованием, постройками, рабочими и ИТР. Инженерно-техническим работникам и рабочим (от 3 разряда и выше) Свердловского моторемонтного завода предоставлялась отсрочка от призыва в армию. В 1945 г. планировалось построить в области 13 типовых ремонтных и 6 литейных мастерских, а также электрифицировать 38 МТС.

Предусматривались также меры по телефонизации районов, улучшению грунтовых дорог, развитию племенного животноводства, организацию 500 гусиных ферм, зарыбление колхозных водоемов, на 1945 г. колхозы области освобождались от временной мобилизации лошадей для нужд промышленности и других организаций. Исключение было сделано только для вывоза продукции лесозаготовок. При этом мобилизации лошадей на лесозаготовки в лесопункты, расположенные далее 100 км от колхозов, были запрещены.

Большое внимание в постановлении уделялось массовым и квалифицированным сельским кадрам. Наркомзему СССР и Свердловскому облисполкому предлагалось организовать в 1945 г. при Свердловском сельскохозяйственном институте постоянно действующие шестимесячные курсы по подготовке председателей колхозов с контингентом учащихся 100 человек, а также открыть годовичные курсы по подготовке директоров машинно-тракторных станций с количеством учащихся 30 человек. Наркомзему СССР предлагалось направить на постоянную работу в Свердловскую область 25 агрономов, 30 зоотехников, 10 ветврачей и 5 механиков для работы в МТС и земельных органах. Свердловскому облисполкому предлагалось использовать для работы в сельском хозяйстве всех специалистов, окончивших Красноуфимский, Ирбитский и Волковский сельскохозяйственные техникумы, а также направить в 1945 г. для работы в колхозы 100 агрономов — выпускников техникумов из других областей. В целях повышения материальной заинтересованности работающих на животноводческих фермах колхозников и обеспечения дальнейшего роста общественного животноводства в постановлении СНК СССР указывалось на необходимость работающим на фермах колхозникам сверх установленной оплаты в трудоднях выдавать дополнительную оплату натурой за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению поголовья взрослого скота⁷.

В мае 1944 г. аналогичное постановление принимается по Челябинской области⁸. В пригородную зону г. Челябинска вошли 6 прилегающих районов, в пригородную зону г. Магнитогорска — еще три. В пригородную зону г. Златоуста включили Щучанский район Курганской области. Колхозы этих районов должны были всемерно расширять посевы картофеля, овощей и развивать молочное животноводство. Для реализации данного постановления были выделены материаль-

⁴ Постановление СНК СССР от 8 июля 1944 г. № 839 «О мерах по оказанию помощи Свердловской области» // Документы советской эпохи: Документальные комплексы. Великая Отечественная война. ГАРФ. Ф. Р-5446. Совет Министров СССР (СМ СССР). URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/>. (Дата обращения: 10.05.2022 г.).

⁵ Там же. (Дата обращения: 10.05.2022 г.).

⁶ Постановление СНК СССР от 2 апреля 1945 г. № 635 «О мероприятиях по дальнейшему развитию продовольственной базы промышленных центров Свердловской области» // Там же. (Дата обращения: 10.05.2022 г.).

⁷ Там же. (Дата обращения: 10.05.2022 г.).

⁸ Постановление СНК СССР от 29 мая 1944 г. № 621 «О создании продовольственной базы промышленных центров Челябинской области» // Там же. (Дата обращения: 11.05.2022 г.).

ные и финансовые ресурсы, в колхозах пригородных районов увеличили размеры семенных участков, с них снизили нормы обязательных поставок зерна и списали часть недоимок за предыдущие годы. Спустя год Совнарком Союза ССР принимает решение о комплексе мер по дальнейшему укреплению собственной продовольственной базы промышленных центров Челябинской области⁹. В нем также, как и по Свердловской области, прописывались меры увеличению производства овощей и картофеля для снабжения трудящихся промышленных центров области, укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, решению проблемы массовых и квалифицированных кадров. В 1945 г. также планировалось создать Магнитогорскую МТС за счет разукрупнения Янгельской машинно-тракторной станции, построить нефтебазу при станции Муслумово, списать с колхозов области денежную задолженность предшествующих лет по натуроплате за работы МТС в сумме 24,5 млн. руб.

В августе 1944 г. было принято постановление Правительства СССР о создании продовольственной базы промышленных центров по Молотовской области¹⁰. Пригородная зона в составе 26 районов области создавалась вокруг Кизилковского угольного бассейна, а также городов Березники, Краснокамск, Кунгур, Лысьва, Молотов, Соликамск и Чусовской. Начиная с 1945 г. в этих районах увеличивались посевы картофеля и овощных культур, и на 50% сокращались посевы льна. До 20% от площади сева увеличивали семенные участки картофеля, а для колхозников в этих районах вводилась дополнительная плата в размере половины урожая, полученного сверх установленной нормы¹¹.

СОЗДАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ В КАЗАХСТАНЕ И КУЗБАССЕ

В 1944 г. создание продовольственной базы вокруг городов и промышленных центров происходило не только на Урале, но и в других регионах страны. В постановлении СНК СССР от 10 ноября 1944 г. отмечалось, что за годы войны в Казахской ССР значительно увеличилось количество городского населения, выросли новые промышленные центры, однако в республике совершенно недостаточно уделялось внимания расширению посевов овощей и картофеля, развитию молочного животноводства и свиноводства. СНК СССР утвердил создание пригородной зоны вокруг городов Актюбинск (Ключевой и Родниковский районы), Алма-Ата (Алма-Атинский, Каскеленский, Илийский, Енбекшиказахский и Джамбульский районы), Гурьев (Баксайский район), Караганда (Осокаровский и Тельманский районы) и Чимкент (Ленгерский, Сайрамский и Чимкентский районы). Кроме того, в связи с особыми полупустынными условиями пригородных зон городов Балхаш и Джезказган Совнаркому Казахской ССР поручалось разработать и утвердить мероприятия по созданию вокруг этих городов устойчивой овощекртофельной базы.

Как и в предыдущих постановлениях ГКО и СНК СССР по городам Урала, поставленные по созданию продовольственной базы промышленных центров Казахстана задачи сводились к увеличению производства овощей и картофеля, улучшению семеноводства, укреплению материально-техни-

ческой базы расположенных в пригородной зоне сельскохозяйственных предприятий, введению дополнительной оплаты труда колхозников и определению размеров премий для специалистов сельского хозяйства, разрешению принимать по обязательным поставкам и натуральной оплате от специализированных колхозов республики овощи и картофель взамен зерна, улучшению постановке опытного дела и т.д. Новым было только планирование мероприятий по развитию виноградарства, а также создание в ряде областных земельных отделах специальных садово-виноградных отделов¹².

За годы войны в крупнейший промышленный центр страны превратился Кузнецкий угольный бассейн. В апреле 1944 г. СНК СССР принимает решение о расширении продовольственной базы Кемеровской области к которой были отнесены колхозы Анжеро-Судженского, Барзасского, Беловского, Гурьевского, Кемеровского, Киселевского, Крапивинского, Кузнецкого, Ленинск-Кузнецкого, Прокопьевского, Титовского, Топкинского, Юргинского и Яшкинского районов. Спустя год пригородная зона промышленных центров Кузбасса была расширена, в нее дополнительно включили Кузедеевский, Таштагольский, Мариинский, Ижморский и Тисульский районы¹³.

СОЗДАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ В 1945 Г.

Создание пригородных зон в стране продолжилось и в 1945 г. В феврале было принято постановление о создании продовольственной базы в Татарской АССР вокруг городов Казань и Зеленодольск¹⁴. В республике к пригородной зоне были отнесены колхозы Арского, Верхнеуслонского, Высокогорского, Дубъязского, Лаишевского, Нурлатского, Пестречинского, Столбищенского, Теньковского и Юдинского районов, которым предстояло специализироваться на производстве овощей, картофеля и молочном животноводстве.

В апреле 1945 г. аналогичное решение принимается в отношении промышленных предприятий г. Куйбышева в которую вошли Молотовский, Кинельский, Сосново-Солонечский, Дубово-Уметский, Утевский, Красноярский, Куйбышевский, Ставропольский и Новодевиченский районы Куйбышевской области. Учитывая природно-климатические условия Среднего Поволжья, особое внимание в постановлении обращалось на развитие садоводства, птицеводства, пчеловодства, рыборазведение и рыбноводство¹⁵. В мае 1945 г. было принято решение о создании продовольственной базы двух городов в Чкаловской области¹⁶. В пригородную зону областного центра включили

¹² Постановление СНК СССР от 10 ноября 1944 г. № 1559 «О создании продовольственной базы вокруг городов и промышленных центров Казахской ССР» // Документы советской эпохи: Документальные комплексы. Великая Отечественная война. ГАРФ. Ф. Р-5446. Совет Министров СССР (СМ СССР). URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/>. (Дата обращения: 11.05.2022 г.).

¹³ Постановление СНК СССР от 7 апреля 1944 г. № 365 «О мероприятиях по расширению продовольственной базы промышленных центров Кузбасса»; Постановление СНК СССР от 5 апреля 1945 г. № 680 «О мерах помощи Кемеровской области по расширению продовольственной базы промышленных центров Кузбасса» // Там же. (Дата обращения: 12.05.2022 г.).

¹⁴ Постановление СНК СССР от 5 февраля 1945 г. № 253 «О создании продовольственной базы вокруг городов Казани и Зеленодольска Татарской АССР» // Там же. (Дата обращения: 11.05.2022 г.).

¹⁵ Постановление СНК СССР от 3 апреля 1945 г. № 665 «О создании продовольственной базы промышленных предприятий города Куйбышева Куйбышевской области» // Там же. (Дата обращения: 12.05.2022 г.).

¹⁶ Постановление СНК СССР от 2 мая 1945 г. № 942 «О создании продовольственной базы вокруг городов Чкалова и Орска» // Там же. (Дата обращения: 11.05.2022 г.).

⁹ Постановление СНК СССР от 2 мая 1945 г. № 941 «О мерах по дальнейшему укреплению собственной продовольственной базы промышленных центров Челябинской области» // Там же. (Дата обращения: 11.05.2022 г.).

¹⁰ Постановление СНК СССР от 5 августа 1944 г. № 1033 «О создании продовольственной базы промышленных центров Молотовской области» // Там же. (Дата обращения: 11.05.2022 г.).

¹¹ Звезда: орган Молотовского обкома и горкома ВКП(б) и областного и городского Совета депутатов трудящихся, 1944. 11 авг.

Павловский, Сакмарский и Чкаловский районы, в пригородную зону г. Орска — Ново-Орский и Халиловский районы.

Работа по созданию пригородных зон продолжалась и после окончания Великой Отечественной войны. Так 9 мая 1945 г. принимается решение о создании продовольственной базы вокруг г. Омска, а 24 мая — вокруг промышленных центров Удмуртии. В Омской области с целью создания дополнительных источников снабжения областного центра увеличение посевов бахчевых и овощных культур, плодов и ягод предусматривалось в расположенных вблизи железных дорог и рек колхозах Любинского, Москаленского, Исылкульского, Калачинского, Молотовского и Черлацкого районов¹⁷. Для снабжения городов Ижевска, Воткинска и Сарапула стали формировать природную зону в Удмуртии в составе Завьяловского, Ижевского, Малопургинского, Увинского, Якшур-Бодьинского, Воткинского, Сарапульского районов¹⁸.

К концу войны стали формироваться пригородные зоны и в других крупных промышленных центрах. Для увеличения производства овощей планировалось развивать поливное овощеводство вокруг городов Горький, Иваново, Казань, Кемерово, Нижний Тагил, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Тула, Орск, Свердловск, и Уфа. Всего планировалось осуществлять поливное овощеводство на площади в 11601 га, в том числе в колхозах — 5922 га, в совхозах — 529 га и в подсобных хозяйствах — 5150 га. Таким образом, главная роль в развитии поливного овощеводства отводилась колхозам, а также

¹⁷ Постановление СНК СССР от 9 мая 1945 г. № 1027 «О создании продовольственной базы вокруг г. Омска» // Там же. (Дата обращения: 11.05.2022 г.).

¹⁸ Постановление СНК СССР от 24 мая 1945 г. «О мерах по развитию сельского хозяйства Удмуртской АССР» // Удмуртская правда: орган Удмуртского обкома и Ижевского горкома ВКП(б), Верховного Совета УАССР, 1945, 20 июня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: УрГУ, 1990. 224 с.
2. Мотревич В. П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 85–87.
3. Мотревич В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.
4. Трифонов А. Н. Продовольственное положение на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). Екатеринбург: УГТУ, 1993. 170 с.
5. Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск: МГТУ, 2006. 453 с.
6. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: ОПТУ, 2002. 300 с.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 78,7%.

Рецензент: Запарий В. В., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ).

Статья поступила в редакцию 13.04.2022, принята к публикации 04.05.2022
The article was received on 13.04.2022, accepted for publication 04.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

подсобным хозяйствам в расчете на помощь промышленных предприятий, за которыми те были закреплены¹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в конце Великой Отечественной войны вокруг ведущих промышленных центров СССР стала создаваться пригородная сельскохозяйственная зона, имевшая своей целью обеспечить проживавшее в них население картофелем, овощами и мясомолочной продукцией. Организация пригородных зон предусматривала изменение для находившихся на их территории сельхозпредприятий, колхозов в первую очередь, специализации сельскохозяйственного производства. Они должны были расширить посевы картофеля и овощей, увеличить занятые под кормовыми культурами площади, добиться роста поголовья скота и подъема его продуктивности. Принимаемые государством меры привели к расширению посевов овощей и картофеля, возросли их урожаи. Увеличилось и производство молока. На Урале валовой сбор картофеля увеличился с 3045,6 тыс. т в 1940 г. до 5227,9 тыс. т в 1945 г. (по «видовой» урожайности), производство молока с 2236,4 до 2607,5 тыс. т, что существенно улучшило питание городского населения ведущих промышленных центров²⁰.

¹⁹ Постановление СНК СССР от 11 марта 1945 г. № 456 «О мероприятиях по развитию поливного овощеводства в пригородной зоне городов Ростова-на-Дону, Тулы, Иваново, Горького, Казани, Орска, Свердловска, Нижнего Тагила, Уфы, Новосибирска и Кемерово» // Документы советской эпохи: Документальные комплексы. Великая Отечественная война. ГАРФ. Ф. Р-5446. Совет Министров СССР (СМ СССР). URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/>. (Дата обращения: 12.05.2022 г.).

²⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р — Ф. 1562. Оп. 1562. Д. 1238. Л. 18; Оп. 329. Д. 1408. Л. 141, 142; Д. 1490. Л.383.

REFERENCES:

1. Kornilov G. E. Ural village during the Great Patriotic War (1941–1945). Sverdlovsk: USU, 1990. 224 p.
2. Motrevich V. P. Famine in the Middle Urals during the Great Patriotic War // Ural in the military history of Russia: traditions and modernity. Materials of the international scientific conference. Yekaterinburg: IIA UrO RAS, 2003. pp. 85–87.
3. Motrevich V. P. Contribution to Victory: agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Yekaterinburg: Alfa Print, 2021. 700 p.
4. Trifonov A. N. The food situation in the Urals on the eve and during the Great Patriotic War (1938–1945). Yekaterinburg: USTU, 1993. 170 p.
5. Filatov V. V. Agricultural production in the Urals in the late 1920s — early 1940s: contradictions of transformation. Magnitogorsk: MSTU, 2006. 453 p.
6. Hisamutdinova R. R. Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Little-known pages. Orenburg: OGPU, 2002. 300 p.

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir P. Motrevich, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Professor of the Department of History of State and Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

SOCIOCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE PAST AND PRESENT

- 5.6.5. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH
- 07.00.09 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Пресса как источник изучения визуального наследия советской повседневности

©Марина Александровна Клинова^а,
©Андрей Владимирович Трофимов^б

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
^аe-mail: klinowa.m@yandex.ru
^бe-mail: 2519612@rambler.ru

Аннотация. *Цель исследования.* В статье предпринят историографический и источниковедческий анализ потенциальных возможностей советской периодической печати в качестве источника изучения визуального наследия советской повседневности. *Выводы.* Журнальная и газетная периодика в СССР являлась важной частью медийного пространства, определяла и актуализировала информационную повестку, транслировала нормативные смыслы и образы, выполняла пропагандистскую и воспитательную функции, формировала общественные вкусы и запросы, вела диалог с читательской аудиторией. В современной историографии распространенным является представление об политико-идеологической ангажированности советской периодической печати, ограниченных возможностях использования данного исторического источника. В качестве источника исследования визуальных сюжетов советского периода периодическая печать может быть востребована в контексте изучения «правильных» и девиантных трудовых практик, стандартов материального потребления, досуговой деятельности советских граждан. В статье на основе сложившихся историографических и источниковедческих подходов к анализу контента журнальной периодики зафиксирована высокая степень релевантности этого вида источника, в контексте изучения визуального наследия советской повседневности.

Ключевые слова: историография, методы исследования, визуальные источники, советская повседневность.

Для цитирования: Клинова М. А., Трофимов А. В. Пресса как источник изучения визуального наследия советской повседневности // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 59-64.

The Press as a Source of Studying the Visual Heritage of Soviet Everyday Life

©Marina A. Klinova^a, ©Andrey V. Trofimov^b

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

^ae-mail: klinowa.m@yandex.ru

^be-mail: 2519612@rambler.ru

Abstract. *The purpose of the study.* The article undertakes a historiographical and source-based analysis of the potential of the Soviet periodical press as a source of studying the visual heritage of Soviet everyday life. *Conclusions.* Magazine and newspaper periodicals in the USSR were an important part of the media space, defined and updated the information agenda, broadcast normative meanings and images, performed propaganda and educational functions, formed public tastes and requests, conducted a dialogue with the readership. In modern historiography, the idea of the political and ideological bias of the Soviet periodical press and the limited possibilities of using this historical source is widespread. As a source of research on visual subjects of the Soviet period, periodicals can be in demand in the context of studying «correct» and deviant labor practices, standards of material consumption, leisure activities of Soviet citizens. Based on the established historiographical and source-based approaches to the analysis of the content of journal periodicals, the article records a high degree of relevance of this type of source in the context of studying the visual heritage of Soviet everyday life.

Key words: historiography, research methods, visual sources, Soviet everyday life.

FOR CITATION: Klinova M. A., Trofimov A. V. The Press as a Source of Studying the Visual Heritage of Soviet Everyday Life // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 59-64. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Изучение массива советской газетной и журнальной периодики, содержащихся в нём разнообразных следов «ткани человеческих отношений», в виде лексем, идеологем, мифологем, вербальных и визуальных образов, официальных и общественных дискурсивных практик представляют несомненный интерес для исследователей, поскольку в нём отражается многоаспектная, динамическая картина повседневного существования в социокультурном пространстве разных групп советского социума.

На основе критерия административной принадлежности советскую периодическую печать подразделяют на восемь групп: «издания центральной партийной печати; центральных органов советской власти; профессиональных союзов; центральных органов Коммунистического союза молодежи; периодические издания общественных организаций; издания научных учреждений и обществ; местные издания; многотиражные издания» [Источниковедение, 2015: 431]. Такая структура определяла содержание и стилистику газетных и журнальных публикаций. Объем официальных материалов определялся статусом издающих органов. Информация «защитая» в визуальных образах газетной и журнальной периодики позволяет исследователям более точно реконструировать социокультурный ландшафт, выявить динамику изменений в социокультурном пространстве, реконструировать ценностные предпочтения и модели поведения населения.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС

Комплекс источников, позволяющих обратиться к изучению визуального наследия советской повседневности, отличается масштабностью и разнообразием. К визуальным материалам, позволяющим реконструировать специфику советской эпохи, относятся архитектурные и кинема-

тографические произведения, живопись, мода и пр. Одним из важных письменных источников, содержащим визуальные свидетельства о советском прошлом, является советская пресса, включающая журналы и газеты. Под повседневностью подразумевается «совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, это — ткань человеческих отношений» [Пушкарева, 2008: 9]. Она не ограничена деятельностью простых людей и не сводится к частной жизни, повседневный мир советского человека включал: социальные формальные и неформальные институты; практики повседневного поведения и адаптации; формы сознания и речевые дискурсы.

В информационном пространстве периодики аспекты советской повседневности отражались в различных материалах. Специфика прессы, как комплексного, синтетического источника, содержащего в себе материалы различных типов (изобразительные, письменные) и видов (заметка, фельетон, карикатура, фотография и пр.) отмечалась исследователями [Каменская, 2017: 37–45; Пушкарев, 1975: 226; Источниковедение, 1997: 621; Рынков, 2010: 44–50]. Дискуссионным в рамках отечественной историографической традиции является вопрос о сущностной специфике прессы, как информационного источника. Одни исследователи указывают на широкий информационный потенциал прессы, оперативно фиксирующей трансформации советской событийности и настоятельно рекомендуют привлекать материалы периодики в процессе разработки научных проблем самой обширной тематики [Гуревич, 2004; Митина, 2015; Суржикова, 2008; Славко, 1995]. Другие авторы акцентируют внимание на предвзятости советской прессы, ее подконтрольности партийным органам, вследствие чего действительность, конструируемая на страницах журналов и газет, искажалась, являясь не столько «зеркалом» событийности, сколько инструментом формирования у населения идеологически «правильной» картины мироустройства [Источниковедение 1997;

Источниковедение, 2004; Кабанов, 1997]. При работе с периодикой Г.М. Ипполитов предлагает учитывать ряд специфических условий: «Её насыщенность в информационном отношении, богатую фактографию, телеграфный стиль подачи; актуальность информации к моменту выхода в свет изданий, оперативность материалов "на злобу дня", осуществляемому подачей основного массива информации не в аналитическом, а в фактографическом, констатирующем ключе; принадлежность периодики к какой-либо политической силе либо к официальным государственным органам, наличие относительно независимых изданий; выполнение функции публикации официальных документов» [Ипполитов, 2011: 506].

Следует констатировать, что значительная часть советской газетной и журнальной периодики находится ещё в состоянии потенциального источника. Как верно отмечает Н.Г. Георгиева: «Переход источника к актуализированному состоянию требует проведения трех этапов источниковедческих процедур: эвристического, текстологического и герменевтического, т.е. поиска и репрезентативного отбора, научной критики, выстраивания интерпретационных моделей использования источника и его адаптация к целям и задачам исследования». [Георгиева, 2016: 163, 177, 178].

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Анализ советской прессы с целью исследования визуального наследия советской повседневности носит междисциплинарный характер и находится на пересечении истории, лингвистики, филологии, когнитивистики, политологии, культурологии, антропологии и т. д. Содержащиеся в ней визуальные образы являются субъективным отражением картины мира, присущей коллективным представлениям, функционирующим в прошлом. С позиции исторической имагологии под образом понимают «совокупность характерных черт, целостность, а не набор случайных штрихов. Представление об объекте формируется благодаря образу именно потому, что сам образ завершен, несет в себе достаточную для этого информацию» [Желтикова, 2013: 76–77]. Такая трактовка позволяет выделить в совокупном образе три смысловые группы: «Эмоционально-чувственную (чувственные образы, восприятия, переживания, эмоциональные реакции, аффекты, волевые импульсы, желания, эмоциональные комплексы, фобии, фиили, мании), когнитивную (обобщенные представления, понятия, нейтральные суждения, нормы, мнения, предписания), имагинативно-фантазийную (придуманые фантастические образы, верования, утопические идеи, иррациональные предписания, идеализации)» [Лапина, 2019: 29–30]. Инструментальное использование имагологической терминологии: «миф», «инокультурный стереотип», «имаготип», «имагема», «имаготема» позволяет выявлять качественные характеристики визуальных образов повседневности в периодической печати, проследить их эволюцию и трансформацию на протяжении советского периода истории.

На наш взгляд, оценка источниковедческих возможностей периодической печати во многом определяется спецификой разрабатываемой темы и целями исследования. Применительно к изучению визуальных сюжетов советского периода периодическая печать как исторический источник может рассматриваться в рамках нескольких исследовательских полей.

Во-первых, периодическая печать являлась инструментом, применяемым в рамках мобилизационной экономики для мотивации и стимулирования трудовой активности граждан, формирования системы образов-стереотипов «правильных» и «девиантных» моделей трудовых и поведенческих

стратегий. В качестве сюжетов данной группы можно отметить фотографии (портреты передовиков и ударников предприятий, изображения трудовых процессов и пр.), рисунки (на страницах региональных газет 1920-х гг. часто встречаются нарисованные изображения отличившихся трудящихся), карикатуры (сатирические изображения, стигматизирующие трудовые девиации). Фокусировка исследовательского внимания на означенных визуальных сюжетах снимает заявленную в историографии проблему истинности и полноты информации, публикуемой на страницах советской прессы, так как оптика исследования в данном случае ориентирована не на поиск фактов, сокрытых под «слоем» пропаганды, а на анализ визуальных образов труда, являющихся продуктом пропагандистского, политико-экономического, идеологического воздействия. Визуальные сюжеты трудовой тематики акцентировали внимание читателей на направлениях экономической политики, утверждали этические нормы, формировали образы «героев» и «врагов», конструировали представления граждан о трудовых стандартах и аномалиях.

Во-вторых, на страницах советской прессы конструировались визуальные стандарты материального потребления граждан. Одним из источников визуальных стандартов потребления являются сюжеты женских изданий и советских журналов мод («Работница», «Крестьянка», «Журнал мод», «Модели сезона», «Силуэт», «Рижские моды», «Божур», «Кобета и жиче», «Советская женщина», «Ателье», «Журнал для женщин», «Искусство одеваться», «Шейте сами» и др.). В означенных изданиях транслировались не только стандарты материального потребления (зачастую достаточно далекие от фактических советских реалий), но и презентовались образы советской женской идентичности. В женских изданиях представлен нормативный взгляд на роль советской женщины в общественном производстве, бытовых практиках. Это образ женщины-труженицы, преуспевающей на работе, в коллективе, семье, успешно выполняющей социальные роли матери, жены, хозяйки, которую отличает образованность, естественная красота, скромность, созидательная социальная энергия. Также на основании анализа визуального контента советских модных изданий можно проследить динамику трансформаций уровня жизни населения, появление новых видов потребительских товаров и услуг. Важную роль в качестве источника реконструкции стандартов материального потребления играют рекламные сюжеты, помещенные на страницах советской прессы. Данные изображения могли быть представлены как рисунками (газеты), так и рекламными плакатами (журналы). Специфика означенных сюжетов определяется их коммерческой направленностью и несущественной идеологической значимостью, что сводит к минимуму возможность намеренного редакционного искажения текстов, либо замалчивания части их содержания. В то же время анализ рекламных сюжетов в прессе позволяет выявить региональную специфику декларируемых потребительских стандартов, динамику их изменений.

В-третьих, на страницах советской прессы публиковались визуальные сюжеты, посвященные тематике досуга и отдыха советских людей. Отдых являлся неотъемлемым сегментом жизни советского человека. Широко популяризируемой в советском дискурсе еще с середины 1930-х гг. становится идеология «культурности», проецируемая на различные аспекты повседневной жизни (гигиену, поведение в обществе, досуг) [Клинова, 2017]. Практики «культурного» советского отдыха, естественно, исключали такие девиантные «пережитки» как пьянство и другие «некультурные» злоупотребления. В фотосюжетах СМИ отдых советского человека презентовался посредством разнообразных форм. Отдых трудящихся

в рабочий перерыв, как правило, представлял собой организованный досуг в красном уголке, за чтением газет, журналов, игрой в шахматы, шашки. Отдых после рабочего дня мог быть представлен домашним отдыхом (чтение, вышивка, игра в шахматы, на музыкальных инструментах, просмотр телевизора), отдыхом вне дома (участие в художественной самодеятельности, занятия спортом и пр.). «Не правильные» практики проведения досуга являлись темами карикатурных сюжетов прессы, героями которых были пьяницы, любители азартных игр и пр. Анализ визуальных сюжетов данной тематики позволяет выйти на проблему трансформации образа жизни советских граждан, распространения в социуме городских стандартов досуга.

В качестве общепризнанного в визуальной социологии и визуальной антропологии метода работы с визуальными источниками можно назвать наблюдение [Мазур, 2015; Блок, 1986; Штомпка, 2007]. Возможность «прямого» наблюдения исключается, но опосредованное наблюдение с опорой на свидетельства вполне возможно. Изучение содержания визуальных источников требует целенаправленного, организованного прослеживания важных для наблюдателя-исследователя информационных элементов. Эта исследовательская стратегия может быть обозначена как «критическое наблюдение», предполагающее отказ от роли зрителя и выполнение функций наблюдателя, нацеленного на вычленение нужной ему информации, которая важна с точки зрения изучаемой темы.

Критическое наблюдение не является единственным методом работы с визуальными материалами прессы. На страницах прессы могли быть помещены различные изображения: фитогеографии, рисунки, карикатуры. Выбор методических инструментов детерминирован спецификой визуальных источников. Как справедливо замечает А.С. Чернавский: «При анализе фотоснимка недостаточно поверхностного фактологического рассмотрения, необходимы процедуры более глубокого проникновения и анализа визуального содержания» [Чернавский, 2012: 182]. Методика работы с фотографическими материалами достаточно подробно изложена в работе П. Штомпки [Штомпка, 2007: 72-94]. Среди перечисленных им методов анализа фотодокументов применительно к изучению фотоизображений в советской прессе могут быть использованы: семиотический анализ — направленный на выявление знаков и символов, транслируемых образом; структурный анализ — ориентированный на выявление различных уровней, скрытых в образе общественных и культурных значений; дискурсивный анализ — целью которого является выявление адресата изображения, а также значений, которые воссоздает «получатель» образа. В то же время метод герменевтического анализа (направленный на выявление автора фото, его мотивации и намерений) не представляется актуальным применительно к фотографиям в прессе. В газетах 1920-х–1940-х гг. (особенно регионального уровня) фотопортреты передовиков, представляют собой изображения, взятые из документов трудящихся, где автор фото, по понятным причинам, не упоминается. В репортажных фотосюжетах, выявление мотивации и намерений автора не представляется релевантным задачам изучения советской повседневности. Применительно к рекламным и модным сюжетам, помещенным

в прессе, также могут быть применены семиотический, структурный и дискурсивный анализ.

Материалы прессы (газеты, журналы) являются массовым историческим источником, что позволяет применить к визуальным сюжетам, в них содержащимся, количественные методы исследования. В советский период одним из первых опытов развернутого анализа газетных фотографий было исследование тематики престижа профессий, проводимое в рамках проекта «Общественное мнение» [Массовая информация, 1980]. Изучение газетных фотоснимков с помощью контент-анализа проводилось ещё в 1980-е гг. И.Д. Фомичевой, Э.Я. Марковским [Фомичева, 1983; Фомичева, Марковская, 1986]; в 2000-е гг. к данной теме обратилась Л.Н. Федотова [Федотова, 2001]. Количественно-качественные методы анализа газетных фотографий были применяли Е.А. Орех и Я. Плампер при анализе изображений Сталина в советской прессе [Орех, 2012; Плампер, 2010], Е.В. Каменская при анализе журнальных иллюстраций, посвященных городам Китая в 1950-х гг. [Каменская, 2019]. Метод контент-анализа фотографий и карикатур в газетах и журнале «Крокодил» 1940-х–1960-х гг. использовался авторами при исследовании проблем советской внешнеполитической пропаганды, образов советских партийных и хозяйственных управленцев, медийной визуализации досуга советских трудящихся [Клинова, Трофимов, 2017; Клинова, 2019]. Количественно-качественный метод анализа применялся к рекламным объявлениям, презентуемым в прессе [Семенова, Корсунская, 2010], использовался в прикладных и научных исследованиях торговой, социальной и политической рекламы [Дэвис, 2003]. В целом, использование количественно-качественных методов анализа позволяет выявить частотность тех или иных визуальных сюжетов, помещенных в СМИ, востребованность отдельных элементов образов, проследить их эволюцию в рамках исследуемого периода.

В силу того, что означенные визуальные сюжеты представлены на страницах прессы, методы работы с ними могут быть расширены. Р. Барт, рассуждая о специфике работы с визуальными материалами, отмечал, что: «лингвистическая предпосылка присутствует в каждом образе: как заголовок, подпись, сопутствующая статья в прессе» [Барт, 1989: 38]. Не вызывает сомнения, что при анализе визуальных сюжетов в печатных СМИ необходимо учитывать содержание лексического контекста, сопровождающего визуальное изображение. При анализе текстового содержания материалов советской прессы возможно использовать лингвистический анализ, включающий в себя смысловой, стилистический и интерпретационный анализ, а также контент-анализ, направленный на получение количественного описания символического содержания текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом обращение на аналитическом уровне к советской газетной и журнальной периодике позволяет зафиксировать высокую релевантность этого вида источника по истории советской повседневности. Содержащиеся в нем разнообразные следы «ткани человеческих отношений», в виде визуальных образов, официальных и общественных дискурсивных практик создают многоаспектную, динамическую картину повседневного существования разных групп советского социума.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Риторика образа // Ролан Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука. 1986. 254 с.

REFERENCES:

1. Barth R. The Rhetoric of the image // Roland Barth. Selected works. Semiotics. Poetics. M.: Progress, 1989. 616 p.
2. Blok M. The apology of history or the craft of a historian. M.: Science. 1986. 254 p.

3. Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение: понятийно-терминологические и методические проблемы: учебное пособие для гуманитарных отделений вузов. М.: Проспект, 2016. 192 с.
4. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект пресс; 2004. 288 с.
5. Дэвис Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика М.: Издательский дом «Вильямс», 2003. 864 с.
6. Желтикова И.В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №5. С.75-80.
7. Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 13, №3 (2), 2011. С. 501-509.
8. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: РОССПЭН, 2004. 741 с.
9. Источниковедение: Теория. История. Метод. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 702 с.
10. Источниковедение: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
11. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М.: РГУ, 1997. 385 с.
12. Каменская Е.В. Периодическая печать как исторический источник: специфика и возможности использования // Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года. Екатеринбург. 2017. С. 37-45.
13. Каменская Е.В. Города Китая 1950-х гг. на страницах советской печати (по материалам журнала «Огонек») // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XII международной научно-практической конференции (10-12 октября 2019 г.). Казань: Издательство «Фэн», АН РТ, 2019. – С. 204-211.
14. Клинова М.А. «Культурный отдых» советского человека: по материалам фотографий в отечественных СМИ послевоенного периода // Человек в мире культуры: проблемы науки и образования (XIV Колосницынские чтения). Материалы международной научной конференции. Екатеринбург. 2019. С. 162-165.
15. Клинова М.А. Концепция «культурности» в социальной политике второй половины 1930-х годов // Человек. 2017. № 4. С. 94-105. (95)
16. Клинова М.А., Трофимов А.В. Конструирование негативного имиджа «хозяйственника» на страницах журнала «Крокодил» в 1953-1964 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 78-82
17. Лапина А.А. Историческая имагология: проблема методов и категорий // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4 (85). С. 28-32.
18. Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161-178.
19. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. Оникова. М.: Политиздат, 1980. 446 с.
20. Митина Р.В. Пермские газеты как источник изучения Первой мировой войны: постсоветская историография // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2015. №4 (31). С. 72-81;
21. Орех Е.А. Образ советского вождя: визуальные послания первой половины XX века (на материалах центральных и местных газет) // Властные структуры и группы доминирования. С-Пб.: Изд. СПбГУ, 2012. С. 473-493;
22. Плампер Я. Алхимия власти: Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: НЛО, 2010. 496 с.
23. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.
24. Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история: Ежегодник, 2007. М.: РОССПЭН, 2008. 368 с.
25. Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44-50.
26. Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
27. Славко Т.И., Русина Ю.А. Источниковедение отечественной истории советского периода. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 1995. 236 с.
28. Суржикова Н.В. Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914-1917 гг.) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сб. науч. статей. СПб.; Киев; Минск, Нестор-История, 2008. С. 90-121.
3. Georgieva N.G. Historical source studies: conceptual, terminological and methodological problems: a textbook for the humanities departments of universities. Moscow: Prospect, 2016. 192 p.
4. Gurevich S.M. Newspaper: yesterday, today, tomorrow. M.: Aspect press; 2004. 288 p.
5. Davis J. Research in advertising: theory and practice M.: Publishing house "Williams", 2003. 864 p.
6. Zheltikova I.V. The image of the future as an image // Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2013. No.5. Pp.75-80.
7. Ippolitov G.M. Classification of sources in problem-thematic historiographical studies and some methodological approaches to their analysis // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, vol. 13, №3 (2), 2011. Pp. 501-509.
8. Source studies of the modern history of Russia: theory, methodology, practice. Moscow: ROSSPEN, 2004. 741 p.
9. Source studies: Theory. History. Method. M.: Russian State Humanit. un-t, 1998. 702 p.
10. Source studies: Textbook / I.N. Danilevsky, D. A. Dobrovolsky, R.B. Kazakov, etc.; ed. by M.F. Romyantsev. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. 685 p.
11. Kabanov V.V. Source studies of the history of Soviet society: course of lectures. Moscow: RSUH, 1997. 385 p.
12. Kamenskaya E.V. Periodical press as a historical source: specifics and possibilities of use // Man, society, power. To the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917. Yekaterinburg. 2017. Pp. 37-45.
13. Kamenskaya E.V. Cities of China of the 1950s on the pages of the Soviet press (based on the materials of the Ogonek magazine) // Russia – China: History and culture: a collection of articles and reports of participants of the XII International Scientific and Practical Conference (October 10-12, 2019). Kazan: Feng Publishing House, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019. – Pp. 204-211.
14. Klinova M.A. "Cultural rest" of the Soviet man: based on the materials of photographs in the domestic media of the post-war period // Man in the world of culture: problems of science and education (XIV Kolosnitsyn readings). Materials of the international scientific conference. Yekaterinburg. 2019. Pp. 162-165.
15. Klinova M.A. The concept of "culture" in social policy of the second half of the 1930s // Man. 2017. No. 4. Pp. 94-105. (95)
16. Klinova M.A., Trofimov A.V. Constructing a negative image of the "business executive" on the pages of the magazine "Crocodile" in 1953-1964. // Humanities in Siberia. 2017. vol. 24. No. 3. Pp. 78-82
17. Lapina A.A. Historical imagology: the problem of methods and categories // Scientific notes of the Orel State University. 2019. No. 4 (85). Pp. 28-32.
18. Mazur L.N. Visualization of history: a new turn in the development of historical knowledge // Quaestio Rossica. 2015. No. 3. Pp. 161-178.
19. Mass information in the Soviet industrial city: The experience of a comprehensive sociological study / Under the general editorship of B. A. Grushin, L. A. Onikov. M.: Politizdat, 1980. 446 p.
20. Mitina R.V. Perm newspapers as a source of study of the First World War: post-Soviet historiography // Bulletin of the Perm University. Ser. History. 2015. No.4 (31). Pp. 72-81;
21. Orekh E.A. The image of the Soviet leader: visual messages of the first half of the XX century (based on the materials of central and local newspapers) // Power structures and domination groups. S-Pb.: Publishing House of SPSU, 2012. Pp. 473-493;
22. Plumper Ya. Alchemy of power: The Cult of Stalin in the visual arts. Moscow: UFO, 2010. 496 p.
23. Pushkarev L.N. Classification of Russian written sources on national history. Moscow: Nauka, 1975. 281 p.
24. Pushkareva N.L. The history of everyday life: subject and methods // Social history: Yearbook, 2007. Moscow: ROSSPEN, 2008. 368 p.
25. Rynkov V. M. Periodical press: a place in the system of historical sources // Domestic archives. 2010. No. 3. Pp. 44-50.
26. Semenova A.V., Korsunskaya M.V. Media content analysis: problems and application experience. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2010. 324 p.
27. Slavko T.I., Rusina Yu.A. Source studies of the national history of the Soviet period. Yekaterinburg, Ural Publishing House. un-ta, 1995. 236 p.
28. Surzhikova N.V. Collisions of the Ural captivity in the mirror of the regional press (1914-1917) // Problems of national history: sources, historiography, research: collection of scientific. articles. St. Petersburg; Kiev; Minsk, Nestor-Istoriya, 2008. Pp. 90-121.

29. Федотова, Л. Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М.: Научный мир, 2001. 214 с.
30. Фомичева И. Д. Методика формализованного анализа фотоснимков // Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин, 1983. С. 145–149.
31. Фомичева И. Д., Марковский Э. Я. Опыт качественно-количественного анализа газетной фотографии // Социологические исследования эффективности журналистики. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 94–103.
32. Чернавский А. С. Фотографический образ как предмет интерпретации // Методология моделирования и прогнозирования современного мира. № 3. 2012. С. 182. (182 – 196)
33. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007. 168 с.
29. Fedotova, L.N. Content analysis — a sociological method of studying mass communication media. Moscow: Scientific World, 2001. 214 p.
30. Fomicheva I.D. Methodology of formalized analysis of photographs // Modern methods of mass communication media research. Tallinn, 1983. Pp. 145-149.
31. Fomicheva I.D., Markovsky E.Ya. The experience of qualitative and quantitative analysis of newspaper photography // Sociological studies of the effectiveness of journalism. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1986. Pp. 94-103.
32. Chernavsky A. S. The photographic image as a subject of interpretation // Methodology of modeling and forecasting of the modern world. No. 3. 2012. Pp. 182 – 196.
33. Shtompka P. Visual sociology. Photography as a research method. Moscow: Logos, 2007. 168.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 87,8%.

Рецензент: Демчик Е. В., доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022, принята к публикации 05.05.2022

The article was received on 14.04.2022, accepted for publication 05.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Клинова Марина Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, AuthorID: 521324, <http://orcid.org/0000-0003-0725-4161>, Scopus Author ID 57195422603, e-mail: klinowa.m@yandex.ru

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация, AuthorID: 148819, <http://orcid.org/0000-0002-3419-6051>, Scopus Author ID 57205103265, e-mail: 2519612@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina A. Klinova, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Professor of the Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation, AuthorID: 521324, <http://orcid.org/0000-0003-0725-4161>, Scopus Author ID 57195422603, e-mail: klinowa.m@yandex.ru

Andrey V. Trofimov, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Professor of the Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics Scientific consultant, Yekaterinburg, Russian Federation, AuthorID: 148819, <http://orcid.org/0000-0002-3419-6051>, Scopus Author ID 57205103265, e-mail: 2519612@rambler.ru

Результаты реформ в области подготовки кадров высшей квалификации в конце XX– начале XXI века: научные кадры

©Екатерина Васильевна Зайцева^{1,a}, ©Владимир Васильевич Запарий^{1,b},
©Гарри Гаврушевич Асрян^{2,c}

¹Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

²Военный университет им. В. Саргсяна МО РА, г. Ереван, Армения

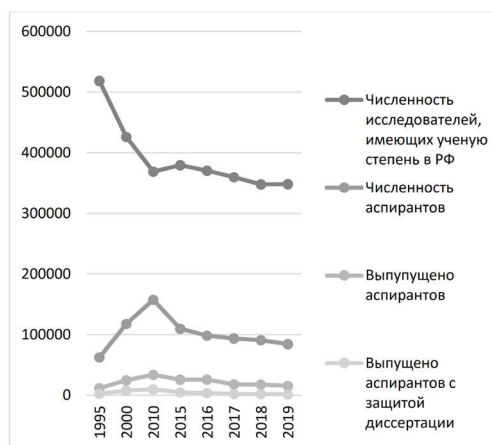
^ae-mail: e.v.zaitceva@urfu.ru

^be-mail: v.v.zaparij@urfu.ru

^ce-mail: asryan.garri@mail.ru

Аннотация. В статье изучены тенденции воспроизводства научных и научно-педагогических кадров в динамике за последние 25 лет, провести анализ структуры, численности и динамики научных кадров. В качестве методологических принципов теоретико-эмпирического исследования выступали институциональный анализ системы подготовки кадров высшей квалификации, ресурсный подход в оценке кадрового потенциала кадров высшей квалификации, аспирантов и докторантов, сравнительный подход позволил провести анализ динамики изменений численностей, гендерных, возрастных характеристик исследователей, докторантов и аспирантов за последние десятилетия. В исследовании применялись такие методы, как анализ и систематизация статистических данных, метод периодизации, анализ теоретических источников, вторичный анализ социологических данных.

Результаты: в статье проведен анализ становления и развития системы подготовки научных и научно-педагогических кадров для науки и высшей школы России на современном этапе и дана ее авторская периодизация. Изучен кадровый потенциал, половозрастные характеристики контингента докторантуры и аспирантуры. Выявлены тенденции по сокращению числа организаций, ведущих подготовку научных и научно-педагогических кадров, снижение численности аспирантов и докторантов, исследователей. Сделаны выводы о том, что в современных условиях усиливается противоречие между государственными требованиями к уровню научного потенциала организаций, обучающих аспирантов и докторантов, и реальными возможностями аспирантур и докторантур по обеспечению данных требований, налицо кризис в системе подготовки кадров высшей квалификации. Представленные результаты позволяют оценить процесс подготовки кадров высшей квалификации, эффективность деятельности института аспирантуры и докторантуры, а также качественно-количественные характеристики научных кадров России. Это позволит в дальнейшем учесть стратегические просчеты при разработке государственной образовательной политики и направить процесс подготовки кадров высшей квалификации в соответствии с требованиями и необходимостью в высококвалифицированных специалистах современной промышленности и науки.

Численность исследователей, имеющих ученую степень в РФ, численность аспирантов, численность выпуска аспирантов, в том числе с защитой диссертации за период с 1995 по 2019 гг. (чел.)

Ключевые слова: кадры высшей квалификации, исследователи, диссертационный совет, система подготовки кадров, докторантура, аспирантура, кадровый потенциал.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зайцева Е. В., Запарий В. В., Асрян Г. Г. Результаты реформ в области подготовки кадров высшей квалификации в конце XX– начале XXI века: научные кадры // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 65-75.

The Results of Reforms in the Field of Training Highly Qualified Personnel in the Late XX– Early XXI Century: Scientific Personnel

©Ekaterina V. Zaitseva^{1,a}, ©Vladimir V. Zapariy^{1,b}, ©Garry G. Asryan^{2,c}

¹Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

²Military University. V. Sargsyan MO RA, Yerevan, Armenia

^ae-mail: e.v.zaitceva@urfu.ru

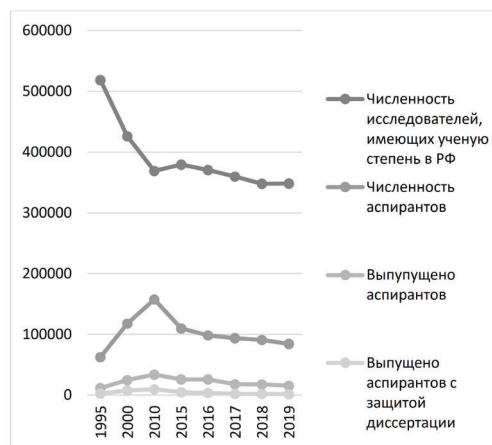
^be-mail: v.v.zaparij@urfu.ru

^ce-mail: asryan.garri@mail.ru

Abstract. *Aim* — to study the last 25 years dynamics in the system of Russian postgraduate education. The research is based on institutional analysis of the system of postgraduate education, as well as the resource approach in assessing the human potential of scientific personnel, postgraduate students and doctoral students. A comparative approach allowed us to analyze the dynamics of changes in the numbers, gender, age characteristics of researchers, doctoral students and graduate students for the last decades. Other methods used include analysis and systematization of statistical data, periodization method, analysis of theoretical sources, secondary analysis of sociological data. *Results:* the article presents the overview of Russian postgraduate education system evolution and analyses characteristics of its present state. The authors introduce their own periodization of the postgraduate education system development. The study presents human capacity, age and gender

profiles of scientific personnel. The study reveals the trend in reducing the number of organizations providing postgraduate studies, as well as the decrease in the number of postgraduate and doctoral students and researchers. The authors came to the conclusion that the present situation is characterized by the contradiction between government regulation to the system of postgraduate education and its possibilities to ensure these requirements. The crisis in the system of Russian postgraduate education is evident. The presented results evaluate the process of training highly qualified educational personnel, the effectiveness of the institute of postgraduate and doctoral studies, as well as the qualitative and quantitative characteristics of scientific personnel in Russia. The data presented in the article will contribute to the development of the state educational policy and bring the process of training highly qualified educational personnel in accordance with the requirements and demand for highly qualified specialists in modern industry and science.

Key words: highly qualified educational personnel, researchers, dissertation council, personnel training system, doctoral studies, graduate school, research, human resource capacity.

The number of researchers with a degree in the Russian Federation, the number of graduate students, the number of graduate students including those with a dissertation defense, for the period from 1995 to 2019 (pers.)

FOR CITATION: Zaitseva E. V., Zapariy V. V., Asryan G. G. The Results of Reforms in the Field of Training Highly Qualified Personnel in the Late XX– Early XXI Century: Scientific Personnel // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 65-75. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из обязательных условий развития экономики и самого государства является наличие высококвалифицированных специалистов по всем научным и образовательным направлениям. В отношении любых национальных систем высшего образования и науки реализуется государственная политика, отражающая цели государства и его претензии на лидерство в той или иной области науки и технологий. Естественно, что в различные периоды развития нашего государства, эта система развивалась по-разному. В Советском Союзе, при наличии планового хозяйства, существовала четкая система подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров. Эта подготовка осуществлялась по возрастающей. В итоге, к концу существования советского государства по количеству кадров высшей квалификации наша страна занимала ведущее место в мире.

В связи с распадом Советского Союза и появлением на его территории целой группы независимых государств, ситуация существенно изменилась. Каждое из этих постсоветских государств, в том числе и Российская Федерация, сами формулировали свою политику в области образования и подготовки кадров. Государственное финансирование системы подготовки кадров высшей квалификации в Российской Федерации уменьшилось в разы. В этот период государственный сектор экономики прекратил, в основном, свое существование, сократились научные программы для сократившейся экономики. Объективно, не стало необходимости в таком большом количестве высококвалифицированных специалистов, подготовленных за государственный счет. Появились новые — негосударственные формы подготовки, в том числе и в связи с тем, что качество подготовки институциональными структурами научно-педагогических кадров — аспирантур и докторантур снизилось.

Ряд студентов, молодых специалистов уехал для получения образования в другие страны, где приобретал его за свой счет, или при финансировании других стран или фондов, закрепился в научно-образовательных организациях других стран. Это привело к изменению качественного, количественного, гендерного, возрастного состава научно-педагогических кадров, исследователей. Возникла потребность восстановления научного потенциала нашей страны посредством повышения качества подготовки кадров высшей квалификации и эффективности работы аспирантур и докторантур в Российской Федерации.

В связи с вышесказанным, цель, поставленная авторами, заключалась в исследовании тенденций воспроизводства научных и научно-педагогических кадров системой высшего образования и науки в Российской Федерации в динамике за последние 25 лет, проведении анализа структуры, численности и динамики научных кадров, а также формировании научной оценки, происходящим явлениям в системе подготовки кадров высшей квалификации, и оценке результатов ее модернизации.

Гипотеза. Трансформация системы подготовки научно-педагогических кадров на протяжении последних десятилетий, сложные условия современного этапа ее институционализации, отсутствие на государственном уровне стратегического видения развития науки и высшей школы, все это привело к тому, что руководство страны на рубеже XX–XXI вв. не смогло выстроить пролонгированную государственную образовательную и научную политику в отношении подготовки научных и педагогических кадров, что привело к снижению кадрового научного потенциала науки и высшей школы, деструктивные последствия которого можно отразить через показатели,

критерии и индикаторы результативности и эффективности функционирования данной системы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В научной литературе существует многообразие точек зрения на современные процессы подготовки, педагогические условия и состояние кадров высшей квалификации. Национальная научно-инновационная система России, как это официально декларируется, направлена на устойчивое и долговременное развитие экономики страны и регионов. Для этого необходимо повысить наукоемкость российской экономики, что невозможно без развития человеческого капитала, занятого в науке и высшей школе. Однако вызывает озабоченность его качественное и количественное снижение в России относительно уровня 1980–1990-х гг. Исследования состояния уровня подготовки кадров высшей квалификации можно разделить на несколько направлений. Первое направление, развивается в рамках таких методологических подходов, как модернизационный и человеческого капитала. Оно направлено на изучение процессов развития человеческого капитала в основном в сфере высшего образования второго и третьего уровня образования (магистратура, аспирантура). В работах обращается внимание на всю неоднозначность, происходящих в этой области процессов, а сам термин «человеческий капитал» считают некорректным из-за экономического характера его происхождения. Однако данный дискурс позволяет решить фундаментальную задачу педагогики — определить цель образования. В теории модернизации данная проблематика раскрывается через эволюцию общества и отношений внутри него, трансформации ценностей, общественных потребностей. Так Е. Неборский определяет, что социокультурный уровень социального пространства высшего образования является основным компонентом в воспроизводстве человеческого капитала, при этом процессы глобализации привели к дисфункции высшего образования [15, с. 51–52]. Для общества потребления в условиях экономики знаний — формирование человеческого капитала посредством университетского и постуниверситетского образования — главная педагогическая задача. Т.А. Юдина указывает, что использование понятия «человеческий капитал» в педагогике позволяет ответить на фундаментальный вопрос о целях образования [20, с. 338]. И. Краковская считает, что происходит рост значения человеческого капитала в экономике, при этом образование является механизмом его воспроизводства [12, с. 53]. С ее тезисом согласен и П.Н. Гапонюк, отводя институту образования важную функцию по воспроизводству человеческого капитала, его обеспечению и регуляции [6]. Предпринимаются попытки проведения анализа регионально-научного и инновационного капитала в условиях экономики знаний, его роли в развитии региона. Е. Zaitseva, G. Bannykh, S. Kostina проводят анализ результативности инновационной деятельности университетов, выделении ведущих региональных научно-инновационных кластеров в формировании человеческого капитала региона. Здесь авторами отмечается неоднозначность имеющихся тенденций [37].

Второе направление связано с изучением состояния институтов формирования научно-педагогических кадров высшей квалификации в рамках системно-деятельностного подхода. Так Матушкин Н. и др. в своей публикации проводят анализ существующей системы подготовки кадров в современных условиях как результата его эволюции под влиянием государственных реформ, указывается на позитивные и негативные процессы в их функционировании, авторы предлагают для создания интеграционного пространства объединить усилия науки, образования и бизнеса, по сути в указанном исследовании идет речь о формировании человеческого ка-

питала территории посредством теории «тройной спирали» [14]. Андреев В.В. и др. показывают сложности подготовки и не эффективность педагогических приемов и условий в формировании конкурентоспособных кадров, ориентируют на проблемно-ориентированные технологии образования, которые позволяют интегрировать образовательную, научную и производственную деятельность посредством не только изменения образовательных программ, форм и методов работы, но и образовательной структуры, что приведет к новым формам подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации [2]. Л.В. Бабич актуализирует системный подход в подготовке кадров высшей квалификации, указывает на просчеты государственной образовательной и научной политики, и считает это причиной существующего дефицита научно-педагогических кадров в стране [4].

Третье направление, посвящено анализу системы организационно-педагогических условий и процессу подготовки конкурентоспособных специалистов в рамках компетентностного подхода. Ю.В. Андрияко, Т.Ю. Андрияко указывают на наличие научно-педагогической проблемы подготовки конкурентоспособных выпускников [3, с. 36]. Т. А. Строкова проводит анализ отдельных направлений подготовки, в которых рассматриваются вопросы формирования профессиональных и научных (исследовательских) компетенций, отмечает недостаточный уровень подготовленности кадров высшей квалификации (аспирантов) [19, с. 14]. И.Ю. Соколова, Т.В. Иванова видят смысл образования в аспирантурах и докторантурах в узком смысле в развитии специфических компетенций, которые позволяют индивиду самостоятельно формировать методологию исследования, осуществлять профессиональную деятельность на основе самостоятельного целеопределения. Процесс освоения может быть контролируемым, а результаты освоения необходимых компетенций измеряемыми посредством мониторинга оценки качества подготовки аспирантов-докторантов [18, с. 927].

Широко представлены исследования описывающие существующие модели образования, направленные на развитие инновационного потенциала аспирантов и снижение адаптационных и исследовательских проблем. Wang T., Li L.Y. рассматривают не только потребности иностранных аспирантов, но их проблемы при написании диссертации и статей в связи с культурным и языковым барьерами [36]. G. Ribes-Giner, A.P. Rillo, I.M. предложили модель инноваций в обучении ориентированную на запрос рынка и выбор университетами стратегии дифференциации по запросам рынка труда и потребителей образовательных услуг [33]. J. Catterall и др. анализируют качество предоставляемых образовательных услуг при обучении в аспирантуре посредством понимания педагогических потребностей обучающихся и проблемы написания текстов диссертаций [22].

Некоторые публикации посвящены изучению университетов как наукоемких организаций, раскрытию их институциональных пространств. По мнению A.H. Nor Aziati, A. Nor Hazana, T. Y. Ping в современных университетах основной деятельностью является генерирование, интеграция, использование и передача знаний в институтах аспирантур [31]. Для исследования социального актора S. Preese изучаются факторы успешности обучения в рамках проекта «The Multilingual University» и разрабатываются новые педагогические приемы [32]. Gagger A., Haile, G. изучают такие проблемы, как адаптация аспирантов к новым условиям обучения; учет влияния физических условий обучения (например, число обучающихся в группе) на его результаты [25]. L. Coneyworth, Jessop R., P. Maden, G. White указывают, что большая часть аспирантов сталкивается с проблемами, связанными с переходом от одного уровня образова-

ния на другой (бакалавриат-аспирантура), где они оказываются в среде с более высокими академическими ожиданиями, что требует от университетов разработки и применение программ по формированию академических навыков и карьерного роста у обучающихся [23]. K.L.E. Musch и др. определяют все возрастающую потребность в повышении качества подготовки посредством создания адекватных образовательных программ с учетом ключевых характеристик и типа программы, места практики, возможности для обучения и подготовки, количества и квалификации преподавателей и наставников практики [30]. Seligman A. I. указывает на сложности, связанные с принятием решения об обучении в аспирантуре, включая проблемы финансирования собственного обучения [34].

Несмотря на популярность классических форм обучения R. A. Blair и др. обращают внимание на необходимость отхода от классических приемов преподавания (лекции, семинары) к использованию технически-программных средств в обучении аспирантов, онлайн-образование [21]. C. Giousmpasoglou, E. Marinakou указывают, что онлайн-среда (концепция мобильного обучения (m-learning)) уже второе десятилетие используется не только для обучения, но и для управления обучением [26]. J. Kite и др. утверждают, что системы управления обучением являются основным компонентом преподавания и обучения в высшем образовании, однако электронное обучение для программ аспирантуры, внедрение мобильного обучения, очень популярного у молодежи, требует новых педагогических навыков для преподавателей [27]. DeWitt D., Koh E. H. Y. раскрывают тезис о том, что в рамках концепции мобильного обучения в связи с изменяющимся научным и образовательным пространством, требует постоянной разработки и внедрения новых технологий, это позволяет обеспечить постоянный доступ к материалам и сделать обучение более доступным [24].

Тематике личностных качеств и мотивации на получение высоких образовательных и научных результатов, гендерным, средовым и статусным различиям аспирантов посвящены некоторые работы. D. Liu, W. J. Morgan утверждают, что семейная среда, гендер, влияют на формирование научного и образовательного потенциала, при этом обсуждается необходимость формирования культуры лидерства и инноваций для содействия устойчивости систем в глобализирующемся мире [28]. E. McWilliam, P. Palmer отводится большая роль самообразованию и самообучению аспирантов посредством, онлайн-технологий, авторы отмечают также важность взаимодействия преподавателей и обучающихся посредством открытых систем адептов и неопитов от науки [29].

Таким образом, в результате проведенного обзора научной литературы можно прийти к выводу, что вопросы подготовки кадров высшей квалификации интересуют научную общественность всех стран несмотря на разность социальных, организационных, экономических условий реализации программ аспирантуры-докторантуры [5; 7; 16]. В развитых странах все чаще поднимается вопрос о совершенствовании подготовки кадров высшей квалификации в связи с трансформацией образовательных институтов и форм обучения. Однако, несмотря на интерес к данному курсу, обзор показывает, что этот вопрос далеко не раскрыт, в изучении проблематики подготовки кадров высшей квалификации существует некоторый вакуум дискуссий, что потребует не только научного осмысления, но эмпирического анализа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При проведении теоретико-эмпирического исследования, перед авторами стояла многоаспектная задача в рам-

как институционального, ресурсного, сравнительный подходов, провести анализ системы подготовки кадров высшей квалификации и анализ научного потенциала России: проследить динамику качественно-количественных изменений в структуре исследователей, докторантов и аспирантов за 25 лет. Соответственно исследованию было ограничено временными рамками, анализ и обобщение результатов и проблем подготовки кадров высшей квалификации распространялся на период после распада СССР. Период современной институционализации системы докторантуры и аспирантуры детерминировал ряд социальных, культурных, кадровых трансформаций в науке и высшей школе. Для системы подготовки кадров высшей квалификации наступал новый этап развития, динамика и результаты которого были предметом изучения данной работы. Объектом исследования выступали научно-исследовательские организации, образовательные организации высшего образования и организации дополнительного профессионального образования как структуры по формированию кадрового потенциала (научно-исследовательские и научно-педагогические кадры) науки и высшей школы.

Для этого в исследовании применялись такие методы, как анализ и систематизация статистических данных, для этого нами использовались следующие динамические ряды данных:

1. Численность исследователей по областям науки по Российской Федерации:

- по возрастным группам;
- по ученым степеням.

2. Структура персонала, занятого исследованиями и работками:

- по категориям;
- движение персонала.

3. Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, по типам организаций по Российской Федерации.

4. Показатели деятельности аспирантуры в целом и по типам организаций (научными и научно-исследовательскими, образовательными организациями высшего образования и организациями дополнительного профессионального образования):

- численность;
- прием;
- выпуск;
- выпуск с защитой диссертации;
- выпуск по направлениям подготовки.

5. Показатели деятельности докторантуры:

- численность;
- прием;
- выпуск;
- выпуск с защитой диссертации;
- выпуск по направлениям подготовки.

6. Распределение численности аспирантов по возрастным группам.

7. Распределение численности докторантов по возрастным группам.

8. Распределение численности аспирантов по возрастным группам по полу.

9. Распределение численности докторантов по возрастным группам по полу¹.

Информационной базой исследования послужили: анализ теоретических источников библиографических баз научного цитирования: РИНЦ, Scopus, WOS с глубиной поиска 10 лет; данные службы государственной статистики о состоянии научного и образовательного потенциала Российской Федерации,

в том числе представленных в сборниках Федеральной службы статистики. Для построения динамических рядов анализируемых процессов, с дальнейшим применением графического метода нами использовалась программа работы MS Excel.

Также нами был применен метод периодизации, который позволил сформулировать гипотезу, о государственных подходах в реализации стратегии формирования и развития кадров высшей квалификации.

Вторичный анализ социологических данных позволил соотнести выявленные состояния и тенденции развития системы подготовки кадров высшей квалификации с результатами других исследований.

При работе над исследованием нами были приняты потенциальные ограничения, поэтому рассматривались в совокупности различные направления подготовки аспирантур и докторантур, без подробного выделения динамики их развития в зависимости от научной специальности в связи с тем, что мы придерживаемся институционального подхода в исследовании подготовки кадров высшей квалификации и определяем современный период как процесс трансформации системы высшего образования и науки в связи с изменением государственной политики в области подготовки высококвалифицированных специалистов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, как же обстоят дела с подготовкой кадров высшей квалификации в современной Российской Федерации. Очевидно, что проводимая в последний период государством в этой области политика приводит к массовому оттоку образованных и талантливых молодых, и не только молодых ученых за рубеж. Появились тенденции к расширению зависимости экономики России от более развитых в научном плане государств, что грозит ей в итоге потерей политической и экономической независимости. Создаются сложности и ограничения для перехода к инновационной экономике страны.

1.1. Хронологические рамки исследования

С конца 1980-х гг. в стране происходят социально-экономические процессы геополитического масштаба. Становление и развитие системы подготовки кадров высшей квалификации происходит в условиях глобализации, перехода страны от плановой экономики к рыночным формам хозяйствования, а экономики к новой индустриализации, коммерциализации высшего и послевузовского образования. Рассмотрим систему вузовской и послевузовской подготовки высококвалифицированных кадров в России за последний период. Представим эти изменения в виде авторской периодизации [38], которая в части исследуемого периода представляет собой следующее.

1 этап (1987–1995 гг.) — этап реформирования системы науки и образования: в 1987 и 1989 гг. изданы нормативные правовые акты, определяющие важные направления развития: гуманизация и фундаментализация подготовки научно-педагогических кадров. Включены в образовательный процесс аспирантуры основы педагогики, психологии, экономики, вычислительной техники. Стандартизация системы подготовки кадров высшей квалификации: началась работа, направленная на формирование ключевого элемента нормативной базы аспирантуры — Государственного образовательного стандарта послевузовского профессионального образования.

2 этап (1996–2014 гг.) — регулятивный этап, с 1996 г. законодательство регулирует отношения между субъектами научной и научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и научно-тех-

¹ Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/10705> (дата обращения 05.01.2020–10.05.2022)

нической продукции. Вводятся новые экзамены кандидатского минимума. Вместо марксистско-ленинской философии появляется история и философия науки. С 2012 г. законодательство устанавливает правовые, организационные и экономические основы образования в Российской Федерации, основные принципы государственной политики по подготовке и аттестации научных и педагогических кадров.

3 этап (с 2015 г.) — современный институциональный этап, характеризующийся началом существенной перестройки системы подготовки высококвалифицированных кадров. С 2016 г. реализуется новый общероссийский классификатор специальностей по образованию (ОК 009-216), который предполагает введение особых уровней профессиональной подготовки, и включает в себя аспирантуру как особый уровень профессионального образования, а сама аспирантура предполагает реальное обучение в течение 4 лет с выдачей диплома об обучении в аспирантуре. Предполагается создание и уже создан ряд советов не только по защитам по системе ВАК, но и советов ведущих вузов страны.

1.2. Структура, численность и динамика научных кадров

В Российской Федерации государственная политика, направленная на развитие системы подготовки кадров высшей квалификации, определяется президентом страны. Далее происходит актуализация основных направлений государственной научно-технической политики, выбор приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, разработка рекомендаций и предложений о реализации программ и проектов, выделяются объемы средств из федерального бюджета. В целях ее реализации существует государственная система научной аттестации, которая предусматривает присуждение ученых степеней кандидата наук и доктора наук, присвоение ученых званий доцента и профессора [8, с. 95–96].

Контрольные цифры приема в аспирантуру и докторантуру для обеспечения инновационной направленности, экономического роста и приращение научного потенциала ежегодно устанавливаются Министерством науки и высшей школы Российской Федерации. В последнее время происходят значительные изменения в подходах к реализации новой модели аспирантуры и докторантуры, что, однако, не привело пока к позитивным качественным изменениям. Так, например, по мнению экспертов, в модели новой аспирантуры изначально заложено противоречие, которое заключается в том, что организации сами разрабатывают образовательные программы аспирантуры, а защита диссертации не входит в учебный план, к тому же, сама работа и ее защита не устанавливается ФГОС, а регулируются требованиями спускаемые ВАКом [11, С.6].

Результатом государственной политики в отношении воспроизводства научно-исследовательских кадров является кадровый потенциал науки и образования. Обратимся к его анализу.

При рассмотрении количества научных кадров за последние годы совершенно четко прослеживается тенденция сокращения числа ученых, исследователей и вспомогательного персонала среди лиц, занятых в научных разработках и исследованиях. Так в России их число постоянно снижалось с 1061044 чел. в 1995 г. до 887729 в 2000 г., до 736540 чел. в 2010 г. и до 722291 чел. в 2016 г. В 2017 и в 2018 гг. их число составляло — 707887 и 682541 чел. соответственно.

Сильной стороной российской науки всегда являлась ее ориентация на фундаментальность, однако сегодня происходит переход фундаментальной науки из академического сектора в научные, исследовательские и технологические комплексы и встраивание российского научного комплекса в международное пространство (Федеральный закон Рос-

сийской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук»). Данный тренд не способствует формированию устойчивого ядра научных кадров, чисто утилитарный подход приводит к снижению научно-исследовательского потенциала российской науки. Численность этой группы в разные годы к 1995 г. уменьшилась почти в полтора раза и составляла: в 2000 — 83,7%, в 2010 — 69,4% и 2016 — 68,1%, 2017 — 66,7%, 2018 — 64,3% — т. е. налицо регрессивный тренд [38, с. 2017]. Таким образом, отличительной особенностью постсоветского периода российской науки является отсутствие государственного приоритета в ее развитии, что отразилось на численности ученых, исследователей и вспомогательного персонала. Для примера: численность исследователей в РСФСР с 1950 по 1995 гг. постоянно росла и рост за этот период составил 9,5 раза. В результате такой политики (несмотря на тренд снижения последних 25 лет) по численности персонала, занятого исследованиями и разработками, мы находимся на девятом месте в мире, и уступаем таким странам, как Тайвань (225 исследователей на 10000 населения), Республика Корея (177 исследователей), Франция (156), Германия (155) и т. д. Обгоняем лишь Китай, где 10000 населения приходится 32 исследователя. Однако при условии, что в Китае численность населения составляет порядка 1,5 млрд, то абсолютное число исследователей значительно превышает наши показатели. При этом в последние десятилетия наблюдаем стабильное снижение численности исследователей в Российской Федерации, и если таковое продолжится, то наши позиции в рейтинге научности еще ухудшатся.

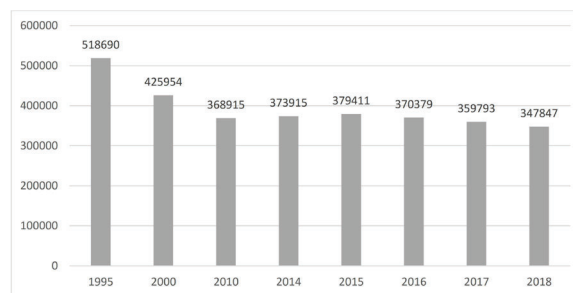

Рис. 1. Численность исследователей, имеющих ученую степень в РФ (чел.)

Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения 05.01.2020–10.05.2022).

Fig. 1. Number of researchers with a degree in the Russian Federation (persons)

Источник: Rosstat. URL: <https://www.gks.ru/folder/10705> (Accessed 05.01.2020–10.05.2022).

Рассмотрим изменение числа исследователей всех категорий персонала дифференцированно. Незначительно меняется доля исследователей в общей численности персонала, занятых исследованиями и разработками, так в 1995 г. их доля составляла 48,9%, в 2000 г. — 48,0%, в 2010 г. — 50,8%, а в 2016 г. — 51,3%, 2017 г. — 50,8%, 2022 г. — 51,1%. Доля техников изменилась с 9,6% до 8,5% (–1,1%), доля вспомогательного персонала снизилась с 25,9% до 23,5% (–2,4%), доля прочего персонала выросла с 15,7% до 17,1% (+1,4%). Из всего кадрового состава, занятого исследованиями, снижение произошло среди вспомогательного персонала, их доля снизилась на 2,4% и техников снижение составило –1,1% из числа всех занятых исследованиями и работами при общей негативной динамике. Данные тенденции не начались в 1995 г., они начались гораздо раньше. Еще до начала рыночной экономики, в конце 1980-х гг. на данные процессы указывал Аллахвердян А. Г. [1, с. 63]. Автор приводит данные о снижении численности исследователей в последние два со-

ветских года (1989–1991 гг.), где численность исследователей сократилась на 241 тыс. чел., и в первых два постсоветских (1992–1993 гг.) — снижение составило еще 233 тыс. чел., при этом в 2/3 случаев сокращение произошло за счет техников и исследователей. Только за 1993 г. сфера науки лишилась 160 тыс. исследователей.

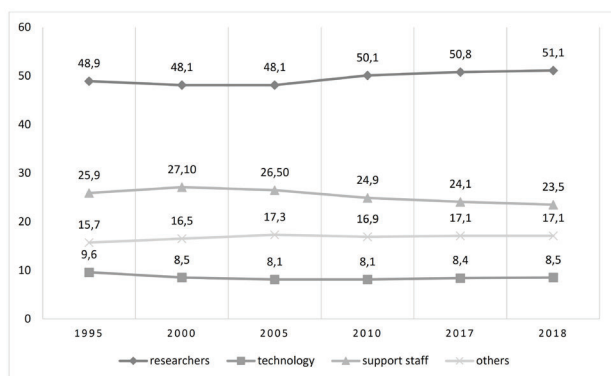
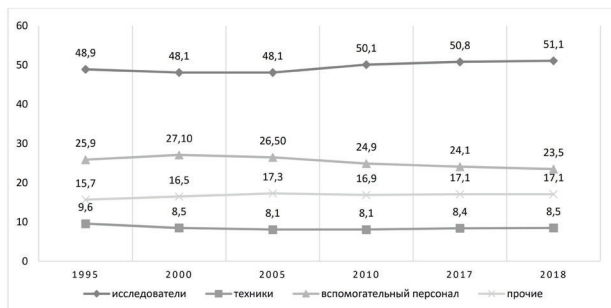

Рис. 2. Структура персонала, занятого исследованиями и разработками по категориям (в %)
Источник: Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/10705> (дата обращения 05.01.2020–10.05.2022).

Fig. 2. Structure of personnel engaged in research and development by category (in %)
Источник: Rosstat. URL: <https://www.gks.ru/folder/10705> (Accessed 05.01.2020–10.05.2022).

Незначительное увеличение доли исследователей за последние два десятилетия нельзя интерпретировать как позитивные изменения, во-первых, потому, что эта группа не увеличилась численно, а выросла их доля в общей численности исследователей. Во-вторых, увеличение их доли за счет младшего исследовательского персонала приводит к увеличению внаучной нагрузки исследователей по организации и проведению прикладных исследований, экспериментов, по подготовке и обслуживанию лабораторного оборудования, научных приборов, вычислительной техники. Увеличение численности группы прочего персонала говорит о бюрократизации науки. В эту группу попадают различного рода управленцы и менеджеры от науки (работники таких служб, как юридический, канцелярский, бухгалтерский, финансово-финансовый и прочие отделы).

Половозрастная структура кадров науки, как и половозрастная структура населения отражает гипотетическую возможность воспроизводства новых поколений, в данном случае поколений ученых. Для того, чтобы гипотетическая возможность перешла в реальность, нужны определенные условия воспроизводства научного потенциала. Рассмотрим, какие тенденции в кадровом потенциале системы науки и образова-

ния сформировали новые социально-экономические условия, как отразились на его демографическом потенциале.

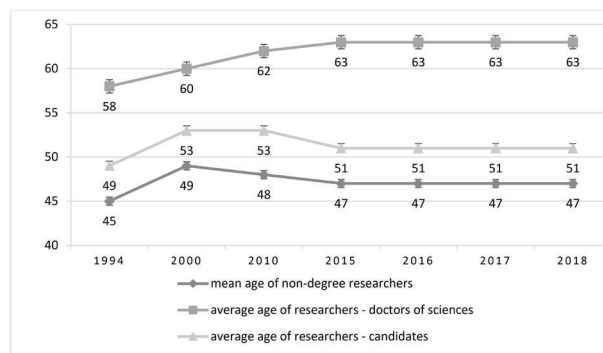
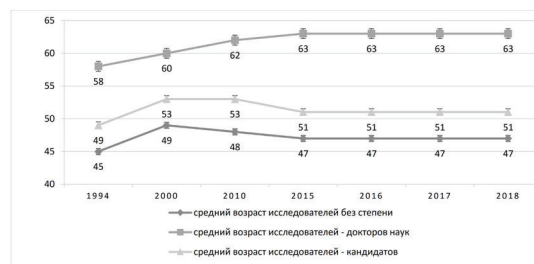

Рис. 3. Средний возраст исследователей в РФ (чел.)
Источник: Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/10705> (дата обращения 05.01.2020–10.05.2022)

Fig. 3. Average age of researchers in the Russian Federation (persons)
Источник: Rosstat. URL: <https://www.gks.ru/folder/10705> (Accessed 05.01.2020–10.05.2022)

Как видим из графика, средний возраст исследователей без ученой степени за последние 25 лет вырос на 2 года и составил 47 лет, у исследователей-кандидатов наук он также вырос на 2 года и их средний возраст их составил 51 год, средний возраст исследователей-докторов наук также увеличился, но уже на 5 лет и составил 63 года в 2018 г. против 58 лет в 1995 г. Так, если в 1995 г. средний возраст исследователя составлял 50,7 года, то в 2018 — 53,7 года. Т.е. не произошло никакого улучшения возрастного состава, налицо возрастные проблемы российской науки — постарение. Не происходит омоложения научно-исследовательского корпуса, что автоматически делает его менее восприимчивым к нововведениям. Распределение по возрастным группам видится также не оптимальным. Проведем анализ по шести возрастным группам (до 29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60–69 лет, 70 лет и старше). Наиболее многочисленная группа среди исследователей — группа «30–39 лет», ее численность составляет 92106 чел. (26,5%). Доля молодежи до 29 лет в 2018 г. составляет 17,4%, сорокалетних — 15,2%, пятидесятилетних — 15,8%, шестидесятилетних — 15,5%, семидесятилетних — 9,6%. Доля старшей возрастной группы, несмотря на кадровую политику руководства научных, исследовательских и образовательных организаций, направленную на ограничение предельного возраста, представляется достаточно многочисленной (9,6%), хотя средняя доля этой группы в XX в. никогда не превышала 4–5%. Среди исследователей выделяется группа тридцатилетних, где налицо влияние несистемного реформирования науки. Так в 2000-х гг. была реализована Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ФЦП 2009–2013), что привело к притоку средств в науку — в виде ассигнований как из государственных, так и внебюд-

жетных источников на некоторое обновление оборудования для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, поддержки ученых, исследователей, профессорско-преподавательского состава. В деле улучшения кадрового состава в основном меры были направлены на привлечение молодежи, которые и сформировали сегодняшнюю группу «тридцатилетних» (30–39 лет).

Однако для реализации непрерывного воспроизводства научно-исследовательских кадров необходимо появление нескольких его поколений, что крайне важно для осуществления преемственности и научного прироста. Однако в результате реформ, созданные для молодежи условия, оказались не привлекательны. На деле очень сложно преодолеть временной и статусный разрыв между молодым ученым и ведущим. Сегодня часто аспирантура и защита диссертации для молодежи представляет собой не цель, а средство ее достижения. Несмотря на популярность аспирантуры, притока качественных научных кадров в экономику в достаточном количестве не ощущается. Часто аспирантура лишь способ отсрочки от службы в армии для молодых людей или трамплин для политической или административной карьеры. Сейчас, вновь налицо снижение численности молодежи среди исследователей (в 2010 г. — 368915 чел., в 2018 г. — 347847 чел.), что конечно, частично сформировано контрольными цифрами приема в аспирантуру. Однако снижение числа желающих поступать в аспирантуру показывает, что снижается привлекательность профессий ученого, исследователя, преподавателя в Российской Федерации, и она остается низкой на протяжении длительного времени.

Особенностью российской системы высшего образования и науки является гендерная пирамида управления и феминизация. Численность женщин среди научно-исследовательских кадров неуклонно увеличивается. Данная тенденция прослеживается в той или иной мере с начала XX в., и не представляется революционной. Однако, если в начале XX в., этот процесс наполнялся идеологической составляющей, сопровождался процессами феминизации общества, декларировался обеспечением равной доступности к образованию, в том числе высшему, в первую очередь, то сейчас феминизация науки продуцирована скорее негативными тенденциями, происходящими в сфере науки и высшей школы [10, с. 135]. Так из числа всех исследователей в 2018 г. мужчины составили 60,8% от общего числа, доля женщин составила 39,2%. Возможно, доля женщин снова несколько увеличится, ведь среди женщин-исследователей велика доля молодых, до 39 лет (42,1%). Возрастная структура мужчин и женщин довольно схожа, есть незначительные отклонения $\pm 2-4\%$, при значительном преобладании мужчин в старшей возрастной группе (7,2% женщин и 11,2% мужчин). Это отчасти сформировано разным возрастом выхода на пенсию. Однако гендерный перекос наблюдается не в горизонтальном, а вертикальном измерении, чем выше статус группы, тем меньше представительство женщин в ней. Примером крайнего дисбаланса является соотношение численностей академиков-мужчин и академиков-женщин РАН, где доля женщин составляет всего 5,4%. Это свидетельствует о явном перекосе в численности мужчин и женщин в управлении наукой и осуществлении ими руководящих функций, с преобладанием первых.

В области науки имеет место высокая текучесть кадров. Так, если в 1995 г. в России было 1179294 исследователя, то в течение только одного этого года уволилось 226585 чел. или 19,2%, а в 2015 г. из 737210 исследователей уволилось 98643 чел. или 13,4%. С 2010 г. по 2017 г. ежегодно выбывало из сферы исследований и разработок около 100000 чел.

Анализ качественного состава исследователей, имеющих ученую степень доктора наук и кандидата наук, выполнявших научные исследования и разработки, показал, что доля женщин-кандидатов наук и женщин-докторов наук последние десятилетия имела склонность к росту и в 2015 г. достигла 42% и 26% соответственно в общей численности. В целом, в 1995 г. удельный вес группы исследователей со степенью составлял — 3,7% докторов и 18,7% кандидатов наук, то в 2000 г. он составил 5,2% и 19,7% соответственно. В 2010 г. — 7,3% докторов и 21,3% кандидатов наук, в 2015 г. она достигла своего максимума и составила — 7,4% и 22,0% соответственно. С 2015 г. нами зафиксировано незначительно падение показателя «доля исследователей, имеющих ученую степень», что совместно со снижением численности исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, снижает качественно-количественные характеристики кадрового потенциала науки.

Общий демографический тренд российской науки по отраслям наук выглядит по-разному. Основная масса исследователей в 2015 г. работала в области естественных наук — 22,9% из числа исследователей, в том числе 43,6% из числа докторов и 40,4% кандидатов. В области технических наук было занято 61,1% всех исследователей, в том числе 17,6% докторов и 26,2% кандидатов наук соответственно. Т. е. в общей массе исследователей в этих двух отраслях было задействовано 84% всех исследователей, 61,2% докторов и 66,6% кандидатов наук.

В 2017 г. 22,2% научных кадров из числа исследователей работало в области естественных наук, в том числе 44,1% из числа докторов и 41,0% кандидатов наук. В области технических наук было занято 62,3% всех исследователей, в том числе 17,0% докторов и 26,6% кандидатов наук соответственно. Т. е. в общей массе исследователей в этих двух отраслях было задействовано 84,5% всех исследователей, 61,1% докторов и 67,6% кандидатов наук. Положительную динамику за последнее десятилетие по численности исследователей показывают общественные (в 2017 г. темп прироста в 2018 г. составил 5,5%) и гуманитарные науки. Однако доля исследователей в общей численности невысока, на первом месте по численности исследователей находятся технические науки с их долей исследователей в 2018 г. 61,6%, потом по степени убывания идут естественные науки, доля исследователей этой группы равна 22,6%. Соответственно на все остальные области науки (общественные, гуманитарные, медицинские, сельскохозяйственные) приходится всего 15,8%.

На количество научно-педагогических кадров высшей квалификации влияют и изменения в системе подготовки и аттестации кадров высшей научной квалификации. Однако система диссертационных советов в стране, присуждающая научные степени, не идеальна, и часто критикуется авторами [9]. В современных условиях сама деятельность их сопряжена с рядом трудностей, например, с высокими наукометрическими показателями для членов диссертационных советов (публикационной активности сотрудников диссертационного совета за пять лет по тематике научной специальности), жестким мониторингом деятельности совета и т. д. [17]. Следует отметить, что численность советов снижается в связи с модернизацией системы диссертационных советов и повышения требований (показателей оценки) в отношении не только них, но и научно-образовательных организаций (показателей результативности научной деятельности), на базе которых советы открываются и работают. [13].

В отношении лиц, планирующих защищать диссертации также разработаны наукометрические показатели, которые год от года возрастают. Это усложняет как аспирантам, так и докторантам достижение научной степени в связи со сложностью опубликования большого количества работ в журналах опре-

деленного формального уровня. То, что должно было обеспечить защиту страты научно-педагогических кадров высшей квалификации от нуворишей, привело к обратному. Как раз представители бизнес- или политических структур, обладающие более высокими доходами, чем представители науки и высшей школы, легко преодолевают «барьеры входа» через платные услуги по написанию диссертационных работ, заказа платных статей и становятся, достаточно просто, кандидатами и докторами наук. Однако обеспечить инновационное развитие экономики такие специалисты не смогут, да и не призваны. Они не могут это осуществлять, так как не обладают необходимыми научно-аналитическими компетенциями. Степень кандидата наук/доктора наук служит для них лишь средством повышения социального статуса, позволяющем проникнуть в определенные структуры власти или закрепиться в них, являясь мостом для занятия определенных должностей или просто «солидной надписью» на визитной карточке.

Вышеуказанные негативные тенденции, связанные с деятельностью диссертационных советов, определены, в том числе, и процессами внедрения наукометрических показателей, которые не привели к решению поставленных государством задач улучшения функционирования системы. Т. о. проблемы, в том числе и часто в первую очередь финансового характера, приводят к тому, что из науки уходит в основном молодежь, которая более мобильна, амбициозна, по сравнению со старшим, в целом более ригидным поколением.

Система мотивации и стимулирования персонала в высшей школе и в исследовательских организациях настроена на более-менее достойную оплату труда среднему и возрастному поколению преподавателей и исследователей, которое наработало определенные статусы, гарантии и льготы, однако, представители этого поколения уже заканчивают свои карьерные или профессиональные траектории. Возникает кадровый разрыв между мэтрами в научной сфере (возрастными учеными) и молодыми учеными, которых нечем реально задержать в науке или туда привлечь. Низкая зарплата, трудности со снабжением научными приборами, отсутствие средств на научные командировки, сложность научного роста, бюрократизирование науки и НИР

в сфере высшего образования — таковы реалии сферы науки и высшей школы. Система государственных грантов, призванная оптимизировать научную деятельность и поддерживать лиц, осуществляющих научную деятельность, явно не справляется со своими задачами. Распределение грантов часто носит субъективный и предвзятый характер, а ограниченные сроки на его реализацию проводят потом не к выполнению научных изысканий, а к выполнению формальных условий гранта (показателей) в срок.

Отсутствие равного доступа к научным публикациям и грантам приводит к снижению личных показателей и, соответственно, к низкой зарплате, так как стимулирующая часть заработной платы профессорско-преподавательского состава и исследователей формируется на основе наукометрических показателей — публикационной и научной активности. Следующим уровнем проблем выступают проблемы психологические, низкая зарплата формирует чувство неудовлетворенности своим трудом — «общество низко меня оценивает». Это подтверждают и различные исследования. [10, с. 64; 35; 38]. Относительная доступность бесплатного послевузовского профессионального образования и весьма ценной на мировом рынке ученой степени в условиях системного кризиса российской науки неизбежно приводит к тому, что значительная часть научно активной молодежи выбирает один из алгоритмов пути в образовании, такой как «аспирантура–диссертация–бизнес» или «аспирантура–диссертация–эмиграция». В результате многие конкурентоспособные выпускники аспирантуры готовы уйти из науки и сферы образования в иные, более доходные, области экономики.

Процессы, связанные с внутренней и внешней миграцией научных кадров, приводят к резкому уменьшению доли исследователей и ученых по отношению к общему числу людей, занятых в экономике региона — параметру, характеризующему «наукоемкость» экономики. Необходимость в кратчайшие сроки «омолодить» демографическую структуру кадрового потенциала науки выводит проблему подготовки научных кадров в разряд приоритетных государственных задач, что, однако, не отмечается в действительности, как показывает анализ статистики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аллавердян А. Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. Kogito-sentr, 2014. 264 с.
2. Андреев В. В. Гибадулин Г., Проданов Р. Я., Жданов Р. И. Институт перспективных исследований–новая форма подготовки педагогических кадров высшей квалификации в России // Интеграция образования. 2017. Т. 21. №. 4 (89). С.623–635. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.623-636
3. Андрияко Ю. В., Андрияко Т. Ю. Конкурентоспособность выпускника высшего учебного заведения как организационно-педагогическая проблема // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2010. №. 1. С. 34–37.
4. Бабич Л. В. Системный подход в подготовке научных кадров высшей квалификации–важнейшее направление государственной политики в области развития человеческого капитала // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. №. 4. С. 22–30.
5. Ваганян Г. А. Наука Армении и России без науки управления // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. №. 2–1. С.470–475.
6. Гапонюк П. Н. Формирование человеческого капитала как проблема обеспечения качества образования в условиях модернизации // Педагогика. 2011. №. 5. С. 22–26.
7. Глазунова И. В., Ширкин А. А. Организация подготовки научных кадров в докторантуре: проблемы сегодняшнего дня // Вестник Московского университета МВД России. 2018. 5. С.184–189.

REFERENCES:

1. Allahverdyan A. G. The dynamics of scientific personnel in Soviet and Russian science: a comparative historical study. Kogito-sentr, 2014. 264 p.
2. Andreev V.V., Gibadulin G., Prodanov R.Ya., Zhdanov R.I. Institute for Advanced Studies — a new form of training highly qualified pedagogical staff in Russia // Integration of Education. 2017. Vol. 21. No. 4 (89). pp.623–635. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.623-636
3. Andriyako Yu. V., Andriyako T. Yu. Competitiveness of a graduate of a higher educational institution as an organizational and pedagogical problem // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology. 2010. No. 1. P. 34–37.
4. Babich L. V. A systematic approach to the training of highly qualified scientific personnel is the most important direction of state policy in the field of human capital development // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2019.No. 4. P. 22–30.
5. Vaganyan G. A. Science of Armenia and Russia without management science // Greater Eurasia: Development, security, cooperation. 2019. No. 2-1. P. 470–475.
6. Gaponyuk P. N. Formation of human capital as a problem of ensuring the quality of education in the conditions of modernization // Pedagogy. 2011. No. 5. P. 22–26.
7. Glazunova I. V., Shirkin A. A. Organization of training of scientific personnel in doctoral studies: problems of today // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. 5. P. 184–189.

8. Воронина Л. И., Зайцева Е. В. Государственное управление системой оценки эффективности деятельности профессорско-преподавательского состава российских вузов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 4 (36). С. 94–106.
9. Жукова Г. С., Гапоненко А. В. Подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 2. С. 4–12.
10. Зайцева Е. В., Запарий В. В., Коробейникова А. П., Бусыгина И. С. Кадровый потенциал современного вуза. Екатеринбург. 2014. 466 с.
11. Караваяева Е. В., Маландин В. В., Пилипенко С. А., Телешова И. Г. Первый опыт разработки и реализации программ подготовки научно-педагогических кадров как программы третьего уровня высшего образования: выявленные проблемы и возможные решения // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 5–15.
12. Краковская И. Н. Инвестиции в человеческий капитал инновационного вуза: системный подход к управлению // Креативная экономика. 2011. № 2. С. 52–61.
13. Куракова Н. Г., Цветкова Л. А., Ерёмченко О. А. Анализ применимости наукометрических показателей в качестве критериев для оптимизации сети диссертационных советов в Российской Федерации. 2013. 60 с.
14. Матушкин Н., Гитман М., Столбов В., Гитман Е. Подготовка кадров высшей квалификации: некоторые интеграционные механизмы // Высшее образование в России. 2007. № 1. С. 119–127.
15. Неборский Е. В. Социокультурная матрица высшего образования: проблема воспроизводства человеческого капитала // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. № 4. С. 51–54.
16. Осипов Г. В., Савинков В. И. Динамика аспирантуры и перспективы до 2030 года: статистический и социологический анализ // Москва: Центр социологических исследований. 2014. С. 66–67.
17. Пахомов С. И., Гуртов В. А., Щёголева Л. В. Диссертационный совет как зеркало российской науки // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 12. С. 1092–1092.
18. Соколова И. Ю., Иванова Т. В. Мониторинг качества подготовки педагогов-исследователей в системе аспирантура–докторантура // Фундаментальные исследования. 2014. Т. 4. № 11. С. 924–928.
19. Строкова Т. А. Подготовка аспирантов к исследовательской деятельности: из опыта работы научно-педагогической школы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 9–30. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30
20. Юдина Т. А. Педагогический смысл теории человеческого капитала. Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения, № 11–1, 2010, с. 336–339.
21. Blair R. A., Caton, J. B., Hamnvik, O.-P. R. A flipped classroom in graduate medical education // Clinical Teacher. 2020. 17 (2). P. 195–199. DOI: 10.1111/tct.13091
22. Catterall J., Catterall J., Ross P., Aitchison, C., Burgin S. Pedagogical approaches that facilitate writing in postgraduate research candidature in science and technology // Journal of University Teaching & Learning Practice. 2011. Т. 8. № 2. P. 1–10.
23. Coneyworth L., Jessop R., Maden P., White G. The overlooked cohort? — Improving the taught postgraduate student experience in higher education // Innovations in Education and Teaching International. 2020. 57 (3), P. 262–273. DOI: 10.1080/14703297.2019.1617184
24. DeWitt D., Koh E. H. Y. Promoting knowledge management processes through an interactive virtual wall in a postgraduate business finance course // Journal of Education for Business. 2020. 95 (4), P. 255–262. DOI: 10.1080/08832323.2019.1635977
25. Gagger A., Haile, G. Does class size matter in postgraduate education? // Manchester School, 2020. 88 (3), pp. 489–505. DOI: 10.1111/manc.12305
26. Giousmpasoglou C., Marinakou E. The future is here: M-learning in higher education // Proceedings — 2013 4th International Conference on e-Learning Best Practices in Management, Design and Development of e-Courses: Standards of Excellence and Creativity, ECONF. 2013. P. 417–420. DOI: 10.1109/ECONF.2013.35
27. Kite J., Schlub T. E., Zhang Y., Choi S., Craske S., Dickson M. Exploring lecturer and student perceptions and use of a learning management system in a postgraduate public health environment // E-Learning and Digital Media. 2020. 17 (3), pp. 183–198. DOI: 10.1177/2042753020909217
28. Liu D., Morgan W. J. Why do students enrol for postgraduate education in China? The influence of gender and of family habitus. Gender and Education. 2020. 32 (2), P. 177–193. DOI: 10.1080/09540253.2018.1447092
8. Voronina L. I., Zaitseva E. V. State management of the system for evaluating the effectiveness of the activities of the teaching staff of Russian universities // Humanist: actual problems of the humanities and education. 2016. No. 4 (36). pp. 94–106.
9. Zhukova G. S., Gaponenko A. V. Training of scientific and scientific-pedagogical personnel of the highest qualification. 2011. No. 2. P. 4–12.
10. Zaitseva E. V., Zapariy V. V., Korobeynikova A. P., Busygina I. S. Personnel potential of a modern university. Yekaterinburg. 2014. 466 p.
11. Karavaeva E. V., Malandin V. V., Pilipenko S. A., Teleshova I. G. The first experience in the development and implementation of training programs for scientific and pedagogical personnel as programs of the third level of higher education: identified problems and possible solutions // Higher education in Russia. 2015. No. 8–9. pp. 5–15.
12. Krakovskaya I. N. Investments in the human capital of an innovative university: a systematic approach to management // Creative Economy. 2011. No. 2. P. 52–61.
13. Kurakova N. G., Tsvetkova L. A., Eremchenko O. A. Analysis of the applicability of scientometric indicators as criteria for optimizing the network of dissertation councils in the Russian Federation. 2013. 60 p.
14. Matushkin N., Gitman M., Stolbov V., Gitman E. Training of highly qualified personnel: some integration mechanisms // Higher education in Russia. 2007. No. 1. P. 119–127.
15. Neborsky E. V. Sociocultural matrix of higher education: the problem of reproduction of human capital // Bulletin of the Udmurt University. Series “Philosophy. Psychology. Pedagogy». 2013. No. 4. P. 51–54.
16. Osipov G. V., Savinkov V. I. Dynamics of graduate school and prospects until 2030: statistical and sociological analysis // Moscow: Center for Sociological Research. 2014. P. 66–67.
17. Pakhomov S. I., Gurtov V. A., Shchegoleva L. V. Dissertation council as a mirror of Russian science // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2013. Vol. 83. No. 12. P. 1092–1092.
18. Sokolova I. Yu., Ivanova T. V. Monitoring the quality of training of teachers-researchers in the system of graduate school-doctoral studies // Fundamental research. 2014. Vol. 4. No. 11. P. 924–928.
19. Strokovaya T. A. Preparation of graduate students for research activities: from the experience of the scientific and pedagogical school // Education and Science. 2018. Vol. 20. No. 10. P. 9–30. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30
20. Yudina T. A. Pedagogical meaning of the theory of human capital. Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application, No. 11–1, 2010, p. 336–339.
21. Blair R. A., Caton, J. B., Hamnvik, O.-P. R. A flipped classroom in graduate medical education // Clinical Teacher. 2020. 17 (2). P. 195–199. DOI: 10.1111/tct.13091
22. Catterall J., Catterall J., Ross P., Aitchison, C., Burgin S. Pedagogical approaches that facilitate writing in postgraduate research candidature in science and technology // Journal of University Teaching & Learning Practice. 2011. Т. 8. No. 2. P. 1–10.
23. Coneyworth L., Jessop R., Maden P., White G. The overlooked cohort? — Improving the taught postgraduate student experience in higher education // Innovations in Education and Teaching International. 2020. 57 (3), P. 262–273. DOI: 10.1080/14703297.2019.1617184
24. DeWitt D., Koh E. H. Y. Promoting knowledge management processes through an interactive virtual wall in a postgraduate business finance course // Journal of Education for Business. 2020. 95 (4), P. 255–262. DOI: 10.1080/08832323.2019.1635977
25. Gagger A., Haile, G. Does class size matter in postgraduate education? // Manchester School, 2020. 88 (3), pp. 489–505. DOI: 10.1111/manc.12305
26. Giousmpasoglou C., Marinakou E. The future is here: M-learning in higher education // Proceedings — 2013 4th International Conference on e-Learning Best Practices in Management, Design and Development of e-Courses: Standards of Excellence and Creativity, ECONF. 2013. P. 417–420. DOI: 10.1109/ECONF.2013.35
27. Kite J., Schlub T. E., Zhang Y., Choi S., Craske S., Dickson M. Exploring lecturer and student perceptions and use of a learning management system in a postgraduate public health environment // E-Learning and Digital Media. 2020. 17 (3), pp. 183–198. DOI: 10.1177/2042753020909217
28. Liu D., Morgan W. J. Why do students enrol for postgraduate education in China? The influence of gender and of family habitus. Gender and Education. 2020. 32 (2), P. 177–193. DOI: 10.1080/09540253.2018.1447092

29. McWilliam E., Palmer P. Teaching Tech (no) bodies: Open Learning and Postgraduate Pedagogy // Australian Universities' Review. — 1995. Т. 38. № 2. P. 32–34.
30. Musch K. L. E., Schreck T. E., Casper, K. A., Rodis, J. L. Characteristics of postgraduate year 2 ambulatory care pharmacy residency programs in the United States // American journal of health-system pharmacy: AJHP: official journal of the American Society of Health-System Pharmacists. 2020. 77(2), P. 34–40. DOI: 10.1093/ajhp/zxaa073
31. Nor Aziati A. H., Nor Hazana A., Ping T. Y. Knowledge transfer of university-industry partnership in Malaysian Technical University: Preliminary findings // ISTMET 2014 — 1st International Symposium on Technology Management and Emerging Technologies, Proceedings, 2014. P. 205–211. DOI: 10.1109/ISTMET.2014.6936507
32. Preece, S. Postgraduate students as plurilingual social actors in UK higher education // Language, Culture and Curriculum, 2020. 33 (2), P. 126–141. DOI: 10.1080/07908318.2019.1676767
33. Ribes-Giner, G., Rillo, A. P., Clemente, I. M. Co-creation innovation model for masters programs in the universities // Innovation and Teaching Technologies: New Directions in Research, Practice and Policy, 2014. P. 117–125. DOI: 10.1007/978-3-319-04825-3_12
34. Seligman A. I. Is Graduate school really for you?: The whos, whats, hows, and whys of pursuing a master's or Ph.D. // Is Graduate School Really for You?: The Whos, Whats, Hows, and Whys of Pursuing a Master's or Ph.D. 2012. P. 1–161.
35. Symaniuk E. E., Pecherkina A. A. A study on the components of teacher's Professional Competenc // The new education review. 2016. 44, 2. P. 198–210.
36. Wang T., Li L. Y. Understanding international postgraduate research students' challenges and pedagogical needs in thesis writing // International Journal of pedagogies and Learning. 2008. Т. 4. № 3. P. 88–96.
37. Zaitseva E., Bannykh G., Kostina S. Prospects of development of innovation clusters. A case of Russia // 7th International Conference on Innovation Management, Entrepreneurship and Sustainability (IMES). Oeconomica Publishing house, University of Economics, 2019. P. 1040–1051.
38. Zapariy V., Zaitseva E., Ludinin I. Institutional-sociological analysis of scientific and scientific-pedagogical personnel regeneration // 12th International Days of Statistics and Economics. Melandrium. 2018. P. 2014–2023.
29. McWilliam E., Palmer P. Teaching Tech (no) bodies: Open Learning and Postgraduate Pedagogy // Australian Universities' Review. — 1995. Т. 38. № 2. P. 32–34.
30. Musch K. L. E., Schreck T. E., Casper, K. A., Rodis, J. L. Characteristics of postgraduate year 2 ambulatory care pharmacy residency programs in the United States // American journal of health-system pharmacy: AJHP: official journal of the American Society of Health-System Pharmacists. 2020. 77(2), P. 34–40. DOI: 10.1093/ajhp/zxaa073
31. Nor Aziati A. H., Nor Hazana A., Ping T. Y. Knowledge transfer of university-industry partnership in Malaysian Technical University: Preliminary findings // ISTMET 2014 — 1st International Symposium on Technology Management and Emerging Technologies, Proceedings, 2014. P. 205–211. DOI: 10.1109/ISTMET.2014.6936507
32. Preece, S. Postgraduate students as plurilingual social actors in UK higher education // Language, Culture and Curriculum, 2020. 33 (2), P. 126–141. DOI: 10.1080/07908318.2019.1676767
33. Ribes-Giner, G., Rillo, A. P., Clemente, I. M. Co-creation innovation model for masters programs in the universities // Innovation and Teaching Technologies: New Directions in Research, Practice and Policy, 2014. P. 117–125. DOI: 10.1007/978-3-319-04825-3_12
34. Seligman A. I. Is Graduate school really for you?: The whos, whats, hows, and whys of pursuing a master's or Ph.D. // Is Graduate School Really for You?: The Whos, Whats, Hows, and Whys of Pursuing a Master's or Ph.D. 2012. P. 1–161.
35. Symaniuk E. E., Pecherkina A. A. A study on the components of teacher's Professional Competenc // The new education review. 2016. 44, 2. P. 198–210.
36. Wang T., Li L. Y. Understanding international postgraduate research students' challenges and pedagogical needs in thesis writing // International Journal of pedagogies and Learning. 2008. Т. 4. № 3. P. 88–96.
37. Zaitseva E., Bannykh G., Kostina S. Prospects of development of innovation clusters. A case of Russia // 7th International Conference on Innovation Management, Entrepreneurship and Sustainability (IMES). Oeconomica Publishing house, University of Economics, 2019. P. 1040–1051.
38. Zapariy V., Zaitseva E., Ludinin I. Institutional-sociological analysis of scientific and scientific-pedagogical personnel regeneration // 12th International Days of Statistics and Economics. Melandrium. 2018. P. 2014–2023.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 94,9%.

Рецензент: Резер Т.М., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры Т и М ГМУ УрФУ.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022, принята к публикации 16.06.2022

The article was received on 26.05.2022, accepted for publication 16.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зайцева Екатерина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация; <http://orcid.org/0000-0003-2112-3029>, Researcher ID AAD-7875-2019, Scopus Author 57210639499, e-mail: e.v.zaitseva@urfu.ru

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация; <http://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, Researcher ID AAD-7911-2019, Scopus Author 57211589146, e-mail: v.v.zaparij@urfu.ru

Асрян Гарри Гаврушевич, кандидат военных наук, доцент, начальник отдела науки и качества образования Военного университета им. В. Саргсяна МО РА, г. Ереван, Армения, e-mail: asryan.garri@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Zaitseva, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation; <http://orcid.org/0000-0003-2112-3029>, Researcher ID AAD-7875-2019, Scopus Author 57210639499, e-mail: e.v.zaitseva@urfu.ru

Vladimir V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation; Professor of Department of Russian History, Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation; <http://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, Re-searcher ID AAD-7911-2019, Scopus Author 57211589146, e-mail: v.v.zaparij@urfu.ru

Garry G. Asryan, Cand. Sci. (Military), Associate Professor, Head of the Department of Science and Quality of Education, Military University V. Sargsyan of the Ministry of Defense of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia, e-mail: asryan.garri@mail.ru

5.6.1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
NATIONAL HISTORY

07.00.02

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
NATIONAL HISTORY

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-76-84

К вопросу о емкости промышленных ландшафтов (на материале древесноугольной металлургии Урала конца XIX– начала XX вв.)

©Георгий Николаевич Шумкин

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: shumk@mail.ru

Аннотация. В работе предпринята попытка применить концепт «емкость вмещающего ландшафта» в отношении к древесноугольной металлургии. Объектом исследования стала черная металлургия Урала в конце XIX – начале XX вв. Источниковой базой для данного исследования послужили статистические справочники Горного ученого комитета. Проведенное исследование показало, что древесноугольную металлургию можно рассматривать в качестве «вмещающего ландшафта». В конце XIX – начале XX вв. черная металлургия Урала достигла пределов емкости своего основного ресурса — горнозаводских лесов. В среднем в 1882–1911 гг. на 1000 дес. леса приходилось 20,7 рабочих. При этом плотность рабочих постепенно возрастала. Если до 1895 г. на 1000 дес. леса приходилось 18,7, то после 1895 г. — 21,9, т.е. на 6% больше. Этот рост был обусловлен выходом за границы производственных возможностей «экологической ниши», поскольку в это же время доля минерального топлива в энергетическом балансе выросла на 6%. В начале XX в. сокращение площади лесов на 25,6% привело к сокращению численности рабочих на 25,7%. Было проанализировано влияние условий торговли (соотношения цен на металл и хлеб) на емкость черной металлургии Урала. Выявлена обратная зависимость между ценами на хлеб и числом рабочих, приходящихся на 1000 десятин леса.

Ключевые слова: промышленный ландшафт, емкость ландшафта, горнозаводская промышленность, Урал, черная металлургия, рабочие.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шумкин Г. Н. К вопросу о емкости промышленных ландшафтов (на материале древесноугольной металлургии Урала конца XIX– начала XX вв.) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 76-84. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-76-84

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-76-84

On the Issue of the Capacity of Industrial Landscapes (Based on the Material of the Charcoal Metallurgy of the Urals of the Late XIX – Early XX Centuries)

©Georgy N. Shumkin

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russian Federation
e-mail: shumk@mail.ru

Abstract. The paper attempts to apply the concept of «the capacity of the enclosing landscape» in relation to charcoal metallurgy. The object of the study was the ferrous metallurgy of the Urals in the late XIX – early XX centuries. The statistical reference books of the Mining Scientific Committee served as the source base for this study. The conducted research has shown that the charcoal metallurgy can be considered as an «enclosing landscape». In the late XIX – early XX centuries, the ferrous metallurgy of the Urals reached the limits of the capacity of its main resource — mining forests. On average, in 1882–1911. there were 20.7 workers per 1000 desyatina forests. At the same time, the density of workers gradually increased. If before 1895 there were 18.7 workers per 1000 desyatina forests, then after 1895 it was 21.9, 6% more. This growth was due to going beyond the limits of the production capabilities of the «ecological niche», since at the same time the share of mineral fuel in the energy balance increased by 6%. At the beginning of the XX century, the reduction of the forest area by 25.6% led to a reduction in the number of workers by 25.7%. The influence of the terms of trade (the ratio of prices for metal and bread) on the capacity of the ferrous metallurgy of the Urals was analyzed. The inverse relationship between the prices of bread and the number of workers per 1,000 desyatina of forest has been revealed.

Key words: industrial landscape, landscape capacity, mining industry, Urals, ferrous metallurgy, workers.

FOR CITATION: Shumkin G. N. On the Issue of the Capacity of Industrial Landscapes (Based on the Material of the Charcoal Metallurgy of the Urals of the Late XIX– Early XX Centuries) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 76–84. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-76-84

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время к изучению промышленных ландшафтов, проводимому географами [Лаходанов, 1972; Мильков, 1973; Покишевский, 1952; Снитко, Шмелева, 2011; Тютюнник, 1991; Тютюнник, 2015; Тютюнник, 2017; Тютюнник, Пашкевич, Губарь, 2019], подключились и историки [Курлаев, 2018; Курлаев, 2019; Курлаев, 2020]. Исследователи уточняют содержание данного понятия; перечень объектов, попадающих под определение «промышленного ландшафта»; разрабатывают принципы и методы изучения. При этом они не обратили внимания на такую важную характеристику ландшафта как его емкость, т.е. численность людей, которые могут существовать на данной территории и при данном типе хозяйствования.

Проблема емкости «вмещающих ландшафтов» активно изучается представителями социоестественной истории [Антипова, 2006; Кульпин-Губайдуллин, 2012; Кульпин-Губайдуллин, 2014] и сторонниками структурно-демографической теории [Turchin, Nefedov, 2009; Нефедов, Турчин, 2006; Нефедов С.А., Турчин, 2007; Нефедов С.А., 2005]. Их объединяет консенсус по поводу того, что в традиционной экономике возможности развития общества (прежде всего — в отношении роста народонаселения) ограничены,

во-первых, ресурсной базой того ландшафта, в котором это общество проживает;

а, во-вторых, методами хозяйствования [Антипова, 1996] (при изменении производственных технологий или типа хозяйствования емкость ландшафта может меняться, например, при переходе от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству она существенно расширилась¹).

В работах этих направлений внимание сосредоточено на аграрном секторе экономики в традиционном (доиндустриальном) обществе. Акцент на сельском хозяйстве, с одной стороны, вполне оправдан — этот сектор экономики является основным в традиционном обществе; но, с другой стороны, он существенно сужает поле исследования, т.к. вне фокуса научного поиска остаются прочие отрасли экономики.

В этой работе предпринимается попытка перенести данный подход на древесноугольную металлургию, рассмотрев с его помощью черную металлургию Урала в конце XIX – начале XX вв.; т.е. в тот период, когда она стала испытывать

серьезный дефицит топлива. В ходе исследования предполагалось решить две задачи: определить эвристический потенциал концепта «вмещающий ландшафт» применительно к древесноугольной металлургии и описать развитие черной металлургии Урала в конце XIX – начале XX вв.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основание сравнивать эти, казалось бы, столь несхожие отрасли — древесноугольную металлургию и сельское хозяйство — заключается в том, что они базируются на эксплуатации возобновляемого ресурса — растений. В случае с земледелием таковыми выступают сельскохозяйственные культуры (прежде всего, злаки); а в случае с древесноугольной металлургией — лес, который шел на заготовку дров, древесного угля и деловой древесины. Следовательно, производственные возможности ландшафта и его емкость определяются такими параметрами как площадь земельного участка, плодородие почвы, количество растений, произрастающих на этом участке земли, видовой состав растений и срок восстановления ресурса. Если в сельском хозяйстве цикл, в течение которого восстанавливалась плодородие почвы, составлял три года (при ведении трехпольного хозяйства); то в лесном хозяйстве от одной вырубki до следующей проходило минимум 50 лет, а нередко срок созревания леса определялся в 120–150 лет. Длительный вегетационный период деревьев стал причиной дефицита горючих материалов и стагнации металлургии в Западной Европе в XVII– XVIII в., а на Урале — в середине XIX – начале XX в.²

Однако по другим характеристикам сельское хозяйство и древесноугольная металлургия существенно различаются. Древесноугольная металлургия более требовательна к ресурсной базе. Помимо леса ей нужны месторождения полезных ископаемых (руды черных и цветных металлов, флюсы, огнеупорные и строительные материалы); а также реки, которые, с одной стороны, должны быть не очень широкими, чтобы можно было поставить плотину с водяными двигателями, а, с другой, — достаточно полноводными, чтобы служить транспортными арте-

¹ «Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии..., технологические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием технологического фактора» [Нефедов, 2012].

² Кризис металлургии в Западной Европе предопределил успех горнозаводской промышленности на периферии Европы — в Швеции в XVII–XVIII вв. и на Урале в XVIII в. Но когда в XVIII в. в Англии был освоен новый, казалось бы, неисчерпаемый источник тепловой энергии — каменный уголь и кокс, Швеция и Урал быстро утратили свое лидерство. Более того, Урал столкнулся с той же проблемой, которая прежде тормозила рост западноевропейской металлургии — с проблемой дефицита древесного топлива.

риями. Кроме того, в отличие от сельского хозяйства, древесноугольная металлургия не может быть автаркией — закрытой, самообеспечивающейся экономикой; ее продукция должна производиться для рынка, либо изготавливаться по заказам государственной власти, а продовольствие для рабочих и тягловой силы и многое другое — приобретаться за пределами этого хозяйства. Это значит, что рядом с горнозаводским хозяйством (на расстоянии транспортной доступности) должно находиться товарное производство сельскохозяйственной продукции, которое способно обеспечить продовольствием и население горнозаводских поселков, и тяговую силу.

Поскольку емкость вмещающего ландшафта исчисляется в количестве людей, которые в нем могут прокормиться, емкость древесноугольной металлургии будет определяться, во-первых, производственными возможностями ландшафта, а, во-вторых, условиями торговли — условиями обмена металла на продовольствие и другие необходимые товары.

Если цены на металл растут, а на продовольствие снижаются, то условия торговли для горнозаводского хозяйства улучшаются, емкость ее «экологической ниши» расширяется. Падение цен на металл и рост цен на продовольствие, наоборот, сужают емкость ниши. Следовательно, в первом приближении емкость древесноугольной металлургии (т.е. количество работников, которым данное производство дает средства существования) можно представить в виде функции:

$$VT = f(T, K, PM/PF),$$

где VT — емкость вмещающего ландшафта (выраженная в количестве работников металлургического производства),

T — природные ресурсы ландшафта (возобновляемые запасы топлива, минеральные ресурсы, реки),

K — производственный капитал (технологии и оборудование),

PM/PF — соотношение цен на продукцию металлургии (PM) и продовольствия (PF).

Это уравнение не учитывает того, что доход, полученный от реализации продукции металлургического производства, рабочим доставался не в полном объеме. Одну его часть (прибыль) получал завододелец; другая (налоги) шла в доход государству и местному самоуправлению; третья часть (в виде инвестиций) направлялась на амортизацию и расширение капитала, и только четвертая часть доставалась работникам производства.

$$TR = Pr + G + I + C,$$

где TR — валовой доход,

Pr — прибыль,

G — доход государства (налоги),

I — инвестиции в капитал,

C — доход домохозяйств, проживавших в данном ландшафте.

Исключить первые три компонента (или абстрагироваться от них) невозможно. Однако, следует отметить, что и продукция земледельческого хозяйства в традиционной экономике потреблялась не только самими крестьянами: часть этого продукта в виде ренты (оброка) шла в доход землевладельцу (Pr), часть — на уплату налогов (G), часть — на восстановление средств производства (I). И это обстоятельство не мешает исследователям описывать аграрную экономику в категориях вмещающего ландшафта.

Опираясь на исследования А.С. Грузинова [Грузинов. 2009], В.Д. Белова [Белов, 1896], а также налоговое законодательство³ можно приблизительно оценить ту долю валового дохода, вы-

ручаемого от продажи металла, которая шла на содержание местного горнозаводского населения и инвестиции в металлургическое производство. Если в середине XIX в. она составляла не более 40% (прибыль заводоладельцев достигала 50% и около 10% шло на уплату налогов); то в конце XIX — начале XX вв. она достигала 67–80% (5–18% прибыль, около 10–15% налоги). Эти расчеты очень приближительны, но они косвенно подтверждаются источниками. Если в XVIII в. — первой половине XIX в. прибыли с заводов позволяли хозяевам вести вызывающе роскошный образ жизни; то в начале XX в. ситуация существенно поменялась: некоторым очевидцам казалось, что цель горнозаводского хозяйства заключалась в обеспечении заработком местного населения. В 1908 г., в разгар кризиса в горнозаводской промышленности Урала, С. П. Фармаковский писал: «Нигде в мире нет заводов, обязанных вести дело только ради того, чтобы прокормить рабочего, а на Урале почти все заводы именно так поставлены. Кормят рабочих не только помещионеры, для которых это кормление по закону обязательно, но и заводчики-собственники, отчасти из благотворительности, отчасти из опасения, что голодный рабочий разнесет фабрики или выжжет леса. Суммы денег прокормления таким образом огромны: их хватило бы на переоборудование многих заводов» [Фармаковский, 1908: 402–403].

Итак, основной функцией лесов, принадлежавших горным заводам, являлось снабжение производства топливом, т.е. обеспечение прибылей заводоладельцам, заработков — рабочим, налогов — государству и земствам. При этом количество заготавливаемого топлива определялось ежегодным приростом древесной массы на той площади, где металлургический завод мог заготовить это топливо. О «рабской зависимости от наличности запасов леса» в XIX — начале XX вв. было написано немало [Боклевский, 1899; Былим-Колосовский. 1900; Менделеев, 1900; Рагозин, 1902]. Однако, выполнение данной функции сталкивалось с рядом ограничений.

Первое. Леса должны были снабжать топливом и древесиной не только производство, но и местное население, в котором далеко не все были заняты на заводских работах. По оценке главного начальника горных заводов Урала П.П. Боклевского, на рубеже XIX–XX вв. на надобности населения отпускалось дров примерно в вдвое меньше того, что потреблялось заводами (примерно 236,5 против 437 тыс. куб. саж. в 1895 г.) [Боклевский, 1899: 4]; по данным «Отчетов Горного департамента» на помещионных заводах около 80% дров шло «для горнозаводских надобностей», а 20% — «для потребности населения»; на казенных заводах производство и население потребляли лесные материалы примерно в равном объеме⁴.

Второе. Далеко не всякий участок дачи пригоден для эксплуатации: мало было нарубить дрова и выжечь уголь — их надо было доставить в завод. Даже в начале XX в. в округах, испытывавших острейший дефицит древесного горючего, можно было найти отдаленные участки заводских дач с «перестойным», гниющим на корню лесом. Проблема введения в эксплуатацию таких лесов была предметом особого внимания специалистов [Боклевский, 1899: 5; Былим-Колосовский. 1900: 44–45; Менделеев, 1900: 51–53].

Третье. В конкурентную борьбу с заводами за лес и землю вступало местное население. С отменой крепостного права и освобождением мастеровых и урочных работников от «обязательного труда» горнозаводское население становилось «свободными сельскими обывателями», которым полагался земельный надел. Заводоладельцы (да и администрация казенных заводов) всячески затягивали процедуру землеустрой-

³ СЗ РИ. Т. VII. СПб., 1857 г. Устав горный. §494–495, 563. С. 86–87, 98; ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XLIV. Ч. 1. № 47149; ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XVIII. Ч. 1. № 15601. § 4, 44–45, 91, 98, 120–121, 125, 213–217, 149–150; Ч. 2. № 15601.

⁴ Отчет горного департамента за 1895 г. СПб., 1896. С. 169, 285; Отчет горного департамента за 1900–1901 гг. СПб., 1903. С. 248–249, 418; Отчет горного департамента за 1906–1907 гг. СПб., 1909. С. 102, 274.

ства населения (на ряде заводов владельцы пошли на обман мастеровых, в результате которого те «добровольно» отказались от своего надела⁵). Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. в результате землеустройства горнозаводского населения⁶, а также вследствие прекращения деятельности некоторыми заводами площадь земель и лесов горных заводов в конце XIX – начале XX вв. уменьшилась на 1/4. Если в 1882 г. площадь земли, принадлежавшей доменным и передельным заводам Урала, составляла 10,6 млн дес., из которых 8,7 млн дес. были под лесом, то к 1911 г. площадь земли была 7,8 млн дес., в т.ч. 6,5 млн дес. под лесами⁷.

Четвертое. Горные заводы, столкнувшись в конце XIX – начале XX вв. с дефицитом дров и древесного угля, стали все чаще обращаться к альтернативным источникам топлива — каменному углю, торфу, нефти, древесным суррогатам (ветви, хвоя, пни). В 1900–1911 гг. на нефть, каменный уголь и торф приходилось 6,5–14,5% тепловой энергии, потреблявшейся горными заводами [Шумкин. 2019 2: 64–65]. На некоторых сталеплавильных заводах и на комбинатах (сочетавших производство чугуна, железа и стали) доля минерального топлива в энергобалансе была очень высокой: более 50% на Чусовском, 45% на Пермском пушечном, 37% на Воткинском, 21% на Верхисетском [Шумкин. 2020: 175, 184]. Но для большинства заводов минеральное топливо оставалось малозначимым источником энергии или вообще не использовалось, т.к. переход на новое горючее был связан с решением целого ряда экономико-технологических проблем: наличие доступных месторождений, условия доставки топлива на заводы, возможность его использования без ущерба качеству продукции и т.д.

Пятое. Несмотря на утвердившееся в историографии мнение о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. горнозаводское население обладало низкой мобильностью (в сравнении с пролетариатом С.-Петербурга, Юга и других регионов), оно не было навечно прикреплено к заводу. У уральского мастерового, все-таки, был определенный выбор: он мог уйти на золотоплатиновые промыслы, на строительство железных дорог, заняться кустарными промыслами, сельским хозяйством (в случае успешного завершения землеустроительной операции).

Однако все эти обстоятельства не отменяют необходимости проверки предположения о том, что в черной металлургии Урала конца XIX – начала XX вв. количество рабочих находилось в зависимости от площади лесов, которыми владели заводы.

Источниковой базой для данного исследования послужили статистические справочники Горного ученого комитета⁸. Сведения о рабочих и площади лесов, которыми владели заводы черной металлургии, публиковались в них с 1882 по 1911 гг. (в справочниках за 1883, 1884, 1888 гг. отсутствуют сведения о лесах). Эти данные включают немало пропусков, повторяющихся показателей, опечаток. И если сведения о площади лесов поддаются частичной корректировке⁹, то сведения о численности рабочих приходится принимать без исправлений.

Поскольку цель работы состоит в том, чтобы выявить зависимость между количеством рабочих и площадью гор-

нозаводских лесов, пришлось исключить из анализа предприятия, которые не предоставляли данных о своих лесах: Вижахинский, Велсовский, Кутимский, Николаевский, Никольский, Ивано-Павловский, Балашевский заводы. Также были исключены неполные пары данных — когда имеются сведения о рабочих, но нет сведений о лесах либо наоборот.

Данные о численности рабочих в источнике определялись как среднесписочный показатель: общее количество выходов рабочих на работу, деленное на число рабочих дней в течение года. При обращении к статистическим данным о численности рабочих следует принять во внимание ряд обстоятельств.

Во-первых, в 1880-е гг. методика сбора данных еще только отработывалась. Поэтому некоторые заводы приводили явно неполные сведения; а некоторые указывали число рабочих в 2–3 раза больше того, что показывалось в последующее время.

Во-вторых, на Урале в периоды плохой конъюнктуры была широко распространена практика неполной рабочей недели и т.н. «гулевые дни», т.е. в реальности на заводе могло работать существенно больше того числа, которое указывалась в статистике.

В-третьих, объем работ и, следовательно, занятость рабочих определялись во многом сезоном и погодными условиями. Зимой и летом (в периоды низкого уровня воды в заводских прудах) работы было меньше, чем осенью и весной. Более того, по сложившейся традиции в июле вся работа прекращалась (кроме обслуживания доменных печей) — в это время рабочие уходили в отпуска на заготовку сена для домашней скотины.

В-четвертых, с 1886 г. сведения о рабочих, занятых на добыче железных руд, стали публиковаться отдельно от данных о рабочих, занятых собственно производством металлов. Численность этих рабочих также должна быть учтена при определении емкости древесноугольной металлургии.

В-пятых, заводы Нижнетагильского, Сысертского, Верхисетского, Богословского и Кыштымского округов наряду с чугуном, железом и сталью производили медь. Поскольку медеплавильные производства снабжались дровами и углем из тех же лесов, что и заводы черной металлургии, сведения о рабочих, занятых на добыче медных руд и производстве меди также должны быть учтены при расчете емкости лесных дач.

В-шестых, рабочих, занятых на добыче золота, платины, хромистого железняка и ряда других полезных ископаемых, при расчете емкости лесов учитывать не следует, т.к. эти минералы не подвергались дальнейшей переработке с использованием древесного топлива на территории горных заводов.

В-седьмых, четкую грань между горнозаводскими рабочими и крестьянами, занятыми сельскохозяйственными работами прочертить невозможно. Добычу руд и «вспомогательные работы» (заготовку дров и древесного угля, перевозку топлива, руд и продукции), как правило, производили крестьяне в свободное от основных сельскохозяйственных работ холодное время года. Что же касается мастеровых — горнозаводских рабочих, выполнявших т.н. «основные работы» на территории заводов, то для них огородничество и содержание домашней скотины было важнейшей составляющей быта; нередко мастеровые заводили и пашню. Т.е. в районах сосредоточения горных заводов сельскохозяйственные и горнозаводские работы дополняли друг друга.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрим, как менялась площадь лесов и численность рабочих в целом во всей черной металлургии Урала в 1882–1911 гг. Динамика площади лесов, количества рабочих черной металлургии Урала представлена в таблице 1 и на рисунке 1.

⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 155. Л. 217–219.

⁶ Подробнее о землеустройстве горнозаводского населения см.: [Алеврас, 1996].

⁷ Горнозаводская производительность России в 1882 г. СПб., 1884. С. 332–333; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 году. Сост. по офиц. данным. Пг., 1918. С. 254–269. (Подробнее о площади лесов и земель горных заводов см.: [Шумкин, 2019.1].)

⁸ До 1885 г. — «Горнозаводская производительность России за... год, затем — «Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России за ... год».

⁹ Подробнее см.: [Шумкин, 2019.1].

Таблица 1

Площадь лесов и численность рабочих заводов
черной металлургии Урала в 1882–1911 гг.*

Год	Количество рабочих					Общая площадь лесов	Площадь леса на одного рабочего	Число рабочих на 1000 дес. леса
	Черная металлургия			Медеплавильное производство в дачах заводов черной металлургии	Всего			
	Основные цеха	Вспомогательные работы	Добыча руды					
	чел.	чел.	чел.	чел.	чел.			
1882	50484	90039	–	947	141470	8745,9	61,8	16,2
1885	53840	83608	–	968	138416	8062,1	58,2	17,2
1886	55011	83848	7051	981	146891	8129,6	55,3	18,1
1887	55665	92118	25111	1506	174400	8147,9	46,7	21,4
1889	50397	86138	21951	1844	160330	8000,5	49,9	20,0
1890	54335	87906	22816	1768	166825	8022,9	48,1	20,8
1891	47288	75981	21085	1770	146124	8437,5	57,7	17,3
1892	49854	81290	20815	1303	153262	8690,2	56,7	17,6
1893	56565	86780	20781	1802	165928	8686,5	52,4	19,1
1894	48792	85766	20932	1720	157210	8107,8	51,6	19,4
1895	51408	96053	23590	2363	173414	8016,6	46,2	21,6
1896	57746	97088	25656	2205	182695	8499,1	46,5	21,5
1897	59165	95604	27245	2578	184592	8499,8	46,0	21,7
1898	54264	100424	24346	2746	181780	8661,8	47,6	21,0
1899	62182	103294	26962	1997	194435	8760,7	45,1	22,2
1900	63347	108748	30512	3331	205938	8514	41,3	24,2
1901	61174	96949	31923	3939	193985	8275,4	42,7	23,4
1902	66103	97417	23499	5967	192986	8211,7	42,6	23,5
1903	64596	84155	13386	5153	167290	8185,7	48,9	20,4
1904	64972	85653	13528	5891	170044	8079	47,5	21,0
1905	64471	81300	18048	5315	169134	8087,3	47,8	20,9
1906	69542	81305	15904	6500	173251	7881,5	45,5	22,0
1907	73134	74460	17341	7642	172577	7784,5	45,1	22,2
1908	73242	72841	13425	8828	168336	7669,7	45,6	21,9
1909	67967	76413	12302	7927	164609	7143,9	43,4	23,0
1910	53826	52792	12025	9688	128331	6415,3	50,0	20,0
1911	63084	57013	14662	9584	144343	6514,5	45,1	22,2

* Составлено и подсчитано по: Горнозаводская производительность России в 1882 году. СПб., 1884. С. 303–335; Горнозаводская производительность России в 1883 году. СПб., 1885. С. 167–181; Горнозаводская производительность России в 1885 году. Ч. I. СПб., 1888. С. 147, Ч. II. СПб., 1888. С. 3–11; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1908 году. Ч. II. Таблицы. СПб., 1910. С. 244–245, 252–253, 268–285, 310–315; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1886 году. СПб., 1888. С. 148, 150–151, 194–203, 224–226; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1887 году. СПб., 1890. С. 142, 146–147, 198–207, 224–227; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1888 году. СПб., 1891. С. 164, 168–169, 178–189; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1889 году. Часть II. СПб., 1892. С. 6, 8–9, 16–25, 40–43; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 заводском году. СПб., 1892. С. 134, 136–137, 144–157, 168–171; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1891 заводском году. СПб., 1893. С. 150, 152–153, 160–167, 184–187; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1892 заводском году. СПб., 1895. С. 166, 178–187, 202–205; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1893 заводском году. СПб., 1896. С. 174, 176–177, 186–195, 212–215; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1894 заводском году. СПб., 1896. С. 198, 200–201, 210–219, 238–241; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897. С. 190, 192–193, 202–213, 232–237; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1896 заводском году. СПб., 1899. С. 210, 212–213, 222–235, 254–259; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1897 заводском году. СПб., 1899. С. 194, 196–197, 206–219, 240–246; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1898 заводском году. СПб., 1900. С. 192, 194–195, 204–217, 238–245; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1899 году. СПб., 1901. С. 198, 210–223, 248–256; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 году. СПб., 1903. С. 210, 212–213, 222–237, 266–273; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1901 году. СПб., 1904. С. 234, 238–239, 248–263, 292–299; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1902 году. СПб., 1905. С. 224, 230–231, 242–259, 290–298; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. СПб., 1906. С. 220, 226–227, 240–259, 292–298; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1904 году. СПб., 1907. С. 246–247, 252–253, 266–283, 314–319; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1905 году. СПб., 1908. С. 232, 238–239, 250–269, 300–305; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1906 году. СПб., 1909. С. 212, 220–221, 232–251, 282–288; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1907 году. СПб., 1910. С. 214–215, 224–225, 238–257, 284–290; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1909 году. СПб., 1912. С. 260–261, 268–271, 286–299, 320–325; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 году. СПб., 1913. С. 218–219, 226–229, 242–253, 270–275; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 году. Пг., 1918. С. 230–231, 238–239, 256–269, 292–299.

В среднем в течение 1882–1911 гг. на одного рабочего приходилось 48,7 дес. леса или, иначе говоря, 1000 дес. леса обеспечивала средства существования 20,7 рабочим. Площадь лесов, приходившаяся на одного рабочего, более чем в три раза превышает норму земельного надела при трехпольной системе полеводства на Урале [Пьянков, 2014: 53]. Это вполне закономерно, если принять во внимание, что срок

созревания леса существенно больше, срока восстановления плодородия почвы — 50–150 лет против 3 лет (видимо, этим можно объяснить факт того, что в эпоху древесноугольной металлургии в районах с высокоплодородной почвой металлургические заводы не строились либо существовали сравнительно непродолжительное время — земледелие давало большую прибыль, чем выплавка металлов).

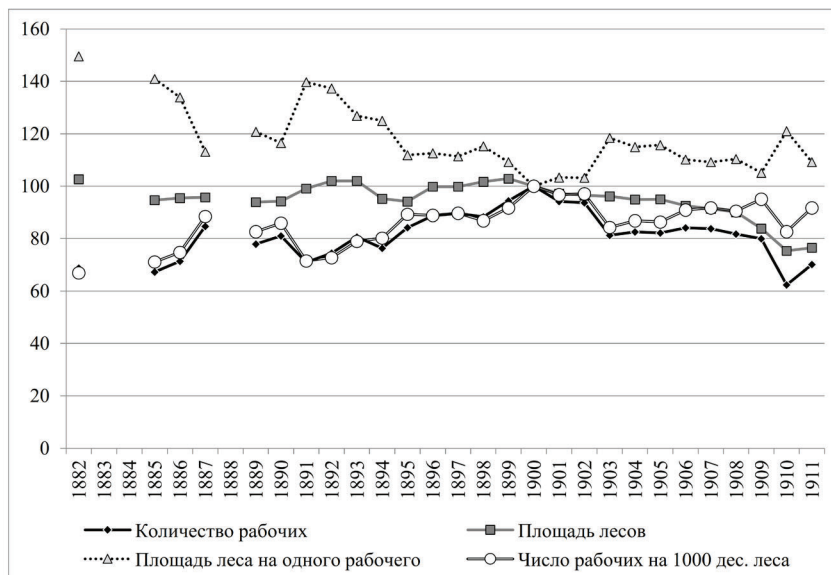

Рис. 1. Индексы площади лесов и численности рабочих уральской черной металлургии в 1882–1911 гг. (1900 = 100%).

Поскольку площадь леса на одного рабочего и число рабочих, приходящееся на 1000 дес. леса, являются единицами измерения, зеркально отражающими друг друга (рис. 1), и поскольку данная работа посвящена проблеме емкости горнозаводских лесов, в дальнейшем я буду рассматривать количество рабочих, приходящихся на 1000 дес. леса.

В рассматриваемом 30-лети прослеживаются два периода: в 1882–1894 гг. на 1000 дес. в среднем приходилось по 18,7 рабочих; в 1895–1911 гг. — 21,9. Это можно рассматривать либо как увеличение емкости экологической ниши — она выросла на 6% или как расширение производственных возможностей черной металлургии Урала за пределы ее экологической ниши. В пользу второго объяснения свидетельствует изменение доли минерального топлива в энергетическом балансе черной металлургии Урала. Если в 1882–1892 гг. на каменный уголь, нефть и торф приходилось в среднем 3,2% тепловой энергии, потреблявшейся заводами, то в 1896–1911 гг. — 9,2%¹⁰, т.е. их доля выросла на 6%. Таким образом, в конце XIX в. емкость горнозаводских лесов достигла своего предела, и дальнейшее развитие должно было опираться на новые источники энергии.

Еще одним аргументом в пользу того, чтобы рассматривать горнозаводские леса как экологическую нишу, является изменение их площади и численности рабочих в начале XX в. Если в конце XIX в. площадь лесов была сравнительно стабильной (держалась в пределе 8–8,7 млн дес.), то в 1899–1911 гг. она уменьшилась с 8,5 до 6,5 млн дес. В те же годы сократилась и численность рабочих — со 194,4 до 144,3 тыс. чел. Т.е. и леса, и рабочие сократились почти в равной пропорции — на 25,6% и 25,7% (см. рис. 1). Как следствие, отношение между площадью лесов и численностью персонала предприятий черной металлургии Урала не изменилось, оно удерживалась в пределе 20–23 рабочих на 1000 дес. леса.

При этом в начале XX в. изменилась структура занятых на горных заводах. Если до 1901 г. на одного рабочего «основных» цехов (т.е. работавшего на территории самого завода) приходилось двое рабочих «вспомогательных» производств (т.е. занятых заготовкой топлива, добычей руд и транспортировкой грузов), то после 1907 г. это соотношение изменилось на 1 к 1,3 или 1 к 1,4. Данное изменение в структуре рабочей силы можно рассматривать как отражение модернизации технологий в условиях ограниченной топливно-энергетической базы.

Следует отметить, что емкость горнозаводских лесов не была постоянной величиной, она могла меняться в зависимости от экономической конъюнктуры, т.е. емкость экологической ниши древесноугольной металлургии в определенной мере определялась условиями торговли — соотношением цен на металлы и на продовольствие. Несмотря на то, что заметную часть рациона рабочих составляли продукты, произведенные в их домашних хозяйствах, основу питания составлял хлеб, приобретаемый на рынке — на него приходилось 85–90% потребляемых калорий¹¹.

В идеале для того, чтобы проанализировать условия торговли, следовало бы сравнить цены на металлы с ценами на хлеб. Однако в рассматриваемый период рынок металлов претерпел существенные трансформации: изменилась номенклатура изготавливаемых металлов — кричное и пудлинговое железо было вытеснено литой марганцевой сталью; поменялась структура торговли — после того, как Урал был связан с Центральной Россией сетью железных дорог, роль Нижегородской ярмарки как главного центра торговли металлами упала, в 1902 и 1906 гг. в Перми и Екатеринбурге были организованы товарные биржи, которые стали основными площадками продажи уральских металлов; в 1890-х гг. у уральских заводов возник новый мощный конкурент, потеснивший их на всех рынках, — заводы Южной России; если во второй

¹⁰ Подробнее см.: [Шумкин, 2019.2].

¹¹ Посчитано по: [Манкевич, 2012].

половине XIX в. рынок металлов в значительной степени был «рынком посредников» (заводы сбывали свою продукцию крупным оптовикам, а те уже распродавали ее мелким покупателям), то в начале XX в. он превращается в «рынок производителей» — заводладельцы создают свои сети по сбыту продукции в розницу и объединяются в монополии.

Дополнительные сложности представляют цены на металлы. Они часто показывали разнонаправленную динамику, причем это наблюдается во всех фазах экономического цикла: во время кризиса цены на некоторые сорта могут вырасти, а во время подъема — упасть. Если же брать среднюю цену на листовое и сортовое железо, то она определялась предлагаемым сортаментом (а цены на отдельные сорта могли отличаться в 3–4 раза). Единственно, что не вызывает вопросов в публиковавшихся ценах, так это то, что они относились к категории справочных; при заключении контрактов нередко покупателю давали скидку. Поэтому динамика рынка и структура цен на металлы являются проблемами, заслуживающими особого внимания. В данной работе ограничимся сравнением цен на хлеб с плотностью рабочих на 1000 дес. леса.

Структура хлебного рынка менее запутанна — основным товаром оставалась ржаная мука (цена на второй по значимости товар — пшеничную муку — была, как правило, на 20–25 коп. выше). Для анализа влияния условий торговли рассмотрим средние розничные цены на ржаную муку в Пермской губернии. Какую закономерность следует ожидать? При росте рыночных цен на хлеб часть рабочих (по всей видимости, выполнявших низкооплачиваемые, вспомогательные работы) должна была уходить с заводов, вследствие чего количество рабочих, приходящихся на 1000 дес. леса, должно было уменьшиться.

На первую половину 1880-х гг., когда методика сбора статистических данных численности рабочих еще только складывалась, приходится наименьшие показатели численности рабочих на 1000 дес. леса — 16,2–17,2. Во второй половине 1880-х гг. методика сбора данных уже была отработана. В эти годы на 1000 дес. в среднем приходилось 20 рабочих. В 1891–1892 гг. из-за катастрофического неурожая плотность рабочих сократилась до 17/1000 дес. леса. В эти годы цена ржаной муки выросла с 0,8–0,9 до 1,4–1,7 руб./пуд [Скалозубов, 1893: 41]. При этом цены на металл остались прежними. Кроме того, из-за засушливого лета заводские пруды обмелели «вследствие чего некоторые заводы в силу необходимости должны были временно приостанавливать свою деятельность, и от этого часть рабочего люда осталась без заработков»¹².

В 1893–1895 гг. плотность рабочих выросла до 21/1000 дес. леса. Этому способствовали начавшийся промышленный подъем, а также хорошие урожаи, благодаря которым цены на хлеб снизились: в 1894–1896 гг. пуд ржаной муки в Пермской губернии продавался по 33–36 коп.¹³ Затем цены на хлеб стали расти, достигнув к лету 1899 г. 77 коп./пуд ржаной муки. Однако это повышение цен не оказало влияния на плотность рабочих — она осталась на том же уровне. По-видимому, сказалась благоприятная конъюнктура на рынке металлов., и в том же году плотность рабочих достигает максимальных значений.

¹² Обзор Пермской губернии за 1891 год. (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Пермь, 1892. С. 13.

¹³ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 3. Урожай 1894 года. Пермь, 1895. С. 64, 67; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 1. Зима 1895/6 года и весна 1896 года. Пермь, 1896. С. 77, 79; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 2. Урожай 1896 года. Пермь, 1897. С. 84, 87; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 1. Зима и весна 1894–95 года. Пермь, 1895. С. 63, 68; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Вып. 3. Урожай 1895 года. Пермь, 1896. С.32, 33.

В 1900–1900 гг. начался экономический кризис. «Положение железного торгового в России... характеризовалось значительным уменьшением спроса и цен на все продукты... кроме кровельного железа», являвшегося «основным уральским товаром»¹⁴, но в 1902 г. «безотрадное положение железной торговли»¹⁵ охватило и торговлю кровельным железом. Однако в эти годы плотность рабочих достигла максимальных значений: в 1900 г. — 24,2/1000 дес. леса и более 23/1000 дес. леса в 1901–1902 гг. А в 1903 г., когда рынок металлов был отмечен «проявлением признаков некоторого улучшения», она сократилась до 20 рабочих/1000 дес. леса. Данное противоречие между рыночной конъюнктурой и плотностью рабочих можно объяснить динамикой цен на хлеб. С июля 1899 г. по декабрь 1900 г. цена пуда ржаной муки снизилась с 77 до 49 коп.; в первой половине 1901 г. она держалась в пределах 52–58 коп.; затем стала повышаться, достигнув в мае 1902 г. 93 коп./пуд. Высокая плотность рабочих в 1902 г., во время высоких цен на хлеб, по-видимому, была обусловлена обязательствами рабочих выполнять условия контрактов, заключенных в прошлом году. Из-за контрактов реакция на неблагоприятные условия торговли запоздала год, она пришлась на 1903 г., когда на рынке металлов наблюдалось некоторое оживление (хотя цены на хлеб оставались на весьма высоком уровне — 76–82 коп./пуд и только к концу года снизились до 62 коп./пуд). В 1904–1906 гг. (несмотря на вновь ухудшившуюся конъюнктуру на рынке металлов) плотность рабочих повысилась до 21–22/1000 дес. леса — в эти годы за пуд ржаной муки просили от 52 до 67 копеек¹⁶.

В 1907–1911 гг. цены на ржаную муку поднялись и держались на высоком уровне — 78–113 коп./пуд¹⁷ (возможно сказалось влияние Вологодско-Вятской дороги, в 1906 г. связавшей Урал напрямую со столицей). Однако явного снижения плотности рабочих в эти годы уже не прослеживается. Вместо этого, в эти годы наблюдаются значительные колебания плотности рабочих: в 1909 г. — 23/1000 дес. леса, в 1910 г. — 20. Нарушение связи между ценами на хлеб и плотностью рабочих можно объяснить тем, что в эти годы вследствие активизации землеустроительных работ площадь горнозаводских лесов сократилась (в 1909 г. она уменьшалась на 7%, в 1909 г. — еще на 10% (см. табл. 1)). Неэффективные, маломощные вспомогательные заводы были остановлены, а их ресурсы перенаправлены на оставшиеся предприятия. Кроме того, в 1909 и 1910 гг. ряд заводов предоставил Горному ученому комитету неполные статистические сведения. Поэтому проследить связь между уровнем цен на хлеб и плотностью рабочих за 1908–1911 гг. не представляется возможным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал дает основание утверждать, что, несмотря на существенные различия между земледелием

¹⁴ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1901 году. Сост. по офиц. данным К. Робук / под ред. И. Попова. СПб., 1904. С. LXVI, LXIX.

¹⁵ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1902 году. Сост. по офиц. данным И. Дмитриев, В. Рыжков / под ред. И. Попова. СПб., 1905. С. LXXIX.

¹⁶ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 года. Пермь, 1905. С. 129–131; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1905 года. Пермь, 1906. С. 177; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1906 года. Пермь, 1907. С. 121.

¹⁷ Статистический ежегодник Пермской губернии на 1910 г. // Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1912 год. Пермь, 1911. С. 54; Статистический ежегодник Пермской губернии на 1912 г. // Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 год. Пермь, 1913. С. 56.

и древесноугольной металлургией, несмотря на ряд специфических условий, в которых функционировали металлургические заводы, несмотря на неточность источника, древесноугольную металлургию можно рассматривать в качестве «вмещающего ландшафта». Концепт «емкость ландшафта», как исследовательский инструмент, показал достаточно высокую валидность и надежность в отношении рабочих и лесов черной металлургии Урала конца XIX — начала XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. древесноугольная металлургия, как способ хозяйствования, достигла пределов емкости своего основного ресурса — горнозаводских лесов. В среднем в 1882–1911 гг. на 1000 дес. леса приходилось 20,7 рабочих. При этом плотность рабочих постепенно возрастала. Если до 1895 г. на 1000 дес. леса приходилось 18,7, то после 1895 г. — 21,9, т.е. на 6% больше. Рост плотности рабочих можно интерпретировать как выход за пределы производственных возможностей «экологической ниши», т.к. в это же время наблюдается увеличение доли минерального топлива в топливно-энергетическом балансе на 6%.

Другим свидетельством в пользу того, что горнозаводские леса можно рассматривать в качестве вмещающего ландшафта служит динамика площади лесов и численности рабочих в начале XX в. В это время площадь лесов сократилась на 25,6%;

практически на ту же величину — 25,7% — сократилась и численность рабочих. При этом в отдельные годы наблюдаются существенные отклонения от средних значений (более чем на 10%), которые можно объяснить изменениями условий торговли — соотношения цен на металл и хлеб. Во время кризисов 1891–1892 гг. и в 1903 гг., когда условия торговли ухудшались, плотность рабочих на 1000 дес. леса сокращалась; в 1899–1902 гг., во время перегрева рынка и в начале кризиса, она была существенно выше средних значений.

Возможно, что на выявленные тенденции в развитии горнозаводской промышленности Урала являются лишь следствиями обобщений. Возможно, что на уровне отдельных горных округов и заводов эти закономерности прослеживаться не будут. Также возможно, что на уровне отдельных предприятий будут выявлены новые закономерности, которые будут подтверждать (или наоборот, опровергать) оценки современников о степени обеспеченности топливом различных групп заводов. Решение этих задач должно стать предметом следующих работ.

Данное исследование показало, что концепт «емкость вмещающего ландшафта» может быть применим не только к сельскому хозяйству традиционного (аграрного, доиндустриального) общества, но и к любой другой экономике, базирующейся на ограниченных, возобновляемых ресурсах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. 212 с.
2. Антипова А.В. Вмещающий ландшафт (географический смысл и эколого-ресурсное содержание) // История и современность. 2006. № 2. С. 4. С. 3–23.
3. Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб.: Типография Исихора Гольдберга, 1896. 177 с.
4. Боклевский П.П. Перспективы уральской горной промышленности. — Екатеринбург: [б.и.], 1899. 53 с.
5. Былим-Колосовский Н.Д. Древесное топливо на Урале. СПб.: ред. «Вестника финансов, промышленности и торговли», «Торгово-промышленной газеты» и «Русского экономического обозрения», 1900. 47 с.
6. Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX — начале XX в. М. РОССПЭН, 2009. 501 с.
7. Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград: Учитель, 2014. 336 с.
8. Кульпин-Губайдуллин Э. С. Сфера технологии как пространство социального действия // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 70–80.
9. Курлаев Е.А. Формирование индустриального ландшафта Урала: методология и методика изучения // Уральский исторический вестник. 2020. № 2 (67). С. 71–77.
10. Курлаев Е.А. Формирование промышленного ландшафта Урала // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. 2019. № 1. С. 140–146.
11. Курлаев Е.А. Этапы и тенденции формирования промышленного ландшафта Урала // Российский научный журнал. 2018. № 3 (60). С. 58–67.
12. Лаходанов В.Л. Некоторые вопросы рационального использования и формирования ландшафтов промышленных предприятий // Формирование и охрана ландшафта. Минск, 1972. С. 71–73.
13. Манкевич М.К. Сельскохозяйственное производство и продовольственное обеспечение Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. Дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 108–110.
14. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафт: очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль, 1973. 224 с.
15. Неведов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России конец XV – начало XX века. Екатеринбург: УГГУ, 2005. 543 с.
16. Неведов С.А. Об экономических законах истории // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2012. № 3 (20). С. 83. 75–87.
17. Неведов С.А., Турчин П.В. Модифицированная модель демографически-структурной динамики аграрного общества // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2006. № 33. С. 102–109.

REFERENCES:

1. Alevras N.N. Agrarian policy of the government in the mining Urals at the beginning of the XX century. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 1996.
2. Antipova A.V. The enclosing landscape (geographical meaning and ecological-resource content) // History and modernity. 2006. No. 2. p. 4. p. 3–23.
3. Belov V.D. Historical sketch of the Ural mining plants. St. Petersburg, 1896. P. 79.
4. Boklevsky P.P. Prospects of the Ural mining industry. — Yekaterinburg: [B.I.], 1899.
5. Bylim-Kolosovsky N.D. Wood fuel in the Urals. St. Petersburg: ed. «Bulletin of Finance, Industry and Trade», «Trade and Industrial Newspaper» and «Russian Economic Review», 1900. 47 p.
6. Gruzinov A.S. The economic complex of the Princes Abamelek-Lazarev in the second half of the XIX — early XX century. M., 2009. 501 p.
7. Kulpin-Gubaidullin E. S. Socio-natural history: from method to theory, from theory to practice. Volgograd, 2014. 336 p.
8. Kulpin-Gubaidullin E. S. The sphere of technology as a space of social action // Bulletin of the Institute of Sociology. 2012. № 5, p. 70–80.
9. Kurlaev E.A. Formation of the industrial landscape of the Urals: methodology and methodology of study // Ural Historical Bulletin. 2020. No. 2 (67). pp. 71–77.
10. Kurlaev E.A. Formation of the industrial landscape of the Urals // News of higher educational institutions. Mining magazine. 2019. No. 1. pp. 140–146.
11. Kurlaev E.A. Stages and trends in the formation of the industrial landscape of the Urals // Russian Scientific Journal. 2018. No. 3 (60). pp. 58–67.
12. Lakhodanov V.L. Some issues of rational use and formation of landscapes of industrial enterprises // Formation and protection of landscape. Minsk, 1972. pp. 71–73.
13. Mankevich M.K. Agricultural production and food supply of the Perm province in the late XIX – early XX century. Diss. Candidate of Historical Sciences. Yekaterinburg, 2012. pp. 108–110.
14. Milkov F.N. Man and landscapes: essays of anthropogenic landscape studies. M., 1973.
15. Nefedov S.A. Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia at the end of the XV – beginning of the XX century. Yekaterinburg, 2005.
16. Nefedov S.A. About the economic laws of history // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2012. No. 3 (20). pp. 83. 75–87.
17. Nefedov S.A., Turchin P.V. Modified model of demographic and structural dynamics of agrarian society // Newsletter of the Association History and Computer. 2006. No. 33. pp. 102–109.

18. *Нефедов С.А., Турчин П.В.* Опыт моделирования демографически-структурных циклов // История и математика. Макроисторическая динамика общества и государства. Альманах / под ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. М., 2007. С. 153–167.
19. *Покишевский В.В.* О некоторых задачах комплексного физико-географического изучения городов // Вопросы географии. 1952. Вып. 28. С. 177–191.
20. *Пьянков С.А.* Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 2014. 216 с.
21. *Рагозин Е. И.* Железо и уголь на Урале. СПб., Типография Исидора Гольдберга, 1902. 164 с.
22. *Скалозубов Н.Л.* Цены на муку, овес и сено в Красноуфимском уезде в 1891 и 1892 г. // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894 год. Приложение к «Памятной книжке» на 1894 г. Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Вып. V. Пермь, 1893. С. 40–42.
23. *Снитко А.В., Шмелева Е.В.* Ландшафтные особенности развития исторических промышленно-селитебных территорий поволжских городов Ивановской области // Жилищное строительство. 2011. № 8. С. 39–41.
24. *Тютюнник Ю.Г.* Понятие промышленного ландшафта // Биосфера. 2015. № 3. С. 280–288.
25. *Тютюнник Ю.Г.* Промышленный ландшафт // География и природные ресурсы. 1991. № 2. С. 135–141.
26. *Тютюнник Ю.Г.* Что такое промышленный ландшафт // Вестник ВГУ. Серия: география, геоэкология. 2017. №2. С. 40–48.
27. *Тютюнник Ю.Г., Пашкевич Н.А., Губарь Л.М.* Производственные ландшафты и их демутация (На примере свеклосахарной промышленности Украины) // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151. № 5. С. 48–66.
28. Уральская железная промышленность в 1899 г., по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С.Ю. Витте / Ред. Д. Менделеев. — СПб: М-во финансов по Деп. торговли и мануфактур, 1900. 464, 256, 146 с.
29. *Фармаковский С.* Возрождение Урала // Промышленность и торговля. 1908. № 7. С. 402–403.
30. *Шумкин Г.Н.* Землевладение предприятий черной металлургии Урала в 1882–1911 гг.: масштаб, динамика, структура (по материалам публикаций Горного ученого комитета) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 3 (31). С. 258–275.
31. *Шумкин Г.Н.* Структура топливно-энергетического баланса предприятий черной металлургии Урала в конце XIX – начале XX века (по материалам «Сборников статистических сведений о горнозаводской промышленности России» 1882–1911 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 3 (35). С. 173–193.
32. *Шумкин Г.Н.* Топливо-энергетические ресурсы черной металлургии Урала в конце XIX – начале XX вв. (по материалам «Сборников статистических сведений о горнозаводской промышленности России» 1882–1911 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 64–65.
33. *Turchin P., Nefedov S.* SECULAR CYCLES. Princeton and Oxford, 2009.
18. *Nefedov S.A., Turchin P.V.* Experience of modeling demographic and structural cycles // History and Mathematics. Macro-historical dynamics of society and the state. Almanac / edited by S.Yu. Malkov, L.E. Grinin, A.V. Korotaev. M., 2007. pp. 153–167;
19. *Pokishevsky V.V.* On some problems of complex physical and geographical study of cities // Questions of Geography. 1952. Issue 28. pp. 177–191.
20. *Pyankov S.A.* Peasant economy of the Perm province in the late XIX – early XX century. Yekaterinburg, 2014. p. 53.
21. *Ragozin E. I.* Iron and coal in the Urals. St. Petersburg, Printing house of Isidore Goldberg, 1902. p. 119. 164 p.
22. *Skalozubov N.L.* Prices for flour, oats and hay in Krasnoufimsky district in 1891 and 1892 // Address-calendar and commemorative book of Perm province for 1894. Appendix to the «Commemorative book» for 1894. Collection of materials for acquaintance with the Perm province. Issue V. Perm, 1893. p. 41.
23. *Snitko A.V., Shmeleva E.V.* Landscape features of the development of historical industrial and residential territories of Volga cities of the Ivanovo region // Housing construction. 2011. No. 8. pp. 39–41.
24. *Tyutyunnik Yu.G.* The concept of an industrial landscape // Biosphere. 2015. No. 3. pp. 280–288.
25. *Tyutyunnik Yu.G.* Industrial landscape // Geography and natural resources. 1991. No. 2. pp. 135–141.
26. *Tyutyunnik Yu.G.* What is an industrial landscape // Bulletin of the VSU. Series: geography, geoecology. 2017. No.2. pp. 40–48.
27. *Tyutyunnik Yu.G., Pashkevich N.A., Gubar L.M.* Production landscapes and their demutation (On the example of the sugar beet industry of Ukraine) // Izvestiya Russian Geographical Society. 2019. Vol. 151. No. 5. pp. 48–66.
28. Ural Iron Industry in 1899, according to reports on a trip made with the highest permission: S. Vukolov, K. Egorov, P. Zemyatchensky and D. Mendeleev, on behalf of Mr. Minister of Finance, State Secretary S.Y. Witte / Ed. D. Mendeleev. — St. Petersburg: Ministry of Finance for Trade and Manufactures, 1900. 464, 256, 146 p.
29. *Farmakovskiy S.* The Revival of the Urals // Industry and trade. 1908. No. 7. pp. 402–403.
30. *Shumkin G.N.* Land ownership of ferrous metallurgy enterprises of the Urals in 1882–1911: scale, dynamics, structure (based on publications of the Mining Scientific Committee) // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal. 2019. No. 3 (31). pp. 258–275.
31. *Shumkin G.N.* The structure of the fuel and energy balance of the ferrous metallurgy enterprises of the Urals at the end of the XIX – beginning of the XX century (based on the materials of the «Collections of statistical data on the mining industry of Russia» 1882-1911) // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal. 2020. No. 3 (35). pp. 175, 184.
32. *Shumkin G.N.* Fuel and energy resources of ferrous metallurgy of the Urals in the late XIX – early XX centuries. (based on the materials of the «Collections of statistical data of the mining industry of Russia» 1882–1911) // Genesis: historical research. 2019. No. 9. pp. 64–65.
33. *Turchin P., Nefedov S.* SECULAR CYCLES. Princeton and Oxford, 2009.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 86,2%.

Рецензент: *Литовский В.В.*, доктор географических наук, заведующий сектором размещения и территориального планирования Института экономики УрО РАН.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022, принята к публикации 23.04.2022

The article was received on 03.04.2022, accepted for publication 23.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шумкин Георгий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация, РИНЦ Author ID 484709, <https://orcid.org/0000-0003-1858-8001>, e-mail: shumk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Georgy N. Shumkin, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russian Federation, Author ID 484709, <https://orcid.org/0000-0003-1858-8001>, e-mail: shumk@mail.ru

Игры мировой закулисы: взгляды правоведа П. С. Ромашкина

©Юлия Николаевна Сушкова

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск, Российская Федерация
e-mail: yulenkam@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт монополий с точки зрения влияния на мировые процессы. Видный отечественный правоведа П.С. Ромашкин характеризовал послевоенную эпоху с позиций усиления милитаризма в западных государствах, выразившегося в существенном увеличении государственного бюджета, значительной частью в котором были военные расходы. П. С. Ромашкин обратил внимание на немалую роль американско-английских монополий в вооружении гитлеровской Германии, предоставивших займы для создания мощной военной промышленности, вооружения вермахта. Исследователь утверждал, что гитлеровская Германия не могла бы так долго сопротивляться, если бы этому не способствовал ряд картельных соглашений между крупнейшими американскими и германскими монополиями. Ярким примером использования войны с целью выхода из экономического упадка являлась роль американских монополий в развязывании войны против корейского народа.

Ключевые слова: монополизм, П. С. Ромашкин, национально-освободительное движение, американский империализм, милитаризм.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сушкова Ю. Н. Игры мировой закулисы: взгляды правоведа П. С. Ромашкина // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 85-94.

Games of the World Behind the Scenes: Views of the Jurist P. S. Romashkin

©Iuliia N. Sushkova

National Research Mordovian State University, Saransk, Russian Federation
e-mail: yulenkam@mail.ru

Abstract. The article examines the institution of monopolies from the point of view of influence on world processes. The prominent Russian jurist P.S. Romashkin characterized the post-war era from the standpoint of strengthening militarism in Western states, expressed in a significant increase in the state budget, a significant part of which was military spending. P. S. Romashkin drew attention to the considerable role of the American-British monopolies in arming Hitler's Germany, which provided loans to create a powerful military industry, arming the Wehrmacht. The researcher argued that Hitler's Germany could not have resisted for so long if a number of cartel agreements between the largest American and German monopolies had not contributed to this. A striking example of the use of war to get out of economic decline was the role of American monopolies in unleashing a war against the Korean people.

Key words: monopolism, P.S. Romashkin, national liberation movement, American imperialism, militarism.

FOR CITATION: Sushkova I. N. Games of the World Behind the Scenes: Views of the Jurist P. S. Romashkin // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 85-94. (in Russ.)

В борьбе за мир во всем мире достойное место принадлежит правовой науке. Право должно активно служить идее мира и взаимопонимания между народами. Долг юристов всех стран — содействовать конструктивному решению важнейших проблем современности, объединить усилия в борьбе за мир, в разрешении актуальных правовых вопросов в интересах прогресса и упрочения мира.

П. С. Ромашкин

ВВЕДЕНИЕ

Для понимания русской истории, впрочем, как и всякой другой, важен учет влияния на эту историю личностей. «История населена людьми, населена личностями. Никакие географические, природные, экономические, внешнеполитические и прочие условия "не заработают", если их не приведут в действие люди, в первую очередь лидеры, видные деятели той или иной страны. И чем более ярким характером обладает лидер, чем активнее он вторгается в жизнь общества, тем более сильное влияние он оказывает на судьбы страны; ведь каждый лидер становится таковым, потому что он тысячами нитей связан с людьми, с большими массами населения, которое его выдвинуло, поддержало, пошло за ним к их общим целям. Поэтому очень важно понять формирование характера таких лидеров, их человеческие пристрастия и их слабые и сильные стороны. Все эти качества так или иначе отражаются в его деятельности, влияют на историю народа. Личность, ее идеи так же сильно влияют на общество, как и силы природы, как внешние нашествия и прочие исторические обстоятельства»¹.

С 1990-х гг. после распада Советского Союза, становления Российской Федерации и еще 14 стран на постсоветском пространстве уже неоднократно происходили фундаментальные пересмотры не только стратегии развития вновь образованных суверенных государств, но прежде всего их идеологической составляющей. В России, с одной стороны, конституционно-правовое закрепление идеологического и политического плюрализма предполагает запрет приверженности какому-либо определенному подходу, с другой же — поныне продолжается поиск общей национальной идеи, курса развития, принимаются долгосрочные программы в различных сферах хозяйства, внешней и внутренней политики. Наша страна постоянно сталкивается с серьезными цивилизационными вызовами, требующими выработки новых решений по защите своих жизненных приоритетов.

Что касается теоретико-методологических основ философии науки, то все чаще наблюдается отказ от диалектического материализма, анализа закономерностей развития государства и права на базе формационного и классового подходов в пользу цивилизационного. Подвергается существенной критике многое из советской эпохи. Вместе с тем современные геополитические процессы усложнения межгосударственных отношений, роста вооружений и военных баз НАТО по всему миру, введение антироссийских санкций вызывают необходимость укрепления авторитета и влияния России на международной арене, более активного отстаивания своих национальных интересов.

Так, П.С. Ромашкин считал, что американские империализм и монополизм представляют серьезную угрозу будущему миру. В подтверждение своих идей он нередко опирался на выводы М. Горького, который писал: «По существу дела, банкир разнится от бандита только тем, что бандитизм счита-

ется деянием уголовно наказуемым и преследуется законом, а банкиризм не только пользуется покровительством закона, но банкиры сами законодательствуют, то есть создают законы, облегчающие труды банкиризма по ограблению населения»². «Капиталист, — отмечал М. Горький, — не может быть "гуманным", все человеческое, кроме скотского в человеке — чуждо ему... Капиталисты всех стран — одинаково противное и бесчеловечное племя»³. В 1925 г. он «привоздил» к «позорному столбу» американских монополистов, владельцев «человекоубойной промышленности», делавших бизнес на крови народов⁴.

Свою книгу «Против мира и человечества» П.С. Ромашкин завершил словами из Тезисов ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции: «Силы коммунизма неисчислимы, на его стороне — правда жизни. Только коммунизм способен решить коренные проблемы общественного развития, избавить человечество от угнетения и эксплуатации, голода и нищеты, от милитаризма и войн, утвердить на нашей планете демократию, мир, дружбу между народами: жизнь, достойную Человека»⁵.

Труды П. С. Ромашкина написаны главным образом на основе нормативно-правовых и документальных первоисточников, архивных данных, широком круге монографической литературы и периодической печати, в том числе и на иностранных языках, а также по результатам непосредственного участия в исследуемых процессах, что свидетельствует не только об оригинальности и новизне его научных изысканий, но и об их высокой достоверности и объективности. Ромашкиным впервые введено в научный оборот множество оригинальных данных. Достоинством исследований Ромашкина является и пересмотр некоторых из общепринятых положений, например, относительно уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I.

Для России тема Великой Отечественной войны относится к одной из наиболее консолидирующих общество и государство, поэтому празднование ее памятных дат, парады победы, движение «бессмертного полка», аллеи славы, мемориалы памяти погибших имеют сакральное значение для многих поколений наших сограждан. В связи с этим российское общество очень болезненно относится к актам вандализма по отношению к памятникам и святыням, посвященным Второй мировой войне, возрождению неофашизма, реабилитации и даже героизации некоторых военных преступников, исторической трактовке освобождения Красной армией стран Восточной Европы от гитлеровских захватчиков, как к «советской оккупации» и др.

Ромашкин П.С. приводит множество фактов нарушения прав человека и народов, международного права в условиях вооруженных конфликтов, национально-освободительной борьбы народов мира за самоопределение и равноправие. Ромашкин проанализировал междунационально-правовые основы реализации права наций на самоопределение в соответствии с Уставом ООН. Признание же наций и народов на борьбу за самоопределение нашло отражение в 1960 г. на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, а также в Декларации о принципах международного права, касающихся международных отношений и сотрудничества между государствами (1970 г.). Им исследованы различные избирательные системы стран мира, в том числе во вновь

¹ Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1999. С. 13–14.

² Ромашкин П. С. Власть монополий. М., 1958. С. 35.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 355.

образовавшихся государствах, освободившихся от колониальной зависимости. Им раскрыты многие понятия и термины, объясняющие технику и сущность выборов, схематично представлен состав высших органов власти в СССР, а также таблицы отдельных избирательных цензов, существующих в практике различных государств⁶.

МОНОПОЛИЗМ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Другим направлением научных изысканий П. С. Ромашкина был монополизм. Свои размышления о сущности монополий, их влиянии в мире он отразил прежде всего на примере зарубежных западных стран в книге «Власть монополий» (М., 1958). В контексте монополизма Ромашкин проанализировал проблемы становления «среднего класса», развития малого и среднего предпринимательства, обеспечения большей экономической свободы, правовой защиты граждан, снижения ставок по банковским кредитам, утверждения более благоприятных условий в сфере налогообложения, стимулирования бизнеса («налоговые каникулы», «налоговая амнистия» и др.)⁷.

Одним из его направлений является административный монополизм, примером которого может служить существование в годы советской власти серьезного доминирования властных структур и во владении государством средствами производства. В условиях государственного монополизма создаются и функционируют объединения предприятий, наделенных эксклюзивными правами на ведение какой-либо деятельности и подотчетных государственным органам.

Продвижение концепции «народного капитализма» осуществлялось «пропагандистской машиной» западных государств, и прежде всего США. Примером соответствующего информационного сопровождения служит правительственное информационное агентство, о деятельности которого сторонник социализма Г. Брайерман в журнале «Американ социалист» писал: «Пропагандистская машина редко выпускала такое количество книг, статей, речей, карикатур, академических тезисов, фильмов, радио- и телевизионных выступлений, имеющих целью показать нам, ошеломленным всем этим гражданам, что мы никогда не жили так хорошо, что мы живем в самом лучшем из всех возможных миров (всякое изменение которого может быть только к худшему), что мы всем обязаны капитализму и еще более — новому капитализму — этому последнему изобретению, этой последней модели (из которой инженеры устранили все дефекты), улучшенной надежными мерами безопасности и являющейся американской»⁸.

П. С. Ромашкин привел пример из английской практики, когда сподвижниками идей «народного капитализма» являлись директора крупнейших монополий этой страны. Аналогичными структурами в Германии выступали «Немецкий индустриальный институт» и «Объединение для социального соглашения», возглавляемые представителями компаний «И.Г. Фарбениндустри» и «Форд».

«Согласно этой теории, любой рабочий может стать "партнером" капиталиста в акционерном обществе. Современная корпорация — это-де не старый завод или трест, принадлежавший одному семейству и переходивший по наследству от одного члена семьи к другому. Нет, теперь владельцами этих заводов, трестов, корпораций стали якобы все рабочие этих заводов. Из факта продажи акций небольшой части на-

селения делается вывод, что миллионы мелких владельцев акций становятся капиталистами. Однако тщетными являются усилия буржуазной пропаганды представить некоторое увеличение числа акционеров за счет распространения мелких акций как средство "создать новые миллионы капиталистов". На самом деле распространение акций среди части рабочих есть не что иное, как способ ограбления и присвоения сбережений трудящихся»⁹. В доказательство своей концепции Ромашкин приводит конкретные эмпирические данные статистики, согласно которым в 1952 г. в США только 6,4% взрослого населения владели акциями, две трети из которых принадлежали лишь 1% всех семейств страны. Представление о подлинном расширении рядов владельцев экономики — это «культивируемая иллюзия», а настоящими обладателями крупных пакетов акций являлась «небольшая кучка крупнейших владельцев». Система же «рабочих акций» выгодна для монополистов¹⁰.

«Эти общества дают возможность капиталистам распространять акции среди мелких акционеров, устраняя их в то же время от участия в делах компаний. При огромной распыленности акций небольшая группа владельцев, сумевшая сосредоточить в своих руках более или менее крупный пакет акций, имеет возможность командовать делами акционерного общества. И вот эти-то хозяева контрольного пакета как раз и являются подлинными руководителями акционерных компаний. Сотни же тысяч мелких держателей акций лишь номинально считаются соучастниками предприятия»¹¹.

Например, пять братьев Рокфеллеров или члены семейства Дюпонов являлись владельцами, директорами сотен промышленных и транспортных компаний, банков, страховых обществ, рудников, шахт, заводов, фруктовых и сельскохозяйственных плантаций, газет, киностудий, издательств, предприятий общественного пользования и многих других объединений. Таким образом, имеющиеся доходы от управления — это не форма компенсации за их личный труд, так называемое жалование.

Приводились факты из опыта Германии, подтверждавшие несоответствие теории действительности. В западных странах реакцией на происходившие социально-экономические процессы монополизации стали стачки, принявшие всеобщий характер в 1950-е гг. в США, в результате которых был принят антирабочий закон Тафта — Хартли о запрете стачек. В 1956 г. в стране было 3800 забастовок, в которых участвовало 1900 тысяч человек¹². Ромашкин привел следующую статистику: в предвоенное десятилетие (1931–1940 гг.) число стачек составило 22021 (участников — 9,5 млн, общее число потерянных человеко-дней — 145,3 млн), в послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) их число достигло 43159 (участников — 26,6 млн, общее число потерянных человеко-дней — 434,3 млн). В послевоенный период число забастовок увеличилось почти в 2 раза, общее количество стачечников — в 2,8 раза, а число потерянных в результате забастовок человеко-дней — почти в 3 раза. Эта же тенденция наблюдалась и в других государствах (Англии, Франции, Италии, Западной Германии, Японии, Аргентине, Чили, Бразилии и др.).

Выступая против финансового и экономического усиления монополий, Ромашкин многие свои идеи развивал из ленинской теории, которую рассматривал как глубоко научную и правильную. В. И. Ленин подчеркивал, что концентрация производств и капитала, достигшая высшей степени, неиз-

⁶ См.: Ромашкин П.С. Избирательные системы стран мира: справочник. М., 1961. 336 с.

⁷ Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 35.

⁸ Цит. по: Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 4.

⁹ Там же. С. 4–5.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 7.

¹² Там же. С. 11.

бежно порождает монополию, а концентрация банковского капитала приводит к образованию могущественной финансовой олигархии¹³. Этот вывод особенно подтверждался соответствующими сведениями о экономическом развитии США, где сосредоточение богатств в руках магнатов было очень высокое, а в послевоенный период становилось еще выше. Доказательством данной позиции являлось деструктивное использование великого достижения науки и техники — атомной энергии. СССР на протяжении многих лет вел борьбу за запрещение атомного оружия, применение которого создаст колоссальную опасность для народов мира.

«Монополистам нужно такое правительство, которое свято оберегало бы частную собственность и зверски подавляло всякое покушение на нее, которое по их приказу издавало бы любой закон в целях подавления сопротивления трудящихся и обеспечения неограниченных возможностей их эксплуатации»¹⁴.

Таким образом, монополистические круги все больше и больше «прибирают к рукам» правительства и государственный аппарат. «Их уже не устраивает та система, при которой в правительство назначаются главным образом доверенные лица монополий, — монополисты захватывают, цинично используют государство в эгоистических целях»¹⁵.

Кроме того, связующим звеном между правительством и другими органами государственной власти нередко выступали профессиональные объединения корпораций. Так, по требованиям Национальной ассоциации промышленников (НАП) конгресс США принял серию законов в интересах монополистического бизнеса. В рамках комитета международных отношений НАП рождались директивы государственному департаменту, связанные с проведением политики агрессии, «холодной войны», «дипломатии силы», развязывания новой войны в интересах монополий. Подобная ситуация наблюдалась и в Англии, и в Западной Германии. Ромашкин на широком круге источников проследил многочисленные финансовые и семейные связи между представителями правительств и монополистами.

Магнаты проникали не только в правительства, но и в законодательные (представительные) органы власти (Англии, Западной Германии, США и др.). В 1955 г. из 345 членов английского парламента не меньше 150 (43%) консерваторов являлись директорами компаний; до перевыборов 1957 г. среди 449 депутатов боннского бундестага было 85 предпринимателей и крупных торговцев, 51 помещик, 85 служащих концернов, 138 представителей свободных профессий, 15 профсоюзных лидеров и др.; в сенате конгресса США 30% мест принадлежали банкирам и промышленникам, 21% — землевладельцам, остальные — адвокатам, состоящим на службе крупных монополий. «Потребовалось бы слишком много места, чтобы показать, какой из членов конгресса, чьи (какой монополии) интересы представляют», — отмечал П.С. Ромашкин¹⁶.

МИЛИТАРИЗМ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА

Ромашкин характеризовал послевоенную эпоху с точки зрения усиления милитаризма в западных государствах, выразившегося в существенном увеличении государственного бюджета, значительной частью в котором были военные расходы. Американцы предусматривали также систему «сертификатов», созданную с целью развития производства

для укрепления обороноспособности страны, предоставлявшую крупным монополиям широкие возможности уклонения от уплаты налогов. Лоббистов в США нередко называли «невидимым правительством», «третьей палатой» (конгресса. — Ю. С.), которых насчитывали более 500¹⁷. Опираясь на правительство, состоявшее в значительной мере из миллионеров-монополистов, на свою агентуру в конгрессе и на армию лоббистов, корпорации добиваются санкционирования всякого рода мероприятий по «подкармливанию» монополий, «оздоровлению» обанкротившихся фирм, ассигнований на так называемые «антикризисные мероприятия» и др.

«Агрессивная политика, все развивающийся милитаризм и рост расходов на вооружение, разрушительные и дорогостоящие войны вызывают колоссальный рост бюджетных расходов и приводят к резкому дефициту государственного бюджета»¹⁸. Стремление сбалансировать бюджет приводило к резкому увеличению налогов и займов у финансовой олигархии, которые опять-таки выплачивались за счет сборов с граждан. Ромашкин приводит интересные данные, что в годы Второй мировой войны монополисты отказывались вкладывать средства в строительство заводов, предприятий, необходимых для поддержания военных усилий. Они предпочитали, чтобы это делало само государство, а затем добивались передачи объектов в эксплуатацию с преимущественным правом их покупки после войны. У государства большинство предприятий было куплено за «бесценок», а конгресс в 1940 г. принял закон о сокращении сроков амортизации заводов до 5 лет вместо обычных 25–30 лет. Это означало, что каждый год такой завод «амортизировался» на 20% его стоимости, следовательно, через три года он должен был продаваться за 40%, а через 5 лет безвозмездно переходил в руки монополии, арендовавшей его у правительства. «Трудно назвать это иначе, как грабеж среди белого дня! Монополии, используя правительство, навязывали ему такие условия контрактов, которые вели к открытому воровству государственных средств», — пишет Ромашкин¹⁹.

В послевоенный период в США осуществлялась программа широкого содействия монополиям в организации бизнеса, передачи многих государственных предприятий, в том числе электростанций, в руки частных предпринимателей. «Монополии идут на любые ухищрения, на любые нарушения законов, лишь бы получить прибыль. Вот почему так часты скандалы, мошенничества, в которых замешаны наряду с монополистами и крупные государственные чиновники, которые ради того, чтобы "сорвать куш" побольше, идут на любые преступные махинации»²⁰.

«Баснословные прибыли монополий от военных поставок немыслимы без самого широкого использования ими государственного аппарата. В самом деле, для получения военных заказов, а, следовательно, и высоких прибылей необходимо, чтобы парламент не только установил огромные налоги, но и утвердил соответствующий аппетитам монополий военный бюджет. Затем нужно создать такие государственные учреждения, которые ведали бы распределением военных заказов»²¹.

Отдельная глава в книге посвящена анализу социально-экономического и правового положения граждан. Повышение уровня жизни человека в различных странах мира — важнейшая проблема государства, его общественно-политического

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ Там же. С. 29.

¹⁷ См.: Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 36.

устройства. Ромашкин обратил внимание на процессы инфляции, рост цен на продукты первой необходимости в западных странах послевоенного периода. Особенно тяжелая социальная обстановка наблюдалась в Италии. Семьи с весьма низким и низким уровнем жизни в южных районах Италии составляли 50,2%. Итальянские крестьяне, а это 70% населения, вставали в 4–5 часов утра и отправлялись на поля, удаленные от деревни порой на 10–15 километров. Их обед состоял из двух кусков хлеба, небольшого количества сыра или лука. Некоторые кварталы Милана — это «подлинные царства нищеты». В то же время итальянские монополии последовательно увеличивали свою прибыль (с 1948 по 1955 г. она увеличилась на 439%). Быстрое обогащение монополий достигалось путем снижения жизненного уровня простых граждан. Американские монополии напоминают спрута, охватившего своими щупальцами большое количество стран и подвергающего народы этих стран разорению. Например, только за 1955 г. чистая прибыль, полученная американскими фирмами от нефти, добытой на Среднем Востоке, составила почти 2 миллиарда долларов. Американские монополии вытесняют с мировых рынков своих европейских конкурентов. «Везде, где орудут монополии США, результатом их деятельности являются нищета и разорение. Зато у магнатов Уолл-стрита оседают все новые и новые сотни миллионов долларов прибылей»²².

Ромашкин обратил большое внимание на данные, свидетельствующие о снижении показателей заработной платы, массовых случаях травматизма на производстве, безработице, низком уровне техники безопасности, отсутствии социальных мер поддержки, дискриминации в оплате женского труда, повышении налоговых выплат, высоких нормативах рабочего дня, использовании детского труда, высокой стоимости медицинского обслуживания, высокой смертности, широком распространении инфекционных и иных болезней (туберкулеза, малярии, трахомы, сифилиса и др.), плохих жилищных условиях. Крайне тяжелым было положение фермеров, крестьянства, которые были не в состоянии выдержать конкуренцию с сельскохозяйственными монополиями.

Ромашкин посчитал несоразмерным, с одной стороны, закрепление уголовной ответственности за устройство петушиных боев, а с другой — ее отсутствие за пропаганду и развязывание войны. Так, Уголовный кодекс штата Нью-Йорк угрожал тюремным заключением тем, кто «... устраивает или осуществляет бои между петухами и другими птицами, а равно между собаками, быками и другими животными или оказывает содействие устройству таких боев или присутствует при них в качестве судьи или зрителя»²³. Рассматривая проблемы реализации демократических прав и свобод в западноевропейских странах и США, он подчеркивал недостатки демократии, считая ее «раем» для богатых, но «ловушкой и обманом» для бедных. «Провозглашенный принцип равноправия людей, поскольку он опирался на экономическое неравенство, не мог быть действительным, реальным», — отмечал автор²⁴.

Закон Тафта — Хартли, официально именуемый «Закон 1947 года о регулировании трудовых отношений», существенно сократил права профсоюзов, в силу чего в США этот акт обозначали как «закон о рабском труде». Основная цель закона состояла в том, чтобы максимально ограничить права граждан на проведение забастовок. Вводилось так называемое понятие «нечестной трудовой практики», под которой понималось любое действие профсоюзов, направленное на защиту интересов рабочих. Принятый в 1935 г.

в результате длительной борьбы американцев закон Вагнера предоставлял профсоюзам право включать в коллективные договоры условие о приеме на работу исключительно членом профсоюза. Этим же законом профсоюзам предоставлялось право включать в коллективные договоры условия, согласно которым члены профсоюза пользовались правом забастовок солидарности, установления пикетов.

Закон Тафта — Хартли объявил все эти положения закона Вагнера «нечестной трудовой практикой». Любая забастовка, содержащая действия, объявленные «нечестной трудовой практикой», считалась незаконной. Данный акт объявил незаконными политические стачки; 304-я его статья запрещала профсоюзам делать денежные отчисления на политические цели. Была запрещена система так называемых «закрытых цехов», то есть приема на работу только членом профсоюзов. В этих ситуациях монополисты использовали штрейкбрехеров для срыва забастовок. В соответствии с законом для того, чтобы получить право ведения переговоров о заключении коллективного договора, профсоюзы обязаны были предоставить в министерство труда сведения о своей финансовой и организационной деятельности, а также списки всех своих должностных лиц, причем последние должны представить письменные показания под присягой о том, что они не принадлежат к коммунистической партии, а также не являются членами какой-либо организации и не поддерживают ее.

Закон Тафта — Хартли предусматривал право президента США в судебном порядке отсрочивать или приостанавливать на 80 дней уже начатую забастовку, если она, по его мнению, парализует всю отрасль промышленности или ее существенную часть. Этим правом президенты США пользовались неоднократно. Другим актом, которым пользовались для преследования коммунистической идеологии в США, был «Закон о регистрации иностранцев» (Закон Смита) от 28 июня 1940 г. По этому закону преступлением признавались убеждения человека, которые не соответствовали взглядам правящих кругов США. Ромашкин привел данные о привлечении к ответственности американских коммунистов, свидетельствовавшие о тенденциозности этих судебных процессов.

В США остерегались распространения коммунистической идеологии. Учреждалась новая, более жесткая система проверки государственных служащих, принят целый ряд законов, направленных на приостановление деятельности коммунистической партии и организаций «коммунистического действия». В числе таких законов «Акт о внутренней безопасности» 1950 г. (закон Маккарена — Вуда), по которому предусматривались как более жесткая система регистрации в министерстве юстиции организаций, отнесенных к категории коммунистических, так и широкие возможности обвинения их членов в «подрывной деятельности». За деяния по этому закону лицо могло быть приговорено к наказанию в виде штрафа в сумме до 10 тысяч долларов, тюремному заключению сроком до 10 лет или к тому и другому наказанию одновременно. По «Закону об иммиграции и гражданстве» от 27 июня 1952 г. запрещались приезд в США и принятие в американское гражданство лиц, о которых имелось «разумное основание» полагать, что их деятельность и взгляды несовместимы с интересами американской политики²⁵.

В августе 1954 г. был принят «Закон о контроле над коммунистической деятельностью» (Закон Браунелла — Батлера), фактически запрещавший Коммунистическую партию США. Ее члены были не вправе работать в федеральных учреждениях и на военных заводах, обязывались регистрироваться у генерального прокурора, за уклонение от такой

²² Там же. С. 45.²³ Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 63.²⁴ Там же.²⁵ См.: Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 68–69.

регистрации подвергались тюремному заключению сроком на 5 лет или штрафу в размере 10 тысяч долларов.

Монополисты в своих интересах использовали и преступные сообщества. Ромашкин приводит цитату из очерков об Америке М. Горького, который с большим гневом и сарказмом писал, что американский народ «одновременно и с поразительным успехом грабят не только банкиры — как везде, — но и бандиты, организованные как нигде». Американская практика давала немало примеров того, как бандиты и гангстеры нередко хозяйничают в больших городах, подчиняя себе местное самоуправление, полицию и чиновников. Неоднократно предпринимались попытки судить пойманных с полициным американских гангстеров типа Костелло, Аль Капоне и др., но обычно такие судебные процессы либо предотвращались, либо кончались весьма благополучно для представителей преступного мира.

П. С. Ромашкин справедливо обратил внимание на проблемы расовой дискриминации и сегрегации, в том числе этнической, религиозной нетерпимости. «Позорным фактом американской действительности, — пишет он, — является положение индейцев — коренного населения Соединенных Штатов Америки... Загнанные в так называемые резервации — на гористые и неплодородные земли, индейцы оказались лишенными почти всяких средств к существованию, они живут в крайней нищете, подвержены болезням и обречены на вымирание. Средняя продолжительность жизни индейца племени навахо составляет 17 лет, а 25% детей умирают в возрасте до 5 лет. 60,5% индейцев не доживают до 20-летнего возраста»²⁶. В последние годы в индейских резервациях в штатах Нью-Мексика, Аризона, в резервации бассейна Уинд-Ривер (Вайоминг), где обнаружены залежи урановой руды, других полезных ископаемых, развернули свою разрушительную деятельность корпорации, в результате чего индейцы лишились значительной части земли.

Положение афроамериканцев в тот период было крайне тяжелым, они отстранялись от политической жизни страны, в частности от участия в выборах. Несмотря на 15-ю поправку к Конституции США, запрещавшую лишать или ограничивать права граждан на участие в выборах «под предлогом расы, цвета кожи или прежнего рабского состояния», большинство афроамериканцев отстранено от голосования. Их положение тяжело и в сфере занятости и труда, на их долю достается главным образом тяжелый и малооплачиваемый труд. Непосильный труд и тяжелые условия жизни порождали распространение заболеваний, влекли за собой высокую смертность чернокожего населения. В изучаемый период в США в школах была распространена практика раздельного обучения белых и афроамериканцев, а в некоторых штатах сегрегация в области просвещения устанавливалась официально. На протяжении 1950-х–1960-х гг. был принят ряд решений Верховного суда США, направленных на достижение равноправия независимо от расовой принадлежности.

Ромашкин проанализировал комплекс мер, принятых против деятельности коммунистических партий и организаций в западноевропейских странах. При этом он рассматривал коммунистические организации как демократические, действовавшие в целях защиты прав и свобод человека. Например, в Западной Германии Коммунистическая партия была запрещена, конфисковано ее имущество. Существенно ограничивались избирательные права граждан. Значительным ограничением являлся имущественный ценз, то есть требование закона к избирателю, чтобы он располагал на правах собственности имуществом определенной стоимости. Отсутствие

такого имущества влекло отстранение от выборов во многих западных странах многих миллионов избирателей. Наряду с имущественным цензом для избирателей, существовал еще и материальный ценз для тех, кто хотел быть избранным.

Наличие возрастного ценза также не позволяло многим молодым избирателям участвовать в выборах. Например, в Англии, США, Франции, Бельгии избирательное право предоставлялось только лицам, достигшим 21 года, а в Голландии и Дании — 25 лет. Вплоть до середины XX в. во многих западных странах женщины были лишены избирательного права (в Западной Германии — с 1948 г., в Греции — с 1952, в Испании — с 1976, в Португалии — с 1974, в Швейцарии — с 1984 г. и др. Ромашкин считал, что значительным ограничением являлся и ценз оседлости, поскольку «он направлен против миллионов безработных, которые в поисках куска хлеба вынуждены странствовать с места на место и тем самым лишены избирательного права»²⁷. В некоторых государствах утверждался и ценз грамотности (например, в ряде штатов США). Кроме этого, нередко с целью устранения большого числа избирателей от выборов прибегали и к таким методам, как массовый подкуп, «скупка» голосов, запугивание избирателей, фальсификация списков избирателей и избирательных бюллетеней, широкое использование гангстеров. Эти и подобные средства окончательно превращали выборы в «злую пародию на демократию»²⁸.

Как марксист, Ромашкин разделял вывод о «разбойничьей» сущности колониальной политики. Захватывая огромные территории, западноевропейские государства превращали их в сырьевые придатки метрополии. Он считал колониальную политику «позорной». Колониальная система должна была распасться под воздействием национально-освободительной борьбы народов, самостоятельно решавших свои собственные судьбы.

Об огромных успехах национально-освободительного движения народов колоний и зависимых стран ярко свидетельствовала история, особенно в период после Второй мировой войны, когда в результате разгрома фашизма народы колониальных и зависимых стран с невиданной ранее силой и организованностью поднялись на борьбу за свою свободу. По свидетельству Ромашкина, пример 25 в прошлом колониальных и полуколониальных стран Азии и Африки, добившихся национальной независимости, вдохновил народы, все еще остававшиеся в колониальной зависимости, на самоотверженную борьбу за свою свободу.

Автор рассмотрел пример огромной заинтересованности в странах Юго-Восточной Азии, которые дают почти 100% добываемого в мире джута, 87% каучука, 60% олова, вольфрама. Природные богатства Юго-Восточной Азии привлекли особое внимание США, испытывавших острую нужду в этих стратегических материалах. Именно это обстоятельство явилось одной из важнейших причин, побудивших США навязать государствам Юго-Восточной Азии пакт СЕАТО, предоставлявший стране ряд привилегий в использовании сырьевых источников в этом регионе. Финансовые магнаты США всеми мерами стремились «не допустить независимого экономического развития стран Азии», нужных в качестве рынков сырья и сбыта. Появление же в них своей промышленности означало бы конкуренцию и ослабление возможностей безраздельного владения рынком.

В ряде стран Юго-Восточной Азии, добившихся самостоятельности, все еще господствовал иностранный капитал. Например, в экономике Индонезии иностранные монополии про-

²⁶ См.: Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 75.

²⁷ Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 85.

²⁸ Там же. С. 86.

должали занимать значительное место. Страны, оказывающие «помощь» слабым государствам, приводили к дезорганизации экономики последних, вынуждали ассигновать огромные суммы на «оборону» и военные нужды. Ромашкин подробно проанализировал ситуацию в Таиланде и Южном Вьетнаме. Так, наплыв американских и французских товаров вытеснял с рынка продукцию южновьетнамских предприятий, резко ухудшая состояние национальной экономики. Наблюдались увеличение безработицы, рост цен на товары массового потребления.

Ближний Восток — богатейший источник нефти. По данным обзора объемов мировой продукции нефти, опубликованном Лондонской газетой «Таймс» от 7 марта 1956 г., продукция нефти на Ближнем Востоке возросла по сравнению с довоенным уровнем в 10 раз, а ее доля в мировой продукции нефти — в 3,5 раза. «Уже одним этим, не говоря о стратегическом значении Ближнего и Среднего Востока, являющегося непосредственным подступом к СССР, объясняется особый интерес монополий к данному региону», — пишет Ромашкин. В недрах этого района содержалось 17 миллиардов тонн нефти, что составляло 2/3 всех разведанных нефтяных запасов в западных странах. Нефтяные скважины указанного региона во много раз продуктивнее, чем в других нефтеносных районах. Свыше 400% прибыли с каждого барреля нефти получали американские монополии на Ближнем Востоке. Выгода определялась и дешевизной рабочей силы.

Важное значение для западноевропейских стран всегда имел Египет, построенный там Суэцкий канал — крупная водная артерия для связи регионов добычи нефти с рынками сбыта. Контроль над каналом давал возможность нефтяным монополиям регулировать вывоз нефти из района Персидского залива. В июле 1956 г. Египет, осуществив свое суверенное право, национализировал компанию, владевшую Суэцким каналом, что привело к развязыванию агрессии в отношении этого государства. Пример Египта, давшего отпор колонизаторам, вдохновил народы Арабского Востока на борьбу.

«В настоящее время народы Ближнего и Среднего Востока обеспокоены агрессивными намерениями американских монополий», — писал П. С. Ромашкин в 1950-е гг. Эти намерения нашли выражение в «доктрине Даллеса — Эйзенхауэра», представлявшей собой, по сути, развернутый план расширения американских колониальных позиций, а также создания новых военных баз в этом регионе. Автор привел материалы меморандума, принятого на секретном совещании государственного секретаря Даллеса и других официальных лиц с представителями крупнейших нефтяных компаний (1956), в котором сказано, что США не признают права на национализацию любых предприятий в сфере экономических интересов американских монополий²⁹.

В поисках сверхприбылей монополии усилили экспансию в Африке, большая часть которой с ее огромными и разнообразными естественными богатствами является «раем» для иностранных монополий. Хозяйничанье иностранных монополий в Африке в то же время превратило ее в ад для африканцев, чей жизненный уровень доведен до самой низкой ступени. Ромашкин аргументировал свои выводы конкретными данными об уровне жизни, безработице, использовании принудительного труда.

Велико влияние американских монополий и в Латинской Америке. Более того, американские власти совместно с монополиями способствовали государственным переворотам в Венесуэле, Гватемале. Характерно, что «помощь» США 20 латиноамериканским странам за послевоенные десять лет составила 319 миллионов долларов, то есть менее одной двадцатой части

прибылей монополий США от их инвестиций в Латинской Америке. Такова «помощь», о которой французская пословица метко говорит: «Дарят яйцо, чтобы получить быка»³⁰.

Руководствуясь расовыми теориями, народы колоний и зависимых стран назывались «низшей расой», «неполноценными людьми», «нецивилизованными», в отношении которых неприменимы какие-либо международные соглашения о законах и обычаях войны. «Продажные реакционные правоведа такими гнусными "теориями" стремятся оправдать зверское уничтожение мирного населения, военнопленных и захваченных в плен партизан. Но история неумолимо доказывает, что зверство и насилие, как бы долго и в каких бы масштабах они ни применялись, неспособны укрепить господство империалистов»³¹.

С каждым годом национально-освободительное движение получало большее развитие. Формировались собственные «национальные силы», организационным ядром которых выступали коммунистические и рабочие партии. «Развитие национально-освободительного движения облегчается общим ослаблением империализма, от которого в 1917 г. отпала Россия, а после Второй мировой войны — Китай и ряд других стран и образовалась мировая система социализма». Несмотря на жестокий террор и политику опутывания народов разными формами финансового, экономического и военно-политического порабощения, ширится освободительная борьба народов»³². Соединенные Штаты Америки выступают теперь в роли главного оплота системы колониального угнетения. Но нет таких сил, которые могли бы сломить мощное национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран. Они преисполнены твердой решимости уничтожить до конца ненавистную колониальную систему.

«Чем больше будет продано снарядов, бомб, самолетов и тому подобной смертоносной продукции, тем больше золота окажется в сейфах толстосумов»³³. Войны рассматривались эффективным способом выхода из экономических кризисов, обеспечения полной занятости, лучшим средством «сбалансировать» производство и «потребление» танков, орудий, бомб, снарядов, а отнюдь не предметов для удовлетворения нужд населения и в целом укрепления позиций в мире.

Автор привел слова американского мыслителя Крепса: «Война является действительно тем идеалом, к которому стремится наша механизированная система индустрии. Война предьявляет массовый спрос на абсолютно стандартизированные изделия. Персональные вкусы, суждения и личные нужды не оказывают никакого влияния на обмундирование солдата и его вооружение. Больше того, народ, ведущий войну, является идеальным потребителем. Он предьявляет массовый спрос на сталь, железо и разнообразнейшие машины и на полях сражения разбивает их вдребезги. Никакой проблемы избыточных мощностей, никакой проблемы реализации»³⁴.

Монополисты в погоне за прибылями не останавливались и перед прямой национальной изменой. История знает много случаев, когда монополисты, несмотря на войну, поддерживали связи с монополиями враждебных стран, продавали противнику оружие и вовсе не испытывали угрызения совести оттого, что это оружие могло быть использовано для убийства граждан своей страны. Космополитический характер монополий, их тесные международные связи, действия межгосударственных картелей — все это стирает националь-

²⁹ См.: Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 98.

³⁰ См.: Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 105.

³¹ Там же. С. 107.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Цит. по: Ромашкин П. С. Власть монополий. С. 111.

ные рамки, делает эфемерными всякие разговоры о патриотизме и возводит в абсолют лишь одно — чистоган³⁵.

Ромашкин обратил внимание на немалую роль американско-английских монополий в вооружении гитлеровской Германии, предоставивших займы для создания мощной военной промышленности, вооружения вермахта. Автор уверенно утверждал, что гитлеровская Германия не могла бы так долго сопротивляться, если бы этому не способствовал ряд картельных соглашений между крупнейшими американскими и германскими монополиями. В ходе Второй мировой войны американские монополии через посредство так называемых нейтральных стран — Турции, Швейцарии, Испании, Швеции, Португалии — поставляли германским монополиям столь необходимые для них алюминий, магний, легированные сорта стали и т.д. По подсчетам американского инженера Амбрастера в книге «Мир предательства», более 230 крупнейших американских трестов оказывали в той или иной мере помощь гитлеровской Германии во время Второй мировой войны.

Ярким примером использования войны с целью выхода из экономического упадка являлась роль американских монополий в развязывании войны против корейского народа. «Магнаты военной промышленности, те, кто заправляет политикой в США, сразу почувствовали, что война в Корее может им превращать человеческую кровь в доллары, создаст им необходимую конъюнктуру сбыта военной продукции. Генеральный штаб американских монополий — Национальная ассоциация промышленников с восторгом приветствовала развязанную войну в Корее, видя в этом "предприятии" новый колоссальный источник наживы. Ни в одной другой войне американские монополии не получали таких прибылей, как в развязанной ими войне в Корее»³⁶. В связи с этим они всячески препятствовали прекращению войны. Когда перемирие стало все-таки фактом, американские монополии рассматривали его лишь как перерыв в военных действиях, а не как отправной пункт полного мирного урегулирования в Корее. «По поводу прекращения войны в Корее во многих городах США били в колокола. Это было проявлением радости трудящихся США, для которых война означала утрату близких людей и максимально высокие налоги»³⁷. По-своему «били в колокола» и американские монополии, терявшие прибыль с утратой военных заказов. Во Второй мировой войне прибыль американских монополий составила 55,2 миллиарда долларов, что на 35,7 миллиарда больше, чем за 6 довоенных лет.

Монополии всячески стремились к обострению международного положения, ибо в условиях международного напряжения им было удобнее проводить свою излюбленную политику гонки вооружений. Искусственно создаваемое международное напряжение предоставляло магнатам определенные возможности для проведения соответствующей внутренней политики, поскольку это лучшее условие для гонки вооружений, обеспечивающей огромные прибыли.

Ромашкин считал, что астрономический военный бюджет, предусматривавший затраты в виде десятков миллиардов долларов на производство вооружений, военных материалов, на содержание вооруженных сил, выгоден кучке монополий, а не широким кругам народа, с которого при помощи налогов взыскивают все расходы на подготовку войны. «Следует ли после этого удивляться, что монополии делают все, чтобы обострить международную обстановку, создать очаги военной опасности, накалить атмосферу и на этой основе требовать увеличения военных бюджетов, которые,

подобно мощному насосу, перекачивают деньги из казны в кассы монополий». И правительства, выполняя роль агента, увеличивают из года в год военные бюджеты, а, следовательно, способствуют увеличению сверхприбылей монополий³⁸.

По свидетельству Ромашкина, государства за широкой ширмой разговоров о разоружении в действительности усиливали гонку вооружений, особенно атомного и водородного, размещали на иностранных территориях свои военные базы, особенно на подступах к Советскому Союзу и к другим социалистическим странам, для того чтобы «в удобный момент развязать новую мировую войну в угоду миллионерам и миллиардерам»³⁹.

Таким образом были учреждены Западный союз и Североатлантический блок, создание которых приводило к усилению международного напряжения, росту опасности войны. Ромашкин называл НАТО «орудием монополистического капитала на Западе», а в Азии таковым являлся СЕАТО. Реализуя «доктрину Даллеса-Эйзенхауэра», западные страны стали на путь усиления подготовки войны против Сирии, используя для этого агрессивные круги Турции. Этот заговор агрессоров создал угрозу не только свободе и независимости Сирии, не только миру и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке, но и всеобщему миру.

Перед Второй мировой войной на долю социалистических стран приходилось 17% территории земного шара, около 9% населения и 7% мировой промышленной продукции. С образованием после войны мировой системы социализма на ее долю уже приходилось свыше 25% территории, более 35% населения земного шара и около 30% промышленной продукции. Социализм воспринят на территории свыше 35 миллионов квадратных километров с населением около миллиарда человек⁴⁰. С победой революционных идей и особенно после Второй мировой войны началась эпоха распада, крушения колониальной системы. За короткое время рухнул колониализм в большей части Азии и в значительной части Африки.

П. С. Ромашкин подчеркивал, что политика Советского государства ориентировалась на достижение мира и дружбы между народами, мирного сосуществования государств с различными общественными укладами, международного сотрудничества. Новый этап миротворческой политики нашего государства Ромашкин связывал с революционными событиями, завершившимися «победным шествием» советской власти, нанесшей первый мощный удар по системе государственного монополизма западных держав. Власти советов удалось повлиять на преодоление их монополистической политики как «единой всеобъемлющей мировой системы» на одной шестой части земного шара. В огромной стране мира образовалось государство, основой которого стала общественная собственность на орудия и средства производства⁴¹. Величайшим историческим событием Ромашкин считал победу народной революции в Китае.

Монополисты, обладая определенной политической властью, обретают широкие возможности диктовать свою волю, устанавливать господство на рынке. Ромашкин освещал опасность монополизма в условиях доминирования в стратегических сферах жизнеобеспечения, национальной и мировой безопасности. В соответствии с общепринятыми законами рыночной экономики монополизм преодолевается главным образом посредством конкуренции. Монополистическое же поведение того или иного государства, стремящегося в силу своей «исключительности» или по другим

³⁵ Там же. С. 112.

³⁶ См.: Ромашкин П.С. Власть монополий. С. 115.

³⁷ Там же. С. 119.

³⁸ Там же. С. 119, 121.

³⁹ Там же. С. 123.

⁴⁰ Там же. С. 130.

⁴¹ См.: Ромашкин П. С. Амнистия и помилование в СССР. М., 1959. С. 130.

причинам к господству, может быть приостановлено путем укрепления и развития многополярного мира как необходимой основы подлинного баланса сил.

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ, ПОМИЛОВАТЬ

Одной из последних крупных работ П. С. Ромашкина стала книга «Амнистия и помилование в СССР» (М., 1959). Выбранная тема, безусловно, открывает нам прежде всего гуманизм самого Петра Семеновича, твердо убежденного в перспективах формирования подлинного народовластия, равноправия, улучшения юридического положения крестьян и рабочих. В своих работах он часто применял термин «демократия» в исконном значении «народовластия», которое не отождествлял с западной ее моделью, по-настоящему к демократическим относя рабочие и коммунистические партии.

Большое значение Ромашкин уделил историко-правовому развитию институтов амнистии и помилования, подробно проанализировал зарубежный опыт их применения, выявив как его достоинства, так и недостатки. В западноевропейских государствах амнистия, сформировавшись в качестве самостоятельного института, представлялась политическим актом, даруемым всему обществу, а помилование — актом милосердия в отношении отдельной личности⁴².

Право амнистии принадлежало законодательным органам, а помилования — исполнительной власти. Ромашкин сопоставил опыт Франции, Англии, США, Финляндии, Нидерландов. Критически оценивая опыт применения амнистии на Западе, он посчитал ее в их варианте не актом милосердия, а «вынужденной мерой», «уступкой», когда во многих случаях лица, осужденные за политические преступления, фактически оказывались вне амнистии. Он акцентировал внимание на том, что там амнистия и помилование не применялись к осужденным прогрессивным деятелям, являвшимся «подлинными борцами за мир, демократию и социализм», а использовались в отношении военных преступников, совершивших тяжчайшие преступления против человечества. Уже в ходе Нюрнбергского процесса американско-английские круги пытались выгородить главных военных преступников, а как только закончился этот процесс и исчезла необходимость сидеть за судебным столом «вместе с русскими», открыто отказались продолжать сотрудничество с Советским Союзом в деле наказания военных преступников. «В результате большинство военных преступников, проливших кровь сотен тысяч невинных людей, были совершенно освобождены от ответственности, а те немногие из них, которые были осуждены, подверглись лишь ничтожным наказаниям, а затем были помилованы и избавлены от всякого наказания»⁴³. Отказывали в амнистии борцам за свободу и независимость колониальных народов.

Автором в хронологическом порядке приведены общесоюзное законодательство и законодательство союзных республик по вопросам амнистии и помилования за 40 лет советской власти, а также акты об амнистии, принятые отдельными автономными республиками. Проанализированы наиболее важные инструкции и постановления Пленума Верховного Суда СССР, разъяснявшие порядок применения актов об амнистии. Впервые им опубликованы акты об амнистии, принятые в Армянской ССР (перевод А. Н. Тер-Григоряна). Ромашкин на широком круге источников всесторонне исследовал институты амнистии и помилования, рассмотрел их юридическую природу, порядок издания актов о них, раз-

личия, порядок полного и частичного освобождения от наказания, пределы действия, применение к длящимся и продолжаемым преступлениям, зарубежный опыт, освобождение от административных взысканий, уголовного преследования и правовых последствий осуждения. Он пришел к выводу о том, что амнистия в СССР проводилась, как правило, в связи со знаменательными для государства событиями, в честь выдающихся побед и достижений.

В первые годы советской власти акты об амнистии издавались часто. С введением Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и уголовных кодексов других союзных республик был разработан порядок условно-досрочного освобождения. Акты об амнистии стали выходить реже. Характерно, что союзные республики в 1936–1937 гг. прекратили их издание, ограничившись лишь принятием актов о помиловании по конкретным делам, хотя нормы об амнистии не подвергались никаким изменениям. В основе издаваемых актов об амнистии и помиловании лежит, по мнению Ромашкина, «народный характер советской власти», стоящей на страже интересов граждан и проводящей в своей политике принципы гуманизма. Они исходили из необходимости облегчения в первую очередь участи лиц, совершивших те или иные преступления, не представлявшие особой опасности, доказавших своим добросовестным трудом и примерным поведением, что они встали на путь исправления⁴⁴.

Наказание сочетало в себе принуждение и воспитание, преследуя исключительно гуманные цели — защиту интересов государства и его граждан. Ромашкин прямо указывал на то, что хотя наказание объективно и заключало в себе лишение преступника какого-либо блага (свободы, прав, имущества и др.), оно не преследовало цели возмездия и не должно было причинять излишних страданий. Ст. 20 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. определяет, что наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства⁴⁵. Автор оценивал такие виды наказаний, как смертная казнь путем отравления газом, пожизненная каторга, содержание в концентрационных лагерях, стерилизация и кастрация, крайне жестокими и даже изуверскими видами наказаний, не присущими Советскому государству.

Ромашкин изучил мотивировки актов амнистии, в том числе в целях облегчения положения людей, совершивших преступления впервые, по неосознанности, из-за нужды или случайно. Лица, осужденные или преследуемые за особо опасные и тяжкие преступления, амнистии, как правило, не подлежали. Во всех актах об амнистии, изданных высшими органами государственной власти союзных республик и Союза ССР, проявляется исключительная забота о трудящихся⁴⁶. Политическая оценка природы амнистий была дана в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии». «В результате упрочения советского общественного и государственного строя, повышения благосостояния и культурного уровня населения, роста сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга, — говорится в Указе, — укрепились законность и социалистический правопорядок, а также значительно сократилась преступность в стране»⁴⁷.

По убеждению Ромашкина, ярким выражением гуманизма советской власти являлось принципиально отрицательное отношение к смертной казни, рассматриваемой как вынуж-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Ромашкин П. С. Амнистия и помилование. С. 4.

⁴⁶ Там же. С. 5.

⁴⁷ Цит. по: Ромашкин П. С. Амнистия и помилование. С. 10.

⁴² См.: Ромашкин П. С. Амнистия и помилование. М., 1959. С. 44–45.

⁴³ Там же.

денная, временная, исключительная мера наказания, вызванная определенными историческими условиями. На второй же день после установления советской власти декретом II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. было объявлено об отмене смертной казни. Только ожесточенное сопротивление буржуазии и ее агентов, применявших в борьбе с советской властью самые крайние меры, вынудило государство прибегнуть к применению смертной казни за тяжчайшие преступления, совершенные классовыми врагами и другими преступниками. Но как только обстановка изменилась, Советское государство вновь отказалось от применения смертной казни. 17 января 1920 г. было принято По-

становление ВЦИК и СНК СССР «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)»⁴⁸. Им приведен ряд актов об амнистии, в которых прямо указывалось на замену смертной казни другими видами наказания. Он отмечал, что произошел коренной пересмотр характера наказания в пользу условного осуждения, общественного порицания, лишение свободы заменялось обязательным трудом с сохранением свободы, а тюремное заключение — воспитательными учреждениями. Вводились товарищеские суды⁴⁹.

⁴⁸ Там же. С. 12.

⁴⁹ Там же. С. 15.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ромашкин П. С. Амнистия и помилование в СССР. М.: Госюриздат, 1959. 364 с.
2. Ромашкин П. С. Избирательные системы стран мира: справочник. М.: Госполитиздат, 1961. 336 с.
3. Ромашкин П. С. Власть монополий. М.: Политиздат, 1958. 276 с.
4. Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М.: Наука, 1967. 357 с.
5. Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века. М.: Просвещение, 1999.
6. Сушкова Ю. Н. Петр Семенович Ромашкин — большой человек. М.: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 320 с.

REFERENCES:

1. Romashkin P. S. Amnesty and pardon in the USSR. Moscow: Gosyurizdat, 1959. 364 p.
2. Romashkin P. S. Electoral systems of the countries of the world: handbook. M.: Gospolitizdat, 1961. 336 p.
3. Romashkin P. S. The power of monopolies. M.: Politizdat, 1958. 276 p.
4. Romashkin P. S. Crimes against peace and humanity. Moscow: Nauka, 1967. 357 p.
5. Sakharov A. N., Buganov V. I. The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century. Moscow: Enlightenment, 1999.
6. Sushkova Yu. N. Pyotr Semenovich Romashkin — a big man. Moscow: Publishing House of Mordovians. un-ta, 2017. 320 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 76,84%.

Рецензент: Мокшина Е. Н., докт. истор. наук, доцент, профессор кафедры истории России МГУ им. Н.П. Огарева

Статья поступила в редакцию 11.05.2022, принята к публикации 01.06.2022

The article was received on 11.05.2022, accepted for publication 01.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сушкова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой международного и европейского права, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0003-4388-0610>, E-mail: yulenkam@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Iuliia N. Sushkova, Dr. Sci. (Hist.), Associate professor, Chair of the International and European Law Department, Dean of the Law Faculty of the National Research Mordovian State University, Saransk, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0003-4388-0610>, E-mail: yulenkam@mail.ru

5.6.6.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-95-103

История научного обоснования концепции «телемедицины»: вклад исследовательской группы профессора К. Т. Берда

©Антон Вячеславович Владзимирский

ГБУЗ г. Москвы «Научно-практический клинический центр диагностики
и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения города Москвы»,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: a.vladzimirsky@npcmr.ru

Аннотация. Научно-практическое развитие проблематики использования средств электросвязи в медицинских целях охватывает период со второй половины XIX в. до наших дней. По мере развития технологий эволюционировали способы, методики их применения в медицине. После десятилетий эволюции научных знаний, в 1970-х гг. появились концепция и термин «телемедицина». Задача статьи: реконструировать историю научного обоснования концепции и термина «телемедицина» и изучить деятельность научного объединения, сыгравшего ключевую роль в этом процессе. В 1968-1976 гг. в Массачусетской общей больнице (США) функционировала научная группа профессора Кеннета Берда, осуществившая два научных проекта по созданию «телемедицинской сети». Группой проведены последовательные исследования, результатом которых стало обоснование концепции «телемедицины» как дистанционного оказания медицинской помощи с применением технологий электросвязи; в научный оборот введен соответствующий термин. Обоснована необходимость комплексного подхода: «телемедицина» воспринимается как совокупность электрических коммуникаций, диагностических приборов, методик трансляции и интерпретации медицинских данных. Научной группой впервые проведена оценка точности дистанционных диагностических решений, принимаемых при использовании двухсторонней телевизионной связи. Сформирован дизайн научного исследования, ставший классическим.

Ключевые слова: телемедицина, история электросвязи, видеоконференцсвязь, Кеннет Берд.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Владзимирский А. В. История научного обоснования концепции «телемедицины»: вклад исследовательской группы профессора К.Т. Берда // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 95-103. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-95-103

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-95-103

History of the Scientific Rationale of the «Telemedicine» Concept: Professor K.T. Bird's Research Group Contribution

©Anton V. Vladzimirsky

Research and Practical Clinical Center for Diagnostics and Telemedicine Technologies
of the Moscow Health Care Department, Moscow, Russian Federation
e-mail: a.vladzimirsky@npcmr.ru

Abstract. Scientific development of the problems of using telecommunications for medical purposes covers the period from the second half of the 19th century to the present day. The progress of technical and methodological aspects proceeded in parallel. After decades of scientific knowledge's evolution, in the 1970s the concept and the term «telemedicine» appeared. The purpose of the article is to reconstruct the history of the scientific rationale of the «telemedicine» concept and term, also as to study the activities of the scientific group that played a key role in this process. In 1968-1976 at the Massachusetts General Hospital (USA), a scientific group of Professor Kenneth Bird functioned; they carried out two scientific projects to create a «telemedicine network». The group made consistent research, which resulted in the substantiation the «telemedicine» as the distant medical care using telecommunication technologies; the corresponding term was introduced into scientific circulation. The necessity of an integrated approach is substantiated. «Telemedicine» is perceived as a set of electrical communications, diagnostic devices, and methods of translation and interpretation of medical data. The scientific group for the first time evaluated the accuracy of distant diagnostic decisions made using two-way television communication. The special design for this scientific study created. Now, it become a classic.

Key words: telemedicine, telecommunication history, videoconferencing, Kenneth Bird.

FOR CITATION: Vladzimirskyy A. V. History of the Scientific Rationale of the «Telemedicine» Concept: Professor K.T. Bird's Research Group Contribution // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 95-103. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-95-103

В настоящее время слово «телемедицина» четко ассоциируется с наиболее передовыми технологиями современного здравоохранения, цифровой трансформацией, активным использованием информационных технологий. «Телемедицина» подразумевает использование средств электросвязи (телекоммуникаций) для дистанционного оказания некоторых медицинских услуг — дистанционного консультирования, мониторинга и т.д.

Однако, не взирая на сложившийся стереотип, телемедицинские технологии отнюдь не являются чем-то принципиально новым, инновационным. Научно-практическое развитие проблематики использования телекоммуникаций в медицинских целях охватывает период со второй половины XIX в. до наших дней. Необходимо пояснить, что извечной проблемой доступности медицинской помощи было географическое расстояние между врачом и пациентом. Иногда оно может измеряться сотнями метров, а иногда — тысячами километров; в любом случае, его значимость определяется сложностью преодоления в нужное время. Как только в распоряжении человечества появились надежные средства электросвязи для обмена сообщениями, а чуть позже и голосового общения — их сразу же начали использовать для решения вопросов, связанных со здоровьем. По мере развития технологий эволюционировали и способы, методики их применения в медицине. Научно-техническое развитие применения электросвязи шло несколькими параллельными путями, подробнее этот вопрос освещен в других наших исследованиях (как уже опубликованных, так и подготавливаемых к печати) [Владимирский, 2019: 1]. Совместная эволюция технологий электросвязи и методик их применения привела к появлению в 1970-х гг. концепции и термина «телемедицина» (от греч. «tele» — далеко, лат. «medeor» — лечить) [Юсупов, 1998: 8].

Как следует из сказанного выше, фактическое применение средств электросвязи в клинической практике длилось со второй половины XIX в., а появление соответствующего термина произошло лишь спустя ряд десятилетий. Это свидетельствует о длительной эволюции научных знаний, точнее формировании их системы. В этих процессах принимали участие многочисленные ученые и научные коллективы по всему миру. Для эволюции «телемедицины» характерно историческое взаимодействие науки и техники. Это взаимодействие рассматривается как важнейшее направление и предмет исследований историков и методологов [Гаспарян, 2002: 4].

Парадокс, но первым документальным эпизодом появления слова «телемедицина» стала публицистическая заметка в номере газеты «Greeley Daily Tribune» (г. Грили,

штат Колорадо, США) от 16 ноября 1970 г. На странице 47 размещена рубрика ретроспективных статей и писем в редакцию, в которой приведено письмо некоего Geo W. Gale под названием «Wants Plane To Change Weather Here», датированное 29 декабря 1927 года. В целом, это письмо содержит сомнительные рассуждения по поводу метеорологических изменений из-за полетов самолетов. Однако, в предпоследнем абзаце, автор письма в редакцию неожиданно сообщает: «Если у нас есть телефотография, то почему у нас не может быть телемедицины, то есть вы можете подойти к радиоприбору, опустить в него доллар, взять специальный микрофон и поместить его на ту анатомическую область, которая болит?»¹. Идентифицировать личность автора письма не представляется возможным; впрочем, это не имеет особого смысла, так как появление слова «телемедицина» явно носит случайный характер.

Спустя несколько десятилетий, когда средства электросвязи начали использоваться в медицине все более часто и регулярно, выражение «телемедицина» снова появилось в публицистических материалах научного характера. В 1969 г. в газете «The Los-Angeles Times» опубликовано информационное сообщение — отчет о всемирной конференции, посвященной головному мозгу. Заметка включает такое определение: ««телемедицина» — дистанционное обследование, при котором врач в одном городе может точно выполнить тесты и даже сложные хирургические пробы на пациенте в другом городе»². В апреле 1970 г. в газете «Clarion Ledger Sun» опубликована статья о биотелеметрии электроэнцефалографии, выполненной доктором Дональдом Беннеттом (Donald Bennett) и биофизиком Ридом Гарднером (Reed M. Gardner). Здесь снова используется слово «телемедицина» в значении дистанционного компьютерного анализа биомедицинских данных³. Интересно, что указанные ученые опубликовали в рецензируемых журналах несколько научных статей о своих исследованиях в указанной сфере, однако, слово «телемедицина» в них не использовали.

В научный оборот термин «телемедицина» был введен научной группой профессора Кеннета Тимоти Берда в 1971 г. [Bird, 1971: 16; Park, 1974: 26]. Впрочем, нельзя не отметить, что вначале эти авторы тоже использовали

¹ Wants Plane to Change Weather here // Greeley Daily Tribune. 16.11.1970. — P. 47.

² World Meeting of Brain Specialists Set // The Los-Angeles Times. 09.09.1969. Part II. P. 5.

³ «Telemedicine» dial a diagnosis // Clarion Ledger Sun. 12.04.1970. P. 17–18.

данное слово только в публицистических материалах — заметках в газетах от ноября 1970 г.

Что же послужило причиной трансформации публицистического «новояза» в научный термин, принятый глобальным профессиональным сообществом? Ответ может быть таким. В 60–70-х гг. XX столетия различные средства электросвязи стали широко использоваться для решения различных медицинских задач. Если в предыдущие десятилетия их применение, за редкими исключениями, носило экспериментальный, дискретный характер, то в указанный период явной стала тенденция научно-практического формирования и регулярного, масштабного использования новых инструментов: телемостов, дистанционной передачи данных, биотелеметрии и т.д. Научное медицинское и инженерное сообщество подошло к осознанию появления новой сущности — дистанционной медицинской помощи посредством технологий электросвязи.

ЗАДАЧА СТАТЬИ

Задача статьи: реконструировать историю научного обоснования концепции и термина «телемедицина» и изучить деятельность научного объединения, сыгравшего ключевую роль в этом процессе.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография по теме исследования развита односторонне. Факт деятельности научной группы К.Т. Берда широко известен в профессиональной среде. Поэтому в ряде публикаций повторяются основные этапы деятельности группы, связанные с созданием телемедицинской сети [Cipolat, 2003: 18; Garshnek, 1999: 20; Whitten, 2006: 30]. Обычно констатируется факт создания телемедицинской сети, ее технические особенности, некоторые медицинские аспекты. Однако, эволюция и значение именно научной деятельности группы, приведшей к обоснованию концепции «телемедицины», в цитируемых работах не раскрыто вовсе.

Наиболее полным историографическим источником можно считать монографию R.L. Bashshur et al [Bashshur, 2009: 15], в которой систематизированы аспекты развития «телемедицины» в Северной Америке; предложена периодизация этого исторического процесса, отмечены некоторые основные тенденции. Вместе с тем, в части освещения деятельности группы К.Т. Берда, эта работа носит фактологический характер. Основное внимание в ней уделяется организационным и клиническим аспектам деятельности; автор не брезгает «историческим анекдотом». Научная деятельность группы проанализирована дискретно: приведена библиография и экстракт из нескольких, по мнению автора, наиболее значимых работ (причем принципы выбора этих работ не представлены). Кроме того, R.L. Bashshur в библиографии научных статей заявляет 2 неопубликованные рукописи К.Т. Берда («Interactive Television: A New Modality», датируемая 1972 г.; «Veterans Administrations Telemedicine — A New Health Information Exchange System», датируемая 1973 г.). Однако, автор монографии должного ввода в научный оборот этих интереснейших материалов не проводит. Неопубликованные рукописи остаются недоступными для изучения. В целом, в монографии отсутствует анализ эволюции научных исследований группы К.Т. Берда, не выявлено влияние результатов исследований на общее развитие проблематики применения электросвязи в медицине.

Определенный интерес представляют статьи биографического характера и мемуары, хотя они не позволяют восстановить целостную картину событий, этапов научной работы. В целом, отсутствуют исследования процесса формирования научной концепции «телемедицины» группой К.Т. Берда.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Источниковая база исследования представлена совокупностью опубликованных и неопубликованных документов, а именно — научных трудов, отчетов о научно-исследовательских работах, архивных, публицистических, биографических материалов, фотоматериалов.

НАУЧНАЯ ГРУППА ПРОФЕССОРА КЕННЕТА ТИМОТИ БЕРДА (KENNETH TIMOTHY BIRD)

Данный научный коллектив вел свою деятельность на базе Массачусетской общей больницы (г. Бостон, штат Массачусетс, США) в период второй половины 60-х–70-х гг. XX столетия. Своим появлением он обязан доктору Кеннету Тимоти Берду (Kenneth Timothy Bird) (1918–1991), выпускнику, а в дальнейшем ассоциированному клиническому профессору Гарвардского Университета, штатному сотруднику указанной выше больницы.

Заинтересованность К.Т. Берда в применении средств электросвязи для решения медицинских задач первоначально имела сугубо прикладной, говоря откровенно — ненаучный характер. Будучи штатным сотрудником Массачусетской общей больницы, К.Т. Берд возглавлял медицинский пункт в аэропорту Логан, фактически являющийся филиалом больницы. По воспоминаниям современников⁴, доктор Берд ежедневно был вынужден курсировать между основным зданием больницы и медицинским пунктом в аэропорту, затрачивая на дорогу по 2–3 часа в каждую сторону. На постоянной основе в медпункте работали медицинские сестры, а врач должен был регулярно приезжать на несколько часов. При этом, в большинстве случаев, средний медицинский персонал полностью справлялся с оказанием медицинской помощи, фактически обходясь без участия докторов. «Неудобная» личная ситуация вынудила Кеннета Берда к поиску решения: в середине 1960х гг. он предложил руководству Массачусетской общей больницы организовать закрытую телевизионную сеть между основным зданием и медицинским пунктом в аэропорту.

Закрытые системы кабельного телевидения уже применялись в штате Массачусетс в учреждениях, связанных со здравоохранением, и ранее. В частности, в 1963 г. в Массачусетской специальной школе для детей-инвалидов была установлена такая система, имевшая двойное назначение: с ее помощью оказывались «дополнительные образовательные, тренировочные услуги и трудовая реабилитация», а также — проводились мероприятия для развития профессиональных компетенций медицинского и вспомогательного персонала⁵.

Идея пробного пилотного проекта была поддержана директором больницы Джоном Ноулзом (John Knowles); в 1966 г. Берд обратился в Службу общественного здоровья США, где ему предложили подать заявку на грант [Park, 1974: 26]. Финансиро-

⁴ The Godfathers of Telemedicine. 2015. <http://www.telemedmag.com/article/the-godfathers-of-telemedicine>.

⁵ Massachusetts State Archive. KFM2425. A213. 13976. 1963 Chap. 0720. An Act Providing for the Installation of Closed-Circuit Television System at the Massachusetts Hospital School in Canton.

вание работ было обеспечено за счет гранта, предоставленного Департаментом здоровья, образования и благосостояния Службы общественного здоровья США [Bird, 1971: 16].

Была сформирована инициативная группа из числа сотрудников Массачусетской общей больницы, в которую вошли сам доктор Берд, физик Скотт Андриус (Scott Andrus), инженер Стэнли Крайнин (Stanley Krainin), врачи Милтон Клиффорд (Milton Clifford), Джек Дрейфус (Jack Dreyfuss), Фароок Джаффер (Фарук Джаффер), Чарльз Хантер (Charles Hunter), Реймонд Мерфи (Raymond Murphy), представителей среднего медицинского персонала. В научную группу был включен социолог для изучения приемлемости для пациента дистанционной диагностики, помощи в оценке эффективности коммуникации, контроле соблюдения профессиональной этики при обмене информацией. Также был создан Экспертный совет для реализации проекта, куда вошли как медицинские, так и технические специалисты, представители руководства больницы, органов исполнительной власти в сфере здравоохранения, Комитета по телевидению [Park, 1974: 26].

Изначально К.Т. Берд настаивал на организации беспроводной (микроволновой) передачи данных во избежание технических сложностей и экономических затрат на прокладку кабельных сетей. Длительное время занял поиск подходящей частоты, с учетом требования действующего законодательства [Park, 1974: 26]. Наконец, в 1968 г. технически реализована двусторонняя закрытая кабельная телевизионная сеть, объединившая основное здание Массачусетской общей больницы и медицинский пункт в аэропорту Логан. Первая дистанционная консультация состоялась 8 апреля 1968 г. [Bird, 1971: 16].

С технической точки зрения дистанционное взаимодействие осуществлялось в режиме телемоста, то есть, если использовать современную терминологию, интерактивной видеоконференции. На первых порах телевизионная картинка была черно-белой. Лишь спустя некоторое время оборудование было заменено и стали применяться полноцветные технологии передачи изображений. Примечательно, что сам К.Т. Берд долгое время предпочитал использовать устаревшую аппаратуру для «черно-белых» телемостов, говоря, что «плохая цветопередача может негативно сказаться на диагностике» [Bird, 1971: 16].

Очень быстро дистанционные консультации стали регулярными. В медпункте аэропорта постоянно находились дежурные медицинские сестры. При обращении пациента, требовавшего врачебного осмотра, проводился телемост с врачом из Массачусетской общей больницы. Первоначально методику дистанционного взаимодействия посредством закрытой кабельной телевизионной сети называют «теледиагностикой» (англ. «tele-diagnosis»)⁶.

В 1969 г. организован второй, ставший уже научным, проект «Телеконсультирование: новая система обмена медицинской информацией» (англ. «Teleconsultation: A New Health Information Exchange System»). Его руководителем был К.Т. Берд, содиректором Милтон Клиффорд, координатором — врач-психиатр Томас Дуаер (Thomas Dwyer). Отметим, что инициатором проекта и заявки на грант были именно Милтон Клиффорд, который работал как в Массачусетской общей больнице, так и в Больнице для ветеранов в г. Бедфорд; именно эти учреждения и были «связаны» новой телемедицинской сетью.

Финансирование было обеспечено грантом Администрации по делам ветеранов (один из органов исполнительной

власти США; номера соответствующих грантов: EMI-69-001-01, EMI-69-001-02, EMI-70-001-03).

Теперь деятельность группы К.Т. Берда становится более системной, имеет явный научный характер. Основной научной целью проекта было определение возможностей улучшения профессиональных (врачебных) консультаций посредством двусторонней электронной связи (обмен аудиовизуальной медицинской информацией между удаленными друг от друга лицами в реальном времени). Задачи исследования включали создание инфраструктуры и нужных ресурсов (в том числе, методик), научную оценку целесообразности дистанционного взаимодействия, выявление факторов, положительно влияющих на такой вид профессионального общения.

Собственно, выполнение проекта началось в 1970 г. С точки зрения инфраструктуры в рамках проекта развернута закрытая беспроводная телевизионная сеть между Массачусетской общей больницей и Больницей для ветеранов в г. Бедфорд (штат Массачусетс). Физическое расстояние между объектами составляло около 40 км (25 миль). Технически обеспечена возможность черно-белой видеоконференцсвязи; отправки аускультативных данных (результатов выслушивания дыхания и работы сердца) по специальному каналу; записи процессов дистанционного взаимодействия на видеокассету для образовательных целей и контроля качества. Последний аспект очень важно подчеркнуть. По сути, именно К.Т. Берд впервые сформулировал необходимость осуществления контроля безопасности и качества дистанционного взаимодействия, что остается крайне актуальным и по сей день.

Важной технической особенностью стала возможность дистанционного управления телекамерой, что позволяло консультанту самостоятельно выбирать ракурс и приближение при удаленной работе с пациентом. В каждом учреждении было выделено отдельное помещение для дистанционных консультаций, оборудованное телевизионной аппаратурой и телеэкранами. В Больнице для ветеранов было установлено 2 камеры, позволявших консультантам в Массачусетской общей больнице видеть пациента с разных ракурсов; это расширяло диагностические возможности. Непосредственное управление оборудованием и процессом дистанционного консультирования в каждом учреждении осуществляли специально назначенные координаторы; подчеркнем, что эти сотрудники были медицинскими сестрами. Примечательно, что используемая аппаратура не была специально адаптирована для условий медицинских учреждений. То есть это были стандартные телекамеры, экраны, вспомогательные устройства и т.д. Медицинские сестры-координаторы были вынуждены освоить, фактически, вторую специальность — оператор телевизионной камеры.

17 марта 1970 г. проведена первая дистанционная консультация между Бостоном и Бедфордом в режиме интерактивной видеоконференции. Затем несколько месяцев шли технические работы и тестовые проверки, регулярное проведение дистанционных консультаций началось в июне этого же года.

Основным клиническим направлением проекта была психиатрия, то есть дистанционные консультации пациентов, страдавших различными нарушениями ментального здоровья, а также нарушениями речевой функции, алкоголизмом и наркоманией. Именно интерактивная двусторонняя телевизионная связь (даже в виде черно-белого телемоста) наилучшим образом соответствовала целям и задачам данного клинического направления. Больница в г. Бедфорде специализировалась именно на психиатрической помощи. Но, очевидно, что у соответствующих пациентов могут развиваться и иные болезни. Дистанционные консультации по таким, сопутствующим заболева-

⁶ Distant diagnosis on television is displayed publicly in Boston // The New York Times. 09.07.1968. P. 78.

ниями стали составляющей исследований К.Т. Берда. Таким дополнительным клиническим направлением была, прежде всего, дерматология. Очевидно, что диагностика кожных болезней по черно-белому изображению невозможна, поэтому в процессе телемоста медицинский работник, находившийся непосредственно возле пациента, описывал цветовую гамму места болезни вслух. «Теледерматологические» консультации проводились в рамках проекта еженедельно. Несмотря на энтузиазм, К.Т. Берд все же указывает на необходимость использования полноцветной телевизионной связи в дальнейшем. Отдельные дистанционные консультации проводились в экстренных ситуациях (инфаркт миокарда, судорожный приступ).

В 1970-м гг. научная группа публикует первую статью о потенциальной возможности дистанционной беспроводной передачи результатов рентгенографии посредством телевизионной связи. Речь идет не только и не столько о технических аспектах, сколько об оценке диагностической точности — исследователи сравнивают точность врачебных решений при непосредственном и дистанционном анализе результатов рентгенографии. Выявлены определенные расхождения, объяснимые более «человеческим фактором», нежели техническими ограничениями. Утверждается приемлемость методики для практического применения [Murphy, 1970: 23]. Отметим, что описываемая трансляция предполагала размещение рентген-снимка (пленки) на негатоскопе и съемку соответствующего изображения телекамерой. Надо отметить, что такой способ дистанционного консультирования результатов лучевых исследований практиковался несколько десятилетий, вплоть до появления современной цифровой диагностической аппаратуры.

Вдохновленный первыми успехами К.Т. Берд осенью 1970 г. формулирует идею «национальной телевизионной медицинской сети», направленной на устранение проблемы дефицита кадров и повышение доступности медицинской помощи. Предлагалось создать «национальную закрытую сеть телевизионных станций... с экспертами в медицинских школах и клинических больницах». План реализации включал такие основные этапы⁷:

1. Создание федерального агентства по проблемам «телемедицины».
2. Размещение минимум одной закрытой системы телевизионной связи в каждом штате (50 систем по цене 200 тысяч долларов и с годовыми затратами на обслуживание в 10 тысяч долларов).
3. Постепенное увеличение количества систем до 50 в каждом штате (всего 2500 в стране).
4. Обязательное подключение к сети всех образовательных медицинских учреждений.

Отметим, что в этот момент слово «телемедицина» все еще используется в публицистических материалах.

Не взирая на значительную роль профессиональных сообществ в развитии медицинской науки и практике [Sinelnikova, 2001: 27], североамериканские врачебные ассоциации такое революционное предложение К.Т. Берда проигнорировали.

Между тем, в период с 1 июля 1970 г. по 30 апреля 1971 г. проведено свыше 700 «телеконсультаций» и 68 «телеобходов»; соответствующие телемосты между Бостоном и Бедфордом проводились фактически ежедневно (средняя длительность — 4 часа). Также в рамках проекта прово-

дились клинико-патологические конференции, образовательные семинары и разборы случаев с целью контроля качества [Bird, 1971: 16]. К июлю 1973 г. общее количество дистанционных мероприятий составило 2641, консультации были проведены для 5350 клинических ситуаций (включая одиночных пациентов, группы пациентов, повторные обсуждения) [Park, 1974: 26].

Такая деятельность создала основу для научного анализа, так как позволила накопить обширные первичные данные о применении конкретного вида электросвязи (двухсторонней кабельной телевизионной связи) в медицинской практике.

Концепцию дистанционного взаимодействия в медицине посредством интерактивной телевизионной связи представляют не только профессиональному сообществу, но и широкой публике в средствах массовой информации⁸.

В 1971 г. публикуется заключительный отчет о проекте «Телеконсультирование: новая система обмена медицинской информацией». В этом документе впервые в англоязычную научную терминологию вводятся ключевые понятия [Bird, 1971: 16]:

1. «Telemedicine» — «телемедицина», новая форма оказания медицинской помощи; дистанционное проведение врачебно-консультативной, учебно-методической и санитарно-просветительской деятельности с применением интерактивных средств электросвязи.
2. «Teleconsultation» — «телеконсультирование», процесс дистанционного обсуждения клинического случая с применением средств электросвязи.
3. «Telerounds» — «телеобход», дистанционный эквивалент такой формы деятельности медицинских работников, как обход, разбор и обсуждение клинического случая с участием нескольких специалистов, обмен результатами диагностических исследований.
4. «Telepsychiatry», «teledermatology» — «телепсихиатрия», «теледерматология», оказание медицинской помощи по соответствующим клиническим профилям дистанционно, посредством технологий электросвязи.

Надо отметить, что К.Т. Берд предложил несколько вариантов определения термина «телемедицина»:

1. «Медицинская практика без обычной физической конфронтации врача и пациента».
2. «Медицинская практика посредством интерактивного телевидения (или любой иной интерактивной аудио-видео коммуникационной системы)».

При этом подчеркивалось, что «независимо от конкретного определения в теории и на практике, телемедицина не заменяет врача и не изменяет его роль. <...> Телемедицина усиливает роль, увеличивает полезность, повышает статус врача и укрепляет структуру эго» [Bird, 1971: 16].

В англоязычной научной литературе термин «телемедицина» начинает стабильно использоваться с 1972 г., его можно встретить как в рецензируемых журналах, так и в научных отчетах университетов, Национального аэрокосмического агентства и т.д. [14; Gravenstein, 1974: 21; Mark, 1974: 22; Park, 1974: 26; 28].

В русскоязычной терминологии термин «телемедицина» масштабно входит в научный оборот во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. [Вольнский, 1998: 2; Камаев, 2001: 5; Лях, 1999: 6; Юсупов, 1998: 8]. Это обусловлено тем, что в предыдущие десятилетия вместо него в отечественной научной литературе фигурируют аналогичные по смыслу термины «теледиагностика», «дистанционные консультации», «дистанционная

⁷ Urges «telemedicine» network // Lowell Sunday Sun. 29.11.1970. P. A10. U.S.-wide telemedical setup urged // Lubbock Avalanche Journal. A-9. 29.11.1970. P. 9.

⁸ Hospital hookup // The Weirton Daily Times (Weirton, West Virginia). — Sat, Jul 25, 1970. — P. 2. Psychiatrists in Boston Treating Patients 25 Miles Away Over a 'Historic' New Television System // The New York Times. 23.07.1970. P. 21.

диагностика» [Гаспарян, 2002: 3; Чирейкин, 1995: 8]. А вот термин «телеконсультативный центр» (т.е. «телеконсультация») впервые встречается именно в русскоязычной литературе в публикации Зигмаса Ипполитовича Янушкевичуса «Телепередача фонокардиограмм» в 1966 г. [Янушкевичус, 1966: 9].

Заключительный отчет о научном проекте представляет собой достаточно объемный документ. В нем детально описаны разнообразные формы и возможности дистанционного взаимодействия, включая аспекты образования, контроля качества, сохранения прав пациента, этики (в частности, утверждается необходимость создания особого «кодекса поведения» для корректного использования «телеконсультирования»), некоторые технические вопросы; подчеркивается, что технологические изменения должны осуществляться с учетом социального контекста. Много говорится о возможностях и значении «телемедицины», потенциале ее масштабирования на уровень штата и страны в целом. Однако, этот документ содержит много дефектов с точки зрения оформления научных результатов. Количество проведенных дистанционных консультаций указано примерно; как таковой отсутствует статистический анализ. В большей мере это методический документ, содержащий крайне мало объективных результатов. Скупы намечены пути дальнейших исследований в части развития дистанционной передачи и интерпретации результатов диагностических исследований. Тем не менее, эти лаконично намеченные цели свидетельствуют о значительном изменении. Полагаем, что именно в этот момент (1970–1971 гг.) случился «перелом» — пришло понимание того, что реализация сугубо прикладных технических аспектов (прокладка кабельных линий связи, установка и настройка оборудования и т.д.) не обеспечивает эффективного решения медицинских задач. Потребовался научный подход для формирования системы знаний о том, как конкретный вид электросвязи (двухсторонняя кабельная телевизионная связь) может применяться в различных клинических ситуациях. Возникла необходимость объективно, научным путем, установить возможности и ограничения такого дистанционного взаимодействия, изучить точность принятия диагностических решений. Свидетельством «перелома» стала серия научных статей, ставших свидетельством существования и активной деятельности особой научной группы профессора К.Т. Берда.

В 1972 г. публикуются две проблемные статьи, в которых указывает на цель внедрения «телемедицины» (обеспечение равных возможностей в доступе к медицинской помощи), ее основные формы («теледиагностика» — дистанционная интерпретация результатов диагностических исследований и консультирование медицинских работников первичного звена здравоохранения; «телеконсультирование» — специализированные дистанционные консультации по клиническим профилям; «телесовет» — дистанционное психологическое консультирование и психотерапия). Свои утверждения К.Т. Берд основывает на практическом опыте в виде более 2000 дистанционных консультаций [Bird, 1972: 17]. Отметим, что термин «телерадиология» (как применение технологического дистанционного взаимодействия посредством электросвязи в лучевой диагностике) введен в научный оборот в одной из указанных работ [Andrus, 1972: 10]. Этот факт подтверждается и независимым автором-современником [Park, 1974: 26]. Термин активно используется многочисленными авторами во всем мире вплоть до настоящего времени.

В 1973 г. выходит фундаментальная работа по «телепсихиатрии» [Dwyer, 1973: 19]. Ее автор — врач-психиатр Томас Дуаер — скептически настроен относительно «телемедицины». Однако, в 1969 г., под влиянием К.Т. Берда, он пробует

провести дистанционный прием: «Я опасался, что мои навыки очного осмотра окажутся бесполезными при телемосте... Однако, в течение пяти минут беседы я почувствовал контакт с пациентом. Я понял, что с помощью этих интервью я могу делать все, что я действительно делаю в своем кабинете на приеме, кроме как пожать пациенту руку» [Bird, 1971: 16]. В указанной выше статье Томас Дуаер анализирует и систематизирует 4-х летний опыт применения телемостов для дистанционных консультаций, приводит описательную статистику, формулирует базовые технологические и методологические принципы «телепсихиатрии». Соответствующий термин входит в научную терминологию и начинает активно использоваться в научных публикациях, начиная с 1980-х гг.

Также в 1973 г. публикуется полноценное исследование диагностической точности дистанционной аускультации [Murphy, 1973: 24]. Авторы использовали электронный стетоскоп, который «прост в использовании и будет опубликован позднее», и оборудование для микроволновой передачи данных. Выборка включала как пациентов кардиологического отделения, так и здоровых лиц. Аускультация (выслушивание легких и сердечных тонов) выполнялась очно, а затем — дистанционно. Каждый раз свое мнение об аускультативной картине исследователи фиксировали в специальной форме. При анализе результатов установлено отсутствие ложноположительных и ложноотрицательных решений, статистически значимых различий между результатами очного и дистанционного обследований не было. Тем самым участники научной группы К.Т. Берда впервые провели научное обоснование применимости средств электросвязи для дистанционной физикальной диагностики.

В 1974 г. научная группа наконец-то публикует систематизирующую статью: в ней обобщен и проанализирован, в том числе, статистически, опыт одной тысячи дистанционных консультаций. Детально проанализированы клинические аспекты, впервые изучено отношение пациентов к «телемедицине», оценены исходы лечения, описаны фундаментальные методологические вопросы дистанционного обследования пациентов. Вместе с тем, особое внимание уделено и технологической проблематике. Систематизированы аспекты получения и трансляции микроскопических, рентгенологических изображений, изображений кожи. Вновь проведена математическая оценка диагностической точности [Murphy, 1974: 25].

Данную статью можно считать первой фундаментальной научной работой по применению конкретного вида электросвязи (двухсторонней кабельной телевизионной связи) в медицине. Публикация отличается комплексностью, большим массивом первичных данных, сбалансированным изучением методологических (клинических) и технологических аспектов дистанционного консультирования. Дополнительно возможности «телепсихиатрии» представляют широкой публике в средствах массовой информации.

В следующем, 1975 году в рецензируемых журналах публикуются две статьи о «телерадиологии» — «использованию телевизионной связи для транспортировки рентгенографического изображения в центральное учреждение для интерпретации» [Andrus, 1975: 11; Andrus, 1975: 12]. Научной группой проведен исчерпывающий анализ диагностической точности дистанционной интерпретации результатов рентгенографии различных анатомических областей. Согласованность диагностических решений изучена с применением математических методов, прежде всего — характеристических кривых. Это безусловный приоритет: ранее так скрупулезно дистанционная диагностика не изучалась. Изучены особенности и различия восприятия специалистом соответствующих изображений очно и посредством телевизионной связи; ко-

личественные и качественные характеристики передаваемых данных. Предложены способы повышения качества транслируемого изображения. В целом, в этих статьях сформирован дизайн научного исследования по оценке точности дистанционной диагностики, ставший классическим и многократно использованный в дальнейшем авторами во всем мире.

Важно отметить, что именно К.Т. Бердом сделан идейный переход от хаотичного применения отдельных средств электросвязи к научно обоснованному, системному использованию упорядоченных технических и методических комплексов для решения конкретных клинических задач. В его лаконичной фразе «Когда интерактивное телевидение дополняется инструментарием для диагностики и мониторинга, то образуется сеть телемедицины» [Bird, 1972: 17] скрывается колоссальное значение. В медицине технологии электросвязи не применимы сами по себе; суть концепции «телемедицины» состоит в объединении коммуникаций, технических средств диагностики и контроля состояния, методических приемов использования перечисленных инструментов. В публикациях научной группы К.Т. Берда сформирован подход — ставший классическим — к научному обоснованию соответствующих инструментов.

Очень важно отметить особо тщательное отношение К.Т. Берда к вопросам этики и деонтологии. Он много рассуждает о сопротивлении новому, рассуждает о негативных эмоциях медицинского персонала в связи с отсутствием привычного очного контакта с пациентом. В 1971 г. он пишет: «Невзирая на точное определение, телемедицина не заменяет врача. Телемедицина фокусируется на его уникальном мастерстве среди иных медицинских работников, повышает его роль, стимулирует его обучение и позволяет ему поддерживать контакт с теми, кто возглавляет мир идей и свершений. Улучшение помощи пациентами является одновременно и головной целью, и конечным результатом» [Bird, 1971: 16]. В 1972 г. вновь утверждает: «Телемедицина — медицинская практика с помощью интерактивных аудио-видео коммуникационных систем без обычного физического взаимодействия врач-пациент. Телемедицина зависит от врача и его специальных возможностей. Она не заменяет его и не является альтернативой врачу. Фактически, телемедицина повышает эффективность специалиста и расширяет его возможности находиться в самом центре медицинской деятельности» [Bird, 1972: 17]. Будучи колоссальным энтузиастом «телемедицины», он, тем не менее, четко осознавал ограничения дистанционного взаимодействия и фокусировал свою научную работу на поиске оптимальных и качественных способов применения средств электросвязи.

Участие пациентов в дистанционных консультациях и сеансах дистанционной психотерапии обязательно подразумевало получение в письменной форме информированного добровольного согласия. С одной стороны, актом генерального суда штата Массачусетс от 1964 г. предписывалось в обязательном порядке получать такое согласие от лица, изображение которого транслировали посредством закрытых кабельных телевизионных сетей⁹. С другой стороны, это здесь имеется первое подтверждение применения данной юридической нормы относительно «телемедицины» (отметим, что в настоящее время получение такого согласия является обязательной, рутинной практикой).

Особенностью деятельности научной группы К.Т. Берда была активная самореклама в средствах массовой информации.

Каждое значительное достижение обязательно представлялось публично в газетах. Преимущественно, это были локальные публикации. Однако, некоторые из новостей освещались и на общенациональном уровне в газете «The New York Times». В 1968 г. презентован факт начала работы телемедицинской сети¹⁰; в 1970-1971 гг. — развитие «телепсихиатрии», включая развернутый, отлично иллюстрированный материал на трех страницах в газете «The Lowell Sun»¹¹ (повторно эта тема попала в средства массовой информации в 1974 г., видимо в связи с относительно недавним выходом фундаментальной научной статьи Т. Дауера¹²); в 1975 г. — развитие успех «телерадиологии»¹³. Примечательно, что даже свою концепцию «национальной телемедицинской сети» К.Т. Берд не опубликовал в научных изданиях, но представил публично в газетах (соответствующие ссылки приведены выше). Лишь в отчете 1971 г. появляются тезисы о масштабировании результатов работы пилотного проекта на региональный и общегосударственный уровни [Bird, 1971: 16]. Подобная научно-популярная самореклама не была характерна для изучаемого периода; ее можно считать некой отличительной чертой группы К.Т. Берда.

В 1972 и 1974 г. для продолжения исследований были предоставлены еще два гранта. В целом, были профинансированы работы до 1976 г. включительно (номера грантов Veterans Administration, Washington: EMI-72C-001-01, EMI-74C-001-03). Технически и экономически рассматривается возможность перехода на спутниковые каналы связи для масштабирования деятельности на весь штат [Park, 1974: 26]. Однако, такое «расширение» остается на бумаге. После 1976 г. деятельность научной группы К.Т. Берда фактически останавливается.

Полагаем, здесь сыграли негативную роль несколько причин.

В отчетных и научных публикациях, процитированных выше К.Т. Берд неоднократно указывает на сильное сопротивление медицинского персонала новой форме работы с пациентом — дистанционной. Причины этого явления многогранны, их рассмотрение выходит далеко за рамки этой статьи. Но факт остается фактом — сопротивление и предубеждения сыграли негативную роль. В монографии R.L. Bashshur [Bashshur, 2009: 15] говорится о сильных расхождениях в подходах к оказанию психиатрической помощи в Массачусетской общей больнице и Больнице для ветеранов Бедфорда, обусловленных разными научными и клиническими школами. Под влиянием «человеческого фактора» научно-практическая деятельность затормозилось, не получило продолжение финансирование. Остается лишь удивляться, как такой пассионарный человек как Кеннет Берд (роль которого в развитии «телемедицины» чрезвычайно возвышена американскими авторами [Park, 1974: 26]), отказался от своей идеи. Отметим, что по данным базы данных Национальной медицинской библиотеки США после 1975 г. публикационная активность К.Т. Берда и ключевых его соавторов (С. Андрюса, Т. Дауера, М. Клиффорда) снижается практически до нуля, «телемедицина» вовсе пропадает из тем работ. Объективных причин, кроме исчезновения стабильного финансирования, этому явлению мы не обнаружили.

⁹ Massachusetts State Archive. KFM2425. A213. 1964 Chap. 0613. An Act Providing for the Installation of Closed-Circuit Television Systems and Television Transmission Facilities in Buildings in the Health, Welfare and Education Service Center.

¹⁰ Diagnosis by TV at a distance // The San Bernardino County Sun. 14.07.1968. P. 19. Television used for diagnosis // The Montana Standard. 30.06.1968. P. 14.

¹¹ Potentials limited only by one's own imagination // The Lowell Sun (Lowell, Massachusetts). — Sun, Jul 11, 1971. P. 72.

¹² Now you can visit a psychiatrist via television // The San Bernardino County Sun (San Bernardino, California). — Sun, Jul 21, 1974. P. 108.

¹³ Diagnosis with X-ray by L-D // Lebanon Daily News. 27.08.1975. P. 5. X-ray images sent on TV screen // The Bakersfield Californian. 29.08.1975. P. 38.

Тем не менее, даже чуть менее 10 лет активной научной работы группы К.Т. Берда были очень значительными для развития науки и техники.

Научной группой профессора К.Т. Берда внесен значительный вклад в формирование системы знаний о том, как конкретный вид электросвязи (двухсторонняя кабельная телевизионная связь) может применяться для решения разных медицинских задач. Последовательные исследования — постановка проблемы, пилотные испытания технологий, оценка целесообразности, математический анализ точности — позволили научно обосновать концепцию «телемедицины» как способа оказания медицинской помощи дистанционно, посредством электрических коммуникаций, диагностических приборов, методик трансляции и интерпретации медицинских данных.

Путем научного обоснования, включающего этапные научные исследования от постановки проблемы до математического анализа результативности и точности, в научный оборот введен термин «телемедицина»; впервые предложены его определения.

Помимо этого, в оборот прочно введены понятия «телеконсультирование», «телепсихиатрия», «телерадиология», «теледерматология».

Важным отличием деятельности научной группы профессора К.Т. Берда было системное изучение проблемы диагностической точности, то есть оценка различий врачебных решений, принимаемых очно и дистанционно, если в качестве материала для таких решений применяется тот или иной вид биомедицинских данных (рентгенограмма, микроскопическое изображение крови и т.д.). Именно дан-

ной группой исследователей сформирован классический дизайн научного исследования диагностической точности, включающий обязательное использование математического метода построения и анализа характеристических кривых [Andrus, 1975: 13].

Базовым технологическим решением, используемым научной группой К.Т. Берда, была закрытая двухсторонняя кабельная телевизионная связь (в современной терминологии — интерактивная видеоконференцсвязь в защищенном контуре). Это средство электросвязи получило значительное распространение в медицине в период 1960–1970-х гг., изучение процессов и результатов научного познания этого явления требует дальнейших исследований.

Таким образом, активный период работы научной группы профессора К.Т. Берда охватывает период 1968–1976 гг. За это время проведены последовательные исследования, результатом которых стало обоснование концепции «телемедицины» как дистанционного оказания медицинской помощи с применением технологий электросвязи; в научный оборот введен соответствующий термин, а также ряд дополнительных устойчивых выражений. Важным достижением стало обоснование необходимости комплексного подхода: «телемедицина» — это совокупность электрических коммуникаций, диагностических приборов, методик трансляции и интерпретации медицинских данных. Данной научной группой впервые проведена оценка точности дистанционных диагностических решений, принимаемых при использовании двухсторонней телевизионной связи. При этом сформирован дизайн научного исследования, ставший классическим.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Владимирский А.В.* История телемедицины: стоя на плечах гигантов (1850–1979). М.: ДеЛибри, 2019. 410 с.
2. *Волынский Ю.Д.* Телемедицина как медицинская и общественная проблема // Медицинская визуализация. 1998. № 4. С. 36–42.
3. *Гаспарян С.А., Пашкина Е.С.* Страницы истории информатизации здравоохранения России. М., 2002. 304 с.
4. *Дорошенко В.А.* «История науки и техники»: предметно-концептуальная эволюция — от хронологии фактов к историко-философским обобщениям // История и современное мировоззрение. 2019. № 2. С. 105–110.
5. *Камарев И.А., Леванов В.М., Сергеев Д.В.* Телемедицина: клинические, организационные, правовые, технологические, экономические аспекты: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Изд-во НГМА, 2001. 98 с.
6. *Лях Ю.Е., Владимирский А.В.* Введение в телемедицину / Сер. Очерки биологической и медицинской информатики. Донецк: «Лебедь», 1999. 102 с.
7. *Чирейкин Л.В., Довгалевский П.Я.* Дистанционные диагностические кардиологические центры. СПб.: [б. и.], 1995. 232 с.
8. *Юсупов Р.М., Полонников Р.И.* Телемедицина. Новые информационные технологии на пороге XXI века. СПб: «Анатолия», 1998. 488 с.
9. *Янушкевичус З., Витенштейнас Г., Валужис К.* Телепередача фонокардиограмм // Экспериментальная хирургия и анестезиология. 1966. №4. С.11–12.
10. *Andrus W.S., Bird T.* Teleradiology: evolution through bias to reality. *Chest*. 1972 Dec;62(6):655-7. doi: 10.1378/chest.62.6.655.
11. *Andrus W.S., Hunter C.H., Bird K.T.* Remote interpretation of chest roentgenograms. *Chest*. 1975 Apr;67(4):463-8. doi: 10.1378/chest.67.4.463.
12. *Andrus W.S., Dreyfuss J.R., Jaffer F., Bird K.T.* Interpretation of roentgenograms via interactive television. *Radiology*. 1975 Jul;116(1):25-31. doi: 10.1148/116.1.25.
13. *Andrus W.S., Bird K.T.* Editorial: Radiology and the receiver operating characteristic (ROC) curve. *Chest*. 1975 Apr;67(4):378-9. doi: 10.1378/chest.67.4.378.
14. Arizona TeleMedicine Network: Engineering Master Plan (Tucson, AZ: Arizona University, College of Medicine, 1972), Dec. 31. Report No.: OEO -B2C-5379. 331 p.

REFERENCES:

1. *Vladymyrskiy A.V.* The history of telemedicine: standing on the shoulders of giants (1850–1979). Moscow: DeLibri, 2019. 410 p. [in Russ.]
2. *Volynskiy Ju.D.* Telemedicine as a medical and social problem // *Medicinskaja Vizualizacija = Medical Imaging*. 1998. № 4. P. 36–42. [in Russ.]
3. *Gasparjan S.A., Pashkina E.S.* Pages of the history of healthcare informatization in Russia. Moscow, 2002. 304 p. [in Russ.]
4. *Doroshenko V.A.* «History of Science and Technology»: Subject-Conceptual Evolution — From Chronology of Facts to Historical and Philosophical Generalities // *History and Modern Perspectives*. 2019. № 2. P. 105–110. [in Russ.]
5. *Kamaev I.A., Levanov V.M., Sergeev D.V.* Telemedicine: clinical, organizational, legal, technological, economic aspects: textbook. Nizhny Novgorod: NGMA Publishing, 2001. 98 p. [in Russ.]
6. *Ljah Ju.E., Vladymyrskiy A.V.* Introduction in Telemedicine. In: *Essays in biological and medical informatics*. Donetsk: «Lebed'», 1999. 102 p. [in Russ.]
7. *Chirejkin L.V., Dovgalevskij P.Ja.* Distant diagnostic cardiology centers. Saint Petersburg, 1995. 232 p. [in Russ.]
8. *Jusupov R.M., Polonnikov R.I.* Telemedicine. New information technologies on the threshold of the XXI century. Saint Petersburg: «Anatolija», 1998. 488 p. [in Russ.]
9. *Janushkevichus Z., Vitenshtejn G., Valuzhis K.* Telecast of phonocardiograms // *Jeksperimental'naja hirurgija i anesteziologija = Experimental Surgery and Anesthesiology*. 1966. №4. P. 11–12. [in Russ.]
10. *Andrus W.S., Bird T.* Teleradiology: evolution through bias to reality. *Chest*. 1972 Dec;62(6):655-7. doi: 10.1378/chest.62.6.655.
11. *Andrus W.S., Hunter C.H., Bird K.T.* Remote interpretation of chest roentgenograms. *Chest*. 1975 Apr;67(4):463-8. doi: 10.1378/chest.67.4.463.
12. *Andrus W.S., Dreyfuss J.R., Jaffer F., Bird K.T.* Interpretation of roentgenograms via interactive television. *Radiology*. 1975 Jul;116(1):25-31. doi: 10.1148/116.1.25.
13. *Andrus W.S., Bird K.T.* Editorial: Radiology and the receiver operating characteristic (ROC) curve. *Chest*. 1975 Apr;67(4):378-9. doi: 10.1378/chest.67.4.378.
14. Arizona TeleMedicine Network: Engineering Master Plan (Tucson, AZ: Arizona University, College of Medicine, 1972), Dec. 31. Report No.: OEO -B2C-5379. 331 p.

15. *Bashshur R.L., Shannon G.W.* History of Telemedicine. — Mary Ann Lib-
ert Inc., 2009. 415 p.
16. *Bird K.T.* Teleconsultation: A New Health Information Exchange System.-
Massachusetts General Hospital, 1971. 58 p.
17. *Bird K.T.* Cardiopulmonary frontiers: quality health care via interactive
television. *Chest.* 1972 Mar;61(3):204-5. doi: 10.1378/chest.61.3.204.
18. *Cipolat C., Geiges M.* *The History of Telemedicine.* *Curr Probl Dermatol.*
2003; 32:6-11.
19. *Dwyer T.F.* Telepsychiatry: psychiatric consultation by interactive
television. *Am J Psychiatry.* 1973 Aug;130(8):865-9. doi: 10.1176/
ajp.130.8.865.
20. *Garshnek V., Burkle F.M. Jr.* Applications of telemedicine and telecom-
munications to disaster medicine: historical and future perspectives.
J Am Med Inform Assoc. 1999 Jan-Feb;6(1):26-37.
21. *Gravenstein J.S., Berzina-Moettus L., Regan A., Pao Y.H.* Laser mediated
telemedicine in anesthesia. *Anesth Analg.* 1974 Jul-Aug;53(4):605-9.
22. *Mark R.G.* Telemedicine system: the missing link between homes and
hospitals? *Mod Nurs Home.* 1974 Feb;32(2):39-42.
23. *Murphy R.L., Barber D., Broadhurst A., Bird K.T.* Microwave transmission
of chest roentgenograms. *Am Rev Respir Dis.* 1970 Nov;102(5):771-7.
doi: 10.1164/arrd.1970.102.5.771.
24. *Murphy R.L., Block P., Bird K.T., Yurchak P.* Accuracy of cardiac auscul-
tation by microwave. *Chest.* 1973 Apr;63(4):578-81. doi: 10.1378/
chest.63.4.578.
25. *Murphy R.L. Jr., Bird K.T.* Telediagnosis: a new community health re-
source. Observations on the feasibility of telediagnosis based on 1000
patient transactions. *Am J Public Health.* 1974 Feb;64(2):113-9. doi:
10.2105/ajph.64.2.113.
26. *Park B.* An Introduction to Telemedicine; Interactive Television for Deliv-
ery of Health Services. — New York Univ., N.Y. Alternate Media Center,
1974. 265 p.
27. *Sinelnikova E., Fando R.* Natural scientific societies in the history of sci-
ence. *Studies in the History of Biology.* 2021. T. 13. № 2. C. 7–10.
28. *Starpahc Systems Report. Vol.1.* Operational Performance. Lockheed
Misseles&Space Company, 1977.48 p.
29. *Weinstein R.S., Holcomb M.J., Krupinski E.A., Latifi R.* First Trainees: The
Golden Anniversary of the Early History of Telemedicine Education
at the Massachusetts General Hospital and Harvard (1968–1970). In:
Telemedicine, Telehealth and Telepresence. Ed. by Latifi R., Doarn C.R.,
Merrell R.C. Springer, Cham, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-56917-4_1.
30. *Whitten P., Sypher B.D.* Evolution of telemedicine from an applied com-
munication perspective in the United States. *Telemed J E Health.* 2006
Oct;12(5):590-600.
15. *Bashshur R.L., Shannon G.W.* History of Telemedicine. — Mary Ann Lib-
ert Inc., 2009. 415 p.
16. *Bird K.T.* Teleconsultation: A New Health Information Exchange System.-
Massachusetts General Hospital, 1971. 58 p.
17. *Bird K.T.* Cardiopulmonary frontiers: quality health care via interactive
television. *Chest.* 1972 Mar;61(3):204-5. doi: 10.1378/chest.61.3.204.
18. *Cipolat C., Geiges M.* *The History of Telemedicine.* *Curr Probl Dermatol.*
2003; 32:6-11.
19. *Dwyer T.F.* Telepsychiatry: psychiatric consultation by interactive
television. *Am J Psychiatry.* 1973 Aug;130(8):865-9. doi: 10.1176/
ajp.130.8.865.
20. *Garshnek V., Burkle F.M. Jr.* Applications of telemedicine and telecom-
munications to disaster medicine: historical and future perspectives.
J Am Med Inform Assoc. 1999 Jan-Feb;6(1):26-37.
21. *Gravenstein J.S., Berzina-Moettus L., Regan A., Pao Y.H.* Laser mediated
telemedicine in anesthesia. *Anesth Analg.* 1974 Jul-Aug;53(4):605-9.
22. *Mark R.G.* Telemedicine system: the missing link between homes and
hospitals? *Mod Nurs Home.* 1974 Feb;32(2):39-42.
23. *Murphy R.L., Barber D., Broadhurst A., Bird K.T.* Microwave transmission
of chest roentgenograms. *Am Rev Respir Dis.* 1970 Nov;102(5):771-7.
doi: 10.1164/arrd.1970.102.5.771.
24. *Murphy R.L., Block P., Bird K.T., Yurchak P.* Accuracy of cardiac auscul-
tation by microwave. *Chest.* 1973 Apr;63(4):578-81. doi: 10.1378/
chest.63.4.578.
25. *Murphy R.L. Jr., Bird K.T.* Telediagnosis: a new community health re-
source. Observations on the feasibility of telediagnosis based on 1000
patient transactions. *Am J Public Health.* 1974 Feb;64(2):113-9. doi:
10.2105/ajph.64.2.113.
26. *Park B.* An Introduction to Telemedicine; Interactive Television for Deliv-
ery of Health Services. — New York Univ., N.Y. Alternate Media Center,
1974. 265 p.
27. *Sinelnikova E., Fando R.* Natural scientific societies in the history of sci-
ence. *Studies in the History of Biology.* 2021. T. 13. № 2. C. 7–10.
28. *Starpahc Systems Report. Vol.1.* Operational Performance. Lockheed
Misseles&Space Company, 1977.48 p.
29. *Weinstein R.S., Holcomb M.J., Krupinski E.A., Latifi R.* First Trainees: The
Golden Anniversary of the Early History of Telemedicine Education
at the Massachusetts General Hospital and Harvard (1968–1970). In:
Telemedicine, Telehealth and Telepresence. Ed. by Latifi R., Doarn C.R.,
Merrell R.C. Springer, Cham, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-56917-4_1.
30. *Whitten P., Sypher B.D.* Evolution of telemedicine from an applied com-
munication perspective in the United States. *Telemed J E Health.* 2006
Oct;12(5):590-600.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 93,36%.

Рецензент: Шапошников Г. Н., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, экономики, правоведе-
ния ФГБОУ ВО УГМУ.

Статья поступила в редакцию 07.06.2022, принята к публикации 27.06.2022
The article was received on 07.06.2022, accepted for publication 27.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимирский Антон Вячеславович, доктор медицинских наук, заместитель директора по научной работе, ГБУЗ г. Москвы «Научно-практический клинический центр диагностики и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения города Москвы», г. Москва, Российская Федерация, РИНЦ: 3602-7120, <https://orcid.org/0000-0002-2990-7736>, e-mail: a.vladimirsky@npcmr.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anton V. Vladzimirsky, Dr. Sci. (Med.), Deputy Director on Research, Research and Practical Clinical Center for Diagnostics and Telemedicine Technologies of the Moscow Health Care Department, Moscow, Russian Federation, РИНЦ: 3602-7120, <https://orcid.org/0000-0002-2990-7736>, e-mail: a.vladimirsky@npcmr.ru

5.6.5. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH
07.00.09 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Мотревич Владимир Павлович: историографический портрет. К 70-летию со дня рождения

©Владимир Дмитриевич Камынин

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: kamyninv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена научным изысканиям известного уральского историка В.П. Мотревича. В ней кратко показано становление В.П. Мотревича как исследователя, характеризуются результаты его ранних работ в области аграрной истории Урала. Основное внимание в статье уделено анализу публикаций автора в постсоветский период, подробно характеризуются полученные им научные результаты и их практическое использование.

Ключевые слова: Мотревич В.П., история России, история Урала, Великая Отечественная война, сельское хозяйство, военнопленные.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Камынин В. Д. Мотревич Владимир Павлович: историографический портрет. К 70-летию со дня рождения // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 104-110.

Motrevich Vladimir Pavlovich: A Historiographical Portrait. To the 70th Anniversary of his Birth

©Vladimir D. Kamynin

Ural Federal University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin
e-mail: kamyninv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the scientific research of the famous Ural historian V.P. Motrevich. It briefly shows the formation of V.P. Motrevich as a researcher, characterizes the results of his early work in the field of agrarian history of the Urals. The article focuses on the analysis of the author's publications in the post-Soviet period, describes in detail the scientific results obtained by him and their practical use.

Key words: Motrevich V.P., history of Russia, history of the Urals, the Great Patriotic War, agriculture, prisoners of war.

FOR CITATION: Kamynin V. D. Motrevich Vladimir Pavlovich: A Historiographical Portrait. To the 70th Anniversary of his Birth // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 104-110. (in Russ.)

В.П. Мотревич в 1975 г. окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького (УрГУ), а в 1982 г. аспирантуру при кафедре истории советского общества УрГУ. Под руководством доктора исторических наук, профессора И.Ф. Плотникова им была написана диссертация, посвященная трудовому подвигу колхозного крестьянства Урала в годы войны.

Кандидатская диссертация была защищена В.П. Мотревичем в 1983 г. в Пермском госуниверситете. Хочется обратить внимание на такой факт, что в защищенной в период «развитого социализма» работе автор при обосновании новизны своего исследования отметил, что большинство предыдущих работ по аграрной проблематике было написано в историко-партийном плане, а проблема трудового подвига уральского крестьянства в годы Великой Отечественной войны не была предметом специального исследования. Поэтому он предпринял попытку расширить источниковую базу исследования. В отличие от историков партии в диссертационном исследовании В.П. Мотревича основное внимание было уделено изучению материалов областных государственных архивов, в первую очередь фондов статистических управлений, управлений сельского хозяйства, финансов, заготовок, плановых органов и др. [7].

Отмежевание от работ историко-партийного характера объясняется еще и тем, что в 1981 г. в Челябинске Г.Е. Корниловым по схожей тематике была защищена кандидатская диссертация, написанная в историко-партийном плане [5]. В советское время советы по координации научных исследований тщательно следили за частотой защит диссертаций по одним и тем же темам. Поэтому В.П. Мотревичу пришлось тщательно обосновывать новизну своего исследования и уходить от историко-партийной проблематики, в те годы доминирующей в исторической науке. После защиты кандидатской диссертации В.П. Мотревич продолжил изучать аграрную историю края. Исследователя интересовали проблемы трудовой и общественно-политической активности уральского крестьянства, его материальное благосостояние, культурно-технический уровень, а также численность и состав аграрных рабочих на Урале [9; 11].

В.П. Мотревич складывался как типичный исследователь советской эпохи. По нашему мнению, два обстоятельства повлияли на изменение характера и проблематики его дальнейших научных исследований.

Еще во время обучения в аспирантуре В.П. Мотревич был приглашен крупнейшим уральским историком профессором А.В. Бакуниным на работу в Отдел истории Института экономики УНЦ АН СССР. Работа в академическом институте экономического направления не только придало его исследованиям историко-экономический характер, но и позволила публиковать ему не только статьи и тезисы, но также препринты и монографии [6; 10; 12].

Во-вторых, на проблематику научных работ В.П. Мотревича оказали новые подходы к истории, которые пришли в науку в эпоху «перестройки». Он начал изучать индивидуальное хозяйство колхозников, их правовое положение, национальный состав уральского крестьянства, наличие в нем спецпереселенцев, интернированных и репатрированных граждан, их судьбы и роль в развитии экономики региона [8; 13].

В своем интервью корреспонденту уральского интернет-издания В.П. Мотревич объяснял, каким образом он выходил на новые исследовательские проблемы: «Все началось в конце 1980-х гг., когда во время работы в столичных архивах наткнулся на некоторые материалы архивов НКВД под грифом «совершенно секретно» и стал заниматься так называемым спецконтингентом. Кто там работал? Спецпереселенцы, депортированные немцы» [3].

Новые подходы заставили автора кардинально пересмотреть оценку предшествующей литературы по аграрной проблематике. К серьезным методологическим недостаткам работ советского периода В.П. Мотревич относил односторонний отбор фактов, догматизм в оценке изучаемых событий. Он подверг критике и некоторые фактические недочеты своих предшественников указав на то, что, они, во-первых, не учитывали способность работника создавать за единицу рабочего времени (час, день, год) определенное количество продукции — это не интенсификация, а производительность труда, а во-вторых, кроме трудоспособных в колхозах трудились миллионы подростков и престарелых, а также эвакуированных и мобилизованных горожан [12, с. 7, 8].

В 1991–1993 гг. В.П. Мотревич обучался в докторантуре при кафедре методологии истории УрГУ и одновременно работал на ней в качестве доцента. Его научным консультантом был декан исторического факультета доктор исторических наук, профессор В.И. Михайленко. Автор данной статьи работал на этой кафедре и мог наблюдать за становлением В.П. Мотревича как ученого. Именно в начале 1990-х гг. в его научном творчестве появились качественно новые черты, которые и сейчас ярко проявляются в нем.

Прежде всего, он значительно расширил хронологические рамки своего исследования и начал изучать аграрную историю Урала не только в период Великой Отечественной войны, но и в послевоенные годы. Исследование новых проблем, появившихся в творчестве В.П. Мотревича, было невозможно без изучения огромного комплекса статистических источников. Однако ученый не просто использовал «цифры» для обоснования собственных выводов, а начал заниматься источниковедческим анализом аграрной статистики, разрабатывая методику ее использования [14]. Он собрал, обработал и ввел в научный оборот статистические данные о валовой продукции сельского хозяйства региона в динамике за 1940-е – 1950-е гг. по категориям хозяйств (госхозы, колхозы, колхозники, рабочие и служащие, единоличники).

Наиболее крупная монографическая работа В.П. Мотревича начала 1990-х гг. была посвящена развитию сельского хозяйства на Урале в военные и первые послевоенные годы [17]. Она содержала крупный массив сельскохозяйственной статистики (свыше 25 тыс. показателей), которая была получена на основе разработки массовых статистических источников. Эти данные в основном впервые вводились автором в научный оборот.

В 1993 г. в УрГУ В.П. Мотревич защитил докторскую диссертацию по совокупности трудов, в которых была исследована аграрная проблематика истории Урала в 1940-е гг. [18]. Диссертация была написана с позиций модной в 1990-е гг. концепции советского тоталитаризма. Автор писал: «Установление на рубеже 1920–1930-х гг. авторитарно-деспотического режима в СССР привело к складыванию особого типа раннесоциалистической экономики, которая жестко подчинялась централизованному планированию, связанному с резким ограничением сферы действия товарно-денежных отношений, почти полной ликвидацией самостоятельности предприятий и абсолютным господством внеэкономических методов управления народным хозяйством. В наибольшей степени эта модель административного социализма проявилась в сельском хозяйстве, за счет которого и производилась значительная часть накоплений» [19, с. 98].

В результате В.П. Мотревичу на региональном материале удалось показать цену, которую заплатили крестьяне за Победу в Великой Отечественной войне. Изученные автором материалы позволили ему не только всесторонне охарактеризовать развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-х гг.,

но и проследить динамику социально-демографических процессов в деревне в те годы.

Работая над темой докторской диссертации, В.П. Мотревич серьезно заинтересовался демографическими процессами в советской стране. Этот интерес привел к появлению целого ряда серьезных научных публикаций. Он был одним из первых исследователей в стране, получившим доступ к документам Всесоюзных переписей населения СССР 1937 и 1939 гг., часть из них он впервые ввел в научный оборот [21; 22, 33]. Настоящим научным подвигом стала обработка и публикация В.П. Мотревичем данных Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. по Уральскому региону [1].

Научная деятельность В.П. Мотревича после защиты диссертации не только велика, но и многогранна. Он является автором свыше 450 научных работ, среди которых — пять авторских монографий, еще пять монографий изданы им в соавторстве.

В.П. Мотревич продолжил изучение аграрной истории Урала, в том числе в монографическом плане [2; 39]. Из новых вопросов аграрной истории Урала его привлекли недовольство крестьян своим положением в годы Великой Отечественной войны и формы его сопротивления сталинскому режиму [44; 45; 46], численность и состав сельских кадров [42; 43], проблема голода в Уральском регионе в годы войны и первые послевоенные годы [31, 32].

В.П. Мотревич считает, что голод 1946–1948 гг. стал продолжением голода военных лет. Для изучения этой проблемы ему удалось использовать документы архива Управления ФСБ РФ по Свердловской области и опубликовать некоторую часть из них. По его словам, содержащиеся в архивах и рассекреченные в последние годы материалы позволяют более объективно и всесторонне исследовать различные аспекты материально-бытового положения населения Урала, показать, в каких условиях находились труженики «опорного края» в военные годы [32, с. 94].

Результаты исследования аграрной проблематики подведены В.П. Мотревичем в монографии [49], изданной к юбилею автора. Работа написана в историко-экономическом плане, автор сконцентрировал основное внимание на исследовании состояния материально-технической базы отрасли, решении проблемы массовых и квалифицированных кадров, управлении сельским хозяйством, организации и оплате труда в нем в условиях военного времени, состоянии земледелия и животноводства.

Хотя книга посвящена сельскому хозяйству на Урале в 1941–1945 гг., но в ней зафиксирована концепция автора по аграрной проблематике в целом.

В методологическом плане В.П. Мотревич опирается на модернизационную интерпретацию истории. По словам ученого, «советская (сталинская) модернизация имела характер догоняющего развития и использовала методы мобилизационного общества». Среди положительных результатов коллективизации сельского хозяйства Урала, он называет модернизацию и интенсификацию сельскохозяйственного производства, механизацию сельского хозяйства, активную подготовку как массовых кадров, так и квалифицированных работников, внедрение в агротехнику новых технологий, заметное увеличение посевных площадей.

К негативным моментам сталинской модернизации В.П. Мотревич относит то, что на селе не была создана необходимая инфраструктура для хранения сельскохозяйственной техники, а темпы строительства МТС намного опережали развитие их ремонтной базы; низкую урожайность сельскохозяйственных культур на Урале, отсутствие полноценной кормовой базы для животноводства; неудовлетворительное содержание поголовья и высокий падеж скота.

В результате своего исследования автор приходит к выводу, что реализация сталинского варианта модернизации привела к тому, что в стране была создана мобилизационная модель функционирования сельского хозяйства, которая оказалась хорошо приспособленной для нужд обороны. В.П. Мотревич подчеркивает, что во время войны «сверхцентрализм» и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов, концентрации усилий и в конечном счете стали одними из главных факторов Победы. Однако достигнуто это было за счет колоссальных усилий крестьянства и огромных жертв среди сельчан [49, с. 531–540].

Автор данной статьи наблюдал за тем, как в научном творчестве В.П. Мотревича под влиянием новых исторических реалий появлялись новые исследовательские проблемы. Поражала не только «всеядность» В.П. Мотревича, но и его огромное трудолюбие. Именно в эти годы он стал участвовать в осуществлении реализации «Соглашения о культурном сотрудничестве между Эстонской Республикой и Свердловской областью» в части выявления архивных материалов и составлении списков погибших на Среднем Урале репрессированных граждан Эстонии, в том числе ее высших государственных деятелей. В.П. Мотревич начал исследовать репрессивную политику советского государства и в отношении собственных граждан в 1930-е–1940-е гг. Ему удалось ввести в научный оборот документы о деятельности нелегальных организаций в годы Великой Отечественной войны, [40], о распространении антисоветских листовок [28; 34], о преследовании различных религиозных сект на Урале [27; 38]. Заслуги В.П. Мотревича в изучении истории сталинских репрессий получили общественное признание, и он стал членом Свердловской областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Хорошее знание В.П. Мотревичем архивных материалов позволило ему внести определенный вклад в ликвидацию некоторых «белых пятен» периода Великой Отечественной войны. В.П. Мотревич раскрыл малоизвестные факты освоения сложнейшей авиационной трассы «Аляска-Сибирь-фронт» [30; 36]. Ему удалось пролить свет на деятельность германской разведки на Урале, в частности, на обстоятельства провалившейся операции «Ульм» против танковой промышленности СССР [25; 26]. Привлекла внимание В.П. Мотревича деятельность региональных органов НКВД-МГБ по выявлению на Среднем Урале лиц, сотрудничавших в годы войны с оккупантами [29; 35].

В начале 1990-х гг. в творчестве В.П. Мотревича появилась еще одна новая проблема, в изучении которой он получил, в том числе, международное признание. В тот период времени для российских и зарубежных ученых стали открываться засекреченные ранее фонды государственных и ведомственных архивов, проливающие свет на разные стороны военного плена в регионах нашего государства. Из интервью В.П. Мотревича: при изучении спецпереселенцев «ниточка потянулась и к другим заключенным — военнопленным» [3].

Вопросы, связанные с пребыванием на территории Урала военнопленных, рассмотрены В.П. Мотревичем в большом количестве научных статей, его интересовали дислокация лагерей ГУПВИ НКВД СССР [47; 48], численность, состав и трудовое использование военнопленных в них [16]. В.П. Мотревичу удалось ввести в научный оборот огромный массив разнообразных по видам источников по этой проблеме. В.П. Мотревич пишет: «На Урал военнопленные стали прибывать весной 1942 г. Вначале их размещали в специально отведенных зонах — лагерях ГУЛАГа, а затем в формируемых отдельных лагерях в системе Главного Управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). На местах лагерями военнопленных и их трудониспользованием руководили отделы по де-

лам военнопленных и интернированных (ОПВИ УНКВД)» [37, с. 724]. По его подсчетам, в 1942–1955 гг. на Урале находилась свыше 250 тыс. военнопленных Второй мировой войны, оказавшихся в советском плену в основном весной и осенью 1945 г.

В.П. Мотревич изучал также внешнеполитические и внутрисполитические аспекты судебного преследования военнопленных [41].

В начале 1990-х гг. В.П. Мотревич стал исследовать иностранные воинские захоронения на территории Уральского региона. Из интервью В.П. Мотревича: «Тогда в Свердловской области никаких исследований по захоронениям военнопленных не велось. Но уже первоначальный анализ архивов показал, что можно найти могилы и выяснить судьбы полумиллиона человек, умерших в советском плену, в том числе, похороненных на Урале. Когда стал копать глубже, понял — тема совершенно нетронутая. Самое главное: она не только интересна с научной точки зрения, но и чисто по-человечески. Ведь мы выясняем судьбы тысяч и тысяч сгинувших без вести людей. Тем более, иностранных граждан. По ним до недавнего времени давали стандартный официальный ответ: ничего не известно. На самом деле было известно очень многое. И вот из небытия теперь извлекаются подлинные человеческие судьбы».

На вопрос журналиста: «К чему сводится работа?», В.П. Мотревич отвечал, что, во-первых, идет поиск архивных материалов.

Во-вторых, выявление самих кладбищ, мне удалось найти свыше 200 неизвестных ранее захоронений.

В-третьих, обеспечение их сохранности до начала благоустроительных работ. Здесь мы работаем в тесном контакте с местными органами власти.

В-четвертых, ознакомление с состоянием кладбищ представителей иностранных государственных и общественных организаций и родственников умерших военнопленных [3].

После заключения Россией международных соглашений с рядом иностранных государств (Венгрия, Германия, Италия, Финляндия, Япония) о статусе иностранных воинских захоронений Первой и Второй мировых войн В.П. Мотревич стал заниматься их реализацией в части выявления, благоустройства, обеспечении ухода и эксгумации иностранных воинских захоронений. Для этого в 1993–2000 гг. он был представителем Ассоциации «Военные мемориалы» Министерства обороны РФ в Уральском регионе, был членом рабочей группы правительства Свердловской области по выявлению мест захоронений советских и иностранных граждан, участвовал в подготовке ряда нормативных документов по данной проблеме.

На протяжении 1990-х гг. на основании выявленных ученым архивных материалов им были проведены поисковые работы на территории Уральского и Западносибирского регионов, были предприняты меры по обеспечению сохранности иностранных воинских кладбищ, проведены необходимые согласования и осуществлялось руководство благоустроительными работами на 57 из них. В 1995–1996 гг. он руководил эксгумацией останков военнослужащих иностранных армий на иностранных воинских кладбищах в гг. Нижнем Тагиле и Первоуральске Свердловской области, в 1997 гт. — эксгумационными работами по перезахоронению останков военнослужащих японской армии в г. Медногорске Оренбургской области, в 1998–1999 гг. осуществлял перезахоронение останков военнослужащих венгерской армии в Новолялинском районе Свердловской области и т.д. [20; 23; 25].

С конца 1990-х гг. и по настоящее время во исполнение международных обязательств РФ В.П. Мотревич обеспечи-

вает уход за 80 благоустроенными иностранными воинскими захоронениями (венгерскими, германскими, итальянскими, румынскими, финскими, чешскими, японскими) периода Гражданской и Второй мировой войн на территории Башкирии, Курганской, Свердловской и Челябинской областей. Кроме того, на основе обнаруженных архивных материалов и в результате произведенного обследования территории Уральского региона им был выявлен ряд захоронений военнопленных Первой мировой войны. В настоящее время на некоторых из них (Екатеринбург, Ревда, Тобольск) иностранными государствами установлены памятные знаки. Поскольку уход за советскими воинскими захоронениями за рубежом в настоящее время осуществляется странами, на территории которых они находятся, эта деятельность по уходу за иностранными военными могилами в России обеспечивает сохранность советских воинских захоронений за рубежом.

Еще в годы работы в академическом институте у В.П. Мотревича проявилась еще одна сторона его деятельности — тяга к преподаванию, которая позднее превратилась в фанатическую преданность этому делу. Во многих вузах города Екатеринбурга-Свердловска он читал курсы лекций, которые были непосредственно связаны с различными темами его научной работы. В Свердловском институте народного хозяйства он читал курс «История народного хозяйства», на коммерческом факультете Гуманитарного университета и в Уральском государственном аграрном университете курс «Экономическая история». Заметный след В.П. Мотревич оставил в УрГУ (с 2009 г. — УрФУ). На историческом факультете он в разное время читал курсы «Историческая демография», «Истории экономики», а также разнообразные спецкурсы: «Материально-бытовое положение населения Урала», «Уровень жизни населения», «Политические репрессии в СССР», «Историческая и экономическая география» и «Исторический опыт аграрного освоения Урала».

В январе 2003 г. В.П. Мотревич перешел на работу в Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева на кафедру истории государства и права, где с того времени ведет курс «История государства и права России». Одновременно по совместительству является профессором кафедры археологии и этнологии УрФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, в 2012 г. окончил Уральский институт экономики, управления и права по специальности «юриспруденция», магистр права. Профессор В.П. Мотревич — прекрасный педагог. Многие тысячи студентов, получили фундаментальное образование на его лекциях и семинарах. Он автор и соавтор 30 неоднократно переиздаваемых учебников, учебных пособий и хрестоматий для высшей и средней школы по 7 историческим, историко-экономическим и историко-правовым дисциплинам: истории России и истории Урала, истории государства и права России, аграрной истории России, экономической истории России, исторической демографии и демографии. Он также один из авторов вышедшего в 2012 г. издательстве «Юрайт» учебника по курсу «История государства и права России», который к настоящему времени выдержал 7 изданий [4]. В.П. Мотревич заслуженно пользуется большим уважением, как студентов, так и коллег по работе, он подготовил 10 кандидатов и одного доктора наук.

За результаты своих научных изысканий и подготовку кадров высшей квалификации В.П. Мотревич был награжден многими почетными грамотами, удостоен Золотой медали Народного Союза Германии по уходу за военными могилами, Указом Президента Венгрии награжден орденом «Золотой крест».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион / Составитель В.П. Мотревич. — Екатеринбург: ГУ, 2002. 369 с.
2. Героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и развитие России в XXI в. К 70-летию Победы / Б.А. Воронин, И.М. Донник, В.П. Мотревич и др. — Екатеринбург: УрГАУ, 2015. 328 с.
3. *Зиновьев И.* Военнопленные на Урале // «Уральская галактика». Совместный проект с журналом «Литературный Екатеринбург» // URL: <https://art-oleg.blogspot.com/2008/05/blog-post.html> (дата обращения: 25.03.2022).
4. История государства и права России. Учебник / В.Е. Рубаник, А. С. Смыкалин, В.П. Мотревич и др. — Москва: Юрайт, 2012. 876 с.
5. *Корнилов Г.Е.* Коммунисты во главе трудового подвига колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: авт. дисс. к. и. н. / Г.Е. Корнилов. — Челябинск, 1981. 18 с.
6. *Корнилов Г. Е., Мотревич В. П.* Колхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны. — Свердловск: УНЦ АН СССР, 1985. 50 с.
7. *Мотревич В. П.* Трудовой подвиг колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны: авт. дисс. ... к. и. н. / В.П. Мотревич. — Свердловск: УрГУ. 1983. 18 с.
8. *Мотревич В. П.* Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946–1958 гг. (по материалам бюджетных обследований) / В.П. Мотревич // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. — Свердловск: УНЦ АН СССР, 1988. — С. 38–54.
9. *Мотревич В. П.* Деятельность профсоюзов по улучшению культурно-бытовых условий работников совхозов Урала в 1946–1953 гг. / В.П. Мотревич // Развитие культуры уральской советской деревни. — Свердловск: УНЦ АН СССР, 1989. — С. 76–85.
10. *Мотревич В. П.* Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950) / В.П. Мотревич. — Свердловск: УрО АН СССР, 1989. 52 с.
11. *Мотревич В. П.* Динамика численности и состава аграрных рабочих Урала в послевоенные годы / В.П. Мотревич // Труд и кадры в народном хозяйстве. — Свердловск: СИНХ, 1990. — С. 78–85.
12. *Мотревич В. П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. — Свердловск: УрГУ, 1990. 195 с.
13. *Мотревич В. П.* Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период. — Свердловск: УрГУ, 1990. — С. 106–117.
14. *Мотревич В. П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала в 1941–1960 гг. / В.П. Мотревич. — Свердловск: ИИиА УрО АН СССР, 1991. 72 с.
15. *Мотревич В.П.* Немецкая трудармия в Пермской области / В.П. Мотревич // Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: история, культура, экономики: материалы региональной научно-практической конференции. — Березники: ППИ, 1992. — С. 52–53.
16. *Мотревич В. П.* Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны / В.П. Мотревич // Новые подходы, методы, источники. — Москва: ИРИ РАН, 1992. — С. 84–85.
17. *Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург: Наука: Уральское отделение, 1993. 307 с.
18. *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е гг.: дисс. д. и. н. / В.П. Мотревич. — Екатеринбург, 1993. 42 с.
19. *Мотревич В. П.* Аграрная политика сталинского режима в 1940–е гг. / В.П. Мотревич // Демократия и тоталитаризм. Европейский опыт XX в.: материалы научного семинара. — Екатеринбург: УрГУ, 1993. — С. 97–98.
20. *Мотревич В. П.* О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя № 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области / В.П. Мотревич // Ценности и идеология в современной России: материалы межвузовской научно-практической конференции. — Екатеринбург: УГТУ. 1996. — С. 86–89.
21. *Motrevich V.* Foreign Citizens of Origin in the USSR according to the 1937 Census / V. Motrevich // Jews in Eastern Europe. The Hebrew University of Jerusalem. — 1997. — № 1 (37). — P. 27–33.
22. *Мотревич В.П.* Татары в составе сельского населения Урала (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) / В.П. Мотревич // Урал индустриальный: вторая региональная научная конференция. — Екатеринбург: УГТУ, 1998. — С. 60–62.

REFERENCES:

1. All-Union Population Census of the USSR 1939 Ural region / Compiled by V. P. Motrevich. — Yekaterinburg: GU, 2002. 369 p.
2. The heroic feat of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945 and the development of Russia in the XXI century to the 70th anniversary of Victory / B.A. Voronin, I.M. Donnik, V.P. Motrevich, etc. — Yekaterinburg: UrGAU, 2015. 328 p.
3. *Zinoviev I.* Prisoners of war in the Urals // «Ural galaxy». Joint project with the Literary Yekaterinburg magazine // URL: <https://art-oleg.blogspot.com/2008/05/blog-post.html> (accessed: 03.25.2022).
4. History of the state and law of Russia. Textbook / V.E. Rubanik, A. S. Smykalin, V. P. Motrevich, etc. — Moscow: Yurayt, 2012. 876 p.
5. *Kornilov G.E.* Communists at the head of the labor feat of the collective farm peasantry of the Urals during the Great Patriotic War of 1941–1945: author diss. Candidate of Historical Sciences / G.E. Kornilov. — Chelyabinsk, 1981. 18 p.
6. *Kornilov G. E., Motrevich V. P.* Collective farm production in the Urals during the Great Patriotic War. — Sverdlovsk: UNC of the USSR Academy of Sciences, 1985. 50 p.
7. *Motrevich V. P.* Labor feat of the collective farm peasantry of the Urals during the Great Patriotic War: auth. diss.... Candidate of I.N. / V.P. Motrevich. — Sverdlovsk: USU. 1983. 18 p.
8. *Motrevich V. P.* Personal subsidiary farm of collective farmers of the Middle Urals in 1946–1958 (based on budget surveys) / V.P. Motrevich // Material welfare of workers of the Ural Soviet village. — Sverdlovsk: UNC of the USSR Academy of Sciences, 1988. — P.38–54.
9. *Motrevich V. P.* Activity of trade unions to improve the cultural and living conditions of workers of state farms of the Urals in 1946–1953 / V. P. Motrevich // Development of culture of the Ural Soviet village. — Sverdlovsk: UNC of the USSR Academy of Sciences, 1989. — P.76–85.
10. *Motrevich V. P.* The development of agriculture in the Urals in the first post-war years (1946–1950) / V.P. Motrevich. — Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 1989. 52 p.
11. *Motrevich V. P.* Dynamics of the number and composition of agrarian workers of the Urals in the post-war years / V. P. Motrevich // Labor and personnel in the national economy. — Sverdlovsk: SINGH, 1990. — P.78–85.
12. *Motrevich V. P.* Collective farms of the Urals during the Great Patriotic War. — Sverdlovsk: USU, 1990. 195 p.
13. *Motrevich V. P.* The national composition of the rural population of the Urals on the eve of the Great Patriotic War / V. P. Motrevich // Economy and socio-political development of the Urals in the transition period. — Sverdlovsk: USU, 1990. — pp. 106–117.
14. *Motrevich V. P.* Gross agricultural output of the Urals in 1941–1960 / V.P. Motrevich. — Sverdlovsk: IIA UrO of the USSR Academy of Sciences, 1991. 72 p.
15. *Motrevich V.P.* German labor army in the Perm region / V. P. Motrevich // Problems and trends in the development of the Verkhnekamsk region: history, culture, economics: materials of the regional scientific and practical conference. — Berezniki: PPI, 1992. — P.52–53.
16. *Motrevich V. P.* New materials on the history of prisoners of war of the Second World War / V. P. Motrevich // New approaches, methods, sources. — Moscow: IRI RAS, 1992. — P.84–85.
17. *Motrevich V. P.* Agriculture of the Urals in statistical indicators (1941–1950). Yekaterinburg: Science: Ural Department, 1993. 307 p.
18. *Motrevich V.P.* Development of agriculture in the Urals in the 1940s: dissertation of Doctor of I.N. / V.P. Motrevich. — Yekaterinburg, 1993. 42 p.
19. *Motrevich V. P.* Agrarian policy of the Stalinist regime in the 1940s / V.P. Motrevich // Democracy and totalitarianism. The European experience of the XX century: materials of a scientific seminar. — Yekaterinburg: USU, 1993. — P. 97–98.
20. *Motrevich V. P.* On the results of the exhumation of Japanese prisoners of war at the cemetery of the special hospital No. 2929 of the USSR Ministry of Internal Affairs in Nizhny Tagil, Sverdlovsk region / V. P. Motrevich // Values and ideology in modern Russia: materials of the interuniversity scientific and practical conference. — Yekaterinburg: USTU. 1996. — P. 86–89.
21. *Motrevich V.* Foreign Citizens of Origin in the USSR according to the 1937 Census / V. Motrevich // Jews in Eastern Europe. The Hebrew University of Jerusalem. — 1997. — No. 1 (37). — P. 27–33.
22. *Motrevich V.P.* Tatars as part of the rural population of the Urals (based on the materials of the All-Union Population Census of 1939) / V. P. Motrevich // Ural industrial: the second regional scientific conference. — Yekaterinburg: USTU, 1998. — P. 60–62.

23. Мотревич В. П. Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области / В.П. Мотревич // Урал в прошлом и настоящем: материалы региональной научной конференции. Ч. 1. — Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. — С. 469–471.
24. Мотревич В. П. Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области / В.П. Мотревич // Урал индустриальный: третья региональная научная конференция. — Екатеринбург: УГТУ, 1999. — С. 117–120.
25. Мотревич В. П. Новые материалы о деятельности германской разведки на Урале в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Урал индустриальный: четвертая региональная научная конференция. Екатеринбург: УГТУ, 2001. — С. 64–66.
26. Мотревич В. П. Новые материалы о деятельности германской разведки на Урале в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Военный комментатор. — 2001. — № 1 (2). — С. 31–40.
27. Мотревич В. П., Радостева Ю.А. Репрессии против меннонитов в Свердловской области в послевоенные годы чтения / В.П. Мотревич, Ю. А. Радостева // Четвертые Татищевские чтения. — Екатеринбург: БКИ. 2002. — С. 177–180.
28. Мотревич В. П. Антисоветские листовки в Свердловске в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Военный комментатор. — 2002. — № 2 (4). — С. 141–148.
29. Мотревич В. П. К вопросу о деятельности органов МГБ СССР в первые послевоенные годы по выявлению бывших полицейских на территории Свердловской области / В.П. Мотревич // Россия и Советский Союз в локальных войнах и вооруженных конфликтах XX столетия. — Екатеринбург: ГУ, 2002. — С. 169–172.
30. Мотревич В. П. АлСиб и Средний Урал / В.П. Мотревич // АлСиб 60 — Трасса мужества: материалы международной научно-практической конференции. — Иркутск, 2002. — С. 60–61.
31. Мотревич В. П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Урал в военной истории России: традиции и современность: материалы международной научной конференции. — Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2003. — С. 85–87.
32. Мотревич В. П. Новые материалы о голоде на Среднем Урале в 1940–е гг. // Урал индустриальный: пятая региональная научная конференция. — Екатеринбург: УГТУ, 2003. — С. 93–95.
33. Мотревич В.П. Иностранные подданные в Крыму по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. / В.П. Мотревич // Россия–Крым–Балканы: материалы международной научной конференции. — Екатеринбург: Волот, 2004. — С. 356–357.
34. Мотревич В. П. Антисоветские листовки в Свердловске в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Т. 1. — Екатеринбург: АМБ, 2004. — С. 440–443.
35. Мотревич В. П. Выявление на Среднем Урале бывших полицейцев и немецких пособников в первые послевоенные годы / В.П. Мотревич // Велика Вітчизняна війна 1941–1945 років: сучасні проблеми історичної освіти і науки: міжнародна науково-теоретична конференція. — Дніпропетровськ: Пороги. 2005. — С. 267–274.
36. Мотревич В.П. Авиаперегоночная трасса Аляска — Сибирь и Средний Урал / В.П. Мотревич // Война и российское общество: 1914–1945 годы: материалы региональной научной конференции. — Екатеринбург: УрГУ, 2005. — С. 123–125.
37. Мотревич В. П. Военнопленные Второй мировой войны на Урале: численность, состав, размещение / В.П. Мотревич // Россия и мир: панорама исторического развития: всероссийская научная конференция. — Екатеринбург: УрГУ, 2008. — С. 721–735.
38. Мотревич В. П. Меннониты на Урале в послевоенные годы: самоорганизация и борьба за сохранение этноконфессиональной идентичности (по материалам архива УФСБ по Свердловской области) / В.П. Мотревич // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: материалы международной научно-практической конференции. — Москва: NDK — MEDIRN, 2008. — С. 24–27.
39. Мотревич В. П. Вопросы социально-экономической истории Урала. Екатеринбург: УрГСХА, 2008. 490 с.
40. Мотревич В. П. Нелегальная молодежная организация в городе Нижняя Салда Свердловской области / В.П. Мотревич // Политические репрессии и сопротивление несвободе. — Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009. — С. 200–202.
41. Мотревич В. П. Военные преступники в Свердловской области в 1949–1956 гг. / В.П. Мотревич // «Алдамжаровские чтения–2010»: материалы международной научно-практической конференции. — Костанай: КСТУ, 2010. — С. 210–223.
23. Motrevich V. P. Exhumation of the remains of Japanese prisoners of war in the Orenburg region / V. P. Motrevich // Ural in the past and present: materials of a regional scientific conference. Part 1. — Yekaterinburg: IIA UrO RAS, 1998. — P. 469–471.
24. Motrevich V. P. Exhumation of the remains of Hungarian prisoners of war in the Novolyalinsky district of the Sverdlovsk region / V. P. Motrevich // Ural industrial: the third regional scientific conference. — Yekaterinburg: USTU, 1999. — P. 117–120.
25. Motrevich V. P. New materials on the activities of German intelligence in the Urals during the Great Patriotic War / V.P. Motrevich // Ural industrial: the fourth regional scientific conference. Yekaterinburg: USTU, 2001. — P. 64–66.
26. Motrevich V. P. New materials on the activities of German intelligence in the Urals during the Great Patriotic War / V.P. Motrevich // Military commentator. — 2001. — No. 1 (2). — P. 31–40.
27. Motrevich V. P., Radosteva Yu.A. Repressions against Mennonites in the Sverdlovsk region in the post-war years of reading / V. P. Motrevich, Yu. A. Radosteva // The fourth Tatischev readings. — Yekaterinburg: BKI. 2002. — P. 177–180.
28. Motrevich V. P. Anti-Soviet leaflets in Sverdlovsk during the Great Patriotic War / V. P. Motrevich // Military commentator. — 2002. — № 2 (4). — P. 141–148.
29. Motrevich V. P. On the issue of the activities of the USSR MGB bodies in the first post-war years to identify former police officers in the territory of the Sverdlovsk region / V. P. Motrevich // Russia and the Soviet Union in local wars and armed conflicts of the XX century. — Yekaterinburg: GU, 2002. — P. 169–172.
30. Motrevich V. P. AISib and the Middle Urals / V.P. Motrevich // AISib 60 — The Highway of courage: materials of the international scientific and practical conference. — Irkutsk, 2002. — P. 60–61.
31. Motrevich V. P. Famine in the Middle Urals during the Great Patriotic War / V.P. Motrevich // Ural in the military history of Russia: traditions and modernity: materials of the international scientific conference. — Yekaterinburg: IIA UrO RAS, 2003. — P. 85–87.
32. Motrevich V. P. New materials about the famine in the Middle Urals in the 1940s. // Ural Industrial: the fifth regional scientific conference. — Yekaterinburg: USTU, 2003. — P. 93–95.
33. Motrevich V.P. Foreign subjects in Crimea according to the All-Union census of the USSR in 1937 / V. P. Motrevich // Russia–Crimea–Balkans: materials of the international scientific conference. — Yekaterinburg: Volot, 2004. — P. 356–357.
34. Motrevich V. P. Anti-Soviet leaflets in Sverdlovsk during the Great Patriotic War / V. P. Motrevich // Ural Industrial. Bakunin readings. Vol. 1. — Yekaterinburg: AMB, 2004. — P. 440–443.
35. Motrevich V. P. Identification of former policemen and German accomplices in the Middle Urals in the first post-war years / V. P. Motrevich // Velika Vitchiznyana viina 1941–1945 rockiv: suchasni problems istorichnoi osviti i nauki: international science-theoretical conference. — Dnipro: Thresholds, 2005. — P. 267–274.
36. Motrevich V.P. Aviaperegonochnaya highway Alaska — Siberia and the Middle Urals / V.P. Motrevich // War and Russian society: 1914–1945: materials of a regional scientific conference. — Yekaterinburg: USU, 2005. — P. 123–125.
37. Motrevich V. P. Prisoners of war of the Second World War in the Urals: number, composition, placement / V.P. Motrevich // Russia and the world: panorama of historical development: All-Russian Scientific Conference. — Yekaterinburg: USU, 2008. — P. 721–735.
38. Motrevich V. P. Mennonites in the Urals in the post-war years: self-organization and the struggle for the preservation of ethno-confessional identity (based on the materials of the archive of the Federal Security Service for the Sverdlovsk region) / V. P. Motrevich // Germans of Russia: historical experience and modern problems of self-organization: materials of the international scientific and practical conference. — Moscow: NDK — MEDIRN, 2008. — P. 24–27.
39. Motrevich V. P. Issues of socio-economic history of the Urals. Yekaterinburg: UrGSHA, 2008. 490 p.
40. Motrevich V. P. Illegal youth organization in the city of Nizhny Salda, Sverdlovsk region / V. P. Motrevich // Political repression and resistance to unfreedom. Syktyvkar: IYALI Komi NC UrO RAS, 2009. — P. 200–202.
41. Motrevich V. P. War criminals in the Sverdlovsk region in 1949–1956 / V. P. Motrevich // «Aldamzhar readings–2010»: materials of the international scientific and practical conference. — Kostanay: KSTU, 2010. — P. 210–223.

42. Мотревич В. П. Численность аграрных рабочих на Урале в 1940–1950-е гг. / В.П. Мотревич // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра: всероссийская научная конференция. — Екатеринбург: УМЦ -УПИ, 2012. — С. 223–227.
43. Мотревич В. П. Сельскохозяйственные рабочие на Урале в 1940–1950-е гг. / В.П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. — 2013. — № 1 (107). — С. 45–47.
44. Мотревич В.П. Доходы крестьян на Урале в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. — 2016. — № 3. — С. 49–55.
45. Мотревич В.П. Жизнь в катастрофе: питание сельчан на Урале в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. — 2016. — № 4. — С. 60–65.
46. Мотревич В. П. Жизнь в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны: скрытое недовольство и борьба за выживание / В.П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. 2016. № 5. — С. 83–87.
47. Мотревич В. П. Учреждения для иностранных военнопленных в Днепропетровской области в 1944–1951 гг.: численность и дислокация / В.П. Мотревич // «Грани». — 2016. — Т. 19. — № 12 (140). — С. 88–92.
48. Мотревич В. П. Учреждения для иностранных военнопленных и интернированных в Грузинской ССР в 1942–1950 годах: численность и дислокация / В.П. Мотревич // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер: Гуманит и соц. науки. — 2019. — № 4. — С. 26–33.
49. Мотревич В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич. — Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.
42. Motrevich V. P. The number of agrarian workers in the Urals in the 1940s–1950s / V. P. Motrevich // Industrial Russia: yesterday, today, tomorrow: All-Russian Scientific Conference. — Yekaterinburg: UMTS–UPI, 2012. — P. 223–227.
43. Motrevich V. P. Agricultural workers in the Urals in the 1940s–1950s / V. P. Motrevich // Agrarian Bulletin of the Urals. — 2013. — № 1 (107). — P. 45–47.
44. Motrevich V.P. Incomes of peasants in the Urals during the Great Patriotic War / V.P. Motrevich // Agrarian Bulletin of the Urals. — 2016. — No. 3. — P. 49–55.
45. Motrevich V.P. Life in a catastrophe: nutrition of villagers in the Urals during the Great Patriotic War / V. P. Motrevich // Agrarian Bulletin of the Urals. — 2016. — No. 4. — P. 60–65.
46. Motrevich V. P. Life in the Ural village during the Great Patriotic War: hidden discontent and the struggle for survival / V.P. Motrevich // Agrarian Bulletin of the Urals. 2016. No. 5. — P. 83–87.
47. Motrevich V. P. Institutions for foreign prisoners of war in the Dnipropetrovsk region in 1944–1951: number and dislocation / V.P. Motrevich // «Grani». — 2016. — T. 19. — № 12 (140). — P. 88–92.
48. Motrevich V. P. Institutions for foreign prisoners of war and internees in the Georgian SSR in 1942–1950: number and dislocation / V.P. Motrevich // Vestn. Sev. (Arctic.) feder. un-ta. Ser: Humanities and Social Sciences. — 2019. — No. 4. — P.26–33.
49. Motrevich V. P. Contribution to Victory: agriculture of the Urals during the Great Patriotic War / V.P. Motrevich. — Yekaterinburg: Alfa Print, 2021. 700 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 80,9%.

Рецензент: *Смыкалин А.С.*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022, принята к публикации 08.06.2022

The article was received on 18.05.2022, accepted for publication 08.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0001-5564-4602>, e-mail: kamyninv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Kamynin, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Ural Federal University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, <http://orcid.org/0000-0001-5564-4602>, e-mail: kamyninv@yandex.ru

5.6.5. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

07.00.09 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Англо-американская историография о правовой основе деятельности британских компаний в России в 1892–1914 гг.

©Ирина Викторовна Боброва

Тюменский государственный институт культуры, г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: ermolinskaya@mail.ru

Аннотация. В статье сделана попытка показать основные точки зрения англо-американских исследователей изучающих правовую основу деятельности британских компаний в России в конце XIX–начале XX вв. Выявляются аспекты проблемы, которые наиболее волнуют специалистов. Рядом исследователей движет стремление увидеть, каково было соотношение произвола и законности на просторах Российской империи, каков был масштаб дискриминации британских подданных и британских компаний. Сегодня такой подход мало плодотворен. Он не показывает в чем заключались правовые отличия между британскими компаниями и российскими компаниями, действовавшими в империи — они рассматриваются как одно и то же. Кроме этого, исследователи недооценивают наличие в государстве разных правовых зон, наличие рабочей силы, обладавшей разными правами. В последние годы попытки ученых разобраться в экономическом развитии России рубежа XIX–XX вв. и, в частности, в том, насколько продуктивны были компании в Российской империи дает надежду на появление более конструктивного подхода в оценке российского корпоративного законодательства.

Ключевые слова: британский капитал, британские инвестиции, британские компании, Российская империя, российская индустриализация, С.Ю. Витте, корпоративное законодательство, капитализм на Урале, капитализм в Сибири.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Боброва И. В. Англо-американская историография о правовой основе деятельности британских компаний в России в 1892–1914 гг. // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 111-118.

Anglo-American Historiography on the Legal Basis of the Activities of British Companies in Russia in 1892-1914

©Irina V. Bobrova

Tyumen State Institute of Culture, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: ermolinskaya@mail.ru

Abstract. The article is an attempt to demonstrate a number of viewpoints held by British and American scholars on Russian legislation that governed British companies operating in the Russian Empire at the end of the 19th — early 20th century. The article identifies the main aspects of the problem that academics tend to focus on. Predominantly experts seek to establish the extent and severity of arbitrariness of the Russian legal system, the scale of discrimination and injustice faced by British subjects and British companies. It is apparent today that this approach is unproductive due to its inability to aid in understanding of the legal differences between the Russian companies and British companies operating in the Russian Empire — they are still considered as identical. Moreover, it is underestimated that the vast country at the time presented a conglomerate of contrasting in juridical terms zones. Each one often had its own legal system under which companies and workers exercised significantly different rights. Latest attempts of the scholars

to shed light on economic history of the Russian Empire of its latest decades of existence seem to suggest a sign of an emergence of a more constructive approach in investigation of British companies and the legal basis for their work in Russia.

Key words: British capital, British investments, British companies, Russian Empire, Russian industrialization, S.Y. Witte, corporate legislation, capitalism in the Urals, capitalism in Siberia.

FOR CITATION: Bobrova I. V. Anglo-American Historiography on the Legal Basis of the Activities of British Companies in Russia in 1892-1914 // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 111-118. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

По словам С.Ю. Витте, сыгравшего огромную роль в индустриализации России в конце XIX в., только при опоре на иностранный капитал страна сможет распрощаться с архаичным прошлым и стать частью современного мира [31, с. 68]. Политика Витте, а также социально-экономические обстоятельства развития в странах Западной Европы привели к тому, что в Россию на рубеже XIX–XX вв. хлынул поток иностранных инвестиций. Британские капиталовложения заняли в российской экономике второе место после французских [5, с. 54]. Если французский капитал был «ростовщическим», то английский был акционерным [10]. Это был крупный капитал, генерированный в Великобритании, в том числе на Лондонской фондовой бирже. Такой акционерный капитал участвовал в жизни корпораций, работавших на территории России.

С 1890-х гг. британские компании перестали ограничиваться работой в западных и центральных регионах империи. Текстильная промышленность, производство сельскохозяйственных машин, торговля больше не привлекали британцев как экономически выгодные. Предприниматели начали активно осваивать новые, сулящие доходы совсем другого масштаба регионы — нефтяной Кавказ, богатые золотом, платиной, медью, цинком и прочими природными ресурсами Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан. Британские интересы простирались вплоть до самых отдаленных уголков государства, к которым только что была проложена Транссибирская железная дорога.

Российский и английский капитал часто работали «бок о бок» на одном и том же производстве, граждане обеих держав, занимая позиции от директора до рабочего, становились частью одного целого организма. В результате англичане формировали свое представление о народе, о котором прежде им практически ничего не было известно, кроме в лучшем случае каких-то популярных мифов.

Британский капитал работал в пределах гигантской империи, в регионах, где действовали различные правовые нормы, он включался в развитие целых отраслей промышленности, привлекал к работе людей разных национальностей, включая мигрантов, женского и детского труда, труда каторжников.

О необходимости изучения поведения иностранного капитала в России на рубеже XIX–XX вв. хорошо сказал В.И. Бovyкин. Он отметил, что если говорить о его предпринимательской форме, то его поведение было детерминировано «уровнем социально-экономического развития страны, в которой он действовал, ее политическим статусом и местом в мировой системе». Историк говорил: поймите деятельность иностранного капитала в России, и вы поймете все, что Россия собой представляла [3, с. 9].

В реконструкции этого вопроса большое место принадлежит изучению правовой базы, на основе которой британский капитал получал доступ к российским предприятиям, природным ресурсам, рабочей силе.

Актуальность темы подчеркивается существующим интересом, с которым сегодня и российские и западные исследователи изучают историю России рубежа XIX–XX вв.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Значительный вклад в изучение нормативно-правовой основы для работы иностранного капитала в России внес советский историк Л.Е. Шепелев [12, 13, 14], взгляд которого в основном был прикован к центральным районам государства. До сих пор российские и иностранные исследователи черпают ценные факты и наблюдения из его исследований.

Уральский историк Ю.А. Буранов внес вклад в понимание многих нюансов, связанных с правовой основой проникновения иностранного капитала на Урал [4]. Он показал, что правовая основа в государстве не была однородной, в нем существовали различные правовые зоны. Исследователь так же проиллюстрировал, что потребность в капитале на рубеже столетий была острой на Урале: самостоятельно переродившимся в акционерные общества окружным заводам как воздух были необходимы крупные инвестиции на фоне промышленного кризиса 1900–1904 гг. и упрочившейся усилиями С. Ю. Витте южно-российской промышленности.

Российские исследователи проделали значительную эволюцию в оценке роли иностранного капитала в конце XIX–начале XX в. в России. В советское время долго доминировала точка зрения, выраженная в конце 1930-х гг. в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Ее смысл сводился к тому, что в результате проникновения иностранного капитала в экономику Россия стала полуколонией стран Запада [9, с.78]. Отношение к иностранному капиталу было резко отрицательным. И хотя в дальнейшем эта точка зрения была подвергнута пересмотру, но подозрительное отношение к иностранному капиталу сохранялось.

В 1990-х гг. в связи с глубокими переменами, происходившими в обществе, проблема иностранного капитала в Российской экономике стала особенно актуальна. Ее исследование стимулировалось практическим интересом. Многие историки, признавали, что иностранный капитал ускорил процесс индустриализации России, позволил ей, не задерживаясь, проскочить «ситцевый» этап развития и вступить в «железный век» капиталистического производства [6, с. 31]. Появились исследователи, которые позитивно оценивали влияние иностранного капитала.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Сегодня история последних десятилетий существования Российской империи привлекает большое внимание запад-

ных историков и экономистов. С одной стороны, с чувством гордости они исследуют истории своих первопроходцев (бизнесменов, финансистов, инвесторов, инженеров, ученых и т.д.), которые расширяли границы экономического влияния ведущих капиталистических держав, налаживали экономические связи между странами и континентами, давая свободу капиталам устремляться туда, где их ждали наиболее благоприятные условия для инвестирования и получения наибольшей прибыли (наличие большого количества дешевой и непритязательной рабочей силы, изобилие разнообразных природных ресурсов, отсутствие контроля со стороны центральной власти как магнит притягивали к себе инвестиции).

С другой стороны, интерес зарубежных исследователей к экономической истории объясняется той ролью, которую Россия играла и играет в мировой экономике. Россия вызывает интерес специалистов благодаря «огромному и разнообразному опыту экономических реформ» [20]. Исследователи ищут ответы на вопросы современности в прошлом и этим объясняется рост количества работ, в которых внимательно изучается как различные по форме компании работали в развивающихся странах. Особое внимание уделяется тому, как тип компании, вид ее организации влиял на производительность такого предприятия [21].

В руках западных исследователей имеется уникальная источниковая база, к которой доступ для многих российских исследователей затруднен.

Среди зарубежных исследователей наиболее подробно поднимает проблему правовой основы деятельности иностранных компаний в России американский исследователь Т. Оуэн. В 1991 г. вышла его монография, посвященная исследованию экономической политики царизма [26]. В данной работе автор внимательно изучает нормативно-правовые условия, в которых приходилось работать корпорациям в царской России. Оуэн считает, что положение акционерных обществ было двойственным: с одной стороны, государство стимулировало их деятельность с целью обеспечить в стране экономическое развитие, с другой стороны, правительство держало такие компании в нерасполагающих к деловой активности условиях. Власть стремилась оградить самодержавный режим от каких-либо угроз, в результате чего законодательство к концу существования российской империи становилось все более строгим по отношению к корпорациям.

С конца 1980-х гг. Т. Оуэн работал над созданием базы данных корпораций Российской империи периода 1700–1914 гг.». Автором была предпринята попытка систематизировать данные о различных компаниях, почерпнутые из Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ) и содержащихся в нем уставов акционерных компаний [28]. В настоящее время многие экономисты и историки ее широко используют. Например, в 2020 г. вышло исследование французского капитала в России в конце XIX–начале XX в. на основе данного труда Т. Оуэна [8].

С Т. Оуэном у широкой общественности в России была возможность познакомиться на страницах газеты «Ведомости» в 2012 г., где он выражал сожаление, что в России государство все еще не осознало огромную важность охраны частной собственности: «в России богатые промышленники со времен Петра I и вплоть до Первой мировой войны действовали в условиях крайне ограниченных прав собственности». Оуэн утверждает, что в России за ее историю предпринято уже достаточное количество либеральных реформ. Сейчас остается лишь провести политические реформы, которые позволят «уважать конституцию и довести до логического результата [либеральные] реформы» [16].

Во многом продолжателем направления, в котором работал Т. Оуэн на сегодняшний день, является А. Грегг из Ми-

длберийского университета (США) [24]. В своих научных работах она опирается на труды Т. Оуэна. Ее статьи посвящены экономике последних десятилетий существования царской России, а именно развитию ее промышленности. А. Грегг исследует роль корпораций в индустриализации царской России, их производительность, структуру капитала. Конечно, в своих трудах она не может обойти вопросы российского права, определявшие коммерческую и производственную деятельность. Она считает, что переход компании в статус корпорации был выгодным предприятием, так как открывал ей доступ к действительно существенным объемам капитала как зарубежного, так и российского. Переход в ранг корпорации предоставлял компаниям возможность торговать акциями на внутреннем и зарубежном рынке ценных бумаг. Производительность таких компаний с переходом в ранг корпораций возрастала. Корпорации защищали всех инвесторов от ответственности [21].

В вопросах правовой базы экономической деятельности иностранных компаний исследования Т. Оуэна стали опорой для многих современных западных историков, изучающих российскую экономику XIX–начала XX в. Среди них британский историк из Университетского колледжа Лондона (Великобритания) — Т. Джонс. Он во многом разделяет точку зрения Оуэна: отсутствие надежной правовой базы, несовершенство института независимых адвокатов и судебной системы в целом, произвол бюрократического аппарата порождали бесконечный антагонизм между государством и компаниями. Исследование данного историка открывает доступ к уникальным источникам столицы Великобритании — финансового центра мира эпохи конца XIX–начала XX в. Кроме многочисленных документов из Национального архива, Т. Джонс использует работу Л. Расторгуева, которая является важным источником по изучаемому нами вопросу [29]. Сведения о существовании этого документа более нигде не встречаются. По словам Джонса, Расторгуев являлся адвокатом Харьковского суда. Написанная им и изданная на английском языке брошюра преследовала цель объяснить британцам как работает правовая система в России для гарантированно выгодного вложения средств [29, с. 55].

В целом, что касается взгляда англо-американских исследователей на правовую основу инвестиционной деятельности британцев в российской экономике в 1892–1914 гг., обращает на себя внимание то, что в их работах присутствует четкая осведомленность о том, что в период конца XIX–начала XX в. в России закон опирался на ПСЗРИ и Свод законов Российской империи (СЗРИ). Разница между этими кодексами законов для иностранных исследователей тоже очевидна.

В уяснении значения ПСЗРИ и СЗРИ большую роль играет книга В. Вайзенханта — американского историка из колледжа Ду-Пейдж (Иллинойс, США), перу которого принадлежат семь книг, посвященных российской истории с акцентом на российско-американские отношения. На данный момент Вайзенхант принимает участие в различных проектах связанных с историей российско-американских взаимоотношений, например, является одним из управляющих издателей «Журнала российско-американских исследований» (Journal of Russian American Studies) [23].

В одной из своих книг, на основе широкого круга источников, задействованных из целого ряда библиотек и архивов Санкт-Петербурга автор исследует законодательную деятельность М. М. Сперанского и его роль в систематизации российских законов [32]. Вайзенхант считает, что ПСЗРИ являло собой историческое собрание законов Российской империи, в котором они были выстроены в хронологическом порядке. В отличие от него СЗРИ был сборником действу-

ющих законов, поделенных по разным темам. Свод законов был предназначен для использования его в качестве путеводителя по Полному собранию законов [33, с. 75–85].

Тот же Вайзенхант, приходит к выводу, что ПСЗРИ было неполным, поскольку М. М. Сперанскому пришлось включить в его состав только те законы, которые брали происхождение как императорские указы, однако существовало много других видов законов в Российской империи такие как указы Сената, указы провинциальных губернаторов и Синодальные эдикты [33, с. 71].

Р. Пайпс увидел еще одну серьезную проблему, связанную с ПСЗРИ — отсутствие четких границ между законами, судебными решениями и административными указами. Правительство было в праве в любое время создать закон, издав указ [17, с. 298].

В отличие от консервативной позиции Пайпса Й. Бурбанк выражает более позитивное мнение, что все-таки кодификация законов первой половины XIX в. помогла жителям российских земель отстаивать свои права в тяжбах гражданского и уголовного характера. Однако, безусловно, нужно признать, что власть государства довлела над частными правами [18, с. 410].

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИТАНСКИХ КОМПАНИЙ В РОССИИ

Оуэн начинает отсчитывать историю корпоративного права с Петра I, когда сама идея корпорации была им перенята у Запада. На российской почве она приняла своеобразный вид. Изначально контуры российских корпораций были крайне размыты, такие компании организовывались людьми, связанными с центральной властью. Благодаря акционерным обществам государство получало прибыль. Далее Оуэн обращается к важному для истории российского корпоративного права моменту и говорит: «первый общий указ, утверждавший принцип ограниченной ответственности инвесторов появился в России в 1805 г. Император Александр I, все еще пребывая в относительно просвещенной фазе своего правления..., издал указ, который цитировал решение суда принятое месяцем ранее, согласно которому основатели и акционеры обанкротившейся кораблестроительной компании не должны были нести личную ответственность за долги предприятия». Оуэн привлекает наше внимание к тому, что указ 1805 г, о котором идет речь, кроме ссылки на решение суда, содержал еще в себе цитату из устава данной компании относящегося к 1782 г. В уставе разорившейся кораблестроительной компании сказано, что данная акционерная компания отвечает одним складочным капиталом, в случае неудачи, гарантируется, никто из инвесторов не потеряет больше, чем было вложено [26, с. 10].

Среди современных российских правоведов есть такие, которые утверждают, что «русскому дореволюционному праву не были известны общества, или, так называемые товарищества с ограниченной ответственностью», это «изобретение юристов из Германии». Лишь спустя много лет идея докатилась до России, сначала «посетив» Англию, Австрию, США, Японию, Бельгию, Испанию, Италию, Португалию, Грецию, Венгрию [7]. Даже если российские юристы говорят о том, что «указ от 6 сентября 1805 г. ... закреплял принцип ограниченной ответственности акционеров по долгам компании» [11] или обращают внимание на «принцип ограниченной ответственности акционеров», фигурировавший в Манифесте 1807 г., [1] они, кажется, не придают этому особого значения, не обращают внимание, что принцип ограниченной ответственности инвесторов вступил в действие в России, получается, раньше,

чем в Германии. Принцип ограниченной ответственности — это крайне важный элемент корпоративного права, особенно если он стал реализовываться в такой «деспотической» стране как Россия, раньше западноевропейских государств.

Однако это не дает Оуэну повод строить особенно больших иллюзий. Он говорит, что корпорации для обоснования права на существование должны были иметь общегосударственное значение, их создание требовало разрешение царя [26, с. 12].

Манифест от 1 января 1807 г. четко отделил акционерные компании от более мелких предприятий, которым не предоставлялось право ограниченной ответственности для инвесторов и к которым не предъявлялось требование получить подтверждение у царя. Согласно Оуэну, в законе 1807 г. посвящалось корпорациям только две строчки. Создавать акционерные общества можно было купеческому сословию и представителям дворянского сословия. Никакой информации в отношении внутренней организации дано не было. Для такой информации предназначались уставы [26, с. 10]. Оуэн отмечает, что дальше этих существенных сдвигов в корпоративном праве, государство не пошло. Во время правления Николая I режим «заковал в кандалы» акционерные общества, введя «чрезвычайно регрессивный корпоративный закон 1836 г.» [26, с. 11].

А. Грегг считает, что в Российской империи до конца ее существования так и не возникло общего корпоративного законодательства. «...Все фирмы, желавшие стать акционерными обществами, должны были получить подпись царя в своих уставах, что было время затратным и дорогостоящим занятием. И тем не менее свыше четырех тысяч компаний стали акционерными начиная с 1700 г. и заканчивая 1914 г.» [20].

А. Грегг не заостряет внимание на том, что двести лет — это большой срок, речь идет о фундаментально разных компаниях, возникавших в очень различных исторических и правовых условиях с разными целями. Объединять здесь свыше двух столетий истории в единый период было бы некорректно. Вероятно, это обобщение А. Грегг основано на исследовании Т. Оуэна «RUSCORP: база данных корпораций Российской империи 1700–1914 гг.». А. Грегг признает, что закон 1836 г стал самым важным корпоративным законом. Он диктовал, что проекты уставов должны были направляться на рассмотрение в соответствующее министерство и Комитет министров, а с 1905 г. Совет министров Российской империи. В конце концов, проект устава шел на подпись царю. Подписанный царем устав приобретал силу закона, а компания становилась корпорацией.

Уставы различных компаний сильно отличались друг от друга. Они содержали перечень всех основных характеристик корпораций. Например, права на собственность, варианты финансирования, процедуры бухгалтерского учета, условия руководства, правила банкротства. Российская система уставов была довольно гибкой, чтобы допустить возникновение двух типов корпораций [20].

Т. Оуэн считает, что государство отказывалось провести какие-либо существенные изменения в отношении закона 1836 г. На протяжении последующих восьми десятилетий корпоративное законодательство оставалось рудиментарным, несмотря на все растущие требования со стороны ведущих капиталистов империи. Например, осознавали необходимость реформ правовой системы в стране фабриканты Урала в 1905 г. По их словам, успешное развитие экономики могло быть достигнуто только путем утверждения правового порядка. Инициатива и предприимчивость рождаются в условиях, когда каждой личности гарантировано выполнение разумных и справедливых законов, когда есть наличие независимых судов и нет угрозы административного произвола [27, с. 28]. При

чтении этого пассажи невольно возникает чувство, что Оуэн описывает современных ему уральцев первой половины 1990-х гг., а не местных людей конца XIX–начала XX в.

Государство до самого конца практиковало своеобразную опеку над акционерными обществами. Такая политика сдерживала развитие корпоративного предпринимательства [26, с. 6]. В своей статье почти двумя десятилетиями позже в «Ведомостях» Оуэн снова возвращается к этой проблеме: «Государство оправдывало "неусыпную административную опеку" тем, что в росте капитализма ему виделся "процесс искусственной прививки или насильственного внесения в русское народное хозяйство чуждых ему, выросших на почве «гнилого Запада» начал» [16].

В России, по мнению Оуэна, без полноценного акционерного общества не могла сложиться экономика современного типа. Препятствия, через которые для регистрации компаниям надо было проходить в России — так же, как и в Османской империи — усугубляли экономическую стагнацию [20]. Этот процесс, Оуэн эмоционально называет «семь кругов регистрации в статусе корпорации» [27, с. 21].

Оформление компаний в акционерные общества по концессионному (разрешительному) типу, а не явочному, продиктованное законодательством 1836 г. и сохранившееся до 1917 г. вызывает у исследователей большое разочарование. По мнению Т. Оуэна, из-за этой системы регистрация компаний занимала много времени. Кроме этого, система дискриминировала иностранцев ограничениями, связанными с оформлением уставов [27, с. 26].

Концессионная система, при которой переход компании в статус корпорации допускался только с особого разрешения царя, сильно отличался от той схемы, по которой к концу XIX в. проходил переход предприятия в статус корпорации в Германии, Франции, Великобритании, США. Во всех этих странах уже была принята явочная схема [20].

По мнению Т. Джонса «навязанная» иностранцам разрешительная система приводила к тому, что деятельность таких компаний в России была постоянно окружена высоким уровнем министерского контроля, все чиновники принимали дискреционные решения. Закону не удалось обеспечить компании четкими юридическими нормами, способными объяснить принципы предоставления различных разрешений [20, с. 55].

Дискуссия вокруг российского коммерческого законодательства неизбежно затрагивает роль С. Ю. Витте в его создании. Дискуссия неразрывно связана с дебатами исследователей о роли российского государства в привлечении иностранных инвестиций и о той роли, которую правительство играло в индустриализации последних десятилетий царской России.

Американский историк А. Гершенкрон, ассоциирующийся у многих с концепцией преимущества экономической отсталости, считает, что поскольку речь идет об индустриализации в экономически отсталой стране, то ее инициатором естественно могло быть только государство, следовательно, роль Витте была действительно велика [19, с. 720]. Вслед за Гершенкроном многие другие западные исследователи подчеркивают большую роль Витте в индустриализации России царского периода и в привлечении и стимуляции работы британских компаний в России.

Другой американский исследователь Т. фон Лауэ стал в середине XX в. крупным исследователем деятельности С. Ю. Витте, самым ярким проявлением чего стала работа, в которой он изучает историю индустриализации Витте [30]. Возможно, вдохновением для такой работы стала опубликованная им ранее в 1954 г. «Секретная записка Витте» Николаю II от 22 марта 1899 г., которая случайным образом в 1931 г. попала в Библиотеку Конгресса в Вашингтоне. Следов упо-

минания этой записки в Российской историографии не обнаруживается. В ней Витте излагает самодержцу свое видение решающей роли иностранного капитала в Российской истории и практически озвучивает «пятилетний план ускоренной индустриализации» [31, с. 60–74].

Несмотря на то, что отношение исследователей к Витте может быть неоднозначным, большинство признают его роль в привлечении инвестиций. Витте не мог избежать изъянов системы, и нередко в нем проявлялась свойственная всему бюрократическому аппарату тенденция принимать дискреционные решения.

В англоязычной литературе обсуждается проблема, связанная с проблемой имплементации корпоративного законодательства. Так Т. Джонс делает вывод: «интересы британцев все больше подчинялись российскому государству из-за всех юридических помех вместе взятых, особенно такой помехи, как закон о банкротстве. Очень вероятно, что, если бы не эти помехи и отсутствие возможности получить качественную юридическую поддержку, больше бы дел с участием британских компаний достигало бы апелляционный суд Сената» [22, с. 60].

Джонс в своем исследовании подчеркивает резко отрицательную роль закона о банкротстве. Он ставил британские транснациональные компании в рискованное положение, поскольку у них не было возможности участвовать наравне с российскими кредиторами, назначенными местными властями, в разделе обанкроченной собственности [22, с. 55]. В такой обстановке происходили злоупотребления, в результате которых кредиторские советы обманым путем получили от британских компаний большие суммы денег [22, с. 56]. У британских компаний было меньше шансов защитить свои интересы в суде против капризов государства, было сложнее получить качественную юридическую помощь [22, с. 60].

Еще одной важной проблемой, которая волнует исследователей, является вопрос была ли у британских компаний возможность добиться через суд от государства рассмотрения жалоб и претензий в период 1892–1914 гг.

Т. Джонс обращается к документам, составленным работниками британских посольств в российских городах. В тот период они принимали активное участие в помощи британским компаниям добиться пересмотра решений принятых в адрес этих компаний. Джонс делает вывод, что в 1890-е гг. главенство государства над законом значительно очевиднее прослеживается, возможность добиться пересмотра решений была минимальной. Тогда как в период после реформ Витте и особенно после экономического спада к британским компаниям в целом относились по закону. Несмотря на то, что государство в эти годы было настроено менее дружелюбно к иностранному капиталу, различные диспуты, в которые были вовлечены британские компании, оно чаще стало разрешать в соответствии с законом. Например, в 1909 г. британское правление золотых приисков в Троицке и Орске на Южном Урале направило петицию российскому правительству с целью оспорить правомерность налогового бремени, возложенного на компанию в 1906 г. Основанием стало то, что вложенные в прииски капиталы еще не успели принести прибыли. Российское правительство постановило, что решение было принято согласно российским законам и что дополнительные усилия британских дипломатов от лица компании будут бесполезны, так как будут выходить за рамки компетенций Министерства иностранных дел, потому что прииски были дочерними предприятиями британских компаний находящихся в руках местных российских подданных. В. Голди в своем требовании дипломатической помощи обвинил российскую сторону в том, что при принятии решения применение закона было произвольными. В ответ Министерство сказало, что компания должна была заранее по-

знакомиться с законами, касающимися налогового обложения в данном регионе России [22, с. 208].

Из биографии Г. Гувера, ставшего в 1929 г. 31-м президентом США, мы узнаем, что «доктор хворающих шахт» Гувер с его коллегой А. Ч. Битти заняли в 1910 г. «значительное положение» в делах Orsk Goldfields. Гувер принял участие в финансовой реконструкции этого предприятия [25, с. 428]. Эти данные подтверждают, что финансовая ситуация на Орских золотых рудниках в 1909 г. была действительно серьезной [Подробнее об экономической деятельности Г. Гувера в России см.: 2, с. 378–395].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экскурс в англо-американскую историографию правовой основы работы британских компаний в России рубежа концу XIX–XX вв. показывает, что многие исследователи идут по пути «поиска законности» в стране с авторитарным режимом. Их интересует, каково было соотношение «произвола» и следования букве закона в царской империи. Право частной собственности, независимый суд, право на качественные услуги квалифицированного адвоката и др. демократические права и признаки гражданского общества стоят неизменно высоко на повестке дня англоязычных исследователей.

Произвол чиновников и министров, взяточничество, размытое и рудиментарное законодательство, предвзятое отношение к иностранцам, бесконечные бюрократические препоны, такие как разрешительная система, система уставов, закон о банкротстве и т.д. не давали британским компаниям эффективно работать на российских просторах.

Большим недостатком такого подхода является то, что практически не учитывается или слабо учитывается тот факт, что, во-первых, Российская империя состояла из различных правовых зон. Во-вторых, практически не учитывается, что в России на рубеже XIX–XX вв. работали корпорации, имевшие разный правовой статус. Известно, что до 1887 г. британские компании действовали в России вообще без какого-либо разрешения властей. Наконец, во время правления Александра III в 1887 г. была подписана конвенция «на началах взаимности» с Англией, которая гласила, что отныне иностранные компании рассматриваются как юридические лица и им для дальнейшей деятельности необходимо приобрести разрешение правительства [14, с. 90]. Конвенция 1887 г. показывает, что британские транснациональные компании имели отличные от российских компаний права.

В современной российской историографии есть мнение, что к эпохе рубежа XIX–XX столетий сложилось парадоксальное положение, когда для деятельности иностранных компаний в России существовали более льготные условия, чем для отечественных. «Канцелярия Комитета министров указывала на случаи отказа некоторых иностранных компаний реорганизоваться в российские для получения частных привилегий» [15]. Возможно, «произвол», «дискреционные» решения, широкая поддержка работников британских посольств и возможность подкупа должностных лиц шли на пользу британским компаниям.

Правовое положение британских компаний было настолько завидным, что даже вполне русские компании стремились к тому, чтобы зарегистрироваться как британская компания, с целью облегчить свою деятельность в России. Одной из таких компаний была основанная в 1913 г. в Лондоне «Русская Табачная Компания» [5, с. 101].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арсентьев В. М. Акционерные формы промышленного предпринимательства России XIX века в дореформенный период (на примере среднего Поволжья) // Экономическая история: Электронный журнал, 2013 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsionernye-formy-promyshlennogo-predprinimatelstva-rossii-xix-veka-v-doreformenny-period-na-primere-srednego-povolzhya> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Боброва И. В. Правовая основа деятельности иностранных корпораций в горнозаводской промышленности Урала в 1861–1917 гг. (На материалах Кыштымской корпорации) // Проблемы истории, общества и права. УрГЮА. Вып. 15. Екатеринбург. 2021. С. 378–395.
3. Бovyкин В. И. Введение // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М.: РОССПЭН. 1997. С. 3–19.
4. Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982. 262 с.
5. Гурушина Н. Н., Поткина И. В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М.: РОССПЭН, 1997. С. 54–119.
6. Донгаров А. Г. Иностраный капитал в России и СССР. М.: Междунар. отношения, 1990. 168 с.
7. Коломец И. К. История правового регулирования обществ с ограниченной ответственностью в российском и зарубежном праве // Интернет-конференция сибирского юридического университета. [Электронный ресурс] // URL: <https://conf.siblu.ru/istoriya-pravovogo-regulirovaniya-obshchestv-s-ogranichennoy-otvetstvennostyu-v-rossiyskom-i> (дата обращения: 07.03.2022).
8. Куликов В. А. Французские промышленные предприятия в Российской империи: большой бизнес в глобальной перспективе. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: frantsuzskie-promyshlennye-predpriyatiya-v-rossiyskoy-imperii-bolshoy-biznes-v-globalnoy-perspektive.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

REFERENCES:

1. Arsentiev V.M. Joint-stock forms of industrial entrepreneurship in Russia in the 19th century in the pre-reform period (on the example of the middle Volga region) // Economic history: Electronic journal, 2013 [Electronic resource] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsionernye-formy-promyshlennogo-predprinimatelstva-rossii-xix-veka-v-doreformenny-period-na-primere-srednego-povolzhya> (accessed: 03/15/2022).
2. Bobrova I. V. Legal basis for the activities of foreign corporations in the mining industry of the Urals in 1861–1917. (Based on the materials of the Kyshtym Corporation) // Problems of history, society and law. UrGUA. Issue. 15. Yekaterinburg. 2021, pp. 378–395.
3. Bovykin V.I. Introduction // Foreign entrepreneurship and foreign investment in Russia. M.: ROSSPEN. 1997, pp. 3–19.
4. Buranov Yu.A. The corporatization of the mining industry of the Urals (1861–1917). M.: Nauka, 1982. 262 p.
5. Gurushina N.N., Potkina I.V. English capitals and private entrepreneurship in Russia // Foreign entrepreneurship and foreign investments in Russia. M.: ROSSPEN, 1997. S. 54–119.
6. Dongarov A.G. Foreign capital in Russia and the USSR. M.: Intern. relations, 1990. 168 p.
7. Kolomec I. K. History of legal regulation of limited liability companies in Russian and foreign law // Internet conferences of the Siberian Law University. [Electronic resource] // URL: <https://conf.siblu.ru/istoriya-pravovogo-regulirovaniya-obshchestv-s-ogranichennoy-otvetstvennostyu-v-rossiyskom-i> (date of access: 03/07/2022).
8. Kulikov V.A. French Industrial Enterprises in the Russian Empire: Big Business in a Global Perspective. [Electronic resource]. — Mode of access: frantsuzskie-promyshlennye-predpriyatiya-v-rossiyskoy-imperii-bolshoy-biznes-v-globalnoy-perspektive.pdf (date of access: 03/15/2022).

9. Лазарева Е. В. Отечественная историография о роли иностранного капитала в экономике Урала в последней трети XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск: Ю-Ур. ГУ, 2008. 233 с.
10. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Изд. пятое. Т. 27. М.: Политиздат, 1975. С. 299–426.
11. Оленева А.Н. Этапы развития акционерных обществ в России // Труды Института государства и права Российской академии наук № 6/ 2015 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-aktsionernyh-obschestv-v-rossii> (дата обращения: 15.03.2022).
12. Шепелев Л.Е. Из истории русского акционерного законодательства (закон 1836 г.) // Внутренняя политика царизма. (Середина XVI–начало XX в.). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1967. С. 168–196.
13. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1973. 348 с.
14. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука: Ленинградское отделение. 1981. 272 с.
15. Черножуков М.В. Сепаратное акционерное законодательство в России в XIX–начале XX веков // Elibrary, 2002. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990195_West_pravo_2002_1\(5\)/B_9.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990195_West_pravo_2002_1(5)/B_9.pdf) (дата обращения: 28.04.2021).
16. Томас Оуэн: Право собственности в истории России — его нет, как и не было // Ведомости. 2012. 14 дек. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/12/14/pravo_sobstvennosti_v_istorii_rossii (дата обращения: 26.02.2022).
17. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета. 1993. 427 с.
18. Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika. 2006. № 7. P. 397–431.
19. Gershenkron A. Agrarian Policies and Industrialisation, Russia 1861–1917 // Cambridge Economic History of Europe Cambridge University Press. 1965. Vol. 6. P. 706–800.
20. Gregg A. Factory Productivity and the Concession System of Incorporation in Late Imperial Russia, 1894–1908. <http://www.econ.yale.edu/~egcenter/AmandaGreggPaper.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).
21. Gregg A. Factory Productivity and the Concession System of Incorporation in Late Imperial Russia, 1894–1908 // American Economic Review February 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/338978714_Factory_Productivity_and_the_Concession_System_of_Incorporation_in_Late_Imperial_Russia_1894-1908/link/6085cc1f907dcf667bc4549d/download (дата обращения: 10.02.2022).
22. Jones T. British Business in Russia, 1892–1914. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1559904/1/Final%20Thesis%201606.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
23. JRAS: The Journal of Russian American Studies. <https://journals.ku.edu/jras> (дата обращения: 26.02.2022).
24. Middlebury. Department of Economics. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.middlebury.edu/academics/econ/faculty_staff_officehours/node/497989 (дата обращения: 01.04.2022).
25. Nash G. The Life of Herbert Hoover: The Engineer 1874–1914. 1st ed. New York — London: W.W. Norton & Co Inc, 1983. 768 p.
26. Owen T. The Corporation Under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy. New York: Cambridge University Press, 1991. 234 p.
27. Owen T. Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. Oxford University Press. New York. Oxford. 1995. 272 p.
28. Owen T. C. RUSCORP: A Database of Corporations in the Russian Empire, 1700–1914. Ann Arbor: ISPSR, 2002. <https://www.icpsr.umich.edu/web/ICPSR/studies/9142/versions/V3/downloadDoc/doc?path=/pcms/studies/0/0/9/1/09142/V3> (дата обращения: 06.05.2022).
29. Rastorguev L.P. The Legal Position of English Companies in Russia. Jordan & Sons. London. 1911 // Jones T. British Business in Russia, 1892–1914. <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1559904/1/Final%20Thesis%201606.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).
30. Von Laue T. Sergei Witte and the industrialization of Russia. New York. Columbia University Press. 1963. 360 p.
31. Von Laue T.H. A secret Memorandum of Sergei Witte on the industrialisation of Imperial Russia // The Journal of Modern History. Mar., 1954. Vol. 26. No. 1. P. 60–74.
9. Lazareva E. V. Domestic historiography on the role of foreign capital in the economy of the Urals in the last third of the 19th–early 20th centuries: dis. ... cand. ist. Sciences. Chelyabinsk: Yu-Ur. GU, 2008. 233 p.
10. Lenin V.I. Imperialism as the highest stage of capitalism // Poln. coll. op. Ed. fifth. T. 27. M.: Politizdat, 1975. S. 299–426.
11. Oleneva A.N. Stages of development of joint-stock companies in Russia // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences No. 6/ 2015 [Electronic resource] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-aktsionernyh-obschestv-v-rossii> (date of access: 03/15/2022).
12. Shepelev L.E. From the history of Russian joint-stock legislation (law of 1836) // Internal policy of tsarism. (Mid 16th–early 20th centuries). Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1967, pp. 168–196.
13. Shepelev L.E. Joint stock companies in Russia. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 1973. 348 p.
14. Shepelev L.E. Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the 19th century: problems of commercial and industrial policy. Leningrad: Nauka: Leningrad branch. 1981. 272 p.
15. Chernozhukov M.V. Separate joint-stock legislation in Russia in the XIX–early XX centuries // Elibrary, 2002. [Electronic resource]. — Access mode: [http://www.unn.ru/pages/elibrary/vestnik/99990195_West_pravo_2002_1\(5\)/B_9.pdf](http://www.unn.ru/pages/elibrary/vestnik/99990195_West_pravo_2002_1(5)/B_9.pdf) (date of access: 04/28/2021).
16. Thomas Owen: The right to property in the history of Russia — it does not exist, as it never existed // Vedomosti. Dec 14, 2012 [Electronic resource]. — Access mode: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/12/14/pravo_sobstvennosti_v_istorii_rossii (date of access: 02/26/2022).
17. Pipes R. Russia under the old regime. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 1993. 427 p.
18. Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika. 2006. № 7. P. 397–431.
19. Gershenkron A. Agrarian Policies and Industrialisation, Russia 1861–1917 // Cambridge Economic History of Europe Cambridge University Press. 1965. Vol. 6. P. 706–800.
20. Gregg A. Factory Productivity and the Concession System of Incorporation in Late Imperial Russia, 1894–1908. <http://www.econ.yale.edu/~egcenter/AmandaGreggPaper.pdf> (accessed: 20.02.2022).
21. Gregg A. Factory Productivity and the Concession System of Incorporation in Late Imperial Russia, 1894–1908 // American Economic Review February 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/338978714_Factory_Productivity_and_the_Concession_System_of_Incorporation_in_Late_Imperial_Russia_1894-1908/link/6085cc1f907dcf667bc4549d/download (accessed: 10.02.2022).
22. Jones T. British Business in Russia, 1892–1914. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1559904/1/Final%20Thesis%201606.pdf> (accessed: 10.02.2022).
23. JRAS: The Journal of Russian American Studies. <https://journals.ku.edu/jras> (accessed: 26.02.2022).
24. Middlebury. Department of Economics. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.middlebury.edu/academics/econ/faculty_staff_officehours/node/497989 (accessed: 01.04.2022).
25. Nash G. The Life of Herbert Hoover: The Engineer 1874–1914. 1st ed. New York — London: W.W. Norton & Co Inc, 1983. 768p.
26. Owen T. The Corporation Under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy. New York: Cambridge University Press, 1991. 234p.
27. Owen T. Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. Oxford University Press. New York. Oxford. 1995. 272p.
28. Owen T. C. RUSCORP: A Data base of Corporations in the Russian Empire, 1700–1914. Ann Arbor: ISPSR, 2002. <https://www.icpsr.umich.edu/web/ICPSR/studies/9142/versions/V3/downloadDoc/doc?path=/pcms/studies/0/0/9/1/09142/V3> (accessed: 06.05.2022)
29. Rastorguev L.P. The Legal Position of English Companies in Russia. Jordan & Sons. London. 1911 // Jones T. British Business in Russia, 1892–1914. <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1559904/1/Final%20Thesis%201606.pdf> (accessed: 06.03.2022)
30. Von Laue T. Sergei Witte and the industrialization of Russia. New York. Columbia University Press. 1963. 360p.
31. Von Laue T.H. A secret Memorandum of Sergei Witte on the industrialization of Imperial Russia // The Journal of Modern History. Mar., 1954. Vol. 26. No. 1. P. 60–74.

32. William Benton Whisenhunt. Join the world biographical encyclopaedia. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://prabook.com/web/william_benton.whisenhunt/641424 (дата обращения: 16.02.2022).
33. *Whisenhunt W.* In search of Legality: Mikhail M. Speranskii and the Codification of Russian Law. New York: Columbia University Press, 2001. P. 75–85.

32. William Benton Whisenhunt. Join the world biographical encyclopedia. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://prabook.com/web/william_benton.whisenhunt/641424 (accessed: 16.02.2022).
33. *Whisenhunt W.* In search of Legality: Mikhail M. Speranskii and the Codification of Russian Law. New York: Columbia University Press, 2001. P. 75–85.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 97,7%.

Рецензент: *Чернышева Е. В.*, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии Челябинского государственного университета.

Статья поступила в редакцию 13.04.2022, принята к публикации 03.05.2022

The article was received on 13.04.2022, accepted for publication 03.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Боброва Ирина Викторовна, аспирант Тюменского государственного института культуры, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: ermolinskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Bobrova, postgraduate student of Tyumen State Institute of Culture, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: ermolinskaya@mail.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DEBATING ISSUES OF GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

5.6.2.	ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) GENERAL HISTORY
07.00.03	ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ПЕРИОДА) GENERAL HISTORY

Отношение Конгресса США к ядерному разоружению Казахстана (1991-2001 гг.)

©Станислав Николаевич Александров^{1,2}

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет

²Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

г. Томск, Российская Федерация

e-mail: gaarane91@mail.ru

Аннотация. Распад СССР повлёк за собой большое количество проблем и неопределённостей для миллионов людей во всём мире. Одной из потенциальных опасностей, порождённых последствиями Беловежских соглашений, была угроза ядерного пространства. Казахстан был одной из четырёх республик, унаследовавших часть советского ядерного арсенала. По многим причинам администрация США выражала прямую заинтересованность в ядерном разоружении молодой среднеазиатской республики и была готова принять прямое участие в процессе ядерного разоружения этой страны, что было также справедливо и в отношении Украины и Беларуси. Такое решительное намерение и последовательные действия отличали подход Белого дома к разоружению Казахстана от подхода в отношении ряда других стран, не входящих в ядерный клуб, таких как Израиль и Пакистан. Законодательная ветвь власти — в лице Конгресса США — поддерживала администрацию в этом вопросе, несмотря на традиционное противостояние ветвей власти и «эпоху разделённого» правления при администрации У. Клинтона. Разоружение Казахстана представляло для США задачу, выходящую за пределы интереса национальной безопасности в его прямом значении. Цель исследования — выявить отношение американских конгрессменов к теме ядерного разоружения Казахстана. Выводы. Автором был сделан вывод, что Конгресс США поддерживал начинания администрации президента по ядерному разоружению Казахстана, но только в тех случаях, когда решение этого вопроса не зависело от американских парламентариев. В иных случаях, в Конгрессе не было абсолютного консенсуса.

Ключевые слова: США, Казахстан, Конгресс, ядерное оружие, Программа Нанна-Лугара.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Александров С. Н. Отношение Конгресса США к ядерному разоружению Казахстана (1991-2001 гг.) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 119-131.

Attitude of the US Congress to the Nuclear Disarmament of Kazakhstan (1991-2001)

©Stanislav N. Alexandrov^{1,2}

¹National Research Tomsk State University

²Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics

Tomsk, Russian Federation

e-mail: gaarane91@mail.ru

Abstract. The collapse of the USSR entailed a large number of problems and uncertainties for millions of people around the world. One of the potential dangers posed by the consequences of the Belovezhsky agreements was the threat of nuclear proliferation. Kazakhstan was one of the four republics that inherited part of the Soviet nuclear arsenal. For many reasons, the US administration expressed a direct interest in nuclear disarmament of the young Central Asian republic and was ready to take a direct part in the process of nuclear disarmament of this country, which was also true of Ukraine and Belarus. Such determined intent and consistent action distinguished the White House's approach to disarmament of Kazakhstan from that of a number of other non-nuclear club countries, such as Israel and Pakistan. The legislative branch — represented by the US Congress — supported the administration in this matter, despite the traditional confrontation between the branches of government and the era of divided government under the administration of W. Clinton. The disarmament of Kazakhstan was a task for the United States that went beyond the interest of national security in its direct meaning. The purpose of the study is to identify the attitude of American congressional representatives to the topic of nuclear disarmament of Kazakhstan. Conclusions. The author concluded that the US Congress supported the presidential administration's efforts to nuclear disarmament Kazakhstan, but only in cases where the solution to this issue did not depend on American parliamentarians. Otherwise, there was no absolute consensus in Congress.

Key words: the US, Kazakhstan, Congress, nuclear weapon, Nunn–Lugar Program.

FOR CITATION: Alexandrov S. N. Attitude of the US Congress to the Nuclear Disarmament of Kazakhstan (1991-2001) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 119-131. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Тема ядерного оружия Казахстана во многих аспектах является недостаточно разработанной в русскоязычной исторической литературе. Свои исследования по данной теме проводили историки, юристы, политологи, медики, биологи, военные. Ядерный фактор во взаимоотношениях США и Казахстана был представлен в работе коллектива авторов К.И. Байзаковой, Ф.Т. Кукуевой, К.В. Жигалова «Западный вектор внешней политики Казахстана: состояние и перспективы» [Байзакова, Кукуева, Жугалов, 2021]. Сравнительный анализ процессов денуклеаризации Казахстана и ЮАР был освещён в работе историков С.В. Азербасева и С.А. Умгаева [Азербасев, Умбаев, 2021]. Проблема ядерного наследия постсоветских республик была затронута в публикациях кандидата военных наук генерал-полковника С.В. Каракаева [Каракаев, 2021]. Участие США в процессе денуклеаризации Казахстана в своей работе отмечал С.Н. Александров [Александров, 2019]. Проблемы, возникшие в связи с ядерным разоружением Казахстана, исследовал Н.Д. Александров [Александров, 2018]. Специфику казахстанского опыта по ядерному разоружению рассматривал Д.А. [Мацюк, 2022]. Позицию центральноазиатских стран, в том числе Казахстана, в отношении ДЗЯО в своей статье представила К.Г. Муратшина [Муратшина, 2019]. Личный вклад первого лица Республики Казахстан в деле ядерного разоружения представлена в работе «Вклад президента Казахстана в обе-

спечение ядерной безопасности в условиях глобализации» [Иватова, Ордабек, 2018]. Систему сложившегося международного наблюдения за ядерной сферой Казахстана освятил в своей работе К.С. Величков [Величков, 2021]. Тема участия США в ядерном разоружении Украины, интересующая исследователей в контексте сравнения с Казахстаном, затронута в работах «Программа Нанна-Лугара и ядерное разоружение Украины» [Шенин, 2020], «Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992-1996 годов» [Чихичин, 2020].

Распад СССР, закреплённый Беловежскими соглашениями, означал фактическое прекращение существования Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Новая система, позже получившая неофициальное название «однополярный мир», теоретически, могла стать «мироустройством победившей демократии», представляя собой номинально более гуманный и менее конфронтационный, в сравнении с предыдущим, мировой порядок. Лидирующая роль в этой системе принадлежала США. Однако постсоветская эпоха в международных отношениях, почти полностью изжившая себе на сегодняшний день, едва ли оказалась такой спокойной какой представлялась либеральным политологам в начале 1990-х гг., например, Фреэнсису Фукуяме. Боснийская война, операция в Сомали, интервенция на Гаити, бомбардировка Югославии, ввод войск в Афганистан — эти события, произошедшие только в течение первых 10 лет после распада СССР, наглядно показали мировому сообществу,

что собой представляет новый мировой порядок. Белый дом старался извлечь как можно больше выгод из приобретённой позиции единственной оставшейся сверхдержавы: весь мир оказался в зоне национальных интересов США.

Широко известно, что одним из ключевых интересов для США является обеспечение собственной национальной безопасности. Само по себе прекращение существования военного блока стран Варшавского договора и СССР как геополитической реальности не означало прекращения существования военной силы вчерашних противников НАТО. Четыре новых независимых государства, входившие ранее в СССР, стали владельцами ядерного оружия, в том числе и стратегического назначения. США продолжали воспринимать Россию, Украину, Казахстан и Белоруссию как страны, представляющие опасность американскому государству, так как технически ядерные ракеты, расположенные в этих странах, продолжали быть нацеленными на американские города. Это была та угроза, от которой Белый дом решил избавиться незамедлительно. Обстоятельства для осуществления денуклеаризации были относительно благоприятными для Вашингтона — бывшие советские страны пытались стать капиталистическими и демократическими, а США представлялись им ориентиром для подобных преобразований. Тем не менее события на постсоветском пространстве разворачивались настолько стремительно, что Вашингтону приходилось действовать оперативно. Понимая, что вынудить Россию — правопреемника СССР — отказаться от ядерного оружия не получится, США сосредоточили свои усилия на трёх других бывших советских республиках, среди этих республик был и Казахстан. Уже в начале 1992 г. госсекретарь Дж. Бейкер на встрече с Н. Назарбаевым в Алма-Ате приступил к переговорам по урегулированию этого вопроса.

Для большинства правительств планеты сама по себе идея нераспространения ядерного оружия и сокращения числа стран им обладающего ясна и не требует дополнительного подтверждения или аргументированного обоснования. Подобное принципиальное отношение американских властей к ядерному нераспространению можно наблюдать на примере борьбы с ядерными программами Ирана и КНДР. Однако в мире есть некоторые страны, в отношении которых американские власти не были столь категоричными в этом вопросе. В случае с Пакистаном после начала разработки ядерной программы в этой стране в 1990-х гг. — американо-пакистанские отношения на время охладели до 2001 г., когда им потребовались союзники в регионе для борьбы с терроризмом. В ситуации с Израилем первоначальное неприятие американскими властями наличия ядерных разработок изменилось после смерти Дж. Кеннеди: Администрацию Л. Джонсона перестала интересовать эта тема [Румянцев, 2020: 83].

Фактически для некоторых стран, угодных США, Белый дом делает исключение. Ещё одним фактором, объясняющим терпимость США в этом вопросе в отношении Израиля, Индии и Пакистана, является отсутствие возможностей у этих стран потенциала доставки ядерного оружия к объектам, имеющим жизненно важное стратегическое значение для Соединённых Штатов. Однако такой возможности не было и у Казахстана. Следовательно, американская политика по содействию ядерному разоружению Казахстана могла иметь и другие причины, кроме естественных гуманных мотивов и желания обезопасить своих граждан.

Немаловажное значение по этому вопросу имеет позиция Конгресса США. Хотя Конгресс во многом ограничен в вопросе прямого воздействия на политику ядерного нераспространения его роль не стоит недооценивать. Взаимодействие законодателей и администрации президента, соотношение

их мнений по тому или иному вопросу способно как ускорить принятие политических решений там, где они сотрудничают, так и замедлить — там, где есть место соперничеству разных ветвей власти. Кроме конкретных законодательских инициатив, финансовых и контрольных полномочий Конгресса, само по себе содержание обсуждений конгрессменов и сенаторов является своеобразным индикатором, демонстрирующим отношение американского истеблишмента к конкретным темам. Благодаря этому можно узнать не только позиции двух основных партий, выявить лобби, стоящие за принятием тех или иных решений, но и проблемные темы, где мнения парламентариев расходились и были острые дискуссии. В связи с этим возникает вопрос о том поддерживало ли большинство членов Конгресса США действия администрации по этой теме или в американском парламенте были предложены иные решения для судьбы ядерного оружия в Казахстане.

Цель исследования — выявить отношение американских конгрессменов к теме ядерного разоружения Казахстана. Гипотеза исследования заключается в том, что большинство конгрессменов поддерживали идею ядерного разоружения Казахстана, т.к. эта проблема лежала вне плоскости борьбы с администрацией президента. Конгрессмены, возможно не осознанно, воспринимали ядерное разоружение Казахстана, а также Украины и Беларуси, не только как обеспечение собственной национальной безопасности, но и как способ продемонстрировать всему миру установление нового мирового порядка в международных отношениях, где ключевая роль теперь принадлежала исключительно США.

ОБОСНОВАННЫЕ ОПАСЕНИЯ

Значительные противоречия между капиталистическими странами Запада и СССР были оставлены на период войны против гитлеровской Германии. С окончанием Второй мировой войны разногласия между союзниками, спорящими о будущем мировом порядке, начали обостряться. Влияние СССР в Центральной и Восточной Европе после победы над нацистской Германией существенно усилилось, что не отвечало интересам ни Великобритании, ни США. Ядерная бомбардировка в начале августа 1945 г. японских городов Хиросимы и Нагасаки стала примером демонстрации силы США, желавшими утвердиться в качестве ведущей мировой державы. Бомбардировка не несла в себе характер стратегической надобности, её целью было устрашение правящих кругов СССР. В свою очередь это повлекло за собой ускоренную разработку аналогичного типа вооружения в СССР, которое было успешно испытано в конце августа 1949 г. С этого момента ядерный фактор стал неотъемлемой частью международных отношений, став основой биполярной системы, уравнивающей мировой порядок фактором гарантированного взаимного уничтожения.

Длинная телеграмма американского дипломата Джорджа Ф. Кеннана от 22 февраля 1946 г., а также Фултонская речь Уинстона Черчилля от 05 марта 1946 г. стали отправной точкой отсчёта периода Холодной войны, выразившейся в противостоянии СССР и США. Конфронтация между Кремлём и Белым домом продолжалась вплоть до периода Перестройки. Мальтийский Саммит, проходивший в начале декабря 1989 г., положил начало завершению этого почти полувекового противостояния. Холодная война как феномен международных отношений де-факто завершилась вместе с распадом СССР, а де-юре подписанием Дж. Бушем-старшим и Б.Н. Ельциным Кэмп-Дэвидской декларации 1 февраля 1992 г. Декларация подразумевала прекращение восприятия США и России друг друга в качестве потенциальных против-

ников, попытки избавления от «остатков» враждебного периода Холодной войны, сокращение стратегических арсеналов, продвижение демократических ценностей, сотрудничество в предотвращении распространения оружия массового поражения. Однако в действительности не все признаки Холодной войны исчезли вместе с распадом социалистического лагеря и СССР. Бывшие советские страны, в том числе и Казахстан, продолжали ассоциироваться у большинства американских политиков с Советским Союзом.

Несмотря на дружественную риторику и одобрение преобразований в странах бывшего СССР Вашингтон продолжал воспринимать эти государства, если не как потенциальных противников, то как угрозу. Ещё до подписания Беловежских соглашений, сенатор от штата Теннесси Альберт Гор, выступая в Сенате 31 июля 1991 г., выражал озабоченность о том какие изменения происходят в СССР: распадётся ли СССР, кто будет контролировать его ядерный арсенал, будет ли Казахстан ядерной державой¹. По мнению конгрессмена от штата Калифорния Ф. Старка-младшего, ядерное распространение являлось реальной угрозой национальной безопасности США. Демократ был обеспокоен тем, что после распада СССР Казахстан, Украина и Белоруссия вошли в число стран, которые потенциально могли стать ядерными, а также тем, что советские ядерные боеголовки могли быть переданы Ирану или Ираку². Ф. Старк считал первоочередной задачей США выведение ядерного оружия из бывших советских республик, кроме России, и обеспечение учета всех советских боеголовок в этих республиках³. В аналогичном ключе, выступая в Сенате 18 июня 1992 г., высказывался сенатор от штата Нью-Джерси У. Брэдли. Представитель демократической партии говорил, что Россия и другие республики не являются СССР, поэтому американские власти должны были перестать их воспринимать как противника по Холодной войне⁴. Хотя речь сенатора была выстроена в конструктивном ключе взаимодействия США и бывших советских республик, в основном речь шла о российско-американских отношениях, было высказано однозначное утверждение о том, что Украина, Казахстан и Белоруссия должны были незамедлительно отказаться от всего своего ядерного оружия.

В конце июня 1992 г. сенатор от штата Делавэр демократ Дж. Байден, говоря о ядерном разоружении Украины, Белоруссии и Казахстана в контексте формирования новой стратегии сдерживания, изложил особенности складывания нового мирового порядка после завершения Холодной войны. В своём обращении к коллегам и к президенту он сказал, что повестка дня нового мирового порядка будет содержать в себе два основных компонента: предотвращение угрозы распространения оружия массового поражения и упорядочивание коллективных военных действий ООН против Саддама Хусейна⁵. Говоря о первом направлении, сенатор уточнял, что речь идёт об опасности передачи ядерного, химического или биологического оружия, а также баллистических ракет «стра-

нам-изгоям» или террористам. По его мнению, достижение первой части новой стратегии сдерживания должно было начаться с согласованных усилий по избавлению от огромных ядерных арсеналов, которые породила Холодная война. Дж. Байден предлагал США присоединиться к этому процессу, чтобы приобрести дополнительный моральный авторитет в этом вопросе. Сенатор задавался вопросом о необходимости наличия у США такого огромного арсенала в сложившихся условиях. Видя уникальную историческую возможность, он предостерегал о влиянии Пентагона, который под разными предложениями будет стремиться сохранить американский ядерный арсенал, т.к. в основе поведения военных лежит стремление к одностороннему преимуществу США после Холодной войны. Мнение американских военных начало влиять на официальный Вашингтон. В Белом доме быстро возник соблазн закрепить своё положение после Холодной войны, действуя в мировой политике как единоличный лидер, который может себе позволить не считаться с мнением остального мирового сообщества.

Свои соображения о новом подходе США к новому миропорядку, в контексте ядерного разоружения, высказывал в Конгрессе сенатор от штата Мэн демократ Дж. Митчелл-младший. Дж. Митчелл отмечал растущую роль военного истеблишмента в США на примере введения моратория на запрет ядерных испытаний. В то время как Россия, а ранее СССР, ввела односторонний мораторий на запрет ядерных испытаний, Франция ввела собственный мораторий, власти Казахстана закрыли ядерный полигон, — США затягивали с принятием аналогичного решения, что могло отразиться на прекращении действия мораториев в других странах⁶. С его точки зрения, такое поведение Белого дома говорило о сохранившемся менталитете Холодной войны в правящих кругах Вашингтона.

Уже в первые несколько лет после распада СССР начали раздаваться голоса конгрессменов, желавших сохранить ядерный арсенал США в неприкосновенности. Один из наиболее консервативных членов республиканской партии Роско Барллетт-младший из Мэриленда, выступая в Палате представителей 8 сентября 1993 г., заявлял, что, хотя Холодная война закончилась, ракетный удар по США оставался реальностью⁷. Конгрессмен считал, что вероятность того, что Соединенные Штаты подвергнутся ракетному обстрелу, стала выше, чем в большинстве случаев во время Холодной войны. Из чего республиканец делал вывод о бессмысленности сокращения этой очень важной части американской армии и — напротив — выступал за наращивание мощи в данном направлении. Известный республиканский «ястреб» Дж. Маккейн, выступая в ноябре 1993 г. в Сенате как представитель Аризоны, был недоволен продолжавшимся снижением расходов на оборону⁸. Дж. Маккейн говорил о наступившей глобальной нестабильности после окончания Холодной войны и потенциальной угрозе распространения оружия массового уничтожения. Он считал, что борьба с распространением оружия массового уничтожения должна оставаться приоритетной задачей национальной безопасности для США в ус-

¹ National defense authorization act for fiscal years 1992 and 1993. Congressional record. July 31, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1991/07/31/GPO-CRECB-1991-pt14-6.pdf> (data of accesses: 08.03.2022).

² The nuclear weapons reduction act of 1992. Congressional record. May 19, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt9/pdf/GPO-CRECB-1992-pt9-2-2.pdf> (data of accesses: 08.03.2022).

³ Там же.

⁴ Russia and America: the next phase. Congressional record. June 18, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt11/pdf/GPO-CRECB-1992-pt11-5-1.pdf> (data of accesses: 09.03.2022).

⁵ American agenda for the new world order: A. Cementing the democratic foundation; B. Forging a new strategy of containment. Congressional record. June 30, 1992. URL: https://www.thetechnocracy.com/PDFS/Biden_1992_06_30_pg_16901-16907.pdf (data of accesses: 10.03.2022).

⁶ Energy and water development appropriations act. Congressional record. August 3, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/08/03/GPO-CRECB-1992-pt15-2.pdf> (data of accesses: 11.03.2022).

⁷ Providing for further consideration of H.R. 2401, national defense authorization act for fiscal year 1994. Congressional record. September 8, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/09/08/GPO-CRECB-1993-pt14-3.pdf> (data of accesses: 11.03.2022).

⁸ National defense authorization act for fiscal year 1994 — conference report. Congressional record. November 17, 1993. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1993-pt21/pdf/GPO-CRECB-1993-pt21-1-1.pdf> (data of accesses: 12.03.2022).

ловиях, когда такие страны как Северная Корея и Ирак продолжали искать возможности получить ядерные технологии.

Подобные опасения не были редкостью в дискуссиях американских конгрессменов и присутствовали на протяжении всех 1990-х гг. Республиканский конгрессмен от штата Огайо Роберт Д. Макьюэн, выступая в Палате представителей 11 сентября 1991 г., выражал глубокою озабоченность вопросом о том кому достанется ядерное оружие СССР в Казахстане и на Украине, сделав их 4-й и 3-й ядерными державами в мире⁹. В начале октября 1991 г. республиканский консерватор Роберт Дорнан, перечисляя текущие проблемы во внешнеполитической обстановке для США, упоминал среди прочих угроз, что Казахстан продолжал направлять на США сотни ракет с ядерными боеголовками¹⁰. Будущий министр обороны США — Лес Аспин-младший, выступая в Палате представителей 25 ноября 1991 г. как представитель от штата Висконсин, сообщал, что эксперты разведывательных служб США и Великобритании обеспокоены состоянием советских военных¹¹. Демократ отмечал, что существовала вероятность мятежа внутри советской армии, по мнению экспертов, это могло привести к тому, что ядерное оружие оказалось бы у части повстанцев. По словам военного эксперта, из «Рэнд Корпорэйшн», Джона Хайнса, специализировавшегося на СССР, в нескольких частях ситуация была критической — некоторые подразделения неделями не получали продовольствие. В этой ситуации подобный сценарий мог воплотиться в реальность, если бы военные части начали самостоятельно решать вопрос о своём продовольственном обеспечении.

Опытный сенатор от штата Мичиган Карл Левин вместе с сенатором Сэмом Нанном был частью делегации из США, посетившей Россию, Украину и Казахстан. В феврале 1992 г. он выступал с докладом в Сенате, в ходе которого рассказывал о своём визите в указанные бывшие советские республики. Демократ К. Левин отмечал высокую степень открытости военных и чиновников в этих странах, однако наряду с этим он видел очереди людей, ожидавших продовольствия, и говорил с учеными по ядерному оружию, у которых нет работы¹². Сенатор видел угрозу в том, что у таких учёных могло возникнуть желание переехать в другие страны, в том числе «страны-изгои», чтобы прокормить себя и свои семьи. Второго апреля 1992 г. конгрессмен от штата Калифорния Мелдон Эдисес Левин критиковал ушедшую администрацию Дж. Буша-старшего за то, что та не смогла адекватно устранить угрозу распространения ядерного оружия в бывшем Советском Союзе¹³. Демократ отмечал, что власти республик, отчаявшись получить наличные деньги и нуждаясь в оборудовании для себя, борются с центром, чтобы сохранить контроль над оружием, размещенным на их территории. Он сообщил, что Россия, Украина и Казахстан уже экспроприировали советскую военную технику и продали ее Сирии и Ирану. По его данным, Иран завладел несколькими ядерны-

ми боеголовками, а еще три ядерных боеголовки на Украине, предназначенные для стратегических ракет, исчезли из хранилища. Также он доложил, что в марте 1992 г. американская разведка сообщила, что из арсенала в Казахстане пропали три тактических ядерных оружия.

Озабоченность в Конгрессе также вызывал факт продолжения производства ядерных ракет в некоторых странах бывшего СССР. Многолетний член Палаты представителей США от штата Нью-Йорк Дж. Соломон был обеспокоен фактом того, что некоторые стратегические программы развития и производства ядерных сил в бывшем СССР продолжают¹⁴. Межконтинентальные баллистические ракеты Р-36М, называемые американскими конгрессменами по классификации НАТО SS-18, продолжали производиться в Украине и развертываться в России и Казахстане. Республиканский сенатор от Южной Дакоты Ларри Ли Пресслер, выступая в Сенате в конце мая 1993 г., был встревожен вероятностью террористических актов с применением ядерного оружия¹⁵. Он отмечал, что, будучи членом подкомитета по терроризму, наркотикам и международным организациям Комитета по международным отношениям он крайнем обеспокоен вероятным развитием событий, когда небольшое количество ядерных материалов окажется в руках террористов, которые взорвали Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. Конгрессмен имел в виду теракт, который произошёл в подземном гараже Северной башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в феврале 1993 г. Он был обеспокоен, т.к. в его штате — в западной части Южной Дакоты — собирались уничтожить ракетные шахты, а в мире все еще оставалось много ядерных материалов, которые начали контролироваться небольшими странами с нестабильными правительствами. Он закончил свою речь предположением о том, что могло бы произойти, если бы эти материалы взорвали в чемодане во Всемирном торговом центре, если у террористов были бы ядерные материалы.

Угроза терроризма с применением ядерных материалов не раз беспокоила конгрессменов. Сенатор от Род-Айленда Клейборн Пелл, выступая перед Сенатом 2 марта 1995 г., говорил, что после распада Советского Союза возросла вероятность кражи ядерных материалов¹⁶. Он считал, что мир столкнётся с перспективой проникновения организованных преступников в бизнес по контрабанде ядерных материалов. Этим он объяснял ту агрессивную, скоординированную кампанию США против международного терроризма и ядерной контрабанды.

В апреле 1995 г. республиканский сенатор от Нью-Йорка Альфонс Д'Амато представил аналитическую записку, в которой были изложены экспертные соображения о перспективах ядерной программы Ирана¹⁷. В свою очередь автор записки ссылался на статью Криса Хеджеса, опубликованную в «Нью-Йорк таймс» 4 января 1995 г. Основываясь на данных разведки, сообщалось, что Иран приобрел как минимум два ядерных орудия у Казахстана: одну ракету и один 152-мм артиллерийский снаряд. Тем не менее не всем конгрессменам была близка идея, что после распада СССР ситуация в мире

⁹ Strategic defense initiative against nuclear attack. Congressional record. September 11, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1991/09/11/GPO-CRECB-1991-pt16-2.pdf> (data of accesses: 12.03.2022).

¹⁰ Chin up, press on. Congressional record. October 1, 1991. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1991-pt17/pdf/GPO-CRECB-1991-pt17-6-2.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹¹ Situation in the Soviet Union. Congressional record. November 25, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1991/11/25/GPO-CRECB-1991-pt23-4-3.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹² Assistance for soviet republics. Congressional record. February 7, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt2/pdf/GPO-CRECB-1992-pt2-3-2.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹³ Nuclear proliferation in the former Soviet Union threatens United States interests. Congressional record. April 2, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt6/pdf/GPO-CRECB-1992-pt6-5-3.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹⁴ Military developments. Congressional record. March 5, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/03/05/GPO-CRECB-1992-pt4-1.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹⁵ Nuclear weapons proliferation. Congressional record. March 29, 1993. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1993-pt5/pdf/GPO-CRECB-1993-pt5-5.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹⁶ Internationalism or isolationism — a choice for the next generation of American leaders. Congressional record. March 2, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/03/02/CREC-1995-03-02.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

¹⁷ Regarding Iran. Congressional record. April 4, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/04/04/CREC-1995-04-04.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

стала опаснее из-за «стран-изгоев», куда теоретически могло попасть ядерное оружие, создав проблемы для мировой общественности. Представитель демократической партии конгрессмен от штата Массачусетс Барнетт Франк, выступая в Палате представителей в середине сентября 1995 г., сомневался в том, что аргумент о том, что мир стал не безопаснее для США, чем был, когда у нас был Советский Союз, являлся одним из самых грубых примеров искажения логики на службе расходов, которые он когда-либо слышал¹⁸. Демократ говорил, что, такие угрозы как химическое и биологическое оружие, распространение ядерного оружия и терроризм не появились после распада СССР, а были все время. Конгрессмен выступал за перераспределение ресурсов из военного сектора в пользу социального. Несмотря на обоснованную позицию Барнетта Франка, опасения конгрессменов по этому вопросу не были беспочвенными — информация о контрабанде ядерных материалов из Казахстана в другие страны продолжала поступать. Так, например, уже после нескольких лет работы программы «Нанна-Лугара» в Казахстане, по сообщению сенатора Дж. Байдена, сделанного в Сенате в июне 2000 г., таможенная служба Узбекистана, остановила партию радиоактивной контрабанды в Казахстан, которая направлялась в Иран с официальным пунктом назначения в Пакистане¹⁹.

В качестве обоснования необходимости ликвидации ядерного оружия в Казахстане, Украине и Белоруссии конгрессмены обсуждали и иные причины. В ситуации, когда эти республики полностью бы ликвидировали свою ядерную инфраструктуру, американские парламентарии видели возможность снизить свои расходы на оборону и улучшить экологическую ситуацию не только в этих странах, но и, прежде всего, в США. Сенатор от штата Иллинойс Пол Мартин Саймон, выступая в Сенате в начале ноября 1991 г., сослался на слова Сэма Коэна — создателя атомной бомбы по вопросу продолжения ядерных испытаний²⁰. В данной статье, опубликованной в «Washington post», учёный призывал прекратить ядерные испытания. Демократ надеялся не только на то, что советские лидеры приостановят ядерные испытания, но и американские коллеги последуют их примеру. Сенатор П. Саймон предлагал переложить часть военных расходов на реальные внутренние нужды, например, в область образования и здравоохранения²¹. Тема сохранения экологии стала популярной в США в 1990-е гг., например, вице-президент США Альбер Гор являлся известным сторонником сохранения природы. Не удивительно, что экологическая повестка была характерна и для ряда конгрессменов. Так, крайнюю озабоченность экологией Арктики и судьбой её коренных народов выражал сенатор от штата Аляска Фрэнк Хьюз Мурковски²². Выступая в Сенате 8 апреля 1992 г. он «обличал» небрежный подход СССР к использованию ядерных взрывов. Республиканец говорил, что в своём неустанным стремлении к развитию и индустриализации Советский Союз десятилетиями исполь-

зовал ядерные взрывы для использования природных ресурсов страны: от создания подземного давления для продления срока службы нефтяных и газовых скважин до строительства плотин. Он опасался, что, что загрязнённые радиацией грунтовые воды под территорией бывшего СССР — территория Семипалатинского полигона — через сибирские реки могли попасть в Ледовитый океан, откуда радиация могла попасть в Арктику и затронуть жизнь коренных народов.

У некоторых конгрессменов появилась амбиция о лидерстве США в области экологических вопросов, а также в сфере контроля над ядерными вооружениями. Так, республиканский конгрессмен от штата Айова — советолог Джеймс Альберт Лич, выражая обеспокоенность ядерными испытаниями в Казахстане и России, выступал за инициативу о запрещении ядерных испытаний²³. Он считал, что администрация президента США обладает достаточным потенциалом для того, чтобы зарекомендовать себя в качестве мирового лидера по экологическим вопросам, а также по вопросам контроля над вооружениями, особенно если это будет созвучно с риторикой доклада Эйзенхауэра «Атом для мира» — комплексом предложений, озвученных на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1953 г. Парламентарий говорил о трансформации разрушительного потенциала ядерного оружия в мирные, гуманитарные цели.

Со временем опасения американских конгрессменов о судьбе ядерного оружия в бывших советских республиках привели их к идее непосредственного участия США в его нераспространении. Представитель демократической партии сенатор от штата Гавайи Дэниел Кен Иноуэ в мае 1992 г. предлагал прекратить «продажу» ядерной советской интеллектуальной элиты в другие государства²⁴. Демократ считал, что для мира во всем мире чрезвычайно опасно, когда высококвалифицированные ученые-ядерщики, которые стали зарабатывать меньше, чем сборщики мусора, могли оказаться в таких странах как Ирак и Ливия. Сенатор высказал идею о создании под американским руководством международных центров науки и техники в странах бывшего Советского Союза, чтобы нанять ученых-ядерщиков и инженеров, чтобы избежать катастрофических последствий.

Однако наиболее предпочтительным вариантом для американских парламентариев стала полная ликвидация ядерного оружия и ядерной инфраструктуры в Казахстане, Украине и Белоруссии. Для этого США должны были всячески поощрять присоединиться эти страны к ратификации СНВ, а также к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государств, не обладающих таким типом вооружения. Казахстан, Украина и Беларусь, должны были принять гарантии МАГАТЭ в отношении всех своих ядерных объектов и ввести эффективный контроль над экспортом ядерной продукции и продукции двойного назначения, связанной с ней²⁵.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ БЕЗЪЯДЕРНОГО СТАТУСА КАЗАХСТАНА

Американский истеблишмент имел твёрдое намерение повлиять на статусы Казахстана, Украины и Беларуси, сде-

¹⁸ Sec. 105. Reduction in authorizations. Congressional record. September 13, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/09/13/CREC-1995-09-13-pt1-PgH8816-3.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

¹⁹ National security. Congressional record. June 22, 2000. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CREC-2000-06-22/pdf/CREC-2000-06-22.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²⁰ No new nuclear testing. Congressional record. November 5, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crec/1991/11/05/GPO-CRECB-1991-pt20-5.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²¹ A review of the budget summit. Congressional record. September 11, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crec/1991/09/11/GPO-CRECB-1991-pt16-2.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²² The arctic as a disposal area. Congressional record. April 8, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt6/pdf/GPO-CRECB-1992-pt6-8-2.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²³ A time for leadership: negotiate a comprehensive test ban. Congressional record. May 27, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crec/1992/05/27/GPO-CRECB-1992-pt9-6.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²⁴ Prime Minister Brian Mulroney's address at Johns Hopkins University. Congressional record. May 21, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crec/1992/05/21/GPO-CRECB-1992-pt9-4.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²⁵ Introducing the nuclear nonproliferation policy act of 1993. Congressional record. May 11, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crec/1993/05/11/GPO-CRECB-1993-pt7-7.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

лав их безъядерными государствами. Быстрая и окончательная ликвидация ядерной инфраструктуры в этих республиках была задачей для администраций Дж. Буша-старшего и У. Клинтона. Уже в начале 1992 г. госсекретарь Дж. Бейкер, встретившись в Алма-Ате с президентом Казахстана Н. Назарбаевым, настаивал на денуклеаризации республики. В свою очередь, казахстанский президент пытался использовать ядерный фактор как инструмент для политического торга, стараясь обменять имеющиеся оружие на гарантии безопасности и инвестиции от США. Стремясь ускорить согласование позиций сторон по этому вопросу и закрепить гарантии Казахстана по ликвидации ядерного оружия, власти США решили воспользоваться одним из основных инструментов международного публичного права — заключить международный договор. Первым шагом стало присоединение Казахстана к Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1).

В период Перестройки в СССР отношения со странами Запада, в том числе с США, начали становиться более доверительными. В таких условиях, изнурительная для бюджетов этих стран, гонка вооружений потеряла свою актуальность. Правительства СССР и США решили существенно сократить свои ядерные арсеналы: число ядерных боезарядов должно было сократиться до 6000. В течение нескольких лет с 1985-1991 гг. шла работа по согласованию условий данного международного договора. В результате это международное соглашение было подписано 31 июля 1991 г. в Москве. Хотя детали договора были хорошо проработаны, его содержание не предполагало той геополитической ситуации, которая сложилась 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще. Внутренние процессы, проходившие в СССР в ходе Перестройки, привели к «параду суверенитетов». Так, к концу 1991 г. СССР больше не существовало, но ядерное вооружение продолжало находиться в состоянии боеготовности.

В то время как Российская Федерация заявила о выполнении международных обязательств Советского Союза, остальные три страны, получившие ядерное вооружение, не являлись его приемниками. Вашингтон оказался в положении, когда для урегулирования новых условий по договору СНВ-1 вместо одной страны, ему пришлось договариваться сразу с четырьмя номинально ядерными республиками. Судьба тактических ядерных боеприпасов в бывших советских республиках была определена в декабре 1991 г. В соответствии с Соглашением о совместных мерах в отношении ядерного оружия тактическое ядерное оружие было вывезено в Российскую Федерацию. Однако вопрос о стратегическом ядерном оружии в Казахстане, Украине и Беларуси по-прежнему оставался открытым.

В январе 1992 г. сенатор от штата Небраска Джон Джеймс Эксон, выступая в Сенате, докладывал о визите американской делегации в Россию, Казахстан и Украину. Представитель демократической партии возглавлял делегацию сенатского комитета по делам вооруженных сил, в состав которой входили сенаторы Термонд Стром от Южной Каролины, демократ Карл Левин от Мичигана и республиканец Корнелиус Макгиликадди от Флориды²⁶. По словам сенатора Дж. Эксона, целью данного визита была оценка их общего политического и экономического положения и обсуждение с официальными лицами этих стран будущих планов по созданию в этих республиках ядерного оружия — как стратегического, так и тактического. Дж. Эксон сообщал, что в Казахстане делегацию приняли министр иностранных дел Тулеутай Скакович Сулейменов, заместитель

министра обороны, заместитель председателя Верховного Совета РК, а также восемь высокопоставленных членов Верховного Совета, в том числе представитель казахстанских ученых, специализирующийся на вопросах ядерного сдерживания.

Парламентарий докладывал, что у Казахстана к 1 июля 1992 г. будет изъято всё тактическое ядерное вооружение, а к концу 1994 г. — всё стратегическое. При этом сенатор отмечал, что некоторые потенциальные проблемы транспортировки, хранения и демонтажа ядерного оружия всё же оставались: в Казахстане существовала потенциальная опасность передачи межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Опасения заключались в том, что преданные МБР, направленные в Россию, могли оставаться в не демонтированном состоянии в течение очень длительного времени, т.к. несмотря на то, что в России были возможности для демонтажа, там не было достаточного количества мест для специализированного хранения ядерных материалов. Интересуясь у казахстанских официальных лиц, будет ли у их республики статус ядерной державы, сенатор получил противоречивые ответы. Одна часть представитель казахстанских властей придерживалась анти-ядерных настроений, обусловленных опасностями, создаваемыми ядерными испытаниями, другая — не хотела бы сдавать стратегическое ядерное оружие, в то время как Россия и Китай сохраняют аналогичный тип вооружения.

В начале 1992 г. была предложена концепция Объединённых вооружённых сил СНГ, но по причине имеющихся противоречий между бывшими социалистическими республиками она не была воплощена. Это означало, что появлялась реальная вероятность сохранения ядерного оружия у каждой из четырёх стран, унаследовавших его. Урегулировать эту ситуацию было решено с помощью разработки дополнительного соглашения к СНВ-1, получившего название «Лиссабонский протокол».

В июле 1992 г., сенатор от штата Мэн демократ Дж. Митчелл-младший предоставил информацию Сенату о дополнительных документах, которые были связаны с Лиссабонским протоколом и Договором СНВ-1, но не являлись его неотъемлемой частью²⁷. Лидер большинства в Сенате пояснил, что документы представляли собой письма, содержащие юридически обязательства глав государств Беларуси, Казахстана и Украины относительно вывоза ядерного оружия и стратегических наступательных вооружений с их территорий. По словам сенатора, хотя эти документы не были представлены на рассмотрение Сената для получения консультаций и согласия на их ратификацию, они имеют значение в контексте рассмотрения договора о СНВ Сенатом.

В конце декабря 1995 г. республиканский сенатор от штата Индиана Ричард Лугар дал пояснения о содержании этих писем²⁸. По словам сенатора, первый обмен письмами был о переговорах между Россией и Казахстаном по соглашению в отношении ракет SS-18 и пусковых установок на территории Казахстана. В своем ответе от 29 декабря 1992 г. на обязательство министра иностранных дел России А. Козырева, госсекретарь Л. Иглбергер подтвердил, что Договор СНВ-2 будет представлен Сенату США для консультирования и согласия. Соглашение, предусматривающее перемещение в Россию и ликвидацию МБР из Казахстана, должно было быть подписано и реализовано. Предполагалось, что не позднее чем через 7 лет после вступления в силу Договора СНВ-1,

²⁷ Removal of injunction of secrecy. Congressional record. June 23, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt11/pdf/GPO-CRECB-1992-pt11-8-2.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

²⁸ Treaty with the Russian Federation on further reduction and limitation of strategic offensive arms (the START II treaty). Congressional record. December 22, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/12/22/CREC-1995-12-22-pt1-PgS19185-2.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

²⁶ The nation needs a comprehensive economic recovery plan. Congressional record. January 31, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/01/31/GPO-CRECB-1992-pt1-10.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

все развернутые и неразвернутые тяжелые МБР, находящиеся на территории Казахстана, будут перемещены в Россию, где они и их пусковые емкости будут уничтожены.

В начале июня 1992 г. сенатор от штата Южная Дакота республиканец Ларри Ли Пресслер, выступая в Сенате, попросил занести в протокол ряд статей, связанных с ядерным оружием на постсоветском пространстве. В статье Норманна Кемпстера «Советские наследники, США ядерные сокращения», вышедшей в мае 1992 г. в «Лос-Анджелес таймс» автор представил точку зрения о возобновлении попыток США «оживить» Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений²⁹. Автор писал, что высокопоставленный представитель госдепартамента намекнул, что американская сторона была обеспокоена, что, подписание соглашения могло сорваться, если кто-нибудь из делегаций сказал что-либо спорное на церемонии. Н. Кемстер отмечал, что представители Казахстана, Украины и Белоруссии требовали к себе такого же серьёзного отношения со стороны США, как и к России, поэтому договор был составлен на пяти языках каждой из стран, подписавших его.

Позиция Российской Федерации заключалась в том, что она не ратифицирует этот договор, пока три остальные республики не присоединятся к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Хотя госсекретарь Дж. Бейкер не был доволен этим обстоятельством, Вашингтон взял на себя обязательство убедить эти три страны присоединиться к ДНЯО. Для госсекретаря реализация СНВ-1 означала значительное снижение риска ядерной войны, существенное уменьшение стратегического наступательного вооружения и увеличение стратегической стабильности. В случае с Казахстаном, в ходе переговоров Дж. Бейкера и представителя Казахстана Тулегена Тлековича Жукеева госсекретарь дал обещание, что США поддержат любую неядерную власть, подвергающуюся ядерному нападению.

Выступая в Сенате 2 июля 1992 г., сенатор от Род-Айленда демократ Клэйборн Пелл высказывался об основных положениях СНВ-1³⁰. Он говорил, что Лиссабонский протокол обеспечил принятие обязательств бывшего СССР в соответствии с СНВ-1 Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной. Демократ отмечал, что протокол обязывает Беларусь, Казахстан и Украину придерживаться соглашения о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. в статусе безъядерных государств участников, которые должны были в самое ближайшее время начать немедленно принимать все необходимые меры в этом направлении. В целом, сенатор воспринимал последствия подписания Лиссабонского протокола и договора СНВ-1 как благоприятные. Он предполагал, что СНВ-1 решил проблему государства-преемника СССР, поощрил другие ядерные государства уменьшить свои арсеналы до самых низких возможных показателей, спасло мир от угрозы использования, неправильного употребления или диверсии ядерного оружия.

В конце июля 1992 г., республиканский конгрессмен от штата Иллинойс Филип Миллер Крейн предложил коллегам ознакомиться с предложениями Фрэнка Дж. Гаффни-младшего, которые он изложил в статье в «Уолл-стрит джорнэл», вышедшей 26 июня 1992 г.³¹ Ф. Гаффни предупреждал о не-

обходимости решения проблемы советского ядерного оружия. Автор статьи утверждал, что необходимо включить положения в Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений для решения этих вопросов до того, как соглашение будет ратифицировано Сенатом. Ф. Гаффни писал, что следует настоятельно призвать администрацию Дж. Буша-старшего сосредоточиться на подходах, которые устранят основную причину угрозы от бывших советских стран. Он считал, что только тогда, когда подлинно демократическая политическая система и свободная рыночная экономическая система полностью вытеснят сохраняющиеся институты империи и милитаризма, опасения о возрождении опасности со стороны бывшего СССР будут развеяны.

Не только неопределённость, связанная с угрозой распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке и в других частях мира, настораживала американских парламентариев, но и политика недавних республик, входивших в состав СССР, представляла собой загадку, а значит потенциальную опасность. Выступая в Сенате в сентябре 1992 г., республиканский сенатор от штата Мэн Уильям Себастьян Коэн, высказывался о политике Вашингтона в области ядерного противостояния. Будущий министр обороны предполагал, что неизвестно, кто может стать самой большой ядерной угрозой, с которой США столкнутся через 5 лет. По его мнению, такой угрозой мог стать Казахстан, Ирак, Иран, Китай или другая нация³².

Вашингтон пытался мотивировать бывшие советские страны также и посредством финансовой помощи. Так, после подписания Лиссабонского протокола Сенат в полном составе принял «Акт о поддержке свободы» для оказания помощи бывшим советским республикам. Сенатор Л. Пресслер считал, что условия его поправки — «Поправки Пресслера» — должны применяться к другим развивающимся странам, получающим помощь от Соединённых Штатов: «США следует использовать экономические средства, чтобы побудить страны оставаться неядерными»³³.

Для американской стороны подписание бывшими советскими республиками этих документов означало не только реализацию положений отложенного соглашения СНВ-1, но также важный элемент политики нераспространения, проводимой Вашингтоном. Каждое новое государство, кроме России, подписавшее протокол было обязано ликвидировать все ядерное оружие и стратегические наступательные вооружения со своей территории в течение 7 лет после даты вступления в силу договора СНВ-1. Положения договора позволили Вашингтону достичь их фундаментальных целей по сдерживанию и обеспечению стабильности путем сбалансированных сокращений, а также обеспечили правовую основу для сокращений и окончательной ликвидации всего ядерного оружия в трёх бывших советских республиках. Однако этот процесс проходил с определёнными трудностями.

Так, после подписания договора СНВ-1, некоторые страны не спешили присоединяться к ДНЯО, тем самым поставив под угрозу выполнение положений данного соглашения: Российская Федерация соглашалась ратифицировать договор только после присоединения остальных трёх бывших советских республик, имеющих ядерное оружие, к ДНЯО. В конце апреля 1993 г., конгрессмен от штата Калифорния демократ Фортни Хиллман Старк-младший, выступая в Палате пред-

²⁹ United States should act on unsafe soviet reactors. Congressional record. June 2, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt9/pdf/GPO-CRECB-1992-pt9-9-2.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

³⁰ Committee approval of the START treaty. Congressional record. July 2, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/07/02/GPO-CRECB-1992-pt13-1.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

³¹ Arms control that builds lasting peace. Congressional record. July 24, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/07/24/GPO-CRECB-1992-pt14-2.pdf> (data of accesses: 16.03.2022).

³² National defense authorization act. Congressional record. September 18, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/09/18/GPO-CRECB-1992-pt18-2.pdf> (data of accesses: 16.03.2022).

³³ Nuclear proliferation in Pakistan: reaffirming the intent of the Pressler amendment. Congressional record. August 5, 1994. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/08/05/GPO-CRECB-1994-pt14-2.pdf> (data of accesses: 16.03.2022).

ставителей, высказывался о ходе присоединения Казахстана, Беларуси и Украины к ДНЯО³⁴. Конгрессмен отмечал, что только Беларусь выполнила это обязательство, ратифицировав ДНЯО. Украина и Казахстан затягивали принятие этого решения. По мнению конгрессмена, существовала вероятность, что если эти страны сохраняют ядерное, то СНВ-1 не вступит в силу, в результате чего США и Россия останутся с большими ядерными арсеналами. Демократ сообщал, что в этом случае, подобный исход дорого обойдётся налогоплательщикам США. По мнению Ф. Старка, в худшем случае это могло поставить под угрозу будущее ДНЯО. Он опасался, что некоторые из европейских союзников США могли переосмыслить свой неядерный статус, если бы увидели дополнительные ядерные державы, находящиеся недалеко от их границ, также это могло повысить шансы контрабанды ядерных материалов, повысить вероятность региональной ядерной войны и стать оправданием для разработок ядерного оружия в других странах.

По мнению сенатора от штата Вашингтон демократа Патрисии Линн Мюррей, высказанного в Сенате 12 мая 1993 г., важность ситуации с присоединением Украины и Казахстана к ДНЯО неуклонно возрастала по мере того, как мир приближался к обзорной конференции 1995 г., на которой решался вопрос о продлении договора³⁵. Сенатор считала, что не следовало ни секунды сомневаться в необходимости продления и укрепления ДНЯО. Американская администрация не оставляла попыток убедить Казахстан и Украину присоединиться к ДНЯО. В конце октября 1993 г. конгрессмен от штата Калифорния Ф. Старк высказывал слова поддержки госсекретарю Уоррену Кристоферу за его усилия по ядерному разоружению в странах бывшего СССР³⁶. Конгрессмен сообщал, что во время поездки в новые независимые государства бывшего СССР госсекретарь У. Кристофер заручился заверениями властями Республики Казахстан в том, что их страна присоединится к ДНЯО. Взамен на демонтаж администрация США пообещала Казахстану помощь в размере 140 млн долларов. В результате, 13 декабря 1993 г. Верховный Совет Республики Казахстан ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия. Уже 12 февраля 1994 г. Казахстан присоединился к ДНЯО в качестве безъядерного государства. В начале марта 1998 г. парламентарий Ф. Старк высказывался о политике ядерного нераспространения³⁷. Он говорил, что с окончанием Холодной войны и распадом СССР усилия по нераспространению ядерного оружия продолжали оставаться приоритетом для США. Ф. Старк отмечал, что бывшие советские государства присоединились к ДНЯО как государства, не обладающие оружием, и согласились вывезти все ядерные материалы со своей территории, что, в свою очередь, укрепило ДНЯО: в 1995 г. договор завершил свой 25-летний срок действия и стал постоянным. Представитель Нью-Йорка в Сенате демократ Дэниел Патрик Мойнихан, выступая в Сенате в октябре 1999 г., попросил коллег ознакомиться со статьёй «Договор, в котором мы все

нуждаемся», вышедшей в «Нью-Йорк таймс» под авторством Жака Ширака, Тони Блэра и Герхарда Шредера³⁸. Коллектив авторов в лице лидеров Франции, Великобритании и Германии отмечали общую решимость мировых держав благодаря которой удалось добиться существенного сокращения ядерных арсеналов, запрещения химического оружия, бессрочно-го продления действия ДНЯО, а в 1996 году — завершения переговоров о Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). В целом статья комплементарно характеризовала совместные усилия стран Запада по ядерному нераспространению одновременно призывая развивать успех посредством присоединения большего количества стран к ДВЗЯИ.

В отличие от европейских лидеров отношение к ДВЗЯИ в США было не столь однозначным. Договор был принят в ООН и открыт для подписания с 24 сентября 1996 г. Несмотря на заявленную политику по снижению ядерной угрозы и тем фактом, что У. Клинтон был первым лидером, кто подписал этот договор, законодательные власти США в лице Сената затягивали рассмотрение вопроса по ратификации договора. На 2022 г. США по-прежнему не ратифицировали ДВЗЯИ. Договор предполагает наличие международной системы контроля выполнения посредством создания сети мониторинговых станций, способных выявлять активность, связанную с ядерными взрывами. В начале сентября 1998 г., выступая в Сенате, демократ и сенатор от штата Айова Томас Ричард Харкин высказывался о системе мониторинга ДВЗЯИ³⁹. Он предлагал добавить станции мониторинга в Казахстане, Пакистане, Китае, Казахстане и других странах. Т. Харкин говорил, что с помощью системы мониторинга ДВЗЯИ почти сразу же удалось обнаружить индийские и пакистанские ядерные испытания, что позволило США с высокой точностью определить место и результаты этих испытаний. Сенатор заключил, что это был явный успех новой системы обнаружения.

США удалось убедить Казахстан взять на себя обязательства по отказу от ядерного статуса, что означало фактическую денуклеаризацию в самой ближайшей перспективе. Присоединение Казахстана к таким международным нормативно-правовым актам как Лиссабонский протокол, ДНЯО, ДВЗЯИ закрепило безъядерные намерения казахстанских властей, после чего переиграть эту ситуацию было почти невозможно и оставалось перейти к реальным шагам по ядерному разоружению. Значительный вклад в этот процесс внесли США.

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Несмотря на то, что ещё в начале 1990-х гг. власти Казахстана были готовы сделать свою страну зоной свободной от ядерного оружия, процесс разоружения не был скоротечным и продолжался в течение нескольких лет. К середине 1990-х гг. денуклеаризация в среднеазиатской республике была почти полностью закончена. В 1994 г. в Российскую Федерацию было вывезено 120 боеголовок Р-36М с улучшенными тактико-техническими характеристиками. Последние пусковые шахтные установки в республике были демонтированы к концу мая 1995 г. Основным инструментом для ядер-

³⁴ Introducing legislation to stop nuclear proliferation in the former Soviet Union. Congressional record. April 29, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/04/29/GPO-CRECB-1993-pt6-13.pdf> (data of accesses: 17.03.2022).

³⁵ Regarding aids housing of Washington. Congressional record. May 12, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/05/12/GPO-CRECB-1993-pt7-8.pdf> (data of accesses: 17.03.2022).

³⁶ Commending Secretary Christopher for promoting denuclearization in the former Soviet Union. Congressional record. October 27, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/10/27/GPO-CRECB-1993-pt18-6-3.pdf> (data of accesses: 18.03.2022).

³⁷ The nuclear non-proliferation policy act of 1998. Congressional record. March 4, 1998. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1998/03/04/CREC-1998-03-04-pt1-PgE295.pdf> (data of accesses: 18.03.2022).

³⁸ Comprehensive nuclear test-ban treaty. Congressional record. October 8, 1999. URL: <https://www.congress.gov/106/crec/1999/10/08/CREC-1999-10-08.pdf> (data of accesses: 18.03.2022).

³⁹ Foreign operations, export financing, and related agencies appropriations act, 1999. Congressional record. September 2, 1998. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1998/09/02/CREC-1998-09-02-pt1-PgS9854.pdf> (data of accesses: 18.03.2022).

ного разоружения Казахстана стала «Программа Нанна-Лугара», или «Программа совместного уменьшения угрозы», инициированная США. Правовой основой программы были Закон США «Об уменьшении советской ядерной угрозы» 1991 г. и Закон «О совместном уменьшении угрозы» 1993 г.⁴⁰ Программа выполнялась при участии Агентства по уменьшению угрозы Министерства обороны США, начиная с 12 декабря 1991 г. Действовала программа не только в отношении Казахстана, но и в отношении остальных стран СНГ. Программа имела несколько задач, но, прежде всего, она была направлена на демонтаж оружия массового поражения и инфраструктуры, производившей его.

Изначально свою рекомендацию администрации Дж. Буша-старшего по оказанию всяческой помощи бывшим республикам СССР выразил госсекретарь Дж. Бейкер. Тем не менее, когда сенатор Сэмюэль Нанн в Конгрессе впервые предложил выделять американские средства на нужды советского ядерного оружия, — это было сенсационной идеей, с которой многие были не согласны [Тaubman, 2016: 363]. Важным событием, повлиявшим на мнение американских парламентариев, стал доклад профессора Гарварда — Эштона Картера, в котором учёный рассказал о результатах своего исследования, посвященного контролю над ядерным оружием в распадающемся СССР.

Э. Картер пришёл к выводу, что распад СССР приведёт к самому крупному распространению ядерной угрозы за всю атомную эру [Там же]. Учёный был первым, кто предложил объединить усилия недавних противников в Холодной войне против общей угрозы ядерного распространения. В результате в ноябре 1991 г. по инициативе сенаторов С. Нанна и Р. Лугара программа была одобрена Конгрессом США⁴¹. В июне 1992г. было подписано «Соглашение между США и Российской Федерацией относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия», а в июне 1999г. к этому соглашению был оформлен дополнительный протокол, продлевающий срок действия соглашения ещё на 7 лет⁴². Порядок реализации соответствующих проектов на территории Казахстана регулировался двусторонним соглашением с США. «Соглашение между Республикой Казахстан и Соединёнными Штатами Америки относительно уничтожения шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет, ликвидации последствий аварийных ситуаций и предотвращения распространения оружия массового уничтожения», было подписано 13 декабря 1993 г. в Алматы и было закреплено последующими межведомственными соглашениями.

Выступая в Сенате, в сентябре 1992 г. сенатор С. Нанн общался, что, хотя Казахстан, Украина и Белоруссия дали обещание уничтожить или передать все стратегические наступательные вооружения с их территорий к 1999 г., они могут быть ограничены в своих средствах для выполнения этого обещания⁴³. По словам сенатора С. Нанна, программа Нанна-Лугара

должна была стать тем механизмом, в том числе и финансовым, который окажет помощь в ядерном разоружении бывшим советским республикам. Демократ подчёркивал, что денежные средства Нанна-Лугара, которые должны были использоваться для конверсионных действий оборонной промышленности в бывших советских республиках, не являлись иностранной помощью и не представляли собой безвозмездное предоставление средств налогоплательщиков США на нужды оборонной промышленности чужих стран. Сенатор считал, что выделенные в рамках программы деньги были предназначены, в первую очередь, для подрядчиков из США. Он предполагал, что подобная мера, прежде всего, должна была помочь американским компаниям, планирующим инвестировать их собственные капиталы в совместные предприятия с бывшими советскими отраслями оборонной промышленности, заинтересованными в их преобразовании в невоенные производства.

Реализация такой масштабной программы неизбежно сталкивалась с трудностями. Выступая в Сенате в середине июля 1994 г., республиканский сенатор Пьетро Вичи Доменичи от штата Нью-Мексико отмечал, что программа не реализовывалась в полной мере⁴⁴. Сенатор объяснял, что американские власти не смогли потратить деньги на эту программу в полном объёме по разным причинам. В качестве первой причины задержки парламентарий назвал трудность достижения договорённостей по сложным и деликатным вопросам с правительствами Казахстана, Украины и России. Второй причиной стали сложности в распределении бюджета со стороны Министерства обороны США. П. Доменичи просил внести в протокол письмо министра обороны У. Перри на имя вице-президента А. Гора, в котором объяснялись причины задержки в реализации программы Нанна-Лугара. По словам министра обороны США, приведёнными в письме, сотрудники его ведомства пытались перевести деньги внутри министерства такими способом, с которым Конгресс не мог согласиться.

Споры об эффективности «Программы совместного уменьшения угрозы» не были редкостью в стенах Конгресса США. Например, в середине июля 1995 г. в Палате представителей, состоялось обсуждение поправки Дорнана⁴⁵. Поправку инициировал конгрессмен от штата Калифорния республиканец Роберт Дорнан. Суть поправки заключалась в запрете использования средств «Программы совместного уменьшения угрозы» для деятельности в России до тех пор, пока президент США не подтвердит Конгрессу, что Россия прекратила реализацию своей программы наступательного биологического оружия. Аргументы против поправки высказывал конгрессмен от штата Южная Каролина демократ Джон Макки Спратт-младший. По мнению Д. Спратта, программа Нанна-Лугара не представляла собой раздачу средств американских налогоплательщиков в пользу России, Белоруссии или Казахстана, но являлась обоюдовыгодным инструментом, как для этих стран, так и для США⁴⁶. Приводя, как пример, таблицу оценки данной программы Пентагоном, он перечислял различные показатели, которых удалось достичь. Среди показателей Д. Спратт упомянул, что все казахстанские боеголовки были вывезены и возвращены России,

⁴⁰ Нанна-Лугара программа // ПИР-Центр. URL: <http://www.pircenter.org/sections/140-nannalugara-programma> (data of accesses: 18.03.2022).

⁴¹ Как работала программа Нанна-Лугара // Медиа портал «Коммерсантъ». 10 октября 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2040919> (data of accesses: 18.03.2022).

⁴² Сотрудничество в области ликвидации сокращаемых стратегических вооружений и обеспечения безопасности ядерных материалов. Программа совместного снижения угрозы // Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 22 апреля 2003. URL: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/gkh30422.htm> (data of accesses: 18.03.2022).

⁴³ Department of defense appropriations act, fiscal year 1993. Congressional record. September 22, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/09/22/GPO-CRECB-1992-pt18-4-1.pdf> (data of accesses: 19.03.2022).

⁴⁴ Foreign operations, export financing, and related agencies appropriations act, 1995. Congressional record. July 15, 1994. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/07/15/GPO-CRECB-1994-pt12-2.pdf> (data of accesses: 19.03.2022).

⁴⁵ H. Amdt. 423 — 104th Congress (1995-1996). Description. URL: <https://www.congress.gov/amendment/104th-congress/house-amendment/423?s=1&r=2> (data of accesses: 20.03.2022).

⁴⁶ Sec. 3531. Conforming amendment to title 31, United States code. Congressional record. June 13, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/06/13/CREC-1995-06-13-pt1-PgH5782-3.pdf> (data of accesses: 19.03.2022).

были выведены из строя 1000 бомбардировщиков на Украине и в Казахстане: за 1997 г. из Казахстана были вывезено 63 тяжёлых бомбардировщика и 61 межконтинентальная баллистическая ракета⁴⁷. Также в этой республике были засыпаны 148 шахтных пусковых установок для SS-18⁴⁸ [Prohibition on use of funds for certain purposes in case of transfer of missile system by Russia]. Благодаря программе Нанна-Лугара была частично профинансирована транспортировка 600 кг высокообогащенного урана, достаточного для изготовления не менее 20 единиц оружия, из Казахстана на безопасное хранение в Ок-Ридж, штат Теннесси. В качестве очередного достижения программы демократ из Южной Каролины сообщил, что «Программа Нанна-Лугара» помогла нанять 8200 ученых и военных инженеров для участия в гражданских исследовательских проектах. Он отмечал, что вместо того, чтобы эти люди уехали куда-то ещё, где могли использовать свои таланты для другой страны, которая могла проводить жесткую и враждебную политику в отношении США, 8200 ученых и инженеров заняты в гражданских исследованиях.

Против доводов Д. Спратта высказывался конгрессмен от штата Висконсин республиканец Марк Уильям Нойманн, поддерживающий поправку Дорнана. По словам М. Нойманна, он бы поддержал практически любую поправку, которая останавливает или замедляет приток налоговых долларов из Соединенных Штатов в Россию. Республиканец отмечал, что законопроект о разрешении на оборону, который они тогда рассматривали, позволял потратить 6 млн долларов на проектирования объекта для хранения расщепляющихся материалов в России. Выделение средств на проектирование хранилища деталей, компонентов ядерных боеголовок, которые будут храниться в России на долгосрочной основе, не имели для него никакого смысла. Он был убежден, что средств налогоплательщиков из США, потраченные на проектирование хранилища для расщепляющихся материалов или компонентов для будущих ядерных боеголовок в России, будут потрачены впустую. В ответ на это конгрессмен от штата Массачусетс демократ Мартин Михан, говорил, что принятие данной поправки, цель которой была попытка наказать русских, накажет казахстанцев, белорусов, и в итоге самих себя, поэтому не имеет смысла.

Срединную позицию об эффективности программы высказывал сенатор от Южной Каролины Дж. Турмонд⁴⁹. Он считал, что программа оказалась полезной в аспекте обеспечения сокращения и возврата стратегических ядерных вооружений трех республик: Украины, Белоруссии и Казахстана, — однако не рекомендовал существенно увеличивать её финансирование, а также — сопутствующей программы Министерства энергетики, т.к. в остальных аспектах её достижения были менее заметны.

В целом, позитивные оценки эффективности Программы Нанна-Лугара среди конгрессменов преобладали, особенно после завершения ядерного разоружения. Так, выступая в Сенате в июне 1996 г., сенатор от штата Северная Дакота демократ Байрон Лесли Дорган говорил, что благодаря программе удалось существенно уменьшить ядерную угрозу. Он высказал мнение, что, т.к. в бывшем СССР: Украине, России и Ка-

захстане, — уничтожаются бомбардировщики ракеты — мир стал куда более безопасным местом⁵⁰. Тем не менее после завершения денуклеаризации Казахстана и Украины, Беларусь обладала несравнимо меньшими запасами ядерного оружия по сравнению с этими странами, это не помешало американским парламентариям обсуждать перераспределение средств из этой программы на другие нужды. Конгрессмен от штата Нью-Йорк республиканец Джеральд Соломон, выступая в мае 1997 г. в Палате представителей, предлагал перевести деньги из Программы «Нанна-Лугара» — более 800 миллионов долларов — и направить их на оплату американских войск в Боснии, вместо того, чтобы брать их из бюджета на эксплуатацию и техническое обслуживание⁵¹. Позже эта поправка Дж. Соломона, касающаяся финансирования «Программы Нанна-Лугара», была исключена из списка защищённых поправок⁵².

Непосредственно ядерное разоружение никогда не было единственной целью данной программы. Действуя превентивно американские власти, желали развить свой успех в вопросе нераспространения. Так, в 2001 г. под эгидой «Программы Нанна-Лугара» США и Казахстана успешно завершили совместный проект по обеспечению сохранности одного из крупнейших в мире запасов оружейного плутония. Выступая в Сенате в июле 2001 г., сенатор Р. Лугар, рассказывал, что сам посетил в августе 1998 г. фабрику по производству торпед в г. Алма-Ате, которая была преобразована для производства больших стальных канистр для хранения плутония⁵³. Также сенатор предложил коллегам ознакомиться со статьёй «Вашингтон таймс» от 21 июля 2001г. «Казахстанские хранилища плутония обезврежены⁵⁴». Автор статьи писал о том, что официальные лица США выразили удовлетворение после того, как один из крупнейших в мире запасов оружейного плутония, расположенный в Казахстане, был успешно защищен от краж. По его словам, более трех тонн плутония, достаточного для изготовления около 400 бомб, хранилось в реакторе на быстрых нейтронах на берегу Каспийского моря. Имеющиеся условия безопасности были сходными с условиями безопасности офисного здания. В 1996 г. правительство президента Н. Назарбаева, Международное агентство по атомной энергии и США разработали программу усиления безопасности и разработки ёмкостей для предотвращения кражи. Торпедному заводу в Алма-Ате, который был переоборудован под гражданскую работу, было поручено производить большие стальные контейнеры. В июне 2001 г., после трех лет работы и поддержки со стороны США в размере 43 млн долларов, 478 канистр были заварены и спущены в воду. На заводе появились охраняемые ворота, камеры видеонаблюдения, рентгеновские аппараты и турникеты с магнитными картами, а также датчики, которые круглосуточно контролируют ядерные материалы. В соответствии с указом Н. Назарбаева канистры с ядерным топливом были доставлены поездом в Семипалатинск.

⁵⁰ National defense authorization act for fiscal year 1997. Congressional record. June 18, 1996. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1996/06/18/CREC-1996-06-18-pt1-PgS6386.pdf> (data of accesses: 23.03.2022).

⁵¹ Housing opportunity and responsibility act of 1997. Congressional record. May 6, 1997. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1997/05/06/CREC-1997-05-06-pt1-PgH2188-2.pdf> (data of accesses: 23.03.2022).

⁵² Providing for consideration of H.R. 1469, 1997 emergency supplemental appropriations act for recovery from natural disasters, and for overseas peacekeeping efforts, including those in Bosnia. Congressional record. May 15, 1997. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1997/05/15/CREC-1997-05-15-pt1-PgH2687-5.pdf> (data of accesses: 23.03.2022).

⁵³ Controlling the proliferation of small arms and light weapons. Congressional record. July 26, 2001. URL: <https://www.congress.gov/107/crec/2001/07/26/CREC-2001-07-26-pt1-PgS8276.pdf> (data of accesses: 24.03.2022).

⁵⁴ Kazakh plutonium stores made safe. The Washington Times. July 21, 2001. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2001/jul/21/20010721-024401-6132r/> (data of accesses: 25.03.2022).

⁴⁷ National defense authorization act for fiscal year 1996. Congressional record. June 13, 1995. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1997/07/08/CREC-1997-07-08-pt1-PgS6960-3.pdf> (data of accesses: 20.03.2022).

⁴⁸ Prohibition on use of funds for certain purposes in case of transfer of missile system by Russia. Congressional record. June 23, 1997. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1997/06/23/CREC-1997-06-23-pt1-PgH4169.pdf> (data of accesses: 21.03.2022).

⁴⁹ National defense authorization act for fiscal year 1996. Congressional record. September 6, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/09/06/CREC-1995-09-06-pt1-PgS12649-5.pdf> (data of accesses: 22.03.2022).

В результате в ходе реализации «Программы Нанна-Лугара» Казахстан остался без ядерного оружия и соответствующей инфраструктуры. Американские парламентарии не были коллегиально довольны результатами этой программы, но всё же отмечали факт того, что с главной задачей — ядерным разоружением — ей удалось справиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распад социалистического блока и СССР, позволил американскому истеблишменту считать свою страну победителем в Холодной войне. Объективно, перед Белым домом открылось множество возможностей, в том числе, он стал архитектором новой системы международных отношений, где ведущую роль он предпочёл оставить за собой. Это произошло несмотря на то, что в мире сложилась уникальная ситуация и американские власти могли существенно повлиять на ядерные сокращения так же и внутри своей страны, однако в начале 1990-х гг. военное лобби значительно усилило свои позиции, преопределив внешнюю политику США, выраженную в стремлении к доминированию.

Теперь США могли действовать на мировой арене по собственному усмотрению, не опасаясь физического уничтожения посредством ядерного удара со стороны СССР. Для единственной оставшейся сверхдержавы это означало почти полную свободу действий. Однако Советский Союз не исчез бесследно, оставив после себя полтора десятка независимых государств, часть из которых унаследовала его ядерный арсенал. Третья по мощности часть ядерного наследия досталась Казахстану. Несмотря на то, что содержание ядерной инфраструктуры является затратной статьёй для бюджета любой страны, ядерный арсенал является крайне весомым аргументом на международной арене: ко мнению ядерной страны всегда будут внимательны независимо от размера её экономики, примером чего является КНДР. С точки зрения американцев, оценивающих международную обстановку стратегически, одновременное появление, кроме ослабевшей России, ещё трёх ядерных республик могло создать значительное количество проблем для положения Вашингтона. Для осуществления своего намерения США не нуждались в поддержке мирового сообщества, которое по итогу всё равно с охотой поддержало решение о ядерном разоружении трёх новых республик: заполучить подобные привилегии для стран, где только начала складываться государственность попросту было бы несправедливостью, не говоря об объективных плюсах в области безопасности.

В отличие от СССР, новые независимые страны воспринимались в Вашингтоне как государства с крайне неустойчивыми политическими режимами, которые могли стремительно изменить свои намерения в отношении США: развернуться от партнёрских отношений и вернуться к конфронтации. Ещё одним фактором, вызывающим настороженность в Белом доме, стал вопрос о способности новых государств охранять и содержать соответствующие военные объекты. Зарождающиеся при содействии США молодые демократии испытывали серьёзные экономические трудности при переходе к рыночной модели экономики. Это потенциально могло обернуться для них государственным кризисом, что могло ослабить государственный контроль над ядерным вооружением и объектами его инфраструктуры. Воспользоваться слабостью зарождающихся государственных институтов могли террористические группировки, способные выкрасть как само оружие, так и технологии его создания. Также американские власти опасались, что сложные экономические реалии 1990-х гг. могли подтолкнуть учёных переехать ради материальных благ в «страны-изгой», где, используя свой

опыт и знания, они могли помочь существенно продвинуться местным учёным в создании ядерного оружия. В случае Казахстана к этим опасениям добавлялся ещё один дополнительный фактор. В то время как Украина и Белоруссия были странами, расположенными в Европе и населёнными славянскими, а значит европейскими, народами, Казахстан представлял собой для многих американцев terra incognita. Недоверие среди американских властей вызывал также факт исламского вероисповедания казахов, что, в их представлении, грозило потенциальной передачей на государственном уровне ядерных технологий другим мусульманским странам.

Таким образом, все вышеописанные опасения побудили администрацию 41-го американского президента быстро и решительно принудить Казахстан отказаться от ядерного оружия. Это дело продолжила и последующая администрация. Американская законодательная ветвь власти в лице Конгресса США проявляла солидарность с администрацией. Несмотря на сложные взаимоотношения администрации президента и Конгресса в этом вопросе их позиции были идентичными, т.к. отвечали интересам их страны в целом. Чтобы объяснить необходимость дальнейшего военного усиления США в Конгрессе начали звучать голоса, о том, что после распада СССР ядерная угроза не снизилась, а наоборот, только возросла. Также конгрессмены говорили о ядерном разоружении Казахстана в контексте снижения нагрузки на бюджет США и пользы для экологии не только для самого Казахстана, но и мира в целом.

Совпадение позиций Администрации президента и Конгресса США преопределило вмешательство США в судьбу ядерного оружия в Казахстане. Немаловажным фактором, подготавливающим американские власти к реализации данного намерения, стала разработка СНВ-1, начавшаяся в последние годы существования СССР. Присоединение трёх новых ядерных республик к этому соглашению посредством специального протокола, начало процесс юридического закрепления безъядерного статуса за среднеазиатской республикой. Конгрессмены подерживали присоединение Казахстана и ко всем последующим международным нормативно-правовым актам, в которых казахстанское правительство обязывалось отказаться от ядерного оружия и его испытаниях — ДНЯО и ДВЗЯИ. Также США обещали поддержку Казахстану в случае отказа от идеи сохранения подобного вооружения, что говорит о высокой степени их озабоченности от угрозы, исходящей от трёх бывших республик. Закономерно, что именно США стали инициаторами «Программы Нанна-Лугара», ставшей инструментом по их ядерному разоружению. Оценки необходимости программы, её реализации, степени её эффективности, становились поводом для дискуссий в Конгрессе. Если сама по себе идея отказа от ядерного оружия Казахстана не вызывала споров, то степень участия США, особенно использование денег американских налогоплательщиков, вызывала сопротивление у части конгрессменов. Особенно это стало актуальным после фактического разоружения Казахстана и Украины, т.к. программа продолжилась, занимаясь конверсией, создание мест хранения ядерных отходов и других сопутствующих вопросов. Это стало возможным, потому как, не взирая на другие заявленные задачи, целью программы было именно ядерное разоружение трёх республик.

Таким образом, Конгресс США поддерживал исполнительную власть в вопросе ядерного разоружения Казахстана, видя в этом возможность избавиться от угроз физического уничтожения американского народа. В первой половине 1990-х гг. конгрессмены не выработали различные подходы к Украине, Беларуси и Казахстану, оценивая их только по степени стоворчивости и готовности к сотрудничеству в деле ядерного разоружения. Вопросами ядерного разоружения обсуждались преимущественно в Сенате. Ядерное разоружение

Казахстана, а также Украины и Беларуси воспринималось конгрессменами как разоружение СССР, т.е. действующего противника. В некотором смысле ядерное разоружение этих республик стало ещё одним шагом в вопросе распада СССР, завершив его существование с точки зрения разрушения еди-

ной ядерной инфраструктуры. Ядерное разоружение трёх республик стало оформлением победы США в Холодной войне. Поэтому денуклеаризация проходила не потому, что США стали мировым лидером, желающим себя обезопасить, а для того, чтобы США им стали.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байзакова К.И., Кукеева Ф.Т., Жигалов К.В. Западный вектор внешней политики Казахстана: состояние и перспективы // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. 2021. №4 (96). С. 8–14.
2. Азербайев С.Г., Умгаев С.А. Ядерное разоружение Казахстана и общность в этом вопросе с африканскими странами // Вестник КалмГУ. 2021. №1 (49). С. 6–15.
3. Каракаев С.В. Сохранение потенциала ракетных войск стратегического назначения после распада советского союза // Военная мысль. 2021. №9. С. 125–132.
4. Александров С.Н. Ядерное разоружение Казахстана как интерес США (1990-е гг.) / С.Н. Александров // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения : сборник материалов XV Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 29–30 апреля 2019 г.). Томск, 2019. Вып. 15. С. 269–272.
5. Александров Н.Д. Проблемы ядерного разоружения и участие республики Казахстан в их разрешении в контексте международной безопасности // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. 2018. № 4. С. 152–156.
6. Мацюк Д.А. Казахский опыт ядерного разоружения // Международный журнал информационно-коммуникационных технологий. 2022. Специальный выпуск. С. 117–123.
7. Муратшина К.Г. Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 47–56.
8. Иватова Л.М., Ордабек Е.А. Вклад президента Казахстана в обеспечение ядерной безопасности в условиях глобализации // П26 Первый Президент Республики Казахстан — Елбасы: стратегия государственного управления и феномен лидерства: сборник материалов международной научно-практической конференции, Алматы, 11 ноября 2017 года / под общ. ред. М.Б. Касымбекова. — Астана: Библиотека Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы, 2018. С. 138–146.
9. Величков К.С. Система регулирования деятельности Казахстана в ядерной области как внешнеполитический актив // Вестник НЯЦ РК. 2021. № 3. С. 21–28.
10. Шенин С.Ю. «Программа Нанна-Лугара» и ядерное разоружение Украины // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. № 3. С. 103–114.
11. Чихичин Ю.С. Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992-1996 годов // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. №2. С. 221–226.
12. Чернега В.Н. Ядерный арсенал Франции и ее подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия // АПЕ. 2020. №3. С. 94–117.
13. Румянцев В.П. «Давид и Голиаф»: Д. Бен-Гурион и разногласия с США по вопросу ядерной программы Израиля, 1960-1963 гг // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2020. № 64. С. 78–84.
14. Таубман Ф. Солдаты холодной войны / Ф. Таубман; [пер. с англ. В.Н. Верченко]. — М.: Издательство АСТ, 2016. — 608 с.
15. Баранова Н.С., Ветлугина А.Э. Международно-правовой контроль режима нераспространения ядерного оружия // Закон и право. 2021. №7. С. 154–158.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 95%.

Рецензент: Троицкий Е.Ф., профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета.

Статья поступила в редакцию 02.05.2022, принята к публикации 22.05.2022

The article was received on 02.05.2022, accepted for publication 22.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александров Станислав Николаевич, аспирант, старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет; Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Российская Федерация, e-mail: gaarane91@mail.ru

REFERENCES:

1. Bajzakova K.I., Kukeeva F.T., Zhigalov K.V. Western vector of Kazakhstan's foreign policy: state and prospects. Series of International Relations and International Law. Almaty. No. 4(96). Pp. 8–14. (In Russ.)
2. Azerbaev S.G., Umgaev S.A. Nuclear disarmament of Kazakhstan and generality in this matter with African countries. Bulletin of KalmSU. Elista. 2021. No. 1(49). Pp. 6–15. (In Russ.)
3. Karakaev S.V. Maintaining the potential of strategic missile forces after the collapse of the Soviet Union. Military thought. Moscow. 2021. No. 9. Pp. 125–132. (In Russ.)
4. Aleksandrov S.N. Nuclear disarmament of Kazakhstan as a US interest (1990s). Issues of history, archeology, political science and regional studies: a collection of materials of the XV All-Russian (with international participation) scientific conference of students, master's students, graduate students and young scientists. Tomsk, 2019, Pp. 269–272 (In Russ.)
5. Aleksandrov N.D. Problems of nuclear disarmament and participation of the Republic of Kazakhstan in their resolution in the context of international security. Bulletin of the Kazakh-American Free University. Ust-Kamenogorsk. 2018. No. 4. Pp. 152–156. (In Russ.)
6. Masyuk D.A. Kazakhstan experience in nuclear disarmament. International Journal of Information and Communication Technologies. Paris. 2022. Special issue. Pp. 117–123. (In Russ.)
7. Muratshina K.G. Post-Soviet Central Asian states' policies towards the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Administrative consulting. Yekaterinburg. 2019. No. 11. Pp. 47–56. (In Russ.)
8. Ivatova L.M., Ordabek E.A. Contribution of the President of Kazakhstan to ensuring nuclear safety in the context of globalization. First President of the Republic of Kazakhstan — Elbasy: strategy of public administration and the phenomenon of leadership: a collection of materials of the international scientific and practical conference, Almaty, November 11, 2017. Astana, 2018, Pp. 138–146 (In Russ.)
9. Velichkov K.S. Kazakhstan's nuclear governance as a foreign policy asset. NNC RK Bulletin. Kurchatov. 2021 No. 3. Pp. 21–28. (In Russ.)
10. Shenin S.Yu. «Nann-Lugar Program» and Nuclear Disarmament of Ukraine. Bulletin of VolSU. Volgograd. 2020. No. 3. Pp. 103–114. (In Russ.)
11. Chihichin Yu.S. Approaches of the administrations of J. Bush and W. Clinton to the problem of nuclear disarmament of Ukraine in the period 1992–1996. News of Saratov University. New series. Series: History. International relations. Saratov. 2020. No. 2. Pp. 221–226. (In Russ.)
12. Chernega V.N. France's nuclear arsenal and its approaches to non-proliferation and the prohibition of nuclear weapons. St. Petersburg. 2020. No. 3. Pp. 94–117. (In Russ.)
13. Romyancev V.P. «David and Goliath»: D. Ben-Gurion and disagreements with the United States on the issue of Israel's nuclear program, 1960–1963. Bulletin of TSU. Tomsk. 2020. No. 64. Pp. 78–84. (In Russ.)
14. Taubman P. Cold War soldiers. Moscow, 2016. P. 608 (In Russ.)
15. Baranova N.S., Vetlugina A.E. International Legal Control of the Non-Proliferation Regime. Act and Law. Moscow. 2021. No. 7. Pp. 154–158. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav N. Alexandrov, postgraduate student, senior lecturer, National Research Tomsk State University; Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics, Tomsk, Russian Federation, e-mail: gaarane91@mail.ru

5.6.7.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORY OF FOREIGN AFFAIRS AND EXTERNAL POLICY

07.00.15

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
HISTORY OF FOREIGN AFFAIRS AND EXTERNAL POLICY

Влияние остальгии и существования ГДР на политическую и социальную повестку ФРГ

©Георгий Евгеньевич Бардин

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: bardingeorge27@gmail.com

Аннотация. *Цель исследования:* в статье рассматривается влияние феномена остальгии на современную политику Германии. Анализируются различия внешнеполитических и электоральных мнений между западными и восточными немцами. Целью исследования является выявить степень воздействия исторического разделения Германии на ФРГ и ГДР и последующей за объединением страны остальгии на современную политическую и социальную повестку внутри страны. *Выводы:* феномен остальгии довольно широко воздействует на население восточной Германии в нескольких областях. В социальном и культурном плане восточные немцы чувствуют себя оскорбленными, потому что наследие ГДР и все хорошее, что с ней связано, пытаются очернить и вычеркнуть из истории. Остальгия в последнее время является важным фактором в рамках национальных выборов, участия ФРГ в различных региональных организациях, а также в контексте повышения недовольства жителей некоторыми решениями политических элит. После объединения Германии, земли бывшей ГДР стали непосредственным участником западной региональной и политической системы. Спустя более 30 лет объединенная Германия для восточных немцев стала «родным государством», но все равно среди них наблюдается поддержка мнения, что в некоторых вопросах ГДР была намного предпочтительнее современной ФРГ. Автор делает вывод, что остальгия и сам факт существования ГДР однозначно влияют и продолжают оказывать влияние на политику Германии в различных областях.

Ключевые слова: остальгия, ГДР, Германия, объединение Германии, политическая повестка, Альтернатива для Германии (АдГ), региональные организации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бардин Г. Е. Влияние остальгии и существования ГДР на политическую и социальную повестку ФРГ // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 132-140.

The Influence of Ostalgia and the Existence of the GDR on the Political and Social Agenda of Germany

©Georgii E. Bardin

Saint Petersburg State University (SPSU), Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: bardingeorge27@gmail.com

Abstract. *Purpose of the research:* the article deals with the influence of the phenomenon of ostalgia on the modern politics of Germany. There is an analysis of differences in foreign policy and electoral opinions between West and East Germans. The purpose of the study is to identify the degree of impact of the historical division of Germany into the FRG and the GDR and the subsequent ostalgia after the

unification of the country on the modern political and social agenda within the country. *Results:* The phenomenon of ostalgie affects the population of eastern Germany quite widely in several areas. Socially and culturally, East Germans feel offended because the legacy of the GDR and all the good that is associated with it is being erased from history. Ostalgie has recently been an important factor in the framework of national elections, the participation of Germany in various regional organizations, as well as in the context of increasing dissatisfaction among residents with some decisions of political elites. After the reunification of Germany, the lands of the former GDR became a direct participant in the Western regional and political system. More than 30 years later, a united Germany became a «home state» for the East Germans, but still there is support among them for the opinion that in some matters the GDR was much more preferable than the modern FRG. The author concludes that ostalgie and the very fact of the existence of the GDR clearly influence and will continue to influence German policy in various fields.

Key words: ostalgie, GDR, Germany, German reunification, political agenda, Alternative for Germany (AfD), regional organizations.

FOR CITATION: Bardin G. E. The Influence of Ostalgie and the Existence of the GDR on the Political and Social Agenda of Germany // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 132-140. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

После объединения ФРГ и ГДР в 1990 году, Германия предстала новой страной, новым государством, где наблюдалось постепенное экономическое и политическое развитие, появлялись новые внешнеполитические связи как в рамках региона (ЕС, Еврозона, и т.д.), так и в международном масштабе (новый член ООН). Но несмотря на долгий и непрекращающийся процесс объединения, в ФРГ остается актуальным негласное разделение на «западных» (жителей бывшей Западной Германии) и «восточных» (жителей бывшей Восточной Германии), а также проблема постепенной интеграции жителей НФЗ (новые федеральные земли, так называют территории бывшей ГДР, присоединившихся к ФРГ. Включают в себя земли Бранденбург, Мекленбург-Переднюю Померанию, Саксонию, Саксонию-Анхальт и Тюрингию) в осуществление политики всей ФРГ.

После объединения двух стран, восточные и западные немцы относились друг к другу с относительным непониманием, несмотря на многовековое общее прошлое. Появившиеся различия в психологии людей, их менталитете и условиях существования в двух разных системах биполярного мира (капиталистической и социалистической) были довольно велики. Одним из существенных последствий воссоединения можно выделить стремительное разрушение самосознания среди населения Восточной Германии, особо остро чувствовался кризис идентичности. В новой стране возникли серьезные диспропорции между Востоком и Западом. Они проявлялись в различных сферах: в политике (появилась неоднородность среди мнений населения, жители новых федеральных земель отдавали во время выборов предпочтение партиям левого толка, на сегодняшний день эта тенденция проявляется в поддержке правых сил), экономике (до сих пор заметно экономическое отставание федеральных земель бывшей ГДР от западных земель), социального взаимодействия (сформированное неравенство между западными и восточными немцами по-прежнему сохраняется). В результате вышеуказанных различий, в стране (а конкретно, в НФЗ) широкое распространение получило явление остальгии.

Сам термин «остальгия» состоит из двух слов — ностальгия и Ost (по-немецки — Восток). Если трактовать понятие в более широком смысле, оно означает совокупность воспоминаний, ностальгию и освещение отличительных особенностей жизни в Германской Демократической Республике. Но не стоит воспринимать данный феномен как выделение или идеализацию ГДР. Это, скорее, попытки населения рассказать о чем-то положительном или важном, что существовало в их жизни в Восточной Германии. Среди этого можно

отметить образование, которое давали в ГДР, социальные достижения, быт, и т.д. На сегодняшний день остальгия не так заметна, как раньше (ее пик пришелся на конец XX века — начало XXI века). Подобное явление присуще не только для жителей бывшей ГДР. Исследователи выделяют также такие понятия, как Ностальгия по СССР и Югостальгия (ностальгия по Югославии).

Помимо этого, остальгию можно рассматривать как обычное человеческое стремление запомнить все светлое и хорошее, что произошло с людьми в их детстве или юности. Жители новых федеральных земель оказались в весьма тяжелых условиях практически молниеносных перемен в своей жизни. Падение Берлинской стены и процесс объединения не были подробно продуманы и подготовлены, ввиду этого у людей могло возникнуть чувство растерянности. Их государство прекратило свое существование. К тому же, начала стремительно меняться идеология, что тяжело восприняло более старшее поколение, которое практически всю свою жизнь прожило в рамках одного режима. С большой долей вероятности можно утверждать, что в первые годы после объединения Германии в спешке был сделан ряд ошибок, которые привели к забвению и обесцениваю ГДР как политической реальности и в целом ретроспективы.

Если обратиться к статистическим данным, которые касаются отношения восточных немцев к своему прошлому, можно отметить ряд тенденций и закономерностей. Так, к примеру, 40% немецкой молодежи, чьи родители выросли в ГДР, не считают её диктатурой, и 50% считают, что демократия в ФРГ не была настоящей. При этом, лишь 10–15 процентов из 17 млн бывших жителей ГДР желают возврата прошлого. Исследователи говорят, что больше всего ГДР — мода привлекательна для тех, кому в 80-е годы было 10–12 лет.

Опрос Pew Research Center показал, что мнения жителей Западной и Восточной Германии во многих вопросах могут значительно расходиться. Очевидно, что западные немцы более лояльно относятся к деятельности Европейского союза, а на востоке большинство оказывают поддержку партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). На востоке больше тех, кто плохо относится к мусульманам (36% против 22%), евреям (12% против 5%) и цыганам (48% против 35%). В вопросах религии, ввиду идеологических различий XX века, в восточной части Германии преобладает атеизм, хотя в последнее время статистика показывает, что данная тенденция меняется в сторону большего разнообразия в вероисповеданиях. Таким образом, остальгия и существование ГДР в прошлом определенно накладывают свой отпечаток на современную Германию как в области политики, так и в обычной, повседневной жизни.

ОСТАЛЬГИЯ В РАМКАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЕВРОПЕ

Анализируя остальгию через призму внешней политики, стоит сказать, что отношение населения восточной Германии к различным странам и региональным организациям, в целом, формируется за счет роли этих акторов в объединении ФРГ и своем вкладе в политическое устройство, а также поддерживается за счет исторических связей с данным регионом.

Так, например, во времена падения Берлинской стены, позиция М.С. Горбачева не применять силовое вмешательство была позитивна воспринята в ГДР. В дальнейшем, это послужило важной базой для сохранения и развития многовекторных отношений с Советским Союзом, а затем и более благожелательных отношений с Российской Федерацией на территории НФЗ. В результате, и сейчас для восточных немцев значительно менее характерны опасения агрессивных действий России, чем для западных¹. Помимо этого, важно отметить не только отношение жителей бывшей ГДР к РФ, но также и их отношение к руководству страны и внешней политике государства. Так, согласно опросам общественного мнения, в 2015 году, большая часть восточных немцев отнеслась к присоединению Россией Крыма в 2014 году «нейтрально» или «с пониманием», чего нельзя сказать о западных немцах, которые оценили данный акт «негативно» или «крайне негативно». В качестве другого примера можно привести вопросы энергетики: учитывая последние события, довольно большой процент немцев крайне критически воспринимают энергетическую зависимость Германии от России, но на востоке страны подобные настроения выражены не так ярко. Даже ландтаги новых федеральных земель пытаются поддерживать и соблюдать более умеренную политику в отношении российских партнеров, компаний и руководства страны в целом. Учитывая, как долго они входили в сферу влияния Советского Союза, вполне обоснованным выглядит тот факт, что восточная часть страны выступает с инициативой вести более конструктивный диалог с Российской Федерацией и смягчение ряда санкций в энергетической и сырьевой сферах. Для НФЗ Россия в 2019 году стала третьим по значимости торговым партнером. Это напрямую имеет эффект на выборы в ландтаги и поддержку той или иной политической партии.

Если мы проанализируем роль Соединенных Штатов Америки в объединении ФРГ и ГДР, то, определенно, они оказали большое влияние на западных немцев. Когда американское правительство поддерживало процесс объединения, это широко освещалось в мире, а также всячески подчеркивалось в рамках Европы. Конечно, появление нового государственного образования на территории Европы не могло не привлечь внимание США по целому ряду причин: это и повышение значения НАТО в регионе, и будущее усиление Европейского экономического союза (в дальнейшем — ЕС), и т.д. Но, если мы говорим о бывшем населении ГДР, то здесь оценка действий Америки не так однозначна. Конечно, долгое время ГДР и США были идеологическими соперниками. Это отразилось на поведении восточных немцев в объединенной Германии: пятая часть жителей НФЗ «не особенно» любят и поддерживают действия США в мире. Это сравнительно небольшая часть жителей ФРГ, но нельзя не отметить

этот факт, как важный показатель динамики изменения отношений жителей бывшей ГДР к США.

Франция, несмотря на усиление своего геополитического партнера за счет восточных земель, сохранила тесные и партнерские отношения с ФРГ. Данное отношение Парижа сформировало довольно крепкий уровень доверия со стороны жителей Западной Германии. На протяжении более 20 лет со времени объединения, наблюдался позитивный рост мнений жителей НФЗ о Франции, этому способствовало несколько причин: довольно открытая политика Шарля де Голля в 1950–1960-е гг. (что помнило старшее поколение восточных немцев), историческая ретроспектива и отношения стран, помощь и сотрудничество в рамках развития европейской интеграции (создание Европейского союза и приглашение новых стран-членов в интеграционное объединение). Таким образом, уже к 2015 году хорошие отношения между Францией и Германией больше поддерживали на востоке ФРГ, чем на западе. К 2016 г. различия между отношением к Франции населения новых и старых земель практически исчезли.

Таким образом, можно сделать общий вывод об отношении населения к странам, с которыми сегодня у ФРГ наблюдаются тесные отношения в политике и экономике. Вклад Советского Союза в объединение Германии дает основание восточным немцам выше оценивать роль М.С. Горбачева и социалистического блока в целом (этим также обосновано более доброжелательное отношение востока ФРГ к своим восточным соседям — Польше и Чехии), но вклад Соединенных Штатов более ценится на западе Германии. Соответственно, здесь наблюдаются фундаментальные различия времен окончания Холодной войны. На протяжении второй половины XX века Западная Германия была под влиянием США, НАТО и капиталистической системы, в то время как Советский Союз защищал и поддерживал Восточную Германию. Несмотря на последние действия ФРГ в рамках ЕС (антироссийские санкции, охлаждение отношений, бурное обсуждение вопросов энергетической политики между сторонами), Россия для восточных немцев не стала «враждебной». Франция же смогла в полной мере стать партнером как для Западной Германии, так и для объединенной ФРГ в будущем. Относительно нейтральная внешняя политика и стабильное налаживание связей позволило расположить к себе восточных немцев, что подчеркивается общим историческим прошлым, а также уровнем взаимодействия новых федеральных земель с регионами Франции.

Если рассматривать вопрос расширения Североатлантического альянса на территорию бывшей ГДР, то можно отметить вполне логичное отрицательное отношение восточных немцев к этому событию в 1990-е годы. Конечно же, подобное радикальное отношение в настоящее время уже не наблюдается, но на востоке страны по-прежнему сильны позиции населения, которые считают нецелесообразность вхождения ФРГ в НАТО. В целом, роль и действия Североатлантического альянса в новых федеральных землях до сих пор воспринимаются неоднозначно, хотя уровень недоверия за последние 30 лет значительно снизился.

Если говорить о восприятии НФЗ Европейского союза и процесса деятельности данной региональной структуры на внешнеполитической арене, то важно отметить, что в последнее время процесс европейской интеграции в Германии воспринимается неоднозначно. В восточной части ФРГ наблюдается довольно большой процент граждан, которые относятся к углублению евроинтеграции скептически. Одной из причин данного скептицизма можно отметить мнение жителей НФЗ о том, что Германия практически не получает ощутимые плюсы от членства в ЕС. Так, Германию посто-

¹ Partnerschaft unter Spannung Wie die Deutschen über Russland denken / Warschau: Bertelsmann Stiftung, Gütersloh, Institut für öffentliche Angelegenheiten, 2016. P.11.

янно называют «локомотивом интеграции» и ей приходится помогать странам-членам выходить из экономического кризиса (самый яркий пример — экономическая помощь Греции и Испании). Выход Великобритании из состава Европейского союза также сыграл важную роль в возобновлении обсуждений о целесообразности членства в ЕС среди немецкого общества. Европейские наднациональные институты также не внушают доверия восточным немцам. По их мнению, население играет не такую значительную роль, как декларируют та же Европейская Комиссия, или Европейский Парламент.

«Согласно социологическим данным, в ответах на вопрос "Что для вас Европейский союз?" процент западных немцев превышал процент восточных в положительных определениях (свобода, экономическое благосостояние, демократия, культурное разнообразие), тогда как отрицательные (безработица, бюрократия, утрата культурной идентичности, криминализация) выбирала большая доля восточных, чем западных». [Хорольская, 2019] Следствием данного восприятия является электоральная картина внутри самой Германии: на востоке обычно большую поддержку оказывают именно евроскептикам. Представители партий данного толка обычно получают в восточных регионах Германии большую долю голосов.

Таким образом, после объединения Германии, новые федеральные земли стали частью западного мира. Главными этапами новой реальности для восточной Германии стали постепенное вовлечение в деятельность Европейского союза, активизация трансатлантического партнерства, которое активно поддерживала ФРГ в 2000-е гг., а также членство в НАТО. Конечно, это способствовало постепенному принятию и изменению многих внешнеполитических ориентиров для жителей востока Германии. Они все активнее поддерживают действия НАТО и ЕС и приветствуют расширение данных организаций в Европейском регионе, постепенно возрастает роль регионального сотрудничества не только НФЗ, но и всей Германии в целом с другими ведущими странами региона — Францией, Великобританией, Италией. Но в то же время, существование и опыт ГДР способствовало расширению сотрудничества со странами Восточной Европы, позволило Германии вести более конструктивный диалог с Польшей, Чехией и даже с Россией. Учитывая многолетние экономические, культурные и политические связи, которые поддерживались на протяжении второй половины XX века, можно совершенно точно утверждать, что объединение Германии способствовало многовекторному развитию страны в регионе.

ВЛИЯНИЕ ОСТАЛЬГИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ ВОСТОЧНЫХ НЕМЦЕВ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА ФРГ

Важной особенностью остальгии в контексте политической культуры является отношение к демократии и ее восприятие как важного элемента политической жизни в немецком обществе. В целом, если рассматривать вопрос значимости демократических ценностей на территории современной Германии, можно увидеть, что на востоке страны их поддержка оказывается ниже, чем на западе. Новообразованная демократическая система, сложившаяся на территории НФЗ с начала 1990-х гг., пользуется небольшой поддержкой населения, хотя здесь стоит отметить довольно большой разрыв в процентном соотношении между западом и востоком Германии. Согласно опросам 2019 года, на западе демократи-

ческой системой ФРГ было довольно около 67% населения, в то время как на востоке эта доля составляла всего 47%.

Конечно, данные показатели можно объяснить целым рядом причин: это и историческая ретроспектива с разделением государств и их существованием в разных политических системах, и долгий процесс принятия демократии и демократических ценностей, и т.д. Но тут стоит отметить, что важную роль играет то, как жители бывших ФРГ и ГДР воспринимают саму демократию, что она должна из себя представлять. То есть люди расходятся во мнении, как демократические ценности должны быть реализованы на практике. Все же, социалистическое прошлое накладывает свой отпечаток на жителей новых федеральных земель. Для запада Германии идеальной формой демократии является либеральная модель при сохранении принципов социального государства, на востоке же — некий собирательный образ социализма ГДР и западногерманской демократии². Вполне вероятно, что при объединении Германии, многие жители Восточной Германии рассчитывали на то, что единая страна сможет сочетать в себе некоторые элементы социальной жизни как ГДР, так и ФРГ. Но как мы видим, произошел полный слом социалистической идеологии и достижений, что определенно разочаровало восточных немцев.

Также одним из показателей при анализе вопроса значимости демократических ценностей и демократии в целом является работа правовых институтов. Их деятельность также оценивается жителями с точки зрения соблюдения демократических прав и свобод граждан. На востоке Германии около половина немцев (на западе страны доля составляет около 2/3 от общего числа населения) придерживаются мнения, что руководство Германии и государство, в более широком понимании, выполняет возложенные на него задачи, эффективно соблюдает и защищает права немцев. Относительно партий и их деятельности, западные и восточные немцы сходятся в своем видении: они выказывают им довольно низкий уровень доверия. Это обусловлено тем, что по мнению граждан, руководство не думает о том, что интересно простым людям, что их тревожит. На деле им просто хочется набрать побольше голосов, а партийные депутаты практически не контактируют с населением. Больше доверия выказывают граждане правовым государственным институтам (суд и полиция). «На востоке, по данным опросов, также меньше уровень доверия к общественным институтам — церкви и СМИ³. В данном случае, можно предположить, что низкий уровень доверия к церкви связан с потерей ее влияния в период ГДР, а недоверие к СМИ объясняется идеологическим наследием Восточной Германии, в которой медиа были подконтрольны партии» [Хорольская, 2019].

Таким образом, общий уровень поддержки демократии по целому ряду показателей (поддержка демократических ценностей, работа институтов, и т.д.) у жителей бывшей ГДР на порядок ниже. Тут стоит заметить, что демократия и демократическая система в данном вопросе трактуются не на основе общего определения слова «демократия», а в большей степени на тех понятиях и определениях, изложенных в Конституции Германии. Для по-

² Хорольская М.В. Различия в политической культуре востока и запада Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 9. С. 101.

³ На Востоке 34% доверяют протестантской церкви, на Западе — 50%, католической доверяют 40% на Востоке и 57% на Западе. Только 16% на Востоке доверяют телевидению, на Западе — 30%, газетам — 27% и 43%, радио — 41% и 59%. Ostdeutsche haben kaum Vertrauen in Medien und Kirchen [Электронный ресурс] // Frankfurter Rundschau. URL: <http://www.fr.de/panorama/umfrage-ostdeutsche-haben-kaum-vertrauen-in-medien-und-kirchen-a-1418029> (дата обращения: 08.04.2022)

литической культуры ФРГ характерно участие граждан в политической жизни страны, которое может выражаться в различных действиях населения: например, проактивная и заинтересованная позиция в получении сведений о внешней и внутренней политике современной Германии, участие в работе муниципальных органов, работе партий и ландтагов, а также участие в разного рода профсоюзных и профессиональных объединениях. «Согласно опросам общественного мнения, политический интерес в Германии находится примерно на одном уровне. Участие граждан восточной Германии в федеральных выборах все еще на порядок ниже. Так, показатели явки на выборы в Бундестаг в 2017 г. в восточных землях составили 72,3%, а в западных — 76,8%». [Хорольская, 2019] В 2021 году данный показатель остался практически неизменным. Если рассматривать явку на выборы в ландтаги, то наблюдается схожая картина: жители восточной части Германии менее активны, чем граждане западных земель.

Подводя итог, можно сформулировать вывод о том, что немцы на западе и востоке Германии демонстрируют примерно равную заинтересованность к политической жизни ФРГ за некоторым исключением. Так, на территории новых федеральных земель население предпочитает активно принимать участие в локальных, региональных и местных выборах и политических центрах. Можно сказать, что они стараются осуществлять более неинституционализированную политическую деятельность. Основные причины этому уже были изложены ранее — это более критическое и требовательное отношение жителей бывшей ГДР к демократической системе Германии, которая действует сегодня.

Для политического руководства Германии и общественности в целом, довольно неожиданным оказался тот факт, что на территории новых федеральных земель за последние 10 лет стремительно возросла поддержка правых (или даже ультраправых) политических партий, а также локализовалось формирование правых политических и экстремистских сил. Несмотря на то, что прошло относительно большое количество времени после тяжелых глобальных потрясений от экономического кризиса 2008 г., и миграционного кризиса (эффект которого локально на территории ФРГ можно встретить и по сей день), снижение социальной напряженности не привело к определенному снижению уровня поддержки правых на востоке ФРГ.

Теперь перейдем к краткому анализу отношения жителей НФЗ к политическим партиям и блокам, которые сегодня существуют в Германии. Если анализировать отношение Востока к ХДС/ХСС, в конце 1990-х — начале 2000-х гг., этот блок получал небольшое количество голосов на востоке страны. Это, вполне логично, объяснялось постепенным пониманием и осознанием жителей тех принципов, обещаний и реальных дел, которые партия демонстрировала на протяжении определенного отрезка времени. Примерно с конца 2000-х, ХДС/ХСС партия начинает получать все больше голосов, итогом стало то, что на территории восточной части Германии во время выборов блок начал занимать лидирующие позиции. Предположительно, такой результат можно связать с партийным кризисом (а если конкретно — то с кризисом в Социал-Демократической Партии Германии, СДПГ), успешным и планомерным преодолением экономического кризиса 2008 г., а также личностью канцлера А. Меркель (которая родом из ГДР). В 2017 г. ХДС/ХСС потерял больше голосов на востоке (-10,9%), чем на западе (-8,1%)⁴. Такое

падение можно объяснить непопулярной на востоке миграционной политикой, а также ростом правых настроений.

Именно поэтому сейчас на востоке страны сегодня находится большая электоральная база СДПГ. Последние выборы в Бундестаг в 2021 году продемонстрировали, что около 2/3 территории бывшей ГДР поддержали представителей от социал-демократов (в том числе, и по одномандатным округам). В целом можно отметить довольно неоднородное распределение популярности той или иной партии на территории НФЗ, что демонстрируют последние результаты выборов.

Партия Союз 90/Зеленые не пользуется особой популярностью на территории новых федеральных земель. Ей оказывают довольно слабую поддержку и преимущественно ее поддерживают в федеральной земле Мекленбург-Передней Померании. На выборах в Бундестаг в 2017 году, партия Союз 90/Зеленые набрала на территории большинства восточных земель менее 5% голосов. Также данная тенденция сохранилась и на выборах в Бундестаг в 2021 году, хотя сама партия смогла выбиться в лидеры по итогам результатов выборов и даже войти в правящую коалицию. Что интересно: на территории западных земель представители данной партии были представлены практически во всех ландтагах на протяжении долгого периода времени (примерно с 2006 года по настоящее время). На территории НФЗ во время выборов в ландтаги представители Союза 90/Зеленые не могли часто преодолеть отборочный барьер в 5%.

Низкая поддержка партии Союз 90/Зеленые может быть объяснена целым рядом факторов. На протяжении всего существования ГДР вопросы экологии и экологическая повестка в целом не имела широкого распространения на ее территории. Поэтому после воссоединения данная партия практически не могла продвинуть ни одной своей инициативы на востоке страны. Так, многие заводы и предприятия подвергались критике за несоблюдение экологических норм и постоянно были под угрозой закрытия. Конечно, это не нравилось жителям только образованных новых земель в составе единой Германии, т.к. там наблюдался крайне высокий уровень безработицы, ввиду адаптации территории, компаний и производств к новой реальности. Помимо этого, во время проведения своих пиар-кампаний и предвыборных мероприятий, партия Союз 90/Зеленые практически не упоминали такие важные и значимые для восточных немцев острые социальные вопросы, как низкие зарплаты и пособия, которые были далеко не такими, как у немцев на западе. Такое неравенство попросту игнорировалось, что явно не нравилось электорату. И, конечно, стоит упомянуть, что многие члены партии Зеленых крайне негативно и критически относились к существованию ГДР и в целом к данному государству в рамках исторической ретроспективы. Это вызывало большое недовольство среди населения новых федеральных земель.

Партия Союз 90/Зеленые также не удовлетворяет жителей восточной части Германии в контексте своих внешнеполитических амбиций и обещаний. У них есть четко прослеживаемая линия по трансатлантизму и его поддержке. Так, согласно их предвыборной программе последних лет, крайне важным является одобрение внешней политики США (т.е. отход от какой-либо резкой критики в разном ее проявлении), увеличение роли Германии в НАТО и повышение значимости Североатлантического альянса в рамках политики ФРГ, а также поддержка участия страны в различных военных операциях — миротворческих миссиях, гуманитарных интервенциях, и т.д. Естественно, что столь односторонняя позиция не встретила должного отклика на территории земель бывшей ГДР. Конечно, сейчас риторика Союза 90/Зеленых сейчас сильно отличается от вышеперечисленных посту-

⁴ Bundestagwahl 2017 [Электронный ресурс] // Wahl. Tagesschau.de URL: <http://wahl.tagesschau.de/wahlen/2017-09-24-BT-DE/index.shtml> (дата обращения: 01.04.2022).

латов, но первичное мнение у восточных немцев уже было сформировано. И хоть оно идет на спад, вполне вероятно, что подобная тенденция может занять довольно много времени. Внешнеполитические приоритеты партии также не получают одобрения на востоке страны. Зеленые также довольно сильно расходятся с жителями НФЗ в вопросах отношения со странами Восточной Европы и Россией, в частности. Союз 90/Зеленые критикуют Россию за отсутствие демократии и нарушение прав человека⁵.

Говоря о Свободной демократической партии Германии (СвДП), она также получает невысокую поддержку электората на территории восточной части ФРГ. Данную специфику можно объяснить (и характеризовать) историческим контекстом существования ГДР. Как мы знаем, социализм в основном своем значении предполагает социальное равенство и справедливость. Каждый получит собственную часть благ, потребностей и доходов. Такой концепт хоть уже практически не выделяется на востоке Германии, но преемственность поколений окончательно не искореняет данную социальную позицию молодежи. Соответственно, на фоне этого СвДП и ее либеральная идеология идет вразрез с вышеизложенным политическим постулатом жителей НФЗ. Так или иначе, СвДП долгое время оставалась для восточных немцев партией, которая активно продвигает и пропагандирует интересы Запада. Еще стоит упомянуть идею конкурентного федерализма, которая также была одно время очень популярна внутри партии, но так и не была принята внутри общества восточных немцев. Кроме того, свободные демократы последовательно выступают против признания положительных моментов в истории ГДР.

Теперь перейдем к партии, успех которой стал довольно неожиданным «сюрпризом» на выборах в Бундестаг в 2017 году, когда она стала третьей по численности партией — «Альтернативе для Германии». Эта партия является умеренно националистической, представляет правопопулизм и евроскептицизм. Основным успех этой партии связывают с тем, что она получила свою большую популярность за счет предложения населению очевидных решений проблем, которые волнуют немецкое общество. Конечно, данный популизм партии очевиден, но на политической арене внутри Германии он очень гармонично вписался в повестку на фоне миграционного кризиса и экономического спада в Европе. Изначально партия «выстрелила» на волне критики помощи ФРГ Греции во время экономического кризиса 2008 г., а затем стала критиковать непопулярные решения руководства страны.

Подобная риторика принесла большой успех партии. Причем основную долю электората «Альтернатива для Германии» получила именно в НФЗ, в то время как на западе Германии она подвергалась критике за свой популизм и несоответствие некоторых своих аргументов в пользу того или иного события. В 2016 году, когда проходили выборы в ландтаги, АдГ смогла набрать почти четверть процентов (24,3%) голосов в федеральной земле Саксония-Анхальт, а в Мекленбурге-Передней Померании набрала 1/5 голосов (20,7%). Для сравнения: на территории западных земель Баден-Вюртемберг и Райнланд-Пфальц «Альтернатива для Германии» смогла набрать лишь 15,6% и 12,4% соответственно. Наиболее показательными оказались результаты выборов в Бундестаг 2017 г.⁶ Как уже упоминалось ранее, в них АдГ заняла тре-

тье место, набрав в сумме 12,6% голосов и получив 94 места. По итогам выборов, анализируя результаты в самих федеральных землях, поддержка «Альтернативы для Германии» на востоке страны приблизительно в два раза превысила одноименный показатель на западе ФРГ. Выборы в Бундестаг в 2021 году также продемонстрировали тенденцию поддержки партии, хотя она, очевидно, пошла на спад (АдГ получила 10,3% голосов и 83 места в Бундестаге).

Поддержка «Альтернативы для Германии» и других общественных объединений правого толка можно объяснить сразу с нескольких позиций (в т. ч. и в рамках ретроспективы). Так, на территории новых федеральных земель наблюдалась довольно сильная критика миграционной политики страны и помощи беженцам с Ближнего Востока. Согласно последним опросам, проводимым в 2019 году, уровень ксенофобии в Германии определенно смещен в сторону восточной части страны, т. е. в сторону НФЗ. Это также может быть связано с политикой, проводимой СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии, правящая партия ГДР в 1946–1990-х гг.) на территории Восточной Германии в период своего существования. По данным на 2019 г., преимущества от миграции в Германию видели 39% западных немцев и 34% восточных, а ущерб — 40% западных и 49% восточных⁷. В 2019 г. Процентное соотношение по вопросу об ограничении приема мигрантов выглядели следующим образом: 75% опрошенных в НФЗ и 69% в западных землях выступали за проведение ограничений.

Также интересным выглядит тот факт, что популярности «Альтернативы для Германии» также способствует низкий уровень доверия средствам массовой информации. И здесь можно опять столкнуться с популизмом, которым так хорошо пользуется партия. Во время предвыборных компаний, многие жители НФЗ крайне положительно относятся к тезису (и даже прямым обвинениям) АдГ о том, что многие газеты и телеканалы намеренно искажают информацию в своих собственных интересах или интересах других партий. Во время миграционного кризиса подобное недоверие лишь усилилось. Ввиду того, что в СМИ практически не освещалась точка зрения об опасениях немцев за свою жизнь и собственность, повестка телеканалов получалась довольно однозначная и не допускала альтернативы. Страхи населения по отношению к беженцам (потеря работы, возможные грабежи и разбои, перенаселение некоторых городов, и т. д.) активно использовала «Альтернатива для Германии», которая смогла обеспечить себе умеренный рост электората за «распространение правды и действительности». С особой критикой со стороны восточных немцев воспринималось возрождение старых стереотипов, что жители бывшей ГДР являются праворадикалами и ксенофобами. По причине того, что восточные немцы ощутили себя непонятыми и, возможно, из-за необоснованной критики в свой адрес, они оказали весьма весомую поддержку АдГ, которая всеми действиями демонстрирует, что ей важно мнения всех немцев, проживающих на востоке страны.

Говоря о ретроспективе и прошлом ГДР, «Альтернатива для Германии» избрала вполне удовлетворяющую всех позицию. У партии нет какой-то определенной, положительной или отрицательной, позиции и мнения касательно существования ГДР, ее прошлого и объединения Германии. Такая гибкая и удобная риторика позволяет привлекать

⁵ Хорольская М.В. Различия в политической культуре востока и запада Германии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 9. С. 104.

⁶ Direkt zu den Wahlen am [Электронный ресурс] // *Wahl. Tagesschau*. URL: <https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2016-03-13-LT-DE-BW/index.shtml> (дата обращения: 14.03.2022).

⁷ Wie ist Ihre Meinung zum Thema Zuwanderung ganz allgemein: Hat Deutschland durch die Zuwanderung eher Vorteile oder eher Nachteile? [Электронный ресурс] // *Statista*. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/468784/umfrage/umfrage-in-west-und-ostdeutschland-zu-den-folgen-der-zuwanderung-fuer-deutschland/> (дата обращения: 17.03.2022).

не только обычный электорат, но и ту часть населения, которая выступает за переоценку важности и прошлого ГДР для единой Германии. Поэтому, если АдГ могут критиковать за праворадикальную идеологию ввиду «обеления» ГДР, это имеет вполне обратный эффект для избирателей, итогом чего может являться усиление позиций партии на востоке Германии. На выборах в Бундестаг в 2021 году, АдГ получила 16 мест по одномандатным округам. И основное их сосредоточение было в федеральных землях Тюрингия, Саксония и Саксония-Анхальт.

АдГ довольно профессионально играет на настроениях части восточных немцев, на их частичной непредставленности во власти и в целом в «верхних слоях» общества. По статистике, типичный избиратель АдГ на востоке страны — это мужчина с доходом ниже среднего. Научные исследования показывают, что значительный процент «восточников» голосует за правых популистов и радикалов не по причине приверженности их программе, а в знак протеста против действий «системных», «народных» партий. Но, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на тот факт, что наибольшего успеха АдГ добивается в тех регионах и избирательных округах, в которых представители других партий, местная власть проявили себя не слишком хорошо, где царит бедность и бесперспективность. В округах, где власть работает эффективно, в том числе и на востоке страны, успехи АдГ куда скромнее.

Таким образом, подводя итог влиянию остальгии и политической культуры восточных немцев на внутреннюю политику и политические партии ФРГ, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день, в Германии наблюдается снижение поддержки «народных» партий (ХДС/ХСС, СДПГ), и особенно сильно эта динамика проявляется на востоке. Это, несомненно, дестабилизирует политическую обстановку и грозит масштабными изменениями внутри страны как в политической, так и

Если мы рассматриваем партийные предпочтения жителей запада и востока Германии, то они, очевидно, окажутся разными. Можно даже сказать — противоположными. На территории НФЗ сейчас сформирована основная электоральная база СДПГ и АдГ, поддержка ХДС/ХСС и СвДП в последнее время постоянно идет на спад, а Союз 90/Зеленые как не были популярными на востоке страны, так и не смогли исправить ситуацию в лучшую сторону. Поддержка в восточных землях партий, которые находятся на разных полюсах политического спектра (умеренно левые — СДПГ — с одной стороны, и правые — АдГ — с другой) явились фактором довольно глобальных изменений внутри Бундестага, которые привели к небольшому политическому кризису во время выборов в Бундестаг в 2017 году и внесли большое обсуждение к формированию коалиции партий после выборов 2021 года. Основными составляющими таких предпочтений жителей новых федеральных земель могут являться: чувство непонимания и ущемленности со стороны западных немцев, своеобразное отношение к демократическим ценностям и демократии в целом, а также небольшая доля населения, активно принимающая участие в политической жизни Германии и распространение правых взглядов.

ОТРАЖЕНИЕ ОСТАЛЬГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Сегодня, когда прошло уже более 30 лет после объединения Германии, можно утверждать, что консолидация общества и интеграция населения НФЗ в западную систему международных отношений прошло вполне успешно. При-

жились новые организации и компании, развиваются новые виды сотрудничества в федеральных землях, граждане существуют в границах одной страны. Но все же, есть некоторые элементы, которые ставят под сомнение такую идеальную картину. Как показывают социологические опросы, которые проводятся с разной периодичностью для населения западной и восточной частей Германии, полного единства достичь пока что не удастся. Так, по данным 2016 г., 64% западных и 77% восточных немцев считают, что воссоединение Германии завершено не до конца⁸. Многие полагают, что различия между восточными и западными немцами, как и различия между землями (в экономическом, политическом и культурных планах) превалируют над схожими чертами. В последнее время сильно заметно если не охлаждение, то возможные осложнения отношений между немцами западной и восточной части ФРГ. Статистика подобных опросов противоречива. Жители новых федеральных земель менее уверены в том, что они стали ближе к западу, к западным ценностям и немцам, когда на западе Германии можно видеть совсем противоположную тенденцию. На западе 60% считают, что население двух частей Германии стало друг к другу ближе⁹. Подобные диспропорции и разницу во мнениях можно объяснить ростом популярности партии «Альтернатива для Германии», которая всячески пытается выделить восточных немцев в качестве «недооцененных» граждан в границах ФРГ, также ростом течений правого толка, среди которых можно выделить, например, саксонское движение ПЕГИДА — немецкое правопопулистское движение¹⁰, которое с октября 2014 года организует акции против предполагаемой его сторонниками «исламизации Европы» и против иммиграционной политики немецкого правительства и в связи с миграционным кризисом. Многие стали говорить, что восточные земли стали центром правого радикализма, что также вызывает конфликты между обычными немцами на почве простой социальной политики.

Хочется отметить, что сегодня достаточно интересным смотрится предположение о самоидентификации жителей НФЗ. В течении нескольких лет после объединения Германии, восточные немцы чувствовали свою причастность к этому событию, они стали осознавать себя единым народом с западными немцами. Подобное разделение ушло в прошлое. Но затем, после последовательной политики «демонизации» ГДР и уничтожению исторической памяти о существовании этого государства, самоидентификация жителей НФЗ сместилась в пользу ассоциации себя с жителями восточных федеральных земель, с гражданами бывшей ГДР. Можно сказать, что выделилась некая регионализация национального самосознания. Но при этом, подобный сдвиг вовсе не означает, что они стали плохо воспринимать объединение двух стран или в целом ставить под сомнение пользу от единства ФРГ. «Однако, по данным опросов института Infratest dimap, в 2014 г. 75% восточных и лишь 48% западных оценивали воссоединение положительно¹¹. Почти половина западных немцев и чуть больше трети восточных

⁸ В Дрездене начались торжества по случаю Дня германского единства [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/a-35938306> (дата обращения: 16.02.2022).

⁹ Ostdeutsche kritisieren Uneinigkeit von Deutschland [Электронный ресурс] // Zeit. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-10/umfrage-deutsche-einheit-ostdeutsche-westdeutsche> (дата обращения: 06.02.2022).

¹⁰ Sind sie das Volk? Pegida — die Patriotischen Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes [электронный ресурс] // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://m.bpb.de/politik/extremismus/rechtspopulismus/199153/sind-sie-das-volk-pegida-die-patriotischen-europaer-gegen-die-islamisierung-des-abendlandes> (дата обращения: 08.03.2022).

¹¹ Опрос: Восточные немцы ценят единство ФРГ больше, чем западные [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/a-17949466> (дата обращения: 10.02.2022).

считают, что воссоединение обошлось слишком дорого»¹². [Хорольская, 2019] Тут можно вспомнить про т.н. Налог солидарности (нем. Solidaritätszuschlag), целью которого было финансирование большого количества проектов по восстановлению и развитию восточных земель Германии после объединения. Несмотря на то, что данная надбавка меняла свой номинал, она по-прежнему существует и часто оспаривается именно со стороны западных немцев.

Возможно, такое появление и распространение новой идентичности жителей восточной части Германии можно охарактеризовать и объяснить другими факторами. Так, восточные немцы по-прежнему могут считать себя неравноправными по отношению к жителям западных земель. Во время объединения Германии многие руководящие посты на предприятиях на землях НФЗ заняли представители Западной Германии, большое количество производственных мощностей уехало на запад ФРГ, зарплаты и пенсии на востоке по-прежнему сильно отстают от средних показателей по стране. Также к подобной несправедливости можно отнести непризнание успехов ГДР в экономической и социальных сферах, постоянное искажение представлений о жизни в Восточной Германии во времена ее существования. Также можно выдвинуть вполне логичное предположение, о том, что западные немцы могут трактовать объединение Германии как победу западногерманской идентичности, легитимацию западного уклада жизни. То есть все «западное» пытается искоренить все «восточное» в ФРГ. В данном контексте мы опять обращаемся к феномену остальгии как к стремлению граждан, живших в ГДР, сохранить о ней память, а не возвращаться к социализму и социалистическому строю уже в объединенной Германии.

Таким образом, по прошествии более 30 лет после объединения Германии, оценка данного события по-прежнему остается крайне важной и позитивной как для западных немцев, так и для восточных. Но все равно среди жителей НФЗ прослеживаются мнения, что опыт ГДР вполне мог бы помочь сделать жизнь в Германии еще лучше. Например, долгое время обсуждались вопросы социальной справедливости и защиты от различных правонарушений и преступлений, социального обеспечения и реформирования системы образования. Ситуация с данными сторонами жизни немецкого общества стала хуже для восточных немцев после объединения. Но это не отменяет того факта, что для жителей НФЗ, в современной ФРГ по сравнению с Восточной Германией, более лучше обстоят дела с системой здравоохранения, возможностей обучения и карьерного роста, а также становление человека и признание его достижений и успехов на различных уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подводя итоги данного исследования и рассмотрев влияние остальгии и существования ГДР на политическую повестку ФРГ, можно сделать вывод о том, что эти два ключевых фактора по-прежнему остаются важными и определяющими не только в рамках внешней и внутренней политики, но и для повседневной жизни немцев, становлении общей немецкой культуры и социальной политики.

Для старшего поколения людей, проживающего на территории новых федеральных земель, жизнь в ГДР является той исторической памятью, которую они хотели бы сохранить, и, возможно, передать своим потомкам. Но ввиду того, что современная политика Германии направлена на довольно одностороннее освещение и создание конкретного образа ГДР, ответной

реакцией на это стало появление такого феномена как остальгия. Данный феномен определенно не направлен на опровержение какой-либо политики ФРГ в отношении прошлого Восточной Германии. Он старается не оправдать жизнь в ГДР, а предоставить возможность для жителей новых федеральных земель помешать искажению своего прошлого (для старшего поколения) и передать правильные представления о существовании и достижениях ГДР.

Базовое различие, которое до сих пор можно выделить среди немцев в контексте политической культуры — это отношение к демократии и демократическим ценностям. Модель демократии для западных и восточных немцев до сих пор представляется по-разному. У немцев НФЗ идеальная модель демократии — это симбиоз демократии Западной Германии и социализма Восточной Германии. Ввиду того, что действующая модель не совсем коррелируется с представлениями немцев восточной части ФРГ, они менее удовлетворены функционированием современной экономической и политической системы страны. Это также находит отражение в пассивном отношении к политической деятельности институтов и приводит к поддержке партий, которые находятся на разных концах политического спектра — это «Альтернатива для Германии» и СДПГ.

Различия, наблюдаемые в политической культуре жителей Германии, наблюдаются по нескольким причинам.

Во-первых, косвенное отношение к ним имеют те особенности системы ГДР, которые существовали в рамках социалистического строя.

Во-вторых, после объединения, новые федеральные земли имели свою специфику развития после объединения. Для жителей востока Германии по-прежнему остаются важными такие социальные элементы, как социальное равенство, справедливое распределение, нормы и эффективность образования. Все это является результатом влияния существования ГДР.

Помимо этого, поддержку правых сил и более радикальное отношение к иностранцам также можно отнести к историческому влиянию Восточной Германии: учитывая, что на протяжении более 40 лет ГДР находилась под руководством одной партии СЕПГ, жителям было тяжело переключиться к идеям разнообразия, диалога и политического плюрализма. Поэтому восток Германии в определенной степени сохранил свою гомогенность по различным вопросам (религия, мигранты, отношение к политическому руководству).

Если рассматривать различия во взглядах Запада и Востока на социальную и культурную политику, то здесь также заметно влияние остальгии. За последние 30 лет восточные немцы не смогли полностью адаптироваться под систему ценностей и взгляды Запада. Это обусловлено сформировавшимся за полвека «восточным» укладом жизни, когда ГДР входила в советскую зону влияния, социалистической идеологией, а также постоянным моральным давлением и осознанием восточными немцами своей «второстепенности». Стремительное прекращение существования ГДР и насильное насаждение западных ценностей до сих пор разделяет немецкий народ на два лагеря, хотя с каждым годом ситуация незначительно, но демонстрирует положительную динамику.

Исходя из всего вышесказанного, стоит сказать, что остальгия проявляется у жителей ФРГ даже когда на территории Германии относительное спокойствие, наблюдается рост экономики и снижение безработицы. Но весьма вероятно, что, если в будущем по-прежнему игнорировать и не решать проблемы новых федеральных земель — в экономическом, политическом, культурном, социальном плане — можно с уверенностью сказать, что там будет резкий рост популизма и поддержки тех политических сил, которые будут выступать против политики действующей власти.

¹² В Дрездене начались торжества по случаю Дня германского единства [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/a-35938306> (дата обращения: 16.02.2022).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ahbe T. *Ostalgie*. Zu ostdeutschen Erfahrungen und Reaktion nach dem Umbruch. // Berlin: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen. 2016. S. 75-76.
2. Andreas H. Apelt, Hanns Schneider: Alte länder — Neue Länder. Gemeinsame Perspektiven und Herausforderungen. S. 44-83.
3. Armin Pfahl-Traughber: Die AfD ist (mittlerweile) eine rechtsextremistische Partei // Eine Einschätzung aus demokratietheoretischer Sicht. 2020. S. 14-38.
4. Charles River: Modern Germany: The History and Legacy of the German Nation from Unification to Reunification. 2018. S. 114-348.
5. Ergebnisse Früherer Bundestagswahlen. Stand: 8. November 2018. // Wiesbaden: Bundeswahlleiter, 2018. S. 14-24.
6. Eva Banchelli: Ostalgie: eine vorläufige Bilanz, in Fabrizio Cambi: Gedächtnis und Identität. // Die deutsche Literatur nach der Wiedervereinigung, Koenigshausen & Neumann, Würzburg 2008. S. 66-105
7. Ewald König: Kohls Einheit unter drei — Weitere deutsch-deutsche Notizen eines Wiener Korrespondenten. // Halle. 2014. S. 7-12.
8. Ilko-Sascha Kowalczyk: Die 101 wichtigsten Fragen — DDR. C.H. Beck. // München. 2009. S. 14-48.
9. Justus Bender: Was will die AfD? Eine Partei verändert Deutschland. // Pantheon Verlag, München. 2017. S. 34-57.
10. Mannewitz T. Politische Kultur und demokratischer Verfassungsstaat. Ein subnationaler Vergleich zwei Jahrzehnte nach der deutschen Wiedervereinigung. // Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, 2015. S. 176-223.
11. Niedermayer O. Parteimitgliedschaften im Jahre 2013 // Zeitschrift für Parlamentsfragen.
12. Pickel G. Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinigten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten? // Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung. –Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2015.
13. Хорольская М.В. Германия после объединения: политические проблемы и противоречия интеграционного процесса. Москва, 2019.

REFERENCES:

1. Ahbe T. *Ostalgie*. Zu ostdeutschen Erfahrungen und Reaktion nach dem Umbruch. // Berlin: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen. 2016. S. 75-76.
2. Andreas H. Apelt, Hanns Schneider: Alte länder — Neue Länder. Gemeinsame Perspektiven und Herausforderungen. S. 44-83.
3. Armin Pfahl-Traughber: Die AfD ist (mittlerweile) eine rechtsextremistische Partei // Eine Einschätzung aus demokratietheoretischer Sicht. 2020. S. 14-38.
4. Charles River: Modern Germany: The History and Legacy of the German Nation from Unification to Reunification. 2018. S. 114-348
5. Ergebnisse Früherer Bundestagswahlen. Stand: 8. November 2018. // Wiesbaden: Bundeswahlleiter, 2018. S. 14-24.
6. Eva Banchelli: Ostalgie: eine vorläufige Bilanz, in Fabrizio Cambi: Gedächtnis und Identität. // Die deutsche Literatur nach der Wiedervereinigung, Koenigshausen & Neumann, Würzburg 2008. S. 66-105.
7. Ewald König: Kohls Einheit unter drei — Weitere deutsch-deutsche Notizen eines Wiener Korrespondenten. // Halle. 2014. S. 7-12.
8. Ilko-Sascha Kowalczyk: Die 101 wichtigsten Fragen — DDR. C.H. Beck. // München. 2009. S. 14-48.
9. Justus Bender: Was will die AfD? Eine Partei verändert Deutschland. // Pantheon Verlag, München. 2017. S. 34-57.
10. Mannewitz T. Politische Kultur und demokratischer Verfassungsstaat. Ein subnationaler Vergleich zwei Jahrzehnte nach der deutschen Wiedervereinigung. // Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, 2015. S. 176-223.
11. Niedermayer O. Parteimitgliedschaften im Jahre 2013 // Zeitschrift für Parlamentsfragen.
12. Pickel G. Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinigten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten? // Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung. –Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2015.
13. Khorol'skaya M.V. Germany after unification: political problems and contradictions of the integration process. Moscow, 2019.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 91,41%.

Рецензент: Маркушина Н. Ю., доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022, принята к публикации 27.04.2022

The article was received on 07.04.2022, accepted for publication 27.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бардин Георгий Евгеньевич, аспирант, факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0001-5312-4267>, e-mail: bardingeorge27@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Georgii E. Bardin, PhD student, School of International Relations, Saint Petersburg State University (SPSU), Saint Petersburg, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0001-5312-4267>, e-mail: bardingeorge27@gmail.com

5.6.2

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
GENERAL HISTORY

07.00.03

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ПЕРИОДА)
GENERAL HISTORY

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-141-147

Тюркизм в строительстве турецкой нации и его влияние на китайско-турецкие отношения

©Тао Цзинхун

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: 1945946945@qq.com

Аннотация. *Цель исследования.* В статье рассматривается процесс национального строительства в Турции. Анализируется влияние строительства нации на переход Османской империи к современному национальному государству. Целью исследования является выявление влияния тюркизма в строительстве турецкой нации, возникающих в второй половине XIX века, и его влияние на китайско-турецкие отношения. В качестве оснований выделяются влияние зарубежных тюркских интеллектуалов и турецкой интеллигенции на построение турецкой нации. *Выводы.* В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что тюркизм принципиально не отличается от западных представлений о национальном строительстве. Следует отметить, что генезис тюркизма всецело стал возможен благодаря заимствованию методов западной социальной науки и принятию на вооружение принципа языка в качестве важнейшего. В условиях развития тюркизм пытается использовать принципы ориентализма и лингвистики. Однако в современной Турции тюркизм / пантюркизм всегда демонстрировал тенденцию к экстремизму, выходящую за пределы национального государства. Автор делает вывод, что неудовлетворенность национальным государством и самоидентификацией делает пантюркизм желанием многих людей в Турции выйти за пределы территориального национального государства. Появился ряд примеров из истории внешней политики и неоднократное грубое вмешательство Анкары во внутренние дела Китая в дипломатических целях.

Ключевые слова: Тюркизм, Турция, китайско-турецкие отношения, И. Гасплински, Ю. Х. Акчурин, Зия Гёкальп.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тао Цзинхун Тюркизм в строительстве турецкой нации и его влияние на китайско-турецкие отношения // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 141-147. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-141-147

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-141-147

Turkism in the Building of the Turkish Nation and its Influence on Sino-Turkish Relations

©Tao Jinghong

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: 1945946945@qq.com

Abstract. *The purpose of the research.* The article discusses the process of nation building in Turkey. The influence of nation-building on the transition of the Ottoman Empire to a modern nation-state is analyzed. The purpose of the research is to identify the influence of Turkism in the construction of the Turkish nation, emerging in the second half of the 19th century, and its influence on Chinese-Turkish relations. As grounds, the influence of foreign Turkic intellectuals and Turkish intelligentsia on the construction of the Turkish nation is highlighted. *Results.* As a result of the study, the author comes to the conclusion that Turkism does not fundamentally differ from Western ideas about nation building. It should be noted that the genesis of Turkism became entirely possible thanks to the borrowing of the methods of Western social science and the adoption of the principle of language as the most important. In the conditions of development, Turkism tries to use the principles of Orientalism and linguistics. However, in modern Turkey, Turkism/Pan-Turkism has always shown a tendency towards extremism that transcends the boundaries of the nation-state. The author concludes that dissatisfaction with the nation-state and self-identification makes pan-Turkism the desire of many people in Turkey to go beyond the territorial nation-state. A number of examples from the history of foreign policy have emerged and Ankara's repeated gross interference in China's internal affairs for diplomatic purposes.

Key words: Turkism, Turkey, Sino-Turkish relations, I. Gasplinsky, Yusuf Akçura, Ziya Gökalp.

FOR CITATION: Tao Jinghong Turkism in the Building of the Turkish Nation and its Influence on Sino-Turkish Relations // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 141-147. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-141-147

1. ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что основным субъектом коммуникации в современных международных отношениях является национальное государство. Турецкая Республика — это национальное государство, созданное в 1923 году. Здесь необходимо поднять два основных вопроса: во-первых, что такое национальное государство; во-вторых, как строится национальное государство.

Достаточно вспомнить такой прорывной шаг, как «Гюльханейский хатт-и-хюмаюн»: провозглашение реформ танзимата явилось «событием, которое должно было стать поворотным моментом не только в турецко-османско-исламской истории, но и в истории человечества. Этой декларацией был задокументирован отказ от системы, в своей основе утверждавшей в течение 12 веков свою неизменность и своё превосходство, и установление вместо неё принципа равенства и безопасности всех людей — подданных империи. Принципы Французской революции... менее через полвека и раньше даже, чем в некоторых странах Запада, утверждались на территории Османской империи. Задачей было достигнуть таким способом уровня западной цивилизации» [Koloğlu, 2007: 39]. На втором этапе реформ танзимата, Абдулмеджид (1839–1861 гг.) указал: «С момента воцарения на престол нашим главным желанием была забота о счастье всех наших подданных» [Sevim, 1989: 293–294]. Эта реформа «во имя счастья всех подданных» принесла «очень полезные результаты, государство с каждым днём богатеет и благоустраивается», ныне пришло время «ещё более укрепить и расширить новый порядок» благодаря «как усилиям всех моих подданных, так и дружеской поддержке великих держав». «Гарантии, дарованные мною согласно оглашённому в Гюльхане хатт-и хумаюну и благам Танзимата для защиты жизни, имущества и чести всех моих подданных любой религии и верования, ещё раз мною подтверждаются и для практического выполнения этих гарантий будут предприняты необходимые эффективные меры. И сейчас остаются в силе все привилегии и религиозные льготы, дарованные в прошлом моими предками христианам и другим немусульманам» [Sevim, 1989: 293–294]. Христиане могли поступать на государственную службу, получать образование в военных и гражданских учебных заведениях.

Теоретически такой подход прогрессивен, но Османская империя находится прямо напротив Европы и России, и даже

самые быстрые реформы кажутся недостаточными, чтобы отреагировать на такое сильное воздействие. Более того, Османская империя, как и все феодальные государства, всегда имела определенный предел реформ. Когда восточноевропейские регионы с христианским населением были утрачены в результате войны, смысл османизма перестал существовать, сопровождается подъемом тюркизма в Турции.

2. ПРОЦЕСС СКЛАДЫВАНИЯ ТУРЦИИ КАК НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Самая яркая черта национального строительства Турции — мощное непосредственное влияние и вмешательство иностранной (европейской) современности. Турция также пыталась построить будущее национальное государство, основанное на правлении и истории империи. Прежде всего, «османизм» был конкретным проявлением этой попытки построить современное национальное государство на его собственном историческом фундаменте. Как отметил Решит-паша: «Мы ничего не сможем сделать, если не обратимся к цивилизации, а она может прийти лишь из Европы» [Дулина, 1984: 89]. Османы и прежде не были лишены достижений в модернизации: так, реформы Селима III позволили применить европейскую культуру в турецком обществе и перевести турецкую дипломатическую систему на профессиональную основу [Киреев, 2007: 25]. За счет этого Турция заняла место на арене международных отношений в своем регионе намного раньше, чем Китай на Дальнем Востоке.

2.1. ВЛИЯНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЮРКСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ

На самом деле империя была безжалостно разрушена подавляющей силой, и это заставило турок поверить в невозможность унаследовать национальное государство имперского периода, а также в то, что необходимо взять за образец более успешное мононациональное государство в Европе. Как в имперский период, так и после краха империи трансформация концепции национального государства, которая тяготела бы к формированию моноэтнического сообщества по типу европейских образцов, выступала как попытка заимствования и дальнейших трудностей в адаптации европейского примера модернизации. Здесь особенно важно увидеть,

что тюркизм возник за пределами Османской империи. Неудивительно, что интеллектуалы тюркского происхождения за пределами региона сыграли авангардную роль в национальном строительстве самой Турции.

Главная фигура — И. Гасплинский (1851–1914), один из первых представителей мусульманской интеллигенции в России. В конце XIX–начале XX вв. крымские татары жили в Российской империи, которая вбирала в себя сравнительно больше (чем Османская держава) феноменов западной жизни и модернизации. Как меньшинство, они чувствовали давление модернизации на выживание нации более остро [Губайдуллин, 2017: 92–94]. В то время как Османская империя все еще экспериментировала с османизмом, крымские татары раньше переняли современный национализм и просвещение для формирования своей нации.

Имеется немало оснований для складывания столь существенных различий в развитии тюркистских теорий в двух империях. Первый — это экономические причины. Сравнимая экономические условия двух империй в исследуемый период, с конца 19 века до начала 20 века, можно обнаружить, что все экономическое развитие Российской империи, особенно промышленное развитие, претерпело два быстрые процессы роста, и сформировался монополистический капитал; индустриальное развитие в Османской империи гораздо менее впечатляюще, и Анатолия почти находится в вакууме индустриального [Мухамметдинов, 1996: 23–24]. На территории Российской империи правление империи также обеспечивало базовые условия для формирования пантюркской идентичности. Нет никаких сомнений в том, что достижения Российской империи в модернизации намного лучше, чем у Османской империи, а феодальные отношения татарской интеллигенции гораздо менее ограничены, чем те, которые ощущались в Османской империи; В то же время Россия утверждала, что она освободительница и убежище славян, но внутри она угнетатель тюркской нации.

Под двойным воздействием этой относительно рыхлой и свободной политической среды и панславизма он стимулировал формирование пантюркизма на территории Российской империи. С другой стороны, крымскотатарские интеллектуалы также познакомились со многими тюркскими народами, находившимися под властью России, через территорию Российской империи; кроме того, многие передовые татарские интеллектуалы получали востоковедческую подготовку в сфере образования в России и за границей. Географически широко распространенные эмпирические открытия и, самое главное, овладение методом конструирования национализма, взятым из арсенала европейской социологии, легли в основу формирования пантюркской теории. Как отмечал Гасплинский: «В России проживают миллионы тюрко-татарских племен, исповедующих одну религию, говорящих на одном диалекте одного языка, имеющих одно и то же общество и социальную жизнь, и те же традиции <... > Итак, если мы обнаружим, что русификация тюрко-татарских русских невозможна, и невозможно добиться воссоединения таким образом, что останется? На основе равенства, свободы, науки и образования все еще существует возможность единства и морального примирения» [Гаспринский, 1993: 18]. Этот отрывок можно понимать как своего рода Просвещение, и своего рода традиционные изобретения дополняют друг друга. Таким образом, Гаспринский известен как первый человек, создавший мифологическую концепцию единой тюркской нации.

Программный лозунг «Единство в словах, мыслях и делах!» Гасплинский выдвинул в газете «Переводчик», созданном в 1883 г. Как «Переводчик», так и течение джадидизма, за которое он выступал, были нацелены на широкое продвижение по-

пулярного национального образования, в частности, стремясь заложить фундамент краткого и ясного общего тюркского языка в разговорной речи Крыма. Далее через этот универсальный тюркский язык предполагалось вести национально-просветительское культурное движение западного образца [Мухамметдинов, 1996: 40]. Это предвестники строительства Кемалем турецкого национального государства. Стоит упомянуть, что академик Императорской Академии наук, востоковед Ильминский раскритиковал ситуацию в это время: «Газет и учебников становится все больше, и их содержание полностью западно-просветительское. Язык — османский тюркский. Они обошли Россию стороной. и прямо принял влияние Запада» [Губайдуллин, 2017: 192]. В целом, когда крымскотатарские интеллектуалы четко предложили пантюркизм как современную национальную идентичность, турецкая идеология все еще оставалась на уровне идеологии национального строительства, основанной на османизме и исламизме.

На Третьем Всероссийском съезде мусульман, проходившем в 1905–1906 годах, Гаспринс и его идейный преемник Ю. Х. Акчурин выступили с программными декларациями. Гасплинский в своем выступлении на съезде сказал: «В целом все турки имеют один корень и одно происхождение. Их разделяют только геополитические и политические факторы» [Акчурин, 1990: 143]. Акчурин сделал вопиющее заявление: «Хотя название Третьей Всероссийской мусульманской конференции — мусульманская конференция, ее суть — национальное движение» [Мухамметдинов, 1996: 26]. Здесь мы можем увидеть татарский пантюркизм буржуазного происхождения. Для современного гражданина Турции интеллектуальные элиты, это был идеологический авангард, именно через пантюркистское построение этих буржуазно-татарских интеллектуальных элит, которые в определенной степени направляли и предвидели будущий путь младотурецкой партии. Это напрямую отражается в процессе взаимодействия Актулы и младотурок. Когда Акчурин сделал четкое предложение о том, что будущее турецкой страны должно быть основано на национальных принципах и должно быть в гармонии с покровителями и правителями всех Ислам, основным направлением мышления младотурок после 1908 года по-прежнему является османизм, и их политические устремления по-прежнему сводятся к восстановлению Конституции 1876 года [Мухамметдинов, 1996: 48–51]. Акчурин, один из представителей русских татар, получивших просвещение в Европе, получил образование в Париже. Точно так же и в этот период именно Россия, наряду со многими русскими тюркскими интеллектуалами, была заражена атмосферой русской демократической революции [Мухамметдинов, 1996: 55–61].

Хотя многие ученые, особенно китайские, изучающие Турцию, почти полностью рассматривают тюркизм (особенно когда используется концепция пантюркизма) как противоположность национального государства и национализма. Но надо сказать, что тюркизм вначале был разновидностью национализма. Особенность его как национализма заключается в том, что в России он должен установить своего рода суперэтнический национализм, чтобы преодолеть трайбализм, а после того, как турки были отнесены к османскому, туркам необходимо заимствовать концепцию тюркизма для преодоления понятие тюркизм занимает маргинальное положение в османском обществе, культуре и политической истории. В статье «Османская конституция и тюрки» Акчурин указал, что турки являются ядром единства Чингисхана, Тимура и Османской империи, так же как Пруссия и Германия [Georgeon, 1980]. Очевидно, неправильно применять концепцию национального государства к Евразийской империи, но он очень хочет понять, что переход Османской империи в национальное государство должен поставить в центр

концепцию «тюркского». Идеи, которых придерживался сам Акчурун, можно рассматривать как указатель. Считается, что точка зрения Акчуруна основана на понятии «гражданин», а не на «исламизме». Его наиболее ранним манифестом пантюркизма была его статья «Три направления» (буквально: «Три системы правления» — *Üç terz-i siyaset*). Сравнительно османизм, панисламизм и пантюркизм, как возможные перспективы развития и векторы национально-освободительного движения в тюркском мире, он последовательно выявлял недостатки первых двух и преимущества третьего направления. Он отрицал, что османизм и исламизм могли быть выходом для национального государства, и только Турция / тюркизм, основанный на лингвистическом национализме, был основой для создания национального государства. Мустафа Кемаль очень ценит Акчуруна, потому что у него есть независимые идеи. Он участвовал в создании Турецкого исторического общества в 1931 году, а в следующем году был назначен председателем этого учреждения. В 1932 году он председательствовал на первом Турецком историческом конгрессе в Анкаре [Georgon, 1980].

2.2. ВЛИЯНИЕ ТУРЕЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПОСТРОЕНИЕ ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ

Зия Гёкальп (1876–1924) был родом из Диярбакира, самоучка, активный участник движения младотурок, был членом Центрального Совета Комитета единения (союза) и прогресса с 1908 по 1918 гг., затем проявил себя как соратник Мустафы Кемалея, способствовал его приходу к власти. Гёкальп дает свое определение нации, которая, по его убеждению, является «не какой-либо расовой, этнической, географической, политической или произвольной группой, а состоит из индивидуумов, которые обладают общим языком, религией, моралью и эстетикой, иначе говоря, которые одинаково воспитаны, получили одинаковое образование» [Gökalp, 1973: 15]. Младотурки в конечном итоге склонились к пантюркизму и добавили его в национальную идеологию.

Гёкальп, очевидно, является представителем прямого доступа Турции к современности с Запада. Гёкальп считает, что османская цивилизация была сформирована путем заимствования из ислама, восточной цивилизации и западной цивилизации с включением турецкой, персидской и арабской культур. Следовательно, Османская цивилизация как цивилизация, созданная руками человека, хаотична, потому что цивилизация гармонична только тогда, когда она «привита» одной культурой — это современное национальное государство [Gökalp, 1973: 29–40]. Другими словами, современная западная цивилизация — это международный продукт национального статуса каждой нации в процессе социальной эволюции. Турбулентность Турции заключается в том, что она превращается из цивилизации теократии в цивилизацию, основанную на современном национализме. Турки отвергли наследие Османской империи, потому что османская цивилизация была рукотворной формой, сформированной под влиянием многих цивилизаций, и содержала космополитические ценности. Очевидно, Гёкальп понимал, что в эпоху, когда национальные государства составляли мировую систему, космополитическое «универсальное государство» неуместно. Тюркизм, язык и культура составляют основу национального государства как органического сообщества.

Для новой Турции лингвистический национализм воплощен в качестве ядра национального строительства. Следует сказать, что лингвистический национализм является одним из органических компонентов построения национального

государства. Вообще говоря, язык правящей элиты используется для подавления и ассимиляции языка простых людей, а язык центра используется для установления норм языка периферии. Турецкий лингвистический национализм просто считает османский язык правящего класса нечистым, богатым персидскими и арабскими элементами. С одной стороны, чуждый характер этого языкового национализма, который не только олицетворяет современность Запада, но также показывает, что миф современности уплотняет мифический образ племенных языков за пределами территории и национальной истории, что делает национальные особенности Турции межэтническими. Ярким проявлением этого является создание так называемой «теории солнечного языка (*Güneş Dil Teorisi*)», которая Теория солнечного языка был турецким националистом лингвистической псевдонаучной гипотезой, разработанной в Турции в 1930-х годах, которая предполагала, что все люди языки являются потомками одного прото-тюркского первичного языка. Теория предполагала, что, поскольку этот первичный язык имел близкое фонематическое сходство с турецким, все остальные языки, по сути, восходят к тюркским корням затрудняет построение национального государства в Турции. Они отрицают, что курдский язык в стране является независимым языком, и считают, что курдский — это своего рода Турецкий язык. С другой стороны, постоянно открывающаяся лингвистическая концепция делает субъект национального государства фактически открытым государством. Это переключается с националистическим концептуальным огнем и эмоциональным огнем, разожженным иностранными изгнанниками при основании страны, даже если территория национальное государство не может быть изменено произвольно, и оно всегда приветствует иностранных изгнанников, а изгнанники, очевидно, принесут в Турцию внешние политические проблемы и вызовут ряд дипломатических проблем.

Ясин Актай (Yasin Aktay), советник председателя Партии справедливости и развития (далее-ПСР), недавно раскритиковал тех, кто настаивает на границе национального государства в вопросе беженцев, подчеркнув, что «граница — это честь». Ясин Актай сказал, что ««концепция границ в их сознании превратилась в дуршлаг. Это нечестные люди, пойманные в ловушку границ, очерченных империалистами» [Cumhuriyet, 2021]. Очевидно, это не только доказывает, что турецкая нация всегда неполноценна, но также включает в себя неспособность закрыть территорию национального государства, потому что это отражает другую точку зрения, помимо принятия определения страдающей дисплексией нации, сегодняшнего территориальные границы Турецкой Республики также навязаны империализмом. Перед лицом реализма Турецкая Республика приняла существующие границы национального государства и отвергла пантюркизм как официальную идеологию. Но по указанным выше причинам соблазн пантюркизма преодолеть невозможно.

Гёкальп указал, что единство тюркского и турецкого языков (*türk dilileri/türk dili*) основано на единстве языка и культуры и разделено на три части [Лайпанов, 2003: 113–114]:

1. Независимое Османское государство.
2. Области, населенные тюрками на севере и западе Ирана.
3. Обширные тюркские пространства, находящиеся под властью России и Китая.

Поскольку эти три части связаны по принципу единства, поскольку Турция и турки концептуально неотличимы, принцип реализма не может полностью заставить Турцию думать, что последние две части полностью отделены от нее самой. Это предполагает вмешательство во внутренние дела других стран в рамках дипломатии. Особенно когда китайско-турец-

кие экономические и торговые дипломатические отношения не очень сильны, нет реализма, который мог бы подавить этот порыв Турции.

3. ВЛИЯНИЕ ТЮРКИЗМА НА КИТАЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

При изучении истории китайско-турецких отношений уйгурский вопрос присутствует постоянно. Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР был образован в 1955 г. 45% населения СУАР составляют уйгуры — тюркоязычный народ. После распада Советского Союза в этом районе Китая активизировалось сепаратистское движение. Уйгурский вопрос здесь относится именно к проблемам сепаратизма, истоки которых находятся как внутри, так и за пределами Китая.

После распада Советского Союза премьер-министр Турции Демирель и другие политические лидеры заявили, что не позволят Китаю «ассимилировать» уйгуров. У Турции, очевидно, есть свое собственное историческое мировоззрение и концепция национального государства, которые мы подчеркивали. Слепленная оптимизмом и ложным историческим сознанием действия Турции против Китая были слишком смелыми и агрессивными. Кроме того, президент Х. Т. Озал встретился с лидером уйгурских сепаратистов И. Ю. Альптекином, который заявил СМИ, что Х. Т. Озал «принял дело Восточного Туркестана». По словам И. Ю. Альптекина, Х. Т. Озал также сказал: «Бывшие советские тюркские республики объявили независимость. Теперь очередь Восточного Туркестана. Мы хотим относиться к древней родине турок как к свободной стране» [East Turkestan Information Bulletin, 1994]. Не подлежит сомнению, что в Турции имели популярность взгляды, согласно которым Китайская Народная Республика должна была в скором времени подвергнуться распаду, подобно СССР, что должно было дать возможность установления независимого государства уйгуров.

Из широко известного турецкого лозунга «Тюркский мир от Адриатического моря до Великой Китайской стены» следует, что с психологической точки зрения Турция рассматривала Китай как соседнюю страну, хотя вообще они лишены непосредственной географической связи. Также немаловажно, что именно Великая Китайская стена указана как граница тюркского мира. Подобная психология также подталкивает ее сторонников к более иррациональным и агрессивным установкам, будто бы законная территория Китая должна быть ограничена Великой Китайской стеной, а иные районы Китая были им захвачены.

Очевидно, эти опасные действия разозлили Китай. Китайские СМИ резко отреагировали на интерес Турции к Синьцзяну. В «Жэньминь жибао» была опубликована статья, в которой предупредили, что эти неприятные события могут вынудить Китай принять превентивные меры против Турции [Лу Янь, 2012]. Однако это не помешает Турции поддерживать уйгурскую диаспору. В условиях, когда пантюркские ожидания растут, а китайцы на это негативно реагируют, парк в Стамбуле назван в честь И. Ю. Альптекина за несколько месяцев до его смерти в 1995 г. Р. Т. Эрдоган похвалил И. Ю. Альптекина и его борьбу за тюркский мир на парковой церемонии [Atay, 2010: 115]. Многие другие провинции Турции — Кайсери, Конья и Кахраманмарас — в подражание Стамбулу и присвоили имя И. Ю. Альптекина паркам на своей территории. Посол КНР выразил протест и потребовал от турецких властей изменить название [Çolakoğlu, 2012]. Эрдоган, тогдашний мэр Стамбула, очень твердо ответил китайскому министерству иностранных дел: «Если не только китайцы, но и весь

мир попытаются оказать на нас давление, мы не изменим название парка. Мы, Думаю, изменение названия парка оскорбит не только Турцию, но и всех тюрков в мире» [East Turkestan Information Bulletin, 1995].

5 июля 2009 г. уйгурские сепаратистские силы во главе с «Всемирным уйгурским конгрессом» подстрекали террористов к совершению насильственных действий против людей всех этнических групп в Урумчи (СУАР). В результате событий 5 июля в Урумчи более 1700 человек получили ранения и 197 человек погибли. Среди них 156 человек погибли невинно (134 хань, 11 хуэй, 10 уйгуров и 1 маньчжур); среди других погибших — погромщики, убитые на месте за совершение насильственных преступных действий. Было повреждено более 700 домов и сожжено более 1300 автомобилей [Синьхуа, 2009]. В этом инциденте больше всего пострадали представители ханьской национальности, и есть свидетельства того, что преступники были не местными уйгурскими гражданами, а организованными мятежниками, происходящими из более отсталого консервативного юга Синьцзяна. 10 июля 2009 г. премьер-министр Эрдоган заявил о событиях в Синьцзяне как о «геноциде» [РИА Новости, 2009]. Президент А. Гюль высказался об событиях 5 июля следующим образом: он «надеется, что китайское правительство расследует этот инцидент открытым, справедливым и прозрачным образом», особо подчеркивая, что «для нас важно, чтобы наши братья были там и могли жить свободной, счастливой и приносящей удовлетворение жизнью в своей собственной стране». Он воспользовался приглашением китайских властей посетить Синьцзян, что отразилось в следующей ремарке «Местная молодежь говорит по-турецки, а их песни и легенды еще раз доказывают, что мы тесно связаны друг с другом». Реакция правительства КНР на заявления Гюля была явно раздраженной: «Основная этническая группа в Турции и уйгурская этническая группа похожи только лингвистически, и они не были одной и той же нацией с древних времен до наших дней» [Сохунет, 2009].

Хотя пантюркизм подавляется в официальном контексте Турции, это не означает, что турецкий национализм полностью свободен от влияния пантюркизма. Можно даже сказать, что ядром турецкого национального государства по-прежнему является тюркистский стиль, и именно это тюркское ядро делает турецкую нацию и турецкое национальное государство незавершенным по сей день. Незавершенность турецкого национализма заключается в разрыве навязанной системы современности и исторической коннотации: во-первых, как особый вид лингвистического национализма, вызвана незавершенность границы Турции как территориального национализма. Конструкция турецкого национализма основана на особом роде лингвистического национализма.

Верно, что лингвистический национализм также является элементом западного национализма, однако из-за специфики мифа о турецком национализме, языковой миф имеет внешнюю природу по отношению к турецкой стране. В отличие от языкового аудита европейских стран, который усилил территориальный национализм национального государства, Турция основана на тот же принцип, но делает территориальный национализм еще более психологически невозможным. Национальное государство вызвало ряд проблем. С точки зрения внутренних дел, оно, безусловно, включает курдские и исламские проблемы; с точки зрения дипломатии оно также вызвало ряд проблем. а самая большая проблема в дипломатии с Китаем — это проблема Синьцзяна, которая породила вмешательство Турции во внутрен-

ние дела Китая. Как неоднократно подчеркивалось, потому что новое турецкое национальное государство представляет собой своего рода осколок Османской империи как в принципе, так и территориально.

4. ВЫВОДЫ

Процесс национального строительства в Турции — это процесс трансформации общества от империи к национальному государству, от Османской империи к Турецкой Республике. Этот процесс непосредственно вовлекал в себя различные группировки национальных элит — от младотурков до кемалистов, пытавшихся адаптироваться к влиянию Запада и установлению процесса разделения националистических стран в международные отношения.

Тюркизм принципиально не отличается от западных представлений о национальном строительстве. Следует отметить, что генезис тюркизма всецело стал возможен благодаря заимствованию методов западной социальной науки и принятию на вооружение принципа языка в качестве важнейшего. Тюркизм пытается использовать принципы ориентализма и лингвистики, чтобы прийти к полностью научному (особенно лингвистическому), а не к осязаемому «воображаемому сообществу» [Anderson, 2006], что выражается в отстаивании тезиса о наличии у всех тюркоязычных народов одних и тех же исторических корней. Однако в современной Турции тюркизм / пантюркизм всегда демонстрировал тенденцию к экстремизму, выходящую за пределы национального государства. Таким образом, неудовлетворенность национальным государством и самоидентификацией делает пантюркизм желанием многих людей в Турции выйти за пределы территориального национального государства. Это позволяет нам вспомнить ряд примеров из истории внешней политики и неоднократно грубое вмешательство Анкары во внутренние дела Китая в дипломатических целях.

Построение национального государства олицетворяет самоидентификацию, и идентичность самоидентификации, не-

сомненно, является самым большим фактором, влияющим на дипломатию. Точно так же, помимо идеологической идентичности, национальная идентичность, конечно, также отражается в создании территориального государства. Естественно, чем более неудачно построение национального государства, тем невозможно реализовать международный дипломатический принцип невмешательства национального государства в суверенитет других стран.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Турция является национальным государством, обладающим собственными идентичностью, территорией и соответствующим положением в международной системе, однако это не устраивает власти страны. Анкара не может построить инклюзивное (т.е. вбирающее в себя жителей всех национальных групп) национальное государство внутри своих границ, а за их пределами ее всегда привлекал «турецкий/тюркский мир» от Адриатического моря до Великой Китайской стены. Данная дилемма также отражается в нестабильных отношениях Турции с Китаем, особенно в вопросе Синьцзяна.

Что касается отношений между Турцией и Китаем, то в долгосрочной перспективе Анкара не считает развитие отношений с Пекином первоочередной задачей. То же самое можно сказать и о Китае, который весьма слабо представляет себе истоки конфликтности, порождаемой практикой воплощения в Турции концепции национального государства; добавим, что турецкая сторона также не имеет достаточно мощного стремления к разрешению этих проблем. Недоверие Турции к КНР выражается в активном провоцировании уйгурских политических вопросов, а в ряде случаев осложнения в двусторонних отношениях объясняются «слухами в СМИ». В контексте глобальной борьбы с терроризмом Китай рассматривает Турцию в определенной степени как страну со значительной угрозой исламского терроризма, такую как Афганистан, Ирак или Пакистан. Поэтому Китай подчеркивает проблему Синьцзяна как производную от идеологического влияния «пантюркизма» и «панисламизма».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаспринский, И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Казань: Россия и Восток, 1993. 45 с.
2. Губайдуллин, Г. К вопросу об идеологии Гаспринского (Предварительные материалы). Крымское историческое обозрение. 2017. № 1. С. 192–194. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gaziz-gubaydullin-k-voprosu-ob-ideologii-gasprinskogo-predvaritelnye-materialy/viewer> (Дата обращения 15.03.2022).
3. Дулина, Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М.: Издательство «Наука», 1984. 187 с.
4. Киреев, Н. Г. История Турции XX Век. М.: Институт Востоковедения РАН. 2007. 609 с.
5. Мухамметдинов, Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань: Изд-во «Заман», 1996. 272 с.
6. Пантюркизм в Османской империи. Младотурки и пантюркисты. / Под ред. Билал Лайпанов. АС-АЛАН. 2003. № 1. С. 113–114.
7. Турецкий премьер сравнил беспорядки в Синьцзяне с геноцидом // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20090710/176941567.html> (Дата обращения 15.02.2022).
8. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 240 p.
9. Atay, F. Ö. Impact of the Xinjiang Problem on the China's External Relations: 1990–2010. Master's paper. Ankara: Middle East Technical University, 2010. 115 p.
10. Eastern Turkestan Union in Europe. Isa Yusuf Alptekin Honors Ozal. // East Turkestan Information Bulletin, June 1994.
11. Eastern Turkestan Union in Europe. China Presures Turkey on Isa Yusuf Alptekin Park. // East Turkestan Information Bulletin, February 1995.
12. Akçura, Y. Türkçülük ve dış Türkler. İstanbul: Toker yayınları, 1990. 143 s. // Акчурин, Ю. Тюркизм и зарубежные тюрки. Стамбул: Токерские пу-

REFERENCES:

1. Gasprinskij, I. Russian Islam. Thoughts, notes and observations of a Muslim. Kazan: Russia and the East, 1993. 45 p.
2. Gubajdullin, G. On the question of Gasprinsky's ideology (Preliminary materials). Crimean historical review. 2017. No. 1. P. 192–194. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gaziz-gubaydullin-k-voprosu-ob-ideologii-gasprinskogo-predvaritelnye-materialy/viewer> (Дата обращения 15.03.2022).
3. Dulina, N. A. Tanzimat and Mustafa Reshid Pasha. Moscow: Nauka Publishing House, 1984. 187 p.
4. Kireev, N. G. History of Turkey XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies Ran. 2007. 609 p.
5. Muhammetdinov, R. F. The origin and evolution of Turkism. Kazan: Zaman Publishing House, 1996. 272 p.
6. Pan-Turkism in the Ottoman Empire. Young Turks and Pan-Turkists. / Ed. Bilal Laipanov. AS-ALAN. 2003. No. 1. pp. 113–114.
7. The Turkish Prime Minister compared the unrest in Xinjiang with genocide // RIA Novosti. — URL: <https://ria.ru/20090710/176941567.html> (Дата обращения 15.02.2022).
8. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 240 p.
9. Atay, F. Ö. Impact of the Xinjiang Problem on the China's External Relations: 1990–2010. Master's paper. Ankara: Middle East Technical University, 2010. 115 p.
10. Eastern Turkestan Union in Europe. Isa Yusuf Alptekin Honors Ozal. // East Turkestan Information Bulletin, June 1994.
11. Eastern Turkestan Union in Europe. China Presures Turkey on Isa Yusuf Alptekin Park. // East Turkestan Information Bulletin, February 1995.

- бликации, 1990. 143 с.
13. Çolakoğlu, S. Türkiye'nin Çin Politikası ve Uygurlar (1991-2001). Türk Sosyal Bilimler Derneği 7. 2012. // Чолакоглу, С. Политика Турции в отношении Китая и уйгуры (1991–2001 гг.). Турецкая ассоциация социальных наук 7. 2012. — Режим доступа: <http://gokbayrak.com/haberler/turkiyenin-cin-politikasi-ve-uygurlar-1991-2001> (Дата обращения 15.02.2022).
 14. Erdoğan'ın danışmanı Aktay'dan bu kez 'namussuzlar' çıkışı! // Советник Эрдогана Актай на этот раз «нечестный человек» сказал! Cumhuriyet 25 август 2021. — Режим доступа: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdoganin-danismani-aktaydan-bu-kez-namussuzlar-cikisi-1863333> (Дата обращения 15.02.2022).
 15. Georgeon, F. Türk Milliyetçiliğinin Kökenleri: Yusuf Akçura. Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı, 1980. // Джорджон Ф. Истоки турецкого национализма: Юсуф Акчурин. Турецкий фонд экономической и социальной истории. 1980. — Режим доступа: <http://www.altinicizdiklerim.com/resimler/TurkMilliyetciligininKokenleri.pdf> (Дата обращения 19.02.2022).
 16. Gökalp, Z. Türkçülüğün Esasları. İstanbul: Varlık Yayınları. 1973. pp. 29–40. // Гёкальп, З. Принципы тюркизма. — Стамбул: публикации Варлык, 1973. с. 29–40.
 17. Koloğlu, O. Abdulhamid gerseği. İstanbul, 1987. С. 23. Цитата из книги «История Турции XX Век». / Н.Г. Киреев. — М.: Институт Востоковедения РАН, 2007. 608 с.
 18. Sevim, A., Yücel, Y. Türkiye tarihi: fetih, Selçuklu ve beylikler dönemi. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989. 538 s. // Севим, А., Юджел, Я. История Турции: период завоеваний, сельджуков и княжеств. Анкара: Издательство Турецкого исторического общества, 1989. 538 с.
 19. 路琰. 中土合作反「东突」玄机, 凤凰周刊. 2012-04-23. // Лу Янь. Тайна китайско-турецкого сотрудничества против «Восточного Туркестана». / Лу Янь. // Phoenix Weekly. 2012-04-23. — Режим доступа: <https://www.wenmi.com/article/pya3nh03sbt4.html>
 20. 新疆新闻办负责人就乌鲁木齐「7.5」事件答记者问. 新华社 // Руководитель Информационного бюро Синьцзяна отвечает на вопросы журналистов об инциденте «5 июля» в Урумчи. Синьхуа — Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzq/2009-08/06/content_1384601.htm
 21. «7.5» 事件土耳其玩变脸 工业部长竟抵制中国货. 搜狐网 // Про инцидент «7.5», мнение Турции изменилось, министр промышленности фактически бойкотировал китайские товары. Сохунет — Режим доступа: <https://www.chinanews.com.cn/gj-gjzj/news/2009/07-15/1776204.shtml>
 22. Akçura, Y. Turkism and external Turks. İstanbul: Toker Publications, 1990. 143 p.
 23. Çolakoğlu, S. Turkey's China Policy and the Uyghurs (1991-2001). Turkish Social Sciences Association 7. 2012. — URL: <http://gokbayrak.com/haberler/turkiyenin-cin-politikasi-ve-uygurlar-1991-2001> (Дата обращения 15.02.2022).
 24. Erdogan's adviser Aktay this time 'dishonest people!' // Cumhuriyet 25 august 2021. — URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdoganin-danismani-aktaydan-bu-kez-namussuzlar-cikisi-1863333> (Дата обращения 15.02.2022).
 25. Georgeon, F. The Origins of Turkish Nationalism: Yusuf Akçura. Turkish Economic and Social History Foundation, 1980. — URL: <http://www.altinicizdiklerim.com/resimler/TurkMilliyetciligininKokenleri.pdf> (Дата обращения 19.02.2022).
 26. Gökalp, Z. Principles of Turkism. İstanbul: Varlık Publications. 1973. pp. 29–40.
 27. Kologlu, O. Abdulhamid stretch. İstanbul, 1987. С. 23. 17. Quote from the book «The History of Turkey in the 20th Century». / N.G. Kirev. — M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2007. 608 p.
 28. Sevim, A., Yücel, Y. History of Turkey: conquest, Seljuk and principalities period. Ankara: Turkish Historical Society Press, 1989. 538 p.
 29. Lu Yan. The Mystery of Sino-Turkish Cooperation Against «East Turkistan», Phoenix Weekly. 2012-04-23. — URL: <https://www.wenmi.com/article/pya3nh03sbt4.html>
 20. The head of the Xinjiang Information Office answered reporters' questions about the «7.5» incident in Urumqi. Xinhua News Agency. — URL: http://www.gov.cn/jrzq/2009-08/06/content_1384601.htm
 21. «July 5» Incident Turkey's Industry Minister Boycotted Chinese Products. Sohu.com. — URL: <https://www.chinanews.com.cn/gj-gjzj/news/2009/07-15/1776204.shtml>

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 89,71%.

Рецензент: Кузьмин В. А., доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022, принята к публикации 02.06.2022

The article was received on 12.05.2022, accepted for publication 02.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тао Цзинхун, аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0002-0414-4226>, e-mail: 1945946945@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Tao Jinghong, post-graduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-0414-4226>, e-mail: 1945946945 @ qq.com

5.6.5. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

07.00.09 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

**Генезис и трансформация элиты
московского государства.
Рецензия на монографию:
Бенецианов М. М. Служилые элиты
московского государства. Формирование,
статус, интеграция. XV–XVI вв. — М.:
Центрполиграф, 2021. — 254 с.
— (Новейшие исследования по истории России)**

©Игорь Геннадьевич Шишкин^{1,a}, ©Светлана Юрьевна Шишкина^{2,b}

¹Тюменское музейно-просветительское объединение, г. Тюмень, Российская Федерация

²Тюменское высшее военно-инженерное командное училище, г. Тюмень, Российская Федерация

^ae-mail: shishkin.tmpo@yandex.ru

^be-mail: sveshishkina@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлены результаты осуществленного анализа и дана характеристика содержания монографии М. М. Бенецианова, посвященной формированию на Руси XV–XVI вв. служилого сословия и его элит. Подчеркивается, что М. М. Бенецианов убедительно доказал высокий уровень владения источниковой базой по исследуемой проблеме. Отмечено стремление автора монографии систематизировать имеющиеся подходы к изучению служилого сословия средневековой России. Указано, что автором в целом воссоздан процесс формирования служилой элиты и показаны пути ее формирования. Обращено внимание на достоинства и упущения в исследовании, отражена позиция рецензентов.

Ключевые слова: служилые корпорации, служилые элиты, Московское государство, удельная система.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шишкин И. Г., Шишкина С. Ю. Генезис и трансформация элиты московского государства. Рецензия на монографию: Бенецианов М. М. Служилые элиты московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. — М.: Центрполиграф, 2021. — 254 с. — (Новейшие исследования по истории России) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 148–152.

Genesis and Transformation of the Elite of the Moscow State. Review of the Monograph: Benetsianov M. M. the Service Elites of the Moscow State. Formation, Status, Integration. XV–XVI Centuries — Moscow: Tsentrpoligraf, 2021. — 254 p. — (The Latest Research on the History of Russia)

©Igor G. Shishkin^{1,a}, ©Svetlana Y. Shishkina^{2,b}

¹Tyumen Museum and Educational Association, Tyumen, Russian Federation

²Tyumen Higher Military Engineering Command School, Tyumen, Russian Federation

^ae-mail: shishkin.tmpo@yandex.ru

^be-mail: sveshishkina@yandex.ru

Abstract. This publication shows the results of the analysis of Benetsianov's monograph and characterizes the content devoted to the formation of the service class and its elites in Russia in the XV–XVI centuries. It emphasizes that the sources used by Benetsianov signify his competence of the problem under study. The author systematizes the existing approaches to the study of the service class of medieval Russia. He recreates the process of formation of the service elite in general and shows the aspects of that development. This paper highlights the advantages and omissions in the Benetsianov's study with the reflection of the reviewer's positions.

Key words: serving corporations, serving elites, the Moscow state, the specific system.

FOR CITATION: Shishkin I. G., Shishkina S. Y. Genesis and Transformation of the Elite of the Moscow State. Review of the Monograph: Benetsianov M. M. the Service Elites of the Moscow State. Formation, Status, Integration. XV–XVI Centuries — Moscow: Tsentrpoligraf, 2021. — 254 p. — (The Latest Research on the History of Russia) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 148–152. (in Russ.)

Изучение генезиса и трансформации элиты, ее полномочий, прав и привилегий позволяет существенно дополнить и объяснить политические события эпохи образования централизованного великорусского государства XV–XVI вв., основные векторы его экономического и политического развития. Эта проблема имеет давнюю историографическую традицию, восходящую к трудам С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, продолженную в XX в. С. Б. Веселовским, Л. В. Черепниным, А. А. Зиминим, В. Б. Кобриным, а позднее А. П. Павловым, В. Козляковым и другими отечественными исследователями. В современной историографии указанным процессам посвящен ряд диссертационных исследований [3, 8, 10, 12, 14], монографий [7, 9, 11], научных статей [5, 13, 15, 16]. Используя обширный комплекс источников, детально анализируя писцовые и разрядные книги, родословные росписи и др., учёные концентрируют свое внимание на источниках и методах рекрутирования великорусской элиты, ее структурных компонентах — Боярской Думе, Государевом дворе, «служилых» городах, а также экономических факторах эволюции статуса служилых людей.

Монография М. М. Бенетианова «Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв.» посвящена системе служебных отношений в Русском государстве XV–XVI вв., процессам формирования взаимоотношений государственной власти с группами

служилых людей. С учетом имеющихся на сегодняшний день научных достижений в области изучения генезиса военно-политической элиты Московского государства исследование М. М. Бенетианова все же претендует на новое слово в изучении вопроса. На это указывает его публикация в серии «Новейшие исследования по истории России».

Монография состоит из трех глав. Во введении автор формулирует базовые положения своей концепции, обобщает тенденции процесса консолидации «местных» элит Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XV–XVI вв. в рамках Московского государства, а также определяет основное условие функционирования данной системы — обеспечение лояльности служилых людей путем привлечения выходцев из местных элит в состав Государева двора и использования поместных раздач.

К сожалению, во введении автор не знакомит читателя с научным аппаратом исследования, его методологией и понятийным аппаратом. «Комплексный подход», предполагающий рассмотрение объекта исследования как совокупности элементов, при помощи соответствующей совокупности методов, заявленный в аннотации как особенность исследования, по сути, как выясняется при ознакомлении с монографией, остаётся нереализованным [2]. Вместе с тем, употребляемый ученым термин «элиты», по меньшей мере, предполагает междисциплинарность, использование соот-

ветствующей системы понятий и методологических подходов теории элит (элитологии). В тексте работы, автор также не уделяет должного внимания четкому определению структуры служилых элит и обоснованию множественного числа при употреблении данного понятия. По всей вероятности, это и предопределяет довольно свободное обращение автора с терминологией. Однако вдумчивому читателю необходимо понимать соотношение понятий «конгломерат служилых людей», «служилая элита» и «служилое сословие», обоснованность использования терминов «сословная культура», «социальные прослойки», «феодалитет», мелкие служилые князья (С. 13), «рядовые дети боярские», «основная масса служилых людей», «инокняжцы», «демократизация службы» и т. д.

Развивая наблюдения Ю. Г. Алексеева об общих принципах формирования сословий на Руси в XV в. при активной роли в этом процессе государства [1], автор отмечает, что «выбранная военно-политическая модель» развития страны, определяла значимость этого процесса (С. 6).

Выделяя различные категории в среде военного служилого сословия, историк стремится доказать тезис об их размежевании. На деле же он рассматривает не размежевание, а консолидацию группы, инкорпорацию в нее различных элементов, исчезновение различных категорий служилых людей. Впрочем, далее он приходит к выводу: «Относительная легкость интеграции различных групп служилых людей в существующую модель организации службы была обусловлена отсутствием у большинства из них оформленных корпоративных черт. Служилые корпорации создавались и поддерживались уже в рамках единого государства» (С. 22–23). При этом М. М. Бенецианов, на наш взгляд, сильно преувеличивает «абсолютный характер власти московских правителей» (С. 7). Для XV в. сдерживающими факторами абсолютистских тенденций была сама патриархальная система государственной власти (управления) [6, 17].

По мысли автора, «созданная служебная система эффективно цементировала новое государственное образование, многократно увеличивая количество связей между его отдельными территориями (уездами) с центральным правительством и придавая ему необходимую целостность» (С. 12). Ученый отмечает, что к середине XVI в. служилая элита, в основном сложилась, а существовавшие ещё в это время обособленные группы имели вторичный характер (С. 23).

Исследователь охотно оперирует искусственным научным конструктом «служилая элита». Более того, исходя из политичности самой служилой элиты, он выделяет местные провинциальные и столичные группы служилых элит. Тем не менее, это не снимает вопрос о соотношении уровней и властных полномочий элитных групп, определении соответствующей иерархии военно-элитарных общностей.

Исходя из этого, возможно поставить под сомнение правомерность использования термина «элиты» в названии работы, поскольку он используется не вполне корректно. Между тем, военная элита занимает особое место в структуре и иерархии элит общества. Ее характер определяется той социальной базой, из которой она формируется и родом занятий [4, с. 34]. Специалисты выделяют специфические факторы, определяющие социальную природу военной элиты.

В первой главе «Княжеский фактор» М. М. Бенецианов сосредотачивает свое внимание на так называемом «княжеском» вопросе — постепенном утверждении отношений подданства в княжеской среде, возникновении служебной зависимости удельных князей от великого князя. Историк предполагает, что определяющим фактором для служилых князей в Северо-Восточной Руси была служба по договору, при признании их «княжеского» статуса принимающей

стороной» (С. 29). Политические реалии Северо-Восточной Руси в XIV–первой половине XV в., немногочисленность представителей этой категории позволяют говорить о неразвитости статуса служилых князей (С. 34). Существенные изменения в служилой княжеской среде происходят во второй половине XV в., когда они начинают терять свои «отчины» (С. 42) и начинают все более зависеть от великокняжеской власти (С. 45). Изучение источников позволяет М. М. Бенецианову утверждать, что потомки княжеских фамилий уже к середине XVI в., будучи немногочисленной прослойкой в составе Государева двора, приближались по своему положению к дворовым детям боярским (С. 56).

В сюжете, посвященном княжеским корпорациям, исследователь анализирует карьерные коллизии служилых князей и представителей крупных родовых княжеских корпораций. Не достаточно аргументированным выглядит тезис, что жизненные и служебные перспективы служилых князей определялись их личными взаимоотношениями с великим князем, «которые обуславливали их взлеты и падения» (С. 57). Прослеживая эволюцию родовых княжеских корпораций, в том числе и на основе изучения данных Дворовой тетради и разрядных списков, они, по мнению автора, к 80-м годам XVI в. растворяются среди иных придворных чинов, а корпоративные связи уступают место кланово-местническим (С. 93).

Во второй главе «На удельной службе» речь идет об эволюции удельных дворов и их служилых людей. Принципиальным представляется тезис ученого, что «развитие системы служебной организации в уделах шло в тех же направлениях, что и на основной территории страны» (С. 129). Исследователь оперирует обширным источниковым материалом, «сыплет» именами и родовыми прозвищами, за которыми, порой, теряется нить повествования. Исходя из тезиса, что удельно-вотчинная система представляла собой «систему разделенной семейной собственности с правом верховной собственности в распоряжении всей территории государства» (С. 156), автор убедительно доказывает, что служилые люди удельных княжеств не только не представляли угрозы центральной власти, но и охотно принимались Москвой на службу (С. 156).

В третьей главе «Служилые иностранцы» даётся анализ интеграции иностранцев в служилое сословие России XV–XVI вв. Под иностранцами автор понимает выходцев из «дальнего зарубежья» и «представителей соседних государственных образований», подвизавшихся на службе у Московских князей.

Инкорпорация «чужеродных элементов» в служебную систему Московского княжества имела, по мнению М. М. Бенецианова, две важные составляющие: с одной стороны, способность и целесообразность с точки зрения центральной власти вписать их в сложившуюся иерархию, уравнивая в правах с детьми боярскими, а иногда и с более высокими по статусу социальными прослойками (служилые князья, например), и, с другой стороны, желание самих подобных «элементов» меняться и приспосабливаться под действующие правила игры (С. 8).

Подводя общие итоги, автор фиксирует существование в Московском государстве XV–XVI вв. нескольких обособленных групп служилых людей, отличавшихся друг от друга по происхождению, амбициям и возможностям интеграции в действующую социально-политическую систему. Однако, возникает вопрос: насколько правомочно характеризовать данные процессы как генерирование именно элитарных групп, а не как формирование служилого сословия в целом? Автор считает служилых людей «заложниками ситуации», не имеющими возможности противостоять центральной

власти или как-то отстаивать свои права, достаточно пассивными участниками процесса интеграции (не уточняет, кто и во что интегрировался). В то же время, к элите принято относить прежде всего тех, кто обладает возможностью и способностью оказывать влияние на действия политической власти, а не просто профессионалов, администраторов, являющихся объектами государственной политики.

В монографии уделено достаточно внимания способам «селекции» части привилегированных групп служилых людей по отечеству (устоявшийся термин) и формированию иных военно-служилых общностей, различающихся по происхождению, амбициям и возможностям интеграции в московский служилый люд. Однако, сложно определить степень оригинальности научных изысканий М. М. Бенещианова. Очевидно, что автор не предлагает новую методологию исследования. Демонстрируя блестящее владение разнообразными источниками по истории Московского государства, исследователь с трудом справляется с систематизацией обширного материала, его структурированием.

Достаточно специфичной представляется и структура монографии. По сути, все концептуальные положения изложены автором во введении, главы представляют собой обширный, порой путанный для неискушенного читателя иллюстративный материал.

Хотелось бы обратить внимание издательства Центрополиграф, что литература, ориентированная на массового читателя (судя по цене, бумаге, качеству издания) должна быть максимально доступна для понимания (научно-популярное и логичное изложение, четкость выводов, при этом высокопрофессиональное экспертное редактирование). К сожалению, издание этим требованиям не соответствует: у автора не получилось поведать читателю простым языком о сложных моментах Российской истории. Возможно, корень проблемы кроется в нежелании четко изложить достигнутые результаты в данной отрасли науки, охарактеризовать источники, выразить имеющиеся противоречия и проблемы исследования вопроса. Ученый лишь вскользь упоминает, что «складывание конгломерата служилых людей обрисовывалось в исторической литературе широкими мазками» (С. 6), и в научной литературе, при отсутствии комплексных исследований проблемы, нет ответа на вопрос о различных вариантах «действий государственной власти» (С. 7).

Примечательно, что у монографии М. М. Бенещианова, как и у других книг данного издательства, отсутствует научный рецензент. Однако, издание исследований под рубрикой «Новейшие исследования по истории России» предполагает удостоверение в факте новизны и добротном научном анализе. Издательству необходимо обратить на это внимание, что придаст весомости и действительной научности серии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Ю. Г. К вопросу о сословиях в России XV–XVI вв. некоторые черты сословной политики Ивана III // Государство и общество в России XV– начала XX в. СПб., 2007. С. 65–81.
2. Бакулина М. С. Системный и комплексный подходы: сходство и различие // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2011. №2. (Электронное издание): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-i-kompleksnyy-podhody-shodstvo-i-razlichie> (дата обращения: 14.12.2021).
3. Бенещианов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV– середине XVI в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. спец. 07.00.02. Екатеринбург, 2000. 28 с.
4. Бродкин И. А. Военная элита российского общества: теория и методология исследования // Армия и общество. 2007. №1. С. 34–42.
5. Гневашев Д. Е. Вологодский служилый «город» в XV— начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время. Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. Языки славянских культур. М., 2010. С. 672–683.
6. Жуков Ю. П., Шишкин И. Г. Традиции и новаторство в изучении служилого сословия эпохи Б. Годунова в отечественной исторической науке (вторая половина XX– 20-е годы XXI вв.) // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 1. С. 83–90. Электронное издание): URL: <http://hb-journal.ru> (дата обращения: 14.12.2021).
7. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII вв. М., 2019. 544 с.
8. Корзинин А. Л. Суздальская знать и ее роль в управлении Русским государством во второй половине XV– начале XVI в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. спец. 07.00.02. Санкт-Петербург, 2003. 25 с.
9. Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII— середине XV в. Т. 1. М., 2014. 336 с.; Т. 2. М., 2015. 435 с.
10. Кузьмин А. В. Титулованная и нетитулованная знать Северо-восточной Руси XIII– первой четверти XV в.: историко-генеалогическое исследование. Диссертация на соискание учен. степ. к.ист.н. спец. 07.00.02. Москва, 2013. 647 с.
11. Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV– первой половине XVI века: Очерки соц. истории СПб., 2003. 639 с.
12. Попов С. Н. Тверская знать на московской государевой службе в конце XV– первой половине XVI в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. спец. 07.00.02. СПб., 2006. 25 с.

REFERENCES:

1. Alekseev Yu. G. On the question of estates in Russia XV–XVI centuries. some features of the estate policy of Ivan III // State and society in Russia XV– early XX century. St. Petersburg., 2007. Pp. 65–81.
2. Bakulina M. S. Systemic and complex approaches: similarity and difference // Bulletin of the KSPU named after V. P. Astafyev. 2011. No. 2. (Electronic edition): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-i-kompleksnyy-podhody-shodstvo-i-razlichie> (date of application: 12/14/2021).
3. Benetsianov M. M. The Sovereign's court and territorial corporations of the serving people of the Russian state in the late XV– mid XVI century. Autoref. dis. on the job. learned. step. K.ist.N. spec. 07.00.02. Yekaterinburg, 2000. 28 p.
4. Brodki I. A. The military elite of Russian society: theory and methodology of research // Army and society. 2007. No. 1. Pp. 34–42.
5. Gnevashv D. E. Vologda military «city» in the XV– early XVI century // Estates, institutions and state power in Russia. The Middle Ages and Modern Times. Collection of articles in memory of academician L. V. Cherepnin. Languages of Slavic cultures. M., 2010. Pp. 672–683.
6. Zhukov Yu. P., Shishkin I. G. Traditions and innovation in the study of the service class of the era of B. Godunov in Russian historical science (the second half of the XX– 20s of the XXI century) // Historical Bulletin. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 83–90. Electronic edition): URL: <http://hb-journal.ru> (date of application: 14.12.2021).
7. Kozlyakov V. N. The serving people of Russia of the XVI–XVII centuries, M., 2019. 544 p.
8. Korzinin A.L. Suzdal nobility and its role in the management of the Russian state in the second half of the XV– early XVI century. Autoref. dis. on the job. learned. step. K.ist.N. spec. 07.00.02. St. Petersburg, 2003. 25 p.
9. Kuzmin A.V. On the way to Moscow: essays on the genealogy of the military-serving nobility of Northeastern Russia in the XIII– mid XV century. Vol. 1. M., 2014. 336 p.; Vol. 2. M., 2015. 435 p.
10. Kuzmin A.V. Titled and untitled nobility of Northeastern Russia of the XIII– first quarter of the XV century: historical and genealogical research. Dissertation for the degree of a scientist. step. Cand. Ist. Sci. Spec. 07.00.02. Moscow, 2013. 647 p.
11. Mikhailova I. B. The serving people of North–Eastern Russia in the XIV– first half of the XVI century: Essays of soc. history of St. Petersburg, 2003. 639 p.
12. Popov S. N. Tver nobility in the Moscow sovereign's service at the end of the XV– first half of the XVI century. Autoref. dis. on the job. learned. step. Cand. Ist. Sci. Spec. 07.00.02. St. Petersburg, 2006. 25 p.

13. Скобелкин О. В. Служилые «немцы» в русском войске второй половины XVI в. // Русская армия в эпоху Ивана Грозного. СПб., 2015. С.69–103.
14. Ткачук В. А. Формирование политической элиты единого русского государства: XVI– 80-е гг. XVI в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. спец. 07.00.02. Барнаул, 2007. 25 с.
15. Черникова Т. В. Иноземцы в русской жизни XV–XVI в. // Вестник МГИМО. 2011. № 6. С. 146–152.
16. Чеченков П. В. Формирование землевладения и фамильный состав нижегородской служилой корпорации первой половины—середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. Вып. 1. (59). С.60–75.
17. Шишкин И. Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV–XVI вв. (1917— начало XXI вв.) Тюмень, 2009. 596 с.
13. Skobelkin O. V. Serving «Germans» in the Russian army of the second half of the XVI century. // The Russian army in the era of Ivan the Terrible. St. Petersburg, 2015. Pp.69–103.
14. Tkachuk V. A. Formation of the political elite of the united Russian state: XVI– 80s of the XVI century. Autoref. dis. on the job. learned. step. K.ist.N. spec. 07.00.02. Barnaul, 2007. 25 p.
15. Chernikova T. V. Foreigners in Russian life of the XV-XVI century. // Bulletin of MGIMO. 2011. No. 6. Pp. 146–152.
16. Chechenkov P. V. Formation of land ownership and family composition of the Nizhny Novgorod service corporation of the first half– middle of the XVI century.// Ancient Rus. Questions of medieval studies. 2015. Issue 1. (59). Pp.60–75.
17. Shishkin I. G. Domestic historiography of the history of governance in the Russian state of the late XV–XVI centuries. (1917– early XXI centuries.) Tyumen, 2009. 596 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность—95,2%.

Статья поступила в редакцию 03.06.2022, принята к публикации 23.06.2022
The article was received on 03.06.2022, accepted for publication 23.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шишкин Игорь Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, Ученый секретарь ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», Тюмень, Российская Федерация, РИНЦ ID: 482234, <https://orcid.org/0000-0001-8339-6167>, e-mail: shishkin.tmpo@yandex.ru

Шишкина Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент Тюменского высшего командного училища. Тюмень, Российская Федерация, РИНЦ ID: 482300, e-mail: sveshishkina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Igor G. Shishkin, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Scientific Secretary of the Tyumen Museum and Educational Association, Tyumen, Russian Federation, РИНЦ ID: 482234, <https://orcid.org/0000-0001-8339-6167>, e-mail: shishkin.tmpo@yandex.ru

Svetlana Y. Shishkina, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Tyumen Higher Command School. Tyumen, Russian Federation, РИНЦ ID: 482300, e-mail: sveshishkina@yandex.ru

**Рецензия на издание
Борис Васильевич Личман (1946–2020).
Биобиблиографический справочник. //
Составители В.В. Запарий, В.Д. Камынин,
Л.Н. Мартюшов, В.П. Мотревич, С.А. Нефедов,
А.В. Сперанский, Г.Н. Шапошников.
—Екатеринбург. 2022. —56 с.**

©Екатерина Васильевна Зайцева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ),
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: katia_zai@mail.ru

Аннотация. В небольшой рецензии дается характеристика, появившегося к дню рождения основателя журнала, биобиблиографического справочника, посвященного профессору Б.В. Личману. Борис Васильевич Личман принадлежит к поколению российских историков, долгое время проработавшего в Уральском политехническом институте, ныне УрФУ. Он внес большой вклад в индустриальную историю Урала, разработавшим новую методологию – многоконцептуальную историю России, которая была реализована в целой серии учебников, методических изданий и статей. В рецензии дана описание его публикаций.

Ключевые слова: Б.В. Личман, Урал, библиографический справочник, индустриальная история, многоконцептуальная история, методология, учебник.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зайцева Е. В. Рецензия на издание Борис Васильевич Личман (1946–2020). Биобиблиографический справочник. // *Составители В.В. Запарий, В.Д. Камынин, Л.Н. Мартюшов, В.П. Мотревич, С.А. Нефедов, А.В. Сперанский, Г.Н. Шапошников.* —Екатеринбург. 2022. —56 с. // *История и современное мировоззрение.* 2022. Т. 4. №2. С. 153-155.

**Review of the publication
Boris Vasilyevich Lichman (1946–2020).
Biobibliographic reference book. //
Compiled by V.V. Zapariy, V.D. Kamynin, L.N. Martyushov,
V.P. Motrevich, S.A. Nefedov, A.V. Speransky,
G.N. Shaposhnikov. —Yekaterinburg. 2022. —56 p.**

©Ekaterina V. Zaitseva

Ural Federal University (UrFU), Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: katia_zai@mail.ru

Abstract. In a short review, a description is given of a biobibliographic reference book dedicated to Professor B.V. Lichman. Boris Vasilievich Lichman belongs to the generation of Russian historians who worked for a long time at the Ural Polytechnic Institute, now UrFU. He made a great contribution to the industrial history of the Urals, developing a new methodology – a multi-conceptual history of Russia, which was implemented in a series of textbooks, methodological publications and articles. The review contains a description of his publications.

Key words: B.V. Lichman, Ural, bibliographic reference book, industrial history, multi-conceptual history, methodology, textbook.

FOR CITATION: Zaitseva E. V. Review of the publication Boris Vasilyevich Lichman (1946–2020). Biobibliographic reference book. // COMPILED BY V.V. Zapariy, V.D. Kamynin, L.N. Martyushov, V.P. Motrevich, S.A. Nefedov, A.V. Speransky, G.N. Shaposhnikov. —Yekaterinburg. 2022. —56 p. // HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES. 2022. Vol. 4. №2. P. 153-155. (in Russ.)

ЛИЧМАН БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ (1946–2020)

Обычно рецензии пишутся на крупные монографические работы или программные статьи великих ученых. Однако сейчас не тот случай. Эта рецензия посвящена небольшой работе коллектива профессоров, о результатах научной деятельности основателя нашего журнала Заслуженного работника высшей школы РФ, профессора, доктора исторических наук Личмана Бориса Васильевича, безвременно ушедшего из жизни два года назад. Авторы-составители справочника — коллеги профессора Личмана¹.

Справочник вышел в свет в день рождения ученого 15 апреля 2022 г. Тематически он состоит из трех разделов. Первый посвящен биографии профессора и содержит краткую справку об основных датах и событиях в его жизни. Основным содержанием данного раздела является статья его коллег, профессоров В.В. Запария и Д.В. Камынина посвященная Б.В. Личману и недавно опубликованная на страни-

цах журнала². В следующих подразделах данного раздела содержится информация о его членстве в научных обществах и других общественных профессиональных объединениях. Рассказано о том, членом каких научных журналов он являлся членом редколлегии, приведены другие данные.

Второй раздел является библиографическим указателем трудов Б.В. Личмана. Он состоит из четырех подразделов. Первый содержит библиографическое описание монографий, учебников и препринтов, общее количество которых составляет 76 наименований, причем Большую часть из них составляет различные варианты и издания много концептуальной различные издания учебников по истории России, а также научные издания, подготовленные им лично или в соавторстве.

Второй подраздел — это его статьи по различным вопросам, число которых впечатляет. Оно насчитывает 156 наименований, причем первая статья ученого вышла еще в 1978 г. Здесь приведены также научные издания, которые редактировал профессор Б.В. Личман. Причем их число явно реально существенно больше, чем удалось установить составителям, так как научные издания предшествующего времени были очень малотиражными и часто просто не сохранились. Будучи молодым ученым, да и затем профессором, Б.В. Личман не предавал особого внимания регистрированию своего участия во многих конференциях или сборниках. В силу этого не удалось составить достаточно полный перечень конференций, где он участвовал, а не полный и не точный список составители решили не публиковать.

Следующими подразделами являются перечень электронных ресурсов, помещавших произведения Бориса Васильевича и издания его работ и учебников, которые находятся в библиотеке Конгресса США, одной из самых солидных, чем профессор очень гордился.

Третий раздел справочника составляют публикации о Б.В. Личмане число которых составляет 36, причем первая, посвященная ему статья была опубликована в Днепропетровской газете еще в 1966 г., когда он еще до поступления в университет пришел работать он работал на заводе.

Следует поблагодарить составителей справочника, которые проделали большую работу по сбору и обработке материалов в первую очередь библиографических об этом крупном ученом. Возможно, что что-то было упущено, но самое главное, что вся доступная для составителей информация была бережно собрана и размещена в справочнике. И эта публикация позволяет оценить его вклад в науки и высшее историческое образование. Как сказал один из коллег профессора Б.В. Личмана открытие им, а затем и реализация в учебных

¹ Борис Васильевич Личман (1946–2020). Биобиблиографический справочник. // Составители В.В. Запарий, В.Д. Камынин, Л.Н. Мартюшов, В.П. Мотревич, С.А. Неведов, А.В. Сперанский, Г.Н. Шапошников. — Екатеринбург. 2022. — 56 с.

² Запарий В.В., Камынин В.Д. Размышления о смысле научно деятельности: к 75-летию со дня рождения Бориса Васильевича Личмана (1946–2020) // История и современное мировоззрение. 2021. Т.3. №2. — С.88-97.

пособиях идеи о много концептуальности истории по своей значимости можно сравнить в исторической науке с откры-

тием Эйнштейна в науке физической. Что же осталось только подождать, когда его в полной мере осознают потомки.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 89,4%.

Статья поступила в редакцию 05.06.2022, принята к публикации 05.06.2022

The article was received on 05.06.2022, accepted for publication 05.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Екатерина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, РИНЦ ID 639685, <http://orcid.org/0000-0003-2112-3029>, Scopus ID 57217163988, Researcher ID AAD-7875-2019, e-mail: katia_zai@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Zaitseva, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, RSCI ID 639685, <http://orcid.org/0000-0003-2112-3029>, Scopus ID 57217163988, Researcher ID AAD-7875-2019, e-mail: katia_zai@mail.ru

Научный рецензируемый журнал «История и современное мировоззрение» публикует авторские материалы по следующим базовым специальностям:

5.6.0 Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки),
- 5.6.6. История науки и техники (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Журнал размещается в РИНЦ <https://elibrary.ru/>

Журнал адресован историкам и любителям истории. Цель журнала состоит в формировании теории истории и по цели теории истории следовать логике в интерпретации исторических фактов в историческом времени и в историческом пространстве. Прошлое одно, а истории – истины, объясняющие прошлое, разные. История многоконцептуальна.

Индекс по каталогу агентства «Почта России»:

ПО572 «История и современное мировоззрение»

ПРАВИЛА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

Публикация статей в журнале осуществляется при условии заключения Автором лицензионного договора, условия и порядок заключения которого изложены в публичной оферте. Статьи и подписанный договор оферты следует направлять в электронном виде в Редакцию по E-mail: urvak@urvak.ru Телефон редакции: +7 (495) 932-47-09, +7 (916) 577-94-06

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных в Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций». Рукописи принимаются лишь при условии, что в настоящее время они не рассматриваются для публикации в другом издании, не размещались в Интернете и не были опубликованы ранее, ответственность за достоверность этой информации несет автор.

Авторы гарантируют, что их рукописи являются оригинальной работой, не содержащей элементов плагиата и недобросовестного заимствования.

Авторы должны уведомить Редакцию о наличии любых конфликтов интересов.

Авторы должны четко указать все источники, используемые в их тексте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность сведений, изложенных в статьях, цитат, юридических документов, а также не должны наносить урон чести, достоинству и деловой репутации третьих лиц.

Авторы должны сообщать о любых ошибках, которые они обнаружат в своей рукописи после публикации.

Статьи по техническим и физико-математическим наукам направляются авторам для сверки до выхода номера. После сверки, авторы должны прислать подтверждение в редакцию о результатах.

КОМПЛЕКТНОСТЬ РУКОПИСИ

1. В начале статьи указываются: фамилия, имя, отчество (полностью) автора, должность, ученое звание, учёная сте-

пень, место работы (все данные об авторах приводятся на русском и английском языках), электронный адрес, телефон.

2. Номер специальности (обязательно).

3. Название статьи на русском и английском языках.

4. Аннотация на русском языке и английском языках (200-250) слов.

5. 4–6 ключевых слов на русском и английском языках (до 100 знаков с пробелами). Используйте релевантные и известные ключевые слова. Ключевые слова должны отражать суть работы, научную новизну.

6. Текст статьи в редакторе Word.

7. Список используемых литературных источников в едином формате, установленном ГОСТ Р 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.82–2001; фамилии авторов в алфавитном порядке. Количество цитируемых публикаций не менее 15 источников.

8. Заполненная публичная оферта Издательства, размещенная на сайте: <http://www.urvak.ru/upload/oferta-rus.pdf>

9. Отчет системы Антиплагиат www.antiplagiat.ru в расширенной версии в формате pdf и текстом проверяемой статьи. Статьи рассматриваются с показателем оригинальности от 80%.

10. Объем публикуемых материалов неограничен, шрифт 14, интервал 1,5.

11. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

12. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном варианте по электронной почте на адрес редакции urvak@urvak.ru или непосредственно на электронном носителе, так и в печатном виде.

Библиографические ссылки к статьям авторы оформляют по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. Рекомендуем авторам использовать Гарвардский стиль (Harvard Style): после цитируемой фразы или ссылки на мнение автора в скобках указываются фамилия автора цитируемой работы и год ее публикации, а в списке литературы источники даются в алфавитном порядке).

Журналы Издательского дома «Юр-ВАК» предоставляются в полнотекстовом виде в базе ведущего мирового агрегатора научной периодики EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Издательский дом «Юр-ВАК» осуществляет обязательное двойное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журналов, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей. Срок рецензирования – 20 раб. дней.

Все статьи проходят первичный отбор на соответствие:

- общим содержанием требованиям и требованиям к оформлению библиографических ссылок;
- заявленным научным направлениям журналов;
- проверяются системой Антиплагиат в полной платной версии на сайте www.antiplagiat.ru, данные об оригинальности статей печатаются в журналах после текста работы;
- к публикации принимаются тексты, оригинальность которых составляет не менее 80%.

Если в ходе обязательной независимой редакционной проверки будут обнаружены факты некорректного обхода системы проверки Антиплагиат, в публикации будет отказано.

После успешного прохождения первичного отбора статьи направляются на обязательное внешнее рецензирование. Рецензенту направляется для рассмотрения статья автора и отчет программы Антиплагиат www.antiplagiat.ru.

Редакция не выплачивает авторам денежные вознаграждения за предоставленные для публикации материалы.